

RUSSIAN JOURNAL OF LINGUISTICS

2021 Volume 25 No. 1

**Founded in 1997
by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)**

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) **Свидетельство о регистрации** ПИ № ФС 77-76503 от 02.08.2019 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1

RUSSIAN JOURNAL OF LINGUISTICS

ISSN 2687-0088 e-ISSN 2686-8024

4 issues per year

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Aims and Scope

The Russian Journal of Linguistics is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Linguistics and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal:

- ◆ to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists and specialists in related areas of investigation;
- ◆ to disseminate theoretically grounded research and advance knowledge pertaining to the field of Linguistics developed both in Russia and abroad;
- ◆ to publish results of original research on a broad range of interdisciplinary issues relating to language, culture, cognition and communication;
- ◆ to cover scholarly activities of the Russian and international academia.

As a Russian journal with international character, it aims at discussing relevant intercultural/linguistic themes and exploring general implications of intercultural issues in human interaction in an interdisciplinary perspective. The most common topics include *language and culture, comparative linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics, cognitive linguistics, pragmatics, discourse analysis, intercultural communication, and theory and practice of translation*. In addition to research articles, the journal welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The Journal is published in accordance with the policies of COPE (*Committee on Publication Ethics*) <http://publicationethics.org>.

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, open access and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

E-mail: lingj@rudn.ru

---

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), DOAJ, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать: 36436.

Цели и тематика

Журнал Russian Journal of Linguistics – периодическое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных лингвистических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала:

- ◆ способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными лингвистами, а также специалистами смежных областей;
- ◆ знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области лингвистических исследований, разрабатываемых как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- ◆ публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных лингвистических проблем междисциплинарного характера, касающихся языка, культуры, сознания и коммуникации;
- ◆ освещать научную деятельность как российского, так и международного научного сообщества.

Будучи международным по своей направленности, журнал нацелен на обсуждение теоретических и практических вопросов, касающихся взаимодействия культуры, языка и коммуникации. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования. Основные рубрики журнала: *язык и культура, сопоставительное языкознание, социолингвистика, психоллингвистика, когнитивная лингвистика, прагматика, анализ дискурса, межкультурная коммуникация, теория и практика перевода*. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 10.00.00 – филологические науки; Специальности научных работников: 10.02.01 – русский язык, 10.02.04 – германские языки, 10.02.05 – романские языки, 10.02.19 – теория языка, 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (*Committee on Publication Ethics*) <http://publicationethics.org>.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

Электронный адрес: lingj@rudn.ru

Подписано в печать 27.02.2021. Выход в свет 24.03.2021. Формат 70x108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 500 экз. Заказ № 16. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
+7 (495) 952-04-41; E-mail: publishing@rudn.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Tatiana V. LARINA, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: larina-tv@rudn.ru

HONORARY EDITOR

Istvan KECSKES, State University of New York at Albany, USA. E-mail: ikecskes@albany.edu

EXECUTIVE SECRETARY

Alexander V. IGNATENKO, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: ignatenko-av@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Laura ALBA-JUEZ, National Distance Education University (Madrid, Spain)

Steven A. BEEBE, Texas State University (San Marcos, USA)

Liudmila BOGDANOVA, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Donal CARBAUGH, University of Massachusetts (Amherst, USA)

Vadim DEMENTYEV, Saratov State University (Saratov, Russia)

Jean-Marc DEWAELE, Birkbeck, University of London (London, UK)

Julia EBZEEVA, RUDN University (Moscow, Russia)

Zohreh ESLAMI, Texas A&M University at Qatar (Doha, Qatar / Texas, USA)

Rafael Guzman TIRADO, University of Granada (Granada, Spain)

Olga IRISKHANOVA, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

Dániel Z. KÁDÁR, Research Institute for Linguistics, Hungarian Academy of Sciences (Budapest, Hungary)

Svetlana IVANOVA, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russia)

Vladimir KARASIK, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia)

Eleonora LASSAN, Vilnius University (Vilnius, Lithuania)

Olga LEONTOVICH, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

Sara MILLS, Sheffield Hallam University (Sheffield, UK)

Andreas MUSOLFF, University of East Anglia (Norwich, UK)

Etsuko OISHI, Tokyo University of Science (Tokyo, Japan)

Aneta PAVLENKO, University of Oslo (Oslo, Norway)

Douglas Mark PONTON, University of Catania (Catania, Italy)

Martin PÜTZ, University of Koblenz-Landau (Landau, Germany)

Klaus SCHNEIDER, University of Bonn (Bonn, Germany)

Maria SIFIANOU, National and Kapodistrian University of Athens (Athens, Greece)

Yuhua SUN, Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China)

Neelakshi SURYANARAYAN, Delhi University (New Delhi, India)

Maria YELENEVSKAYA, Technion – Israel Institute of Technology (Haifa, Israel)

Anna ZALIZNIAK, the Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Review Editor **Konstantin V. Zenkin**
English language editor **Julia B. Yuryeva**
Computer Design **Natalia A. Yasko**

Editorial office:
10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Tel.: +7 (495) 434-20-12;
e-mail: lingj@rudn.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Татьяна Викторовна ЛАРИНА, РУДН, Россия. E-mail: larina-tv@rudn.ru

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Иштван КЕЧКЕШ, Университет Штата Нью-Йорк, Олбани, США. E-mail: ikecskes@albany.edu

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Александр Владимирович ИГНАТЕНКО, РУДН, Россия, E-mail: ignatenko-av@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

АЛЬБА-ХУЭС Лаура, Национальный университет дистанционного образования UNED (Мадрид, Испания)

БИБИ Стивен А., Университет штата Техас (Сан Маркос, США)

БОГДАНОВА Людмила Ивановна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

ГУСМАН Тирадо Рафаэль, Гранадский университет (Гранада, Испания)

ДЕВАЕЛЕ Жан-Марк, Лондонский университет (Лондон, Великобритания)

ДЕМЕНТЬЕВ Вадим Викторович, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия)

ЕЛЕНЕВСКАЯ Мария, Технион – Израильский политехнический институт (Хайфа, Израиль)

ЕСЛАМИ Зохранэ, Техасский университет А&М в Катаре (Доха, Катар / Техас, США)

ЗАЛИЗНЯК Анна Андреевна, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

ИВАНОВА Светлана Викторовна, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия)

ИРИСХАНОВА Ольга Камалудиновна, Московский государственный лингвистический университет, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

КАДАР Дэниел, исследовательский центр Института лингвистики Венгерской академии наук (Венгрия)

КАРАСИК Владимир Ильич, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва, Россия)

КАРБО Донал, Массачусетский университет (Амхерст, США)

ЛАССАН Элеонора, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)

ЛЕОНТОВИЧ Ольга Аркадьевна, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

МИЛЛС Сара, Университет Шеффилд Холлэм (Шеффилд, Великобритания)

МУЗОЛФ Андреас, Университет Восточной Англии (Норвич, Великобритания)

ОИСИ Эцуко, Токийский исследовательский университет (Токио, Япония)

ПАВЛЕНКО Анета, Университет Осло (Осло, Норвегия)

ПОНТОН Дуглас Марк, Университет Катании (Катания, Италия)

ПУТЦ Мартин, Университет Кобленц-Ландау (Ландау, Германия)

СИФЬЯНУ Мария, Афинский национальный университет им. Каподистрии (Афины, Греция)

СУНЬ Юйхуа, Даляньский университет иностранных языков (Далянь, КНР)

СУРЬЯНАРАЯН Нилакши, доктор, профессор, Делийский университет (Дели, Индия)

ШНАЙДЕР Клаус, Боннский университет (Бонн, Германия)

ЭБЗЕЕВА Юлия Николаевна, РУДН (Москва, Россия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Редактор англоязычных текстов *Ю.Б. Юрьева*
Компьютерная верстка *Н.А. Ясько*

Адрес редакции:
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: lingj@rudn.ru

CONTENTS

Cliff GODDARD (Brisbane, Australia) and Anna WIERZBICKA (Canberra, Australia) Semantics in the time of coronavirus: “Virus”, “bacteria”, “germs”, “disease” and related concepts	7
Saleh Al-SALMAN and Ahmad S. HAIDER (Amman, Jordan) Covid-19 trending neologisms and word formation processes in English	24
Ljiljana ŠARIĆ (Oslo, Norway) and Svetlana NEDELICHEVA (Shumen, Bulgaria) Translating deictic motion verbs among Bulgarian, Croatian, and Serbian: A corpus-based study	43
Tanju DEVECI and Jessica MIDRAJ (Abu Dhabi, UAE) “Can we take a picture with you?” The realization of the refusal speech act with tourists by Emirati speakers	68
Evgeni N. MOLODYCHENKO (St. Petersburg, Russia) and Jürgen SPITZMÜLLER (Vienna, Austria) Metapragmatics and genre: Connecting the strands	89
Elena V. GABRIELOVA and Olga I. MAKSIMENKO (Moscow, Russia) Implicit vs explicit evaluation: How English-speaking Twitter users discuss migration problems ..	105
Neelakshi SURYANARAYAN (New Delhi, India) and Amr KHALIL (Moscow, Russia) Kinship terms as indicators of identity and social reality: A case study of Syrian Arabic and Hindi	125
Maria I. KIOSE (Moscow, Russia) Linguistic creativity and discourse profiles of English language children’s novels	147
Victor V. KABAKCHI (St. Petersburg, Russia) and Zoya G. PROSHINA (Moscow, Russia) Lexico-semantic relativity and versatility in translation and intercultural communication	165
Olga A. LEONTOVICH (Volgograd, Russia / Tianjin, China) The dynamics of political correctness, inclusive language and freedom of speech	194
Anna A. PETROVA and Marina I. SOLNYSHKINA (Kazan, Russia) Immediate recall as a secondary text: Referential parameters, pragmatics and propositions	221
Yuhua SUN (Dalian, China), Oleg I. KALININ and Alexander V. IGNATENKO (Moscow, Russia) The use of metaphor power indices for the analysis of speech impact in political public speeches	250
Book reviews	
Natalia V. PATROEVA (Petrozavodsk, Russia) Review of Boris Norman. 2020. <i>Language categories in the consciousness and creativity of the Russian poet</i> . Berlin: Peter Lang. ISBN 978-3-631-81797-1	278
Vladimir I. KARASIK (Moscow, Russia) Review of Chudinov A.P., Budaev E.V., Solopova O.A. 2020. <i>Political Metaphorology: A Discursive Turn</i> . Moscow: Flinta. 234 p. ISBN 978-5-9765-4326-3	284

СОДЕРЖАНИЕ

Cliff GODDARD (Brisbane, Australia), Anna WIERZBICKA (Canberra, Australia) Semantics in the time of coronavirus: “Virus”, “bacteria”, “germs”, “disease” and related concepts (Семантика во время коронавируса: “Virus”, “bacteria”, “germs”, “disease” и соотносимые понятия)	7
Saleh Al-SALMAN, Ahmad S. HAIDER (Amman, Jordan) Covid-19 trending neologisms and word formation processes in English (COVID-19 как источник неологизмов и словообразовательных процессов в английском языке)	24
Ljiljana ŠARIĆ (Oslo, Norway), Svetlana NEDELICHEVA (Shumen, Bulgaria) Translating deictic motion verbs among Bulgarian, Croatian, and Serbian: A corpus-based study (Перевод дейктических глаголов движения между болгарским, хорватским и сербским языками: корпусное исследование)	43
Tanju DEVECI, Jessica MIDRAJ (Abu Dhabi, UAE) “Can we take a picture with you?” The realization of the refusal speech act with tourists by Emirati speakers («Можно с вами сфотографироваться?» Реализация речевого акта отказа в коммуникации жителей Арабских Эмиратов с туристами)	68
Evgeni N. MOLODYCHENKO (St. Petersburg, Russia), Jürgen SPITZMÜLLER (Vienna, Austria) Metapragmatics and genre: Connecting the strands (Метапрагматика и жанр: объединения подходы)	89
Elena V. GABRIELOVA, Olga I. MAKSIMENKO (Moscow, Russia) Implicit vs explicit evaluation: How English-speaking Twitter users discuss migration problems (ИмPLICITНАЯ vs ЭКСПЛИЦИТНАЯ оценка: как англоязычные пользователи Twitter обсуждают проблемы миграции)	105
Neelakshi SURYANARAYAN (New Delhi, India), Amr KHALIL (Moscow, Russia) Kinship terms as indicators of identity and social reality: A case study of Syrian Arabic and Hindi (Термины родства как индикаторы идентичности и социальной реальности: на материале сирийского диалекта арабского языка и хинди)	125
Maria I. KIOSE (Moscow, Russia) Linguistic creativity and discourse profiles of English language children’s novels (Лингвокреативность и дискурсивные профили художественной повести в англоязычной детской литературе)	147
КАБАКЧИ В.В. (Санкт-Петербург, Россия), ПРОШИНА З.Г. (Москва, Россия) Лексико-семантическая относительность и адаптивность в переводе и межкультурной коммуникации	165
ЛЕОНТОВИЧ О.А. (Волгоград, Россия / Тяньцзинь, КНР) Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий	194
ПЕТРОВА А.А., СОЛНЫШКИНА М.И. (Казань, Россия) Неподготовленный устный пересказ как вторичный текст: референциально-прагматические и пропозициональные характеристики	221
СУНЬ Ю. (Далянь, КНР), КАЛИНИН О.И., ИГНАТЕНКО А.В. (Москва, Россия) Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков	250
Рецензии	
ПАТРОЕВА Н.В. (Петрозаводск, Россия) Рецензия на монографию: Борис Норман. Языковые категории в сознании и творчестве русского поэта. Berlin: Peter Lang, 2020. ISBN 978-3-631-81797-1	278
КАРАСИК В.И. (Москва, Россия) Рецензия на монографию: Чудинов А.П., Будаев Э.В., Солопова О.А. Политическая метафорология: Дискурсивный поворот. М.: Флинта, 2020. 234 с. ISBN 978-5-9765-4326-3	284

DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-7-23

Research article

Semantics in the time of coronavirus: “Virus”, “bacteria”, “germs”, “disease” and related concepts¹

Cliff GODDARD¹ and Anna WIERZBICKA²

¹ Griffith University
Brisbane, Australia

² Australian National University
Canberra, Australia

Abstract

This study proposes Natural Semantic Metalanguage semantic explications for the English words ‘virus’ (in two senses), ‘bacteria’, ‘germs’, and for the related words ‘sick’, ‘ill’, and ‘disease’. We concentrate on their “naïve” or “folk” meanings (Apresjan 1992) in everyday English, as opposed to scientific or semi-scientific meanings. In this way, the paper makes a start on uncovering the folk epidemiology embedded in the English lexicon. The semantics of words like ‘virus’, ‘bacteria’ and ‘germs’ is not, however, a purely academic matter. It is also a matter of effective health education and health communication. To reach people at a time of an epidemic, explanations need to connect with “ordinary people’s” ways of thinking and speaking. This paper argues that the simple and cross-translatable words of NSM, and minimal languages based on it, can be effective tools not only for linguistic semantics but also for education and communication everywhere – at the local school and in the world at large.

Keywords: *virus, germs, bacteria, Natural Semantic Metalanguage, Coronavirus, health communication, health education*

For citation:

Goddard, Cliff & Anna Wierzbicka. 2021. Semantics in the time of coronavirus: “Virus”, “bacteria”, “germs”, “disease” and related concepts. *Russian Journal of Linguistics* 25 (1). 7–23. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-7-23

---

¹ An earlier version of this paper was presented at the NSM Online Seminar 6 April 2020. A recorded version is available on the YouTube channel NSM Lab.

Семантика во время коронавируса: “Virus”, “bacteria”, “germs”, “disease” и соотносимые понятия²

Клифф ГОДДАРД¹, Анна ВЕЖБИЦКАЯ²

¹ Гриффитский университет
Брисбен, Австралия

² Австралийский национальный университет
Канберра, Австралия

Аннотация

В работе предлагается семантическая экспликация английских слов ‘virus’ (в двух значениях), ‘bacteria’, ‘germs’ и соотносимых с ними слов ‘sick’, ‘ill’, ‘disease’ с позиций Естественного Семантического Метаязыка. Особое внимание уделяется их «наивным» или «народным» значениям (Апресян 1992) в бытовой английской речи в противовес научным или околонучным значениям. Таким образом, в статье положено начало рассмотрению народной эпидемиологии, воплощенной в английский лексикон. Однако семантика таких слов, как ‘virus’, ‘bacteria’ и ‘germs’, относится не только к научной сфере. Она также касается эффективного образования и коммуникации в области здравоохранения. Чтобы «достучаться» до людей во время эпидемии, объяснения должны соответствовать образу мыслей обычных людей и способам их языкового выражения. В статье утверждается, что простые и легко переводимые слова Естественного Семантического Метаязыка, а также основанные на нем минимальные языки могут стать эффективными инструментами не только для лингвистической семантики, но и для образования, а также коммуникации в самом широком плане.

Ключевые слова: вирус, микробы, бактерии, Естественный Семантический Метаязык, коронавирус, коммуникация и образование в сфере здравоохранения

Для цитирования:

Goddard C., Wierzbicka A. Semantics in the time of coronavirus: “Virus”, “bacteria”, “germs”, “disease” and related concepts. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25. № 1. P. 7–23. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-7-23

1. Opening points

The aim of this study is to propose NSM semantic explications for the English words *virus* (in two senses), *bacteria*, *germs*, and for the related words *sick*, *ill*, and *disease*. We are well aware that some of these lack equivalents in many languages, and that in other languages their apparent translation equivalents may differ in meaning (cf. Aprésjan V. 2014). Except for a few side observations, however, we do not pursue cross-linguistic differences here. Also, due to limitations of space, the evidence presented for each explication must be abbreviated and partial. Even so, we hope that the set of seven explications taken as a whole “hangs together” sufficiently well to be convincing.

---

² Более ранняя версия этого исследования была представлена на онлайн-семинаре, посвященном Естественному Семантическому Метаязыку, 6 апреля 2020 г. Запись выступления доступна в YouTube на канале NSM Lab.

The NSM approach to semantic explication is well known, cf. Wierzbicka (2014); Goddard and Wierzbicka (2014); Goddard (2018); Gladkova and Larina (2018). Semantic explication is a form of conceptual analysis, disciplined by the requirement that explications be composed solely of simple, cross-translatable words: universal semantic primes and universal (or near-universal) semantic molecules. Explications should be plausibly substitutable into naturally-occurring examples of the relevant expressions and satisfy native speaker intuitions. Developing explications is an iterative trial and error process. Semantic intuition plays a key role in the process (how could it be otherwise?), but just as important is the evidence of linguistic usage, especially facts about stable phraseology and collocational tendencies, and even grammatical evidence, such as where nouns like *disease*, *virus*, and *bacteria* fall on the spectrum of “countability”.

To complete these brief opening points, we want to emphasise that polysemy is always a factor in semantic analysis. The analyst must always be alert (attuned) to the possibility of polysemy, i.e. be prepared to distinguish between different meanings and to treat them separately. In this study, we find it important to distinguish what may be called “naïve” meanings from “scientific” meanings. We place the word “scientific” in scare quotes to encompass not only fully scientific meanings, but also what might be termed semi-scientific meanings that are widely circulating in the speech community.³

Our focus in this study is capturing “naïve” or “folk” meanings, in the sense of Apresjan (1992). In a celebrated quotation, Apresjan explains as follows:

The task of the lexicographer ... consists of discovering the naïve picture of the world hidden in lexical meanings and presenting it in a system of definitions ... Second, folk pictures of the world, obtained through analysis of meanings of words in various languages, may differ in details, whereas a scientific picture of the world does not depend on the language used to describe it (p.35)

In the same discussion, Apresjan mentions that “folk pictures of the world” each include a folk geometry, a folk physics, a folk psychology, and so on, “developed in the course of the centuries” and reflecting “the material and spiritual experience of a people (native speakers of a certain language”. In this study we make a start on uncovering the folk epidemiology embedded in the English lexicon.

We also hope that our findings will be useful to inform and improve health communication, education (especially early childhood education) and “emergency linguistics” (cf. Li 2020). We will return to this theme in the Concluding Remarks (section 5).

2. ‘Virus-2’ (*the virus*)

At the time of writing (late 2020), the world is the grip of the global coronavirus pandemic. For this reason, we begin our study not with the primary

---

³ For early NSM discussions on the difference between scientific and semi-scientific meanings, see Wierzbicka (1985).

meaning of the word *virus*, which we designate ‘virus-1’, but rather with the meaning shown in examples (1a) and (1b) below. This meaning, which we designate ‘virus-2’, is explicated in [A] below. Roughly speaking, ‘virus-2’, typically in the expression *the virus*, designates the current pandemic situation.⁴ This meaning is of course highly contingent and will presumably fade within the next few years. Notice in (1a) that the expression *the virus* occurs with the temporal preposition *before*; and in (1b), the ‘latest news’ is presumably about what is happening with the spread of coronavirus, case numbers, efforts to contain it, and so on.

(1a) *Even before the virus, the economy was barely limping along.*

(1b) *And now for the latest news on the virus.*

Explication [A] is presented in three sections, labelled (a)-(c).

[A] virus-2 (e.g. ‘even before the virus, ...’)

a. something very bad is happening in many countries on earth now, very bad things are happening to many people

    this is happening because there is virus-1 of one kind (“coronavirus”) in these people’s bodies

b. when there is virus-1 of this kind in the bodies of some people in a place, a short time after, this virus-1 can be in the bodies of many other people in this place

c. because of this, after some time this virus-1 can be in the bodies of many people in many places

Obviously, explication [A] depends in part on ‘virus-1’, which we will explicate in section 4, comparing it with the meanings of *bacteria* and *germs*. Section (a) describes the situation of a world-wide pandemic (something very bad is happening in many countries on earth now, very bad things are happening to many people) due to a ‘virus-1 of one kind (“coronavirus”)’ being in these people’s bodies. Sections (b) and (c), respectively, spell out our understanding that this virus-1 can move from one person’s body to many other people’s bodies (i.e. it is “contagious”), and thus can easily “spread” from one place to many places.

3. ‘Sick’, ‘ill’, and ‘disease’

Before examining the words *virus*, *bacteria* and *germs*, it will be helpful to take a look at the words *ill*, *sick*, and *disease*, which obviously play a great part in coronavirus discourse and health communication in English. We note that many languages, even European languages such as French and Danish, do not have exact lexical equivalents of these words because they do not make any comparable

---

⁴ Two points to note. First, and trivially, the expression *the virus* can also be used at the present time to refer to coronavirus itself. Second, even in the sense ‘virus-2’, the determiner *the* is not found when the word appears as a noun modifier, e.g. in common “coronatime” expressions such as *virus suppression* and *virus control measures*.

distinctions.⁵ Putting these words (*ill*, *sick*, *disease*) under the semantic microscope is not only an exercise in semantic precision. It can also help bring to light semantic distinctions and metalanguage phrasings that may be relevant for explicating other concepts in this general domain.

She was ill: what does it mean? According to our understanding, the meaning can be spelt out as in explication [B]. As an initial observation, there is an older meaning of the English word *ill* which means, essentially, ‘bad’. This is preserved in fixed phrases and expressions, such as *ill will*, *ill fated*, *ill conceived*, and *It’s an ill wind that blows nobody good*. This makes perfect sense, as we can see throughout explication [B] that ‘bad’ plays a key role in components like ‘something bad was happening to her’, ‘something bad was happening in her body’ and ‘she felt something bad at that time’. It is notable that in French, for example, the word *malade* is based on the root *mal* ‘bad’.

The final lines of [B] say that someone who is *ill* feels something bad, not like at other times, and that they are somewhat incapacitated: ‘she couldn’t do some things at that time like at other times’.

[B] *She was ill*.

- a. something bad was happening to her at that time because something bad was happening in her body⁶
- b. it was happening for some time, not a short time
- c. she felt something bad at that time, not like at other times
she couldn't do some things at that time like at other times

Looking now at explication [C] for *sick*, we can see that for the first couple of lines it is much the same as *ill*. The first, slight, difference comes at the end of the third line, which lacks the proviso ‘not a short time’ found in the corresponding line of [B]. The final lines of [C], for *sick*, however, are quite different from those for *ill*. They read: ‘she could know that something bad was happening in her body because she felt something bad in her body’.

[C] *She was sick*.

- a. something bad was happening to her at that time
because something bad was happening in her body
- b. it was happening for some time
- c. she could know that something bad was happening in her body
because she felt something bad in her body

Comparing explications [B] and [C], the claim is that *ill* and *sick* are very similar in meaning. They both focus on a person, on something bad happening to this person on account of something bad happening in their body, and they both

---

⁵ Some languages have conceptual elaborations along different lines, sometimes involving verbs rather than adjectives, cf. the somewhat old-fashioned English verb *to ail*.

⁶ Note the wording of the expression ‘happen in (her body)’, as opposed to ‘happen to (her body)’. In NSM theory, both types of expression are regarded as grammatical possibilities of the prime HAPPEN. See Chart of NSM Semantic Primes on nsm-approach.net/resources.

refer to this person's feelings. They are a little different in their "durational" framing (section b), but the main difference is that in the case of *ill*, there is reference to reduced capabilities, while in the case of *sick* there is something like a potential awareness of one's condition, based on feeling something bad in the body. [Note⁷]

We now move to the noun *disease*. Notably, unlike *illness* and *sickness*, it is not based on any corresponding adjective. *Disease* is thus a "free standing" noun. It is explicated in [D] below, which supersedes an earlier explication in Goddard and Wierzbicka (2014: 211-12). The first two sections of [D] pertain to the status of the noun *disease*, which designates 'something of one kind'. More specifically, *disease* is an abstract noun which identifies a kind of reified discourse topic linked with a certain way of thinking. These components reflect the position that many abstract nouns are ways of "naming" mental models or scenarios, so that people can speak about them; cf. Goddard and Wierzbicka (2014: Ch 9). We will not discuss this here, except to say that these first three lines, with variations, appear in explications for a large number of abstract nouns.

Our primary interest is in the way of thinking associated with the "*disease* concept", as set out in section (c) of the explication. The first two lines of this section present the idea that 'very bad things of many kinds can happen to people's bodies', and that 'when these things happen, they happen for some time, not a short time'. These components establish a certain "framing" that recognises recurrent kinds of bodily afflictions. The third line brings in the idea that the cause can be internal to the body: 'they happen because something bad happens in these people's bodies for some time', and the final line holds out the idea that 'some people' (presumably, doctors and/or medical scientists) 'can know why these things happen in people's bodies'.

[D] *a disease*

- a. something of one kind
people can speak about this something with the word 'disease'
["discourse topic"]
- b. people can say something about something with this word when they think like this:
- c. "very bad things of many kinds can happen to people's bodies
when these things happen, they happen for some time, not a short time
they happen because something bad happens in these people's bodies
for some time
some people can know why these things happen in people's bodies"

Strikingly, in way of thinking associated with the "*disease* concept" there is no reference to people's feelings or to people's individual awareness, as there is in the words *sick* and *ill*. In this sense, it can be said that the "*disease* concept" is not

---

⁷ The expression *mentally ill* is an extended meaning, based on [B] but not identical to it. The absence of a comparable expression *mentally sick presumably follows from the fact that the final "bodily awareness" component in [C] disallows the extension.

particularly existential or experiential in character. It has a more detached, “objective” quality. The focus of interest is on what kinds of causal processes are happening in people’s bodies and on how these can be understood, rather than on how the affected people are thinking or feeling.⁸

Note that nothing in explication [D] restricts it to infectious diseases. The explication will apply readily to non-infectious bodily afflictions such as *cancer*, *heart disease*, *MS* (Multiple Sclerosis) and *Alzheimer’s*, and to what are sometimes called “genetic diseases” (or disorders), such as *Huntington’s disease*.

4. ‘Virus-1’, ‘bacteria’ and ‘germs’

We now zero in on three English nouns which are clearly at the forefront of discourse in these times of coronavirus. We first discuss *virus* and *bacteria*, and then the broader (and older) notion of *germs*. In this section we will adduce some evidence about word frequencies and collocational tendencies from WordBanks Online, a commercially available, closed corpus of English (about 550 million words). Most of the data in WordBanks dates from the years 2001–2005, i.e. from well before the coronavirus pandemic. This means that it does not reflect the current intense discourse interest in coronavirus and the numerous lexical and phrasal neologisms associated with it. We see this as an advantage for our purposes. It should be noted, however, that the corpus naturally includes many examples connected with HIV, SARS, swine flu and other seasonal influenza viruses.

The examples in (2) below show the most common and everyday sense of the word *virus*, which we designate ‘virus-1’.

(2a) *I must’ve picked up a virus.*

(2b) *Colds are caused by a virus.*

(2c) *Howard is out of ... [the] team after going down with a virus.*

(2d) *It’s only a matter of time before such a virus adapts itself to spread more easily from person to person and cause a severe worldwide outbreak.*

Explication [E] is presented in four sections. As a reminder, we are concerned here with the “naïve” concept behind the term *virus* in everyday English, not with an advanced scientific understanding. Section (a) presents ‘virus-1’ as ‘something of one kind’ with many sub-kinds. Most people are probably don’t know the medical names of many viruses, but that there are different kinds of virus is common knowledge. In WordBanks, one finds expressions like *influenza/flu virus*, and more short-lived designations such as *H5N1 virus*. Of course, in today’s world, probably most people know the term *coronavirus*.

Section (b) presents the idea that a virus consists of tiny little “bits” (‘many very very small things’) which cannot be seen by people. This understanding is no

---

⁸ The absence of experiential components may help explain why the *disease* concept is readily extended to animals, and even to plants. It is also consistent with the critique from medical humanities, which, briefly put, accuses the *disease* concept of eliding the feelings and perspectives of patients (cf. Marini 2017).

doubt reinforced at the present time by visual representations of coronavirus, used on television and internet, as consisting of little spheres with spikes.

Sections (c) – (e) are closely related. The first captures the idea that many of these tiny virus bits can be in a person’s body at some times; the second adds the understanding that viruses in one person’s body can rapidly (‘after a very short time’) spread to many other people in the same place⁹; and the third states that this can cause something bad to happen in this someone’s body. Clearly, these meaning components connect with similar components in explications [B] – [D] for *ill*, *sick*, and *disease*. Joining the dots, so to speak, the implication is that viruses can be responsible for illness, sickness and disease.

Explication [E] concludes with a highly anthropocentric component, in section (f): ‘people can think about things of this kind like this: “these things do very bad things to people’s bodies”’. This reflects the idea that viruses are (or rather, can be) thought of as “bad agents”. It is also supported, indirectly, by the extended meaning of *virus* in relation to computers, to designate a malicious, as well as fast-spreading, piece of software.

[E] virus-1, e.g. *a virus*

- a. something of one kind
there are many kinds of things of this kind
- b. when there is something of this kind somewhere, there are many very very small things of this kind there¹⁰, people can’t see them
- c. there can be many such things in people’s bodies at some times
- d. when there are many of these very very small things in someone’s body, a very short time after there can be many of them in the bodies of other people in the same place
- e. when they are in someone’s body, something bad can happen in this someone’s body because of it
- f. people can think about things of this kind like this: “these things do very bad things to people’s bodies”

How does *virus* compare with *bacteria*? A sample of common examples, mostly from WordBanks, is given in (3) below. It is noticeable in the corpus that the word *bacteria* tends to occur preferentially in written or scripted texts, often with a popular science or medical tone. It is also notable that *bacteria* occurs much less frequently in the corpus than *virus*: 12.82 tokens per million vs. 42.84 per

---

⁹ The sub-component about “rapidity” (‘after a very short time’) is indirectly supported by the extended meaning of the adjective *viral*, in the expression ‘to go viral’, meaning to spread very rapidly over the internet.

¹⁰ Notice the use of the “double very” construction, necessary to capture the difference in scale between ‘very small’ things, such as *mosquitoes*, for example, and ‘very very small’ things such as *viruses*, *germs*, and the like. The idea of “microscopic” size, so to speak, is of course, also conveyed by the component ‘people cannot see them’. *Viruses*, *germs*, and such are not the only words belonging to might call the “invisible world”: also included are words like *atoms* and *electrons*. The “invisible world” beckons as a fascinating project from a semantic point of view.

million. (The frequency of *virus* is somewhat boosted by the sense ‘computer virus’, but even so the contrast is impressive.)

(3a) *Antibiotics only work against bacteria, not against viruses.*

(3b) *Even if only a few bacteria get through, that is still enough to cause infection.*

(3c) *Jacuzzis are tricky to sterilise because bacteria thrive in relatively high water temperatures.*

(3d) *Boiling and cooking at the correct temperature are two good ways to kill bacteria in food.*

(3e) *Dettol Glen 20. Surface spray disinfectant, hospital grade KILLS 99/9% of germs* & viruses** [from a product label¹¹]*

In terms of collocations, the words *bacteria* and *virus* have much in common, but there are also several notable differences, one being that *bacteria* (but not *virus*) often occurs with verbs like *live (in)*, *thrive (in)*, *grow (in)*, *breed (in)* and *flourish (in)*. These expressions strongly imply that bacteria are thought of as living, and in this connection, expressions related to *killing bacteria* occur at high frequency. Also unlike *virus* (in this respect), expressions identifying places where *bacteria* live, or can live, are fairly common, including ‘in water’ and ‘in food’. Adjectival modifiers referring to places in the human body are also fairly common, e.g. *intestinal bacteria*, *bacteria in the bowel (gut, mouth, etc.)*. We reserve further comments on collocations and phraseology till after an explication has been presented.

Explication [F] is for the meaning we designate ‘bacteria-1’. Somewhat like ‘virus-1’ in this respect, it is a type of “non-count” noun (the word *bacterium* is hardly used). The explication is presented in four sections. Many of the components overlap with those of ‘virus-1’, but there are also subtle but significant differences. The first appears as early as the first line in section (a), where *bacteria* are characterised as ‘very very small living things’ which people cannot see and which occurs in various different kinds. The main point of difference with *virus* is that *bacteria* are clearly represented as ‘living things’.

Section (b) presents the dual ideas that *bacteria* can “multiply” in one place, and that they can quickly “spread” from one place to another.

Section (c) brings the *bacteria* concept closer to home, so to speak, by stating that: ‘often there are many of these very very small living things in places where people live’. It is worth noting that there is nothing like this in the explication for *virus*.

Section (d) continues to say that such things (*bacteria*) can be in people’s bodies (not necessarily coming from other people’s bodies), and that when there are, they can cause harm in the body.¹²

---

¹¹ The asterisks direct the reader to a box elsewhere on the label where various kinds of germs and viruses are named.

¹² Unlike as with ‘virus-1’, there is no final “how people think about them” component in *bacteria*. This reflects the more scientific, and less colloquial, tone of the word *bacteria*.

[F] bacteria-1

- a. very very small living things, people can't see them
there are many kinds (of such very very small living things)
- b. when there are many of these very very small living things somewhere at some time, a short time after there can be many many more
when there are many of these very very small living things in one place at some time, a short time after, there can be many of them in other places near that place
- c. often there are many of these very very small living things in places where people live
- d. very very small living things of this kind can be in people's bodies at some times
when they [=these things] are in someone's body for some time, something bad can happen in this someone's body because of it

In considering this explication [F] for 'bacteria-1', it is important to bear in mind that it is intended to model a "naïve" everyday meaning, in Apresjan's (1992) sense. According to our observations, the meaning 'bacteria-1' is quite common and it often appears without any modifier; or, putting it another way, when the word *bacteria* appears without any modifier, the intended meaning appears to be 'bacteria-1'.

It is true that there is a second, more "scientific", meaning, which we would designate 'bacteria-2'. 'Bacteria-2' are not necessarily harmful. Many people know that there are many kinds of bacteria-2 in the human body at all times, and that some of them are actually vital to human health; hence, expressions like *beneficial bacteria, friendly bacteria, good bacteria*.¹³

We now come to *germs*, which is, perhaps, the most interesting of the three words (*virus, bacteria, germs*) from a semantic and cultural point of view. Partly this is because it is, intuitively, the most well established and most naïve of the three, and the one which is used first to give instruction to young children, as in example (4d) below. Note that examples (4b) and (4c) come from the COCA (Corpus of Contemporary American English), rather than from WordBanks.

(4a) *We thought it best to let everyone stay home and keep their germs to themselves.*

(4b) *So, if you re-use a wipe, say, you clean the sink, then a counter -- you may simply transfer germs from one area to another [COCA, Mag, Good Housekeeping 2008]*

(4c) *All it takes is a sneeze or cough for germs to spread to the child's hands, and through the air to others [COCA, Mag, Today's Parent 1994]*

---

¹³ In WordBanks, "positive" modifying adjectives such as *friendly* (73)/*beneficial* (33) occur at about the same frequency as *harmful* (93); but when *bacteria* occurs without any modifier, the overwhelmingly favoured interpretation is a negative one. As well, the apparently tautological expression *harmful bacteria* often appears in contexts in which a contrast is being drawn with 'beneficial bacteria', e.g. *Antibiotics are invaluable for their destructive effect on harmful bacteria, but unfortunately they often kill friendly bacteria too.*

(4d) *Some kids may think that germs are bugs or cooties or other gross stuff. Actually, germs are tiny organisms, or living things, that can cause disease.*
[from KidsHealth.com]

Surprisingly, in the WordBanks corpus, the lemma ‘germ’ is by far the least frequent – a mere 3.61 tokens per million, compared with 12.82 per mill for ‘bacterium’, and 42.631 for ‘virus’; and this is despite occurrences of *germ* being bolstered by expressions such as *germ warfare* and by the older meaning preserved in expressions like *a germ of truth* and *wheat germ, oat germ*, etc. We believe this apparent low frequency reflects WordBanks’ bias in favour of written/scripted language and educated speech, and the relative lack of speech with and by children.

Though more research is required before one can be definitive, in our experience when native speakers of English are asked to choose the most “basic” of the three words *virus*, *bacteria* and *germs*, they invariably select *germs*. Likewise, when parents are asked which of the three words they first use with their children, again the answer is *germs*. Perhaps this hints at another reason why *germs* has a lower-than-expected frequency, i.e. that it seems excessively naïve, even embarrassingly non-scientific, compared with *virus* and *bacteria*: a child’s word, or at least, not a word to be taken seriously by educated adults.¹⁴ And indeed, from a scientific and medical point of view, the word *germs* does gloss over (or, fails to discriminate between) several different categories of disease-causing “pathogens” (not only bacteria and viruses, but also fungi and protozoa).

In the present study, however, we are interested in the concept of *germs* precisely because of its naïve and impressionistically basic quality. It is explicated in [G] below. We invite readers to read and consider the explication, which has several novel features, before moving to our commentary below.

[G] *germs*

- a. very very small things of one kind, people can’t see them
often there are many many such things in places where people live
often something bad happens to people because of this
- b. often it happens like this:
there are many very very small things of this kind on something
someone touches this something with the hands
after this, many of these very very small things are on this someone’s hands
after this, these very very small things are inside this someone’s body
something very bad can happen in this someone’s body because of this
- c. often it happens like this:
there are many very very small things of this kind in something
someone does something to this something with the hands

---

¹⁴ It is interesting to note that in the Simple English Wikipedia’s entry for ‘Germ theory of disease’ the word “germs” is placed in inverted commas, whereas the words *bacteria* and *virus* are not. This suggests that bacteria and virus are seen by the authors as objective realities, whereas “germs” is seen as a naïve construct.

after this, some of it is inside this someone's mouth; a short time after this, it is somewhere else inside this someone's body
something very bad can happen in this someone's body because of this
d. people can think about very very small things of this kind like this:
“they are like living things; they want to be inside people's bodies”

Explication [G] is much longer than any other in this study, reflecting our claim that the everyday concept of *germs* is a much richer concept than its cousins *virus* and *bacteria*. It is also much more anthropocentric, i.e. more closely linked to people. Already in section (a), close to the top of the explication, the idea is presented that *germs* often inhabit places where people live and that they therefore constitute an “invisible danger”, so to speak, i.e. ‘often something bad happens to people because of this’. Obviously, this implies that people would be well advised to take precautions.

The next two sections of the explication, i.e. sections (b) and (c), present two scenarios (‘often it happens like this: ...’) which set out what one might call “routes of infection”. The first route starts with there being many germs “on something”. After this someone touches the thing with the hands, so that germs get on the hands, and subsequently get ‘inside this someone's body’ with harmful results.¹⁵ The other route starts with there being many germs “in something”, for instance, in food or drink, which someone transfers by the hand into the mouth, and thence to ‘somewhere else inside this someone's body’, again with harmful results.

As we see it, in these two sections the everyday English word *germs* is basically “channelling” what is known in the history of science as the “germ theory of disease”, as it was developed in the second half of the 19th-century. It would be fair to say that in Anglo culture this late 19th-century germ theory has assumed the status of a folk theory.¹⁶

Returning to sections (b) and (c) of the explication, it should be clear that danger of germs, i.e. the prospect that ‘something very bad can happen in someone's body’ if germs are able to get inside, especially via the hands or mouth, is sufficient to motivate the taking of many precautions, both at an individual level (e.g. washing one's hands before eating and after going to the toilet; keeping the kitchen and bathroom/toilet clean; discarding contaminated food) and at the broader societal level (e.g. chlorinating the water supply; health regulations and inspections of

---

¹⁵ In NSM theory, “on (something)” is not regarded as a semantic prime but as an important semantic molecule; cf. Goddard (2002, 2018: Ch 5).

¹⁶ Despite the global spread of the “germ theory” as a scientific/medical understanding, we do not want to imply that the exact details of the Anglo folk model are replicated in the vocabulary of other languages, even European languages. For example, the semantic content of the Polish word *zarazki*, the nearest equivalent to ‘germs’, is derived from the common verb *zarazić* ‘to infect (someone)’. This suggests a somewhat different folk model, based more heavily on person-to-person transmission. The matter requires further investigation.

restaurants, cafes, and the like). It also links with the existence of disinfectants and germicides which are designed to “kill germs”.¹⁷

The final section of the explication, section (d), includes a component stating that ‘people can think about them (germs) like this: “they are like living things, they want to be inside people’s bodies”, thereby attributing something like animacy to them (albeit in a less definitive fashion than in *bacteria*) and something like agency or intentionality. The wording of the component ‘they want to be inside people’s bodies’ is consistent with the more “naïve” character of the word *germs* compared with *bacteria* and *virus*.¹⁸

This completes our presentation of semantic explications. As this has been, as far as we know, the first attempt at a systematic semantic inquiry into aspects of English folk epidemiology, it goes without saying that there is great scope for further research; for example, into other polysemic meanings and extensions of the words considered here, into other associated words and concepts, and into cross-linguistic comparisons.

5. Concluding remarks: semantics in the time of coronavirus

It seems evident that if we want to explain what a word means we need to use some other words, simpler in meaning. To 17th century thinkers such as Leibniz, Descartes, Pascal, and Arnauld, this principle seemed uncontroversial. In today’s world, however, it is neither recognised nor respected — neither in science nor in education.

For example, in Wikipedia the entry for “virus” starts with the sentence: “A virus is a submicroscopic infectious agent that replicates only inside the living cells of an organism”. Then we read “For a more accessible and less technical introduction to this topic, see “Introduction to viruses”. When we go to that “Introduction”, however, we find that only one word, *submicroscopic*, has been replaced with a simpler one: *tiny*, and also that a new complex word *host* has been added: “A virus is a tiny infectious agent that reproduces inside the cells of living hosts”.

But what is “an infectious agent”? There is no such entry in Wikipedia, and the entry for “infection” explains the concept through the phrase *infectious agents*. “An infection is the invasion of an organism’s body tissues by disease-causing agents, their multiplication, and the reaction of the host tissues to the infectious agents and the toxins they produce.” No explanation of “infectious agents” is offered anywhere.

---

¹⁷ Although it is perfectly idiomatic in English to speak of ‘killing germs’, similar expressions are not equally natural or widespread in all languages. NSM theory posits that one meaning of ‘kill’, as found in the frame ‘this someone killed someone’, is likely to be a universal semantic molecule, but research also indicates that languages differ greatly their extensions and polysemies of “kill” words. English, in particular, is very flexible in allowing one to speak not only of killing animals, but also of killing insects, and even plants. English even allows event nouns to be subjects of *kill*, e.g. *The explosion killed five people*.

¹⁸ It is true that explication [E] for *virus* includes the component ‘these things do very bad things to people’s bodies’, but this does not sound similarly naïve. Scientists often speak of inanimate entities and substances as if they were agents (“doing” things).

The so-called “Simple English Wikipedia” is not much better in this regard. For example, the entry for “bacteria” opens as follows: “Bacteria (sing. Bacterium) are very small organisms. They are protokaryotic organisms.” The beginning of the entry for “virus” is perhaps slightly better, but not much better: “A virus is a microscopic parasite that can infect living organisms and cause disease.” Similarly, the entry for “Germ theory of disease” explains this concept using words like *pathogen*, *microorganism*, *hosts* and *bacterium* (there is no entry for “germs” as such).

It seems clear that the authors of such entries are not trying to be mischievous, but genuinely don’t know how to explain meanings and ideas clearly, without circularity and without using technical terms whose meanings are not explained.

These explanations are good examples of what used to be called *ignotum per ignotum* (‘one unknown via another unknown’) or *ignotum per ignotius* (‘something unknown via something even more unknown’). They also remind us of Leibniz’s insights formulated 350 years ago: “The greatest clarity is found in commonplace terms with their popular usage retained. There is always a certain obscurity in technical terms”; and “technical terms are to be avoided”. Yes, technical terms can’t always be avoided but before they are used, they need to be analysed into “popular ones”. Hence, as Leibniz put it: “a perfect demonstration ... carries out such analysis to the ultimate and best-known elements” (Leibniz 1989/1690: 123).

As we have tried to demonstrate with our explications of *bacteria*, *virus* and *germs*, both circularity and obscurity can be avoided if one tries to go, from the start, right down to the concepts which are both simple and self-explanatory. Wittgenstein’s (1980: 62e) words, directed at philosophers, seem wonderfully apt in the case of linguists too: “One keeps forgetting to go right down to the foundations. One doesn’t put the question marks deep enough down.”

To try to explain a word like *virus* through complex words like *microorganism*, *infectious agent* or *infectious* means not going deep enough down. When we go “right down to the foundations” we find words there which are both simple and self-explanatory and thus can save us from both circularity and obscurity. At the same time, if in these explanations we can stay clear of any technical and scientific language we can reveal everyday thinking explicable through everyday words.

As mentioned in Section 1, naive or folk epidemiology can differ from culture to culture and from language to language. But the wonder of it all is that if we go “right down to the foundations”, we find words there which are not only clear to all speakers of one language (including children), but which are cross-translatable into other languages. Being cross-translatable, such words can allow us to formulate “global messages” when global messages are needed, such as at the time of a pandemic.

The semantics of words like *virus*, *bacteria* and *germs* is not a purely academic matter. It is also a matter of effective health education and health communication

(cf. Diget in press/2021; Wierzbicka 2018, in press/2021). To reach people at a time of an epidemic, explanations need to connect with “ordinary people’s” ways of thinking and speaking.

Health messages intended for “ordinary people” need to be understandable to these “ordinary people”; and a globalised world needs global messages which are clear and cross-translatable. As we hope the paper illustrates, the simple and cross-translatable words of NSM, and minimal languages based on it, can be effective tools not only for linguistic semantics but also for education and communication everywhere – at the local school and in the world at large.

© Cliff Goddard and Anna Wierzbicka, 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

REFERENCES

- Apresjan, Juri D. 1992 [1974]. *Lexical Semantics: User's Guide to Contemporary Russian Vocabulary*. Ann Arbor: Karoma. [Orig. published 1974 in Russian, Moskva: Nauka].
- Apresjan, Valentina. 2014. Bolzen', bolet' in. Juri Apresjan (ed.) *The Active Dictionary of Russian*, vol. 1. 311–313. Moscow: Institute of Russian Language.
- Diget, Ida Stevia. In press/2021. Minimal English for health: Reader accessibility in public health communication about COVID-19 in Australia (with contrastive reference to Denmark). In Goddard, Cliff (ed.), *Minimal Languages in Action*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Gladkova, Anna and Tatiana Larina. 2018. Anna Wierzbicka, language, culture and communication. *Russian Journal of Linguistics* 22 (4) (Special Issue: Studies in Cultural Semantics and Pragmatics: For Anna Wierzbicka's Anniversary). 717–748.
- Goddard, Cliff. 2002. On and on: Verbal explications for a polysemic network. *Cognitive Linguistics* 13(3). 277–294.
- Goddard, Cliff (ed.). 2018. *Minimal English for a Global World: Improved Communication Using Fewer Words*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Goddard, Cliff. In press/2021. In praise of minimal languages. In Goddard, Cliff (ed.), *Minimal Languages in Action*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Goddard, Cliff (ed.). In press/2021. *Minimal Languages in Action*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Goddard, Cliff and Anna Wierzbicka. 2014. *Words and Meanings. Lexical Semantics Across Domains, Languages and Cultures*. Oxford: Oxford University Press.
- Leibniz, Gottfried W. 1989/1690. Preface to an Edition of Nizolius. In L. E. Loemker (ed.), *Philosophical Papers and Letters*, 121–130. Dordrecht: Kluwer.
- Li Yuming. 2020. Language lessons of COVID-19 and linguistic disaster preparedness [English trans.] *Language on the Move* 27 March 2020.
- Marini, Maria Giulia. 2017. *Languages of Care in Narrative Medicine*. Cham: Springer.
- Wierzbicka, Anna. 1985. *Lexicography and Conceptual Analysis*. Ann Arbor: Karoma.
- Wierzbicka, Anna. 2018. Minimal English as a new and transformative tool for effective health care communication in English-speaking countries. Paper at International Symposium for Communication in Health Care, ANU, 13 February 2018.

- Wierzbicka, Anna. In press/2021. Seven Essential Messages for the time of the Coronavirus. *Minimal Languages in Action*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Wittgenstein, Ludwig. 1980. *Culture and Value*. Ed. G.H. von Wright [Trans. Peter Winch]. Oxford: Basil Blackwell.
- WordBanks Online. [<https://wordbanks.harpercollins.co.uk>]
- Ye, Zhengdao (ed.) 2017. *The Semantics of Nouns*. Oxford: Oxford University Press.

Article history:

Received: 20 October 2020

Accepted: 22 January 2021

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 октября 2020

Дата принятия к печати: 22 января 2021

Bionotes:

Cliff GODDARD is Professor of Linguistics at Griffith University and a Fellow of the Australian Academy of Humanities. He has published widely on semantics, ethnopragmatics and language description. His latest books are *Ten Lectures on Natural Semantic Metalanguage* (2018, Brill) and *Minimal Languages in Action* (2021, Palgrave).

Contact information:

School of Humanities, Languages and Social Science

Griffith University, Brisbane

Queensland 4111 Australia

e-mail: c.goddard@griffith.edu.au

ORCID: 0000-0003-2523-2855

Anna WIERZBICKA is Professor of Linguistics (Emerita) in the School of Literature, Languages, and Linguistics at Australian National University. Her work spans a number of disciplines, including anthropology, psychology, cognitive science, philosophy and religious studies as well as linguistics, and has been published in many journals across all these disciplines. She has published over twenty books, including *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999), *English: Meaning and Culture* (New York: Oxford University Press, 2006), and *Imprisoned in English* (New York: Oxford University Press, 2014). Her latest book, *What Christians Believe: The story of God and people in Minimal English*, was published by Oxford University Press, New York in 2019. Professor Wierzbicka is a Fellow of the Australian Academy of the Humanities, the Australian Academy of Social Sciences, the Russian Academy of Sciences and the Polish Academy of Arts and Sciences. She is the winner of the International Dobrushin Prize for 2010 and of the Polish Science Foundation's 2010 prize for the humanities and social sciences.

Contact information:

Australian National University

Canberra, ACT, 2602, Australia

e-mail: anna.wierzbicka@anu.edu.au

ORCID: 0000-0002-6074-7865

Сведения об авторах:

Клифф ГОДДАРД – профессор лингвистики в Гриффитском университете (Австралия), член Австралийской гуманитарной академии, автор многочисленных трудов в области семантики, этнопрагматики и описания языка. Его новейшие публикации – монографии *Ten Lectures on Natural Semantic Metalanguage* («Десять лекций о Естественном Семантическом Метаязыке»), Brill, 2018 и *Minimal Languages in Action* («Минимальные языки в действии»), Palgrave, 2021.

Контактная информация:

School of Humanities, Languages and Social Science
Griffith University, Brisbane
Queensland 4111
e-mail: c.goddard@griffith.edu.au
ORCID: 0000-0003-2523-2855

Анна ВЕЖБИЦКАЯ – известный лингвист, профессор (эмерит) Института литературы, языков и лингвистики Австралийского национального университета. Помимо лингвистики, ее научные интересы охватывают целый ряд дисциплин, включая антропологию, психологию, когнитологию, философию и религиоведение. Ею опубликовано большое количество статей в журналах по данным направлениям, а также более двадцати книг, среди которых – *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999), *English: Meaning and Culture* (New York: Oxford University Press, 2006), *Imprisoned in English* (New York: Oxford University Press, 2014), *What Christians Believe: The Story of God and People in Minimal English* (New York: Oxford University Press, 2019). Профессор Вежбицкая является членом Австралийской академии гуманитарных наук, Австралийской академии общественных наук, Российской академии наук, Польской академии знаний, лауреатом Международной премии им. Добрушина (2010) и премии Польского научного фонда (2010).

Контактная информация:

Австралийский национальный университет
Canberra, ACT, 2602, Australia
e-mail: anna.wierzbicka@anu.edu.au
ORCID: 0000-0002-6074-7865

DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-24-42

Research article

COVID-19 trending neologisms and word formation processes in English

Saleh Al-SALMAN and Ahmad S. HAIDER

Applied Science Private University
Amman, Jordan

Abstract

The surge of new words and phrases accompanying the sudden COVID-19 outbreak has created new lexical and sociolinguistic changes that have become part of our lives. The emergence of COVID-19's coinages has remarkably increased to establish a trending base of global neologisms. The present study attempts to investigate the nature of the new English words and expressions that emerged in the wake of the COVID-19 crisis. It also identifies the type of word-formation processes that contributed to the emergence of these neologisms in the English language. The researchers compiled a corpus of 208 COVID-19-inspired neologisms from different sources, including social networking websites, search engines, blogs, and news articles. The analysis revealed that word-formation processes were so varied to cover all possible forms of derivation, including affixation, compounding, blending, clipping, acronyms, among others, along with dual word-formation processes, with compounding and blending being the most discrete. The findings showed that the flux of new terms demonstrates the creativity and vitality of the English language to respond to emerging situations in times of crisis. The study recommends that further research be carried out on the new terms that have been transferred to other languages as loanwords, loan-translations and loan-blends.

Keywords: *COVID-19, neologisms, language change, word-formation processes, English*

For citation:

Al-Salman, Saleh & Ahmad S. Haider. 2021. COVID-19 trending neologisms and word formation processes in English. *Russian Journal of Linguistics* 25 (1). 24–42. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-24-42

Научная статья

COVID-19 как причина возникновения неологизмов и словообразовательных процессов в английском языке

Салех АЛЬ-САЛМАН, Ахмад С. ХАЙДЕР

Частный университет прикладных наук
Амман, Иордания

Аннотация

В период коронавирусной эпидемии в язык вошло множество неологизмов, связанных с COVID-19 и свидетельствующих о новых словообразовательных тенденциях. Цель настоящего исследования – рассмотреть природу новых слов и словосочетаний, возникших

в английском языке в результате кризиса, связанного с пандемией. В процессе исследования выявляются типы словообразования, лежащие в основе этих неологизмов в английском языке. Авторами составлен корпус из 208 неологизмов, связанных с COVID-19, которые были собраны из различных интернет-источников: социальных сетей, поисковиков, блогов и новостных статей. Анализ показал, что в их основе лежат различные способы словообразования, включая аффиксацию, словосложение, контаминацию, усечение, акронимию, а также сложные словообразовательные модели, среди которых особо выделяется сочетание словосложения и контаминации. Результаты исследования показали, что поток новых лексем свидетельствует о креативности английского языка, его способности реагировать на кризисные ситуации. Перспективой исследования является анализ неологизмов, усвоенных другими языками в качестве заимствований, калек и гибридных образований.

Ключевые слова: *COVID-19, неологизм, языковые изменения, процессы словообразования, английский язык*

Для цитирования:

Al-Salman S., Haider A.S. COVID-19 trending neologisms and word formation processes in English. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25. № 1. P. 24–42. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-24-42

1. Background

Language is a social fact, which is prone to change, development, and evolution. The dynamic nature of languages enables them to cope with upheavals, events, and unforeseen circumstances. Language change is a universal property of living languages. This change is typically influenced by multiple factors ranging from formal linguistic aspects of phonology, morphology, syntax, and semantics to non-linguistic factors of social and pragmatic aspects of language use and cultural interaction. The sudden COVID-19's outbreak, which brought unprecedented health and life threats, grave socio-economic implications, and challenges (see Haider & Al-Salman 2020), has also impacted language.

Innovations triggered by social and political events are typical of any time, especially in times of war, natural disasters, etc. However, the case for COVID-19 is markedly different in its being of global spread. The pandemic left 213 countries hard-hit by the devastating effects of the vicious and highly infectious virus (Lu et al. 2020). The social, economic, psychological, educational, and mental health effects are universal, and so are the linguistics innovations and coinages, which have been shared by most of the world's languages as loanwords or through translation. From the outset, the state of emergency triggered by the coronavirus pandemic has set the scene for coining new terms associated with material changes that have become part of people's everyday use worldwide. According to Lawson (2020: 1), the novel coronavirus has dictated its terms, forcing people to adapt to the new situation by using specific terms which help them “make sense of the changes that have suddenly become part of our everyday lives.”

The research problem in this study focuses on the nature of the new English words and expressions which emerged in the wake of the COVID-19 crisis. It also investigates the type of word-formation processes that contributed to the creation of these neologisms in the English language. On this premise, the present study addresses the following questions:

- 1) What are the most trending English neologisms emerging during the COVID-19 pandemic?
- 2) What are the most dominant word-formation processes which characterized the COVID-19-stimulated neologisms?

2. Review of literature

Crystal (2008: 329) describe neologisms as “‘nonce words’ in that of the many neologisms created, adapted, mutilated, very few survive. A nonce word is a linguistic form which a speaker consciously invents or accidentally does on a single occasion”. When these nonce formations come to be adopted by the community, they cease, by definition, to become neologisms. According to Durham (2018: 1), “a neologism is a new word or a new way of using a word and is not yet commonly accepted. To survive its infancy, it needs to identify a durable, meaningful concept, and the word/usage has to be relevant”. As such, words like *pandemic* and *keyworkers* do not qualify as neologisms proper as they have been in use before the COVID-19 outbreak. In the context of coronavirus, the question to ask is how much longer the COVID-19-inspired neologisms would remain in use after the post-pandemic era. Historically, the language changes manifested in the lexical innovations and neologisms following the coronavirus spread are not unusual. From a linguistic point of view, language change and development are natural linguistic phenomena and are unstoppable (Hickey 2001). This may be explained through viewing language as a social fact that can be easily influenced by social, political, and other events, especially those that affect whole communities and not individuals (Bauer 2007, McMahon & McMahon 2013). The COVID-19 crisis has been so overwhelming that it has impacted the international community indiscriminately.

Constructing new words in world languages varies, depending on the readiness of the receiving language to accommodate ready-made whole lexical units to their repository. For example, there are languages, which are receptive to new words and expressions from other languages without resistance. On the other hand, there are languages, which react differently to the integration of foreign words in their linguistic repertoire, considering it an invasion and a threat to the purism of the linguistic system of that language. Instead, those languages resort to accepting new words and concepts through loan translations to create neologisms where internal morpho-phonemic and word-formation mechanisms are utilized (Muhvić-Dimanovski 2004: 139). In this context, it should be pointed out that it is not the ‘languages’ which react differently, but people who speak them. Within the language group itself that supposedly accepts the new lexical units, there might be some people who strongly object to the practice, seeking to protect the ‘purity’ of their tongue. It is basically a representation of the approaches of prescriptivists vs. descriptivists.

Linguistic creativity is not a novelty as it has been a common practice in other periods of history. Lexical innovations are part of language change, and they are a true expression of how language reflects the way we interact with the world. For

example, after WWII, the term *RADAR* ‘Radio Detection and Ranging’ was introduced (Akmajian et al. 2017). Recently and amidst the row over the UK's leaving the European Union, some neologisms have entered the English language, such as *Brexit*, of which other derived innovations of *brexiteers* and *regrexit* have emerged (Lalić-Krstin & Silaški 2018). It is noteworthy; however, that, based on the definition of neologisms, the term *Brexit* and its derivatives, which have been used as a trending vogue, may not gain global currency as neologisms, but will perhaps, continue in the UK socio-historical context for only some time. The trending role of neologisms was the subject of a study by Hamdan & Al-Salman (2021), whose findings indicated that the use of neologisms in social media applications has gained momentum and zest. Their list of coined ICT and social media terms such as *e-mail*, *user-name*, *Internet*, *save*, *copy*, *paste*, *delete*, *attachment*, *screenshot*, *hashtag*, *selfie*, *Snapchat*, *share*, etc. have been integrated into the Arabic language morpho-phonemic and syntactic systems through undergoing different word-formation processes.

Lexical innovations associated with health pandemics are common, as is the case with the abbreviations and/or acronyms for *HIV* ‘Human Immunodeficiency Virus’, *SARS* ‘Severe Acute Respiratory Syndrome’, *MERS* ‘Middle East Respiratory Syndrome’, among others. However, the creation and spread of the corona-inspired terms has been fast and commonly adopted globally. The coronavirus discourse has become the one and only talk of the world in different fields, including health, economy, tourism, trade, industry, transportation, psychology, etc. The COVID-19 crisis made all people voice their concerns over the same enemy and thus use the same language, which unites them against the unknown killer virus. A sort of rapprochement among peoples of the world has arguably taken place, driven by the health emergency and reflected in the widespread adoption of coronavirus terminology. This is due to a digitally connected world with highly sophisticated technology, which was not equally available with the outbreak of some other health threats.

For the purposes of the current study, we decided to include terms that are not necessarily novel COVID-19 terms, but, according to Crystal's 2008 definition, are ‘nonce’ words that have been reintroduced during the coronavirus crisis for different social/communicative functions. The coronavirus-inspired changes in our lifestyle have been accompanied by upheavals in the language. Becker (2020) reports that the Texas Medical Center has compiled a glossary of terms, which help acquaint people with the coronavirus pandemic. The challenges and consequences of coronavirus will need special terminology to describe the mutations in the virus itself and how the different sectors will create new terms to cope with these developments. Just as pharmaceutical industries have been racing to register a vaccine for the killer virus, lexicographers are as keen to coin new terms as innovations in specialized and general-purpose dictionaries. For example, Merriam Webster's made an unscheduled update for words connected with the disease (Merriam-Webster 2020) and added some new COVID-19-related entries such as

COVID-19 index case. Some other definitions have been revised to suit the COVID-19 context, such as *community spread*; *contactless delivery*; *herd immunity*; *presumptive positive case*; *PPE* ‘personal protective equipment’; *PUI* ‘person under investigation’; *shelter-in-place*; *super-spreader*; and *WFH* ‘working from home,’ to mention a few.

In the same fashion, The Oxford English Dictionary was updated with new terms, which have become quite familiar in the context of the coronavirus global crisis (Oxford English Dictionary 2020). For example, the word *COVID-19* was only coined in February 2020 but has become so dominant in global discourse. Furthermore, collocations with the word *coronavirus* have significantly increased to include *COVID-19 pandemic*, *coronavirus outbreak*, *spike in cases*, *peaked*, *face-masks*, *test positive*, *self-isolation*, *super-spreader*, *lockdown*, *closures*, etc. This accelerating increase in the terminology of the COVID-19 pandemic is consistent with the social pressure caused by the virus.

New additions to dictionaries usually come in stages, but the COVID-19 sudden outbreak forced a rapid pace of lexical innovations to cope with the fast developments of the corona crisis in all sectors at a global level. It happens that some of the new terms come as neologisms par excellence, which are coined for the first time, such as *COVID-19* and *nCoV*. In contrast, others have revised definitions such as *coronavirus*, which is the broader name for the family of viruses that includes COVID-19, *social-distancing*, *self-isolating*, etc. Some of the new terms have been old coinages. Such terms were not originally coined for the coronavirus pandemic but have recently been put to modern use and became prominent after the virus outbreak. As the languages we speak are changing over time (Burrige & Bergs 2016), words and terms are likely to undergo linguistic changes of revised definitions as a result of major changes in our life and due to contact between languages (Hollett 2020). For example, an *elbow bump*, which used to be a sort of celebration like *high five*, has, in the coronavirus context, become a greeting to avoid shaking hands.

Thorne (2020) remarkable work on COVID-19-inspired terms is a valuable contribution to lexicologists and lexicographers. He compiled a massive list of diversified glossaries of terms, which are compatible with the new circumstances caused by the pandemic. His lists included coinages expressing concepts in everyday use including slang, nicknames, describing new realities, security measures, demographics, jargon, clichés, catchphrases, etc. Of the long list of lexical innovations compiled by Thorne (2020), the following words and expressions may be cited: *Pan cession* ‘a pandemic-associated widespread economic recession’; *Nostalgia (Times)* ‘the notion that we may look back fondly upon the period of confinement’; *Smizing* ‘smiling with the eyes, as when wearing a facemask’; *Infits* ‘outfits worn in conditions of confinement’; *Yoba-dobbing* ‘reporting someone’s antisocial behavior to authorities’; and *Mock down* ‘a term trending in November 2020 and again in January 2021 indicating a lockdown that is insufficiently enforced and/or widely disregarded.’

Like all other challenging circumstances throughout history, COVID-19 has its own share in the creation of new concepts and terms expressing those challenges, which have become part of our everyday conversation. From a historical linguistics perspective, neologisms, which are the result of linguistic change, are mainly the product of the following set of word-formation processes: 1) coinages, 2) affixation, 3) compounding, 4) blending, 5) clipping, 6) backformation, 7) borrowing, 8) abbreviation, 9) acronyms, 10) folk etymology. Besides, there are dual word-formation processes, such as 1) compounding + affixation, 2) blending + affixation, 3) clipping + compounding (Ten Hacken & Thomas 2013, Liu & Liu 2014, Bizhkenova, Sultanbekova & Koshekova 2017, Ratih & Gusdian 2018).

3. Methodology

Since the focus of this paper is on the English language, it is worth noting that through the ages, English has demonstrated an insurmountable capacity for adaptability and coping with global events and subsequent changes (Hundt, Mollin & Pfenninger 2017). Language will never stop changing, and English is a changing language; it is flexible and adaptable to the needs of its users (Romaine 1983, Aitchison 2001, Scott-Phillips & Kirby 2010). According to Rao (2019: 65–6), “in order to maintain international relationship in science, technology, business, education, travel, tourism and so on, English serves the purpose as a common language and a global language.” This privilege is attributed to the richness and depth of English, which is evidenced in the lexical repository of new entries in English language dictionaries.

The data collection process consisted of compiling a corpus of 208 COVID-19-inspired neologisms from different sources. The researchers asked 93 faculty members, researchers, graduate, and post-graduate students specialized in Linguistics to build up a list of new COVID-19-related words/phrases they come across while watching TV, reading newspapers, using social networking websites (Twitter, Facebook, blogs, YouTube...), among other activities, from April 1, 2020, to July 30, 2020. The researchers checked the compiled lists to filter out repeated and irrelevant terms, in addition to reviewing different articles published in newspapers, blogs, and other websites on how coronavirus has led to the creation of new words and phrases (CBC Radio 2020, Khadgi 2020, Lawson 2020, Mahdawi 2020). The researchers have then checked whether the compiled words like *quranteam*, *covidiot*, etc., are already listed in online dictionaries (Webster’s, OED...).

Drawing on Thorne (2020) ongoing project to track the language of the COVID-19 crisis and his ten-tier categorization of the data, the authors divided their compiled corpus of data into five main lexical categories according to usage: 1) nicknames, 2) homeworking and teleconferencing, 3) demographics and safety/security measures, 4) describing new realities, and 5) other (see Appendix for a sample). This classification shows how those emerging neologisms have become integrated into the language as part of the everyday use

for social and communicative purposes. This aspect of language change has its sociolinguistic implications as it depicts the discourse functions of neologisms as a manifestation of language change. For example, some communities have given *Miss Rona*, *Rona*, *Lady Rona*, *Roni*, and *Rone* as personified ‘nicknames’ for the virus. Expressions such as *Telecommuter core*, *Locktail hour*, *Zoom mullet*, *Homeference*, *Quarantrolls*, etc., were used under the category of ‘homeworking and teleconferencing’ terminology. The coronavirus slang expressions included *Miley Cyrus* (UK rhyming slang), *covidiot*, *morona*, *Sanny* (Australian), *De-roning*, *Iso* (Australian). Examples of ‘demographics’ included *coronials*, *Gen(eration) C*, *Quaranteens*, *boomer remover*. Examples on ‘safety/security measures’ were found in *Elbump*, *COVID waltz*, *Ronadobbing* (Australian), *Corona-shaming*, etc. Expressions about ‘new realities’ included *Quarantimes*, *BCV*, *B.C*, *Coro apocalypse*, *Loxit*, etc. Examples on ‘other expressions’ included *covideo party*, *corona bonus*, *drivecation*, *Zonotic*, etc.

After a thorough investigation of COVID-19-motivated lexical innovations in English and for the data analysis process, the authors were guided by the following types of word-formation processes: (1) single word-formation processes and (2) double word-formation processes.

4. Analysis

Since one of the objectives of this study is to examine the most dominant word-formation processes that characterized the COVID-19-stimulated neologisms, the two types of word-formation processes mentioned above are discussed below.

4.1. Single word-formation processes

Single word-formation processes include coinages, affixation, compounding, blending, clipping, backformation, borrowing, abbreviation, acronyms, and folk-etymology.

4.1.1. Coinages: It is the invention or creation of totally new terms either deliberately or accidentally (Yule 2020). The most discrete and dominant lexical addition throughout the coronavirus pandemic is the coinage *COVID-19*. Not only that the term has been recognized by lexicographers and was added to English language dictionaries as a new dictionary entry, but it has equally been adopted as an undisputed neologism, a coinage in other world languages. On May 26, 2020, Merriam-Webster made an unscheduled update to its dictionary, “COVID-19 crisis catalog: A glossary of terms”, in response to the pandemic, where the entry *COVID-19* was the most dominant. Furthermore, and according to the Oxford English Dictionary (OED), “The most striking change has been the huge increase in the frequency of the words coronavirus and COVID-19 themselves.” Before 2020, *coronavirus* was relatively rare outside medical and scientific discourse, while *COVID-19* was only coined in February; however, the two terms came to dominate global discourse nowadays. The Arabic language, for example, has fully adopted

the term and has been integrated into the Arabic language orthography as *كوفيد-19* [kufed-19], with the English phoneme /v/, which does not exist in the Arabic language phonemic system, being replaced with its voiceless counterpart /f/.

4.1.2. Affixation: As a word-formation process, affixation involves adding bound morphemes to existing roots, which results in newly created derivatives. Based on the compiled list of neologisms, the word *masklessness*, which means ‘wearing no face-covering,’ is a case in point. In this example, a double-affixation occurs where the adjective-forming suffix *-less* is added to the root *mask* (n.), and then another noun-forming suffix *-ness* is added to the stem *maskless* (adj.) to create the word *mask-less-ness* (n).

4.1.3. Compounding: It is the process of combining two words (free morphemes) to create a new one. Examples of this process include *coronacoma* for ‘the period of shutdown or that long quarantine sleep’; *coronaviva* which means ‘an oral examination or thesis defense taken online during the lockdown’; and *zoom bombing* which means ‘hijacking and/or interrupting videoconferencing on the Zoom platform.’ It is noteworthy that while viewing such coronavirus-related compounds as neologisms, we cannot confirm the ability of these terms to survive the passing of the COVID-19 crisis. These terms may be best described as ‘nonce’ words, which have an extremely limited and contingent currency, and they usually disappear as soon as the social conditions change.

4.1.4. blending: It is a word-formation process where parts of two or more words combine to create a new word whose meaning is often a combination of the original words. The following examples may be cited: *coronials* (Corona + millennials), referring to ‘kids who were conceived by their parents during the quarantine that resulted from the coronavirus. Most of these babies are born post-December 2020. They may also be referred to as COVID-kids’. Another example is *coronacation* (Corona + vacation) which is defined as ‘a vacation that takes place because of cheap flights and hotels that exist because of the 2020 coronavirus’. The same applies to *quaranteens* (quarantine + teens), which refers to ‘the generation who will become teenagers in 2033/2034’; and *Loxit* (lockdown + exit) ‘the process of exiting from lockdown impositions.’

4.1.5. Clipping: It is a word-formation process, which is also known as truncation or shortening. It results in the reduction of a word to one of its parts. An example is found in the clipping *rona* from ‘coronavirus’, and *pandy* from ‘pandemic.’

4.1.6. Backformation: It is the process of forming a new word by removing actual or supposed affixes from another word. An example is found in the verb *vaccinate*, a backformation from the noun ‘vaccination,’ and also in the verb *sedate* from the adjective ‘sedative.’

4.1.7. Borrowing: It is the process through which a word is adapted for use in another language. According to Crystal (2010), present-day English, which is currently the world’s largest donor of vocabulary to other languages, was an insatiable borrower from 120 different languages, including Arabic, French,

German, Greek, Italian, Russian (Nordquist 2019). An example of borrowing in the coronavirus context is found in the word **unlockdown** which is the process of relaxing or ending social and physical restrictions, or the period following their ending, equivalent to, or translation of the French *déconfinement*. According to Roig–Marín (2020: 2) “*Covid* has been borrowed as an Anglicism and users of languages with grammatical gender like French, Catalan, Spanish, and Italian have tended to prefer the masculine gender because of its associations with (*corona*)*virus*, masculine in those languages.”

4.1.8. Abbreviation: It is the shortened form of a written word or phrase. Examples from the COVID-19 crisis are found in *BCV*, *BC* which refers to ‘(the period) before Corona (virus)’; *nCoV* ‘the coronavirus in technical designation or shorthand’; *PUI* ‘Person Under Investigation’; *WHF* ‘Working From Home’; *PUM* ‘Person Under Monitoring’; and *PPE* ‘Personal Protection Equipment.’

4.1.9. Acronyms: It is an abbreviation formed from the initial letters of other words and pronounced as a word. In the coronavirus context, examples are found in *COVID-19* ‘Coronavirus Disease 2019’; *ARDS* ‘Acute Respiratory Distress Syndrome’; and *WHO* ‘World Health Organization.’

4.1.10. Folk etymology: It is a change in the form and/or meaning of a word resulting from a mistaken assumption about its composition or meaning. An example is found in **the word pando (Australian)** referring to the ‘coronavirus pandemic’; **Nightingales**, first used as a nickname for those singing or performing morale-boosting music from balconies, in gardens, later abandoned when the Nightingale emergency hospitals were opened across the UK. Another example is found in the word *scarring* ‘long-term negative effects resulting from initial harm suffered during social and/or economic upheaval, but now it has a new use through association with Corona.’

4.2. Dual word-formation Processes

Based on the COVID-19 list of neologisms available, our findings identified three types of dual word-formation processes, namely, compounding and affixation, blending and affixation, and clipping and compounding.

4.2.1. Compounding and affixation: In this process, the new word exhibits two processes, namely compounding and affixation. For example, **circuit-breakers** ‘i.e., halting an exit from lockdown by closing re-opened venues or ceasing re-started activities,’ consists of the compound ‘circuit-break’ + a noun-forming suffix *-er*, followed by the plural-marking suffix *-s* to create the new word **circuit-breakers**. **The same applies to the compound lockdowners** (lock + down + *-er* + *s*), ‘individuals coping with life in conditions of isolation.’

4.2.2. Blending and affixation: New words can also be created by blending + affixation. For example, the word *quaranteams* defined as ‘groups forming and performing music or competing in quizzes virtually during lockdown,’ where a combination of the two words ‘quarantine + team’ results in the new blend *quaranteam*, and ending up with the plural forming suffix *-s* to create *quaranteams*.

The same applies to *covidpreneurs* that refers to ‘individuals or businesses succeeding in thriving and innovating in a pandemic environment.’ The example represents a two-word combination of ‘coronavirus+ entrepreneur’ to form the blended word *covidpreneur*, and then adding the plural-forming suffix *-s* to produce *covidpreneurs*.

4.2.3. Clipping and compounding: This dual word-formation process is exemplified in the creation of words such as *ronadobbing* (Australian) for ‘informing on those contravening crisis-related restrictions.’ In this example, the two full words ‘Corona + dobbing’ combine to form the new word *coronadobbing*, and then the word *corona* undergoes a process of clipping to generate the clipped form *rona*, which together with *dobbing* create the neologism *ronadobbing*.

5. Discussion

The COVID-19-related neologisms compiled in the current study reflect the speed and increasing volume of the lexical innovations. Crystal (2020: 1) reports that “there are already some initial collections of English COVID neologisms online, and the numbers are rising.” For Ro (2020: 1), “the only actual new word added to the dictionary is ‘Covid-19’. The others are pre-existing terms that have gained new resonance”. For example, the abbreviation *WFH* ‘Working From Home’ dates back to 1995. Many of these terms are not genuinely novel, being around for many years, e.g., *self-quarantine*, *social distancing*, and *social isolation*. However, their being reintroduced shows that not only does social change bring about new words and terms in the form of neologisms or coinages, but it also reintroduces some pre-existing words that have gained new resonance in the time of major social crises, as in the COVID-19 case. According to Hollett (2020: 1), “we have to learn new habits, and with new habits, we learn new words.” For example, “in the past ‘self-isolation’ used to describe countries that kept themselves separate, but now if someone has or thinks they might have the coronavirus, they ‘self-isolate’ and keep themselves apart from their family” (Hollett 2020: 1). In other words, while a good number of words are brand new, some of the terms such as *hunkering down*, *cabin fever*, *stir crazy*, *uncertain times*, have resurged during the COVID-19 (Crowe 2020).

The findings of the present study lend support to the thesis that linguistic change and creativity is a universal property of language, which reflects global societal changes. The term *COVID-19* which was first coined in February 2020 had gained unprecedented momentum and frequency, topping the 2020 lexical innovations, even the most popular 2019 *Brexit* entry. The widespread of the COVID-19 neologisms, many of which have not yet entered the dictionary, is attributed to the fast spread of the pandemic globally and the extremely powerful influence of social media.

An important finding of the present study is exploring the pragmatic dimensions of some COVID-19-inspired terms. A case in point is the concept of *social distancing*, which has changed the way people feel about their personal

space. For example, maintaining a *safe distance*, avoiding *close contact*, *wearing a mask*, *using sanitizers*, and *self-hygiene* can save lives. These terms have become part of people's everyday life. *Staying home* if you are unwell, *self-quarantine*, *avoiding handshake*, *elbow-pump*, etc., are among the many terms which have acquired social currency during the pandemic to shape and regulate social interaction in everyday life. The new social practices caused by COVID-19 are most likely to affect people's social habits and daily interactions in the short term, if not in the long term for many.

The importance of the COVID-19-inspired neologisms derives from its global dimension, which makes it crucial for the entire international community to follow the latest developments concerning updates on coronavirus cases worldwide. This makes it necessary to have a constant follow-up, updates, and exchange of data at a global level. For this to happen, a unified terminology to unite peoples of the world fighting the devastating virus was of paramount importance. In other words, coinages, new lexical entries, abbreviations, etc., should be made available to all parties concerned without delay. Consequently, word-formation processes of all types were so crucial in the rapid dissemination of information and data globally.

The word-formation processes discussed in the 'Analysis' section above demonstrate how the coronavirus-based terminology has found its way into languages of the world. This lends support to the thesis that neologisms are a true manifestation of language change and language development. The impact and effectiveness of the emerging terminology and the lexical innovations are most evidently reflected in the bulk of word-formation and derivational processes cited. The fact that ten word-formation processes have been represented in the compiled list of COVID-19 neologisms is enough evidence of the role of lexical innovations in historical linguistics. These processes were comprehensive enough to include all levels of linguistic theorizing, namely: 1) coinages, 2) affixation, 3) compounding, 4) blending, 5) clipping, 6) backformation, 7) borrowing, 8) abbreviation, 9) acronyms, and 10) folk etymology. Furthermore, three additional dual word-formation processes, namely, compounding and affixation, blending and affixation, and clipping and compounding, were also well represented. These derivational and word-formation processes are in the core of research on historical linguistics as they shed light on the process of language change over time, and more so about the relationship between language variation and social change.

Interestingly, some word-formation processes such as compounding and blending were more dominant than the others. This is attributed to the fact that these two are perhaps the most productive word-formation processes which have been most popular throughout. In other words, most of the terms and lexical entries are not necessarily new; they have already been there, but they were reintroduced within the COVID-19 context.

Historically, significant social, political, and other upheavals, including pandemics, leave their footprints on language through their short-term and long-term effects. As is the case with the COVID-19 lexical innovations and neologisms,

other major world events such as the industrial revolution, WWI, and WWII, global pandemics like *HIV*, *SARS*, *MERS*, and social media applications have brought with them new concepts, terms, and lexical innovations whose survival and frequency of use varied over time. In this context, the question to ask is how much longer the COVID-19-inspired neologisms would remain in use after the post-pandemic era. As Ro (2020) put it, words that describe lasting behavioral changes such as *zoombombing*, being influenced by *photobombing*, which invades somebody else's video call, are expected to continue. Historically, coinages such as *Radar*, *Xerox*, etc., are but true examples of surviving neologisms.

On the other hand, and as we indicated earlier, some words which have been around for years, such as *self-isolate*, *self-quarantine*, *social distancing*, *social isolation* have changed their usage during the coronavirus crisis. Nowadays, the abbreviations *WFH* and *PPE* have become popular words in social media due to COVID-19. These and other examples, such as *lockdown*, *social distancing*, *super-spreader*, etc. show how social media and blogs have played a vital role in spreading and adopting new words and expressions. In the same vein, Crystal (2020) comments on the possible chances of survival for neologisms by saying:

“I sympathize with our poor lexicographers, as there's no way of knowing whether these novelties are going to remain part of the language or whether they will silently disappear once the crisis is over. However, we're told today by the WHO that the virus may be with us for good, so may be the associated vocabulary, playful as well as serious, will stay too.” (Crystal 2020: 1).

6. Conclusion

The purpose of this piece of research is to investigate the nature of the new words and expressions (i.e., neologisms) which emerged in the wake of the COVID-19 crisis. It also identifies the type of word-formation processes that contributed to the emergence of these neologisms in the English language.

The results of the present study have most clearly shown that the size and pace of COVID-19-inspired lexical innovations and manifestations have most rigorously dominated global discourse. Historically, lexicographers who track and correlate the volume of new lexical entries in dictionaries with social, political, or economic events confirm that, unlike previous world events, COVID-19 has brought significant linguistic changes at all levels.

The pragmatic dimensions of some of the COVID-19-inspired terms, such as *social distancing*, have been particularly important. The international community has witnessed drastic changes with regard to reshaping social communication habits. For example, strict adherence to matters of personal space, avoiding greetings through handshake, reconsidering seating arrangements in public gathering and events, and other manifestations of social interaction have emerged as new globally-acknowledged social habits. In addition, quarantine, self-isolation, personal hygiene, and sanitation practices have equally been enforced and observed to acquire social currency worldwide.

The power of circulation and dissemination of those coinages and neologisms was so rapid and massive for several reasons; first, the graveness of the COVID-19 pandemic, which affected the international community indiscriminately, with the skyrocketing number of cases, fatalities, and the devastating impact of the pandemic on the global economy. Second, social media has been so effective in speeding up the mobility of these lexical innovations.

To conclude, the search for COVID-19-inspired neologisms has proven to be a relevant research topic par excellence as it translates the linguistic, social, health, and other changes brought by the coronavirus global crisis. The question of how much longer would the COVID-19 neologisms remain in use after the post-pandemic era is still unknown.

© Al-Salman Saleh and Ahmad S Haider, 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

REFERENCES

- Aitchison, Jean. 2001. *Language change: Progress or decay?* Cambridge: Cambridge university press.
- Akmajian, Adrian, Ann K. Farmer, Lee Bickmore, Richard A. Demers & Robert M. Harnish. 2017. *Linguistics: An introduction to language and communication*. Cambridge: MIT press.
- Bauer, Laurie. 2007. *Linguistics Student's Handbook*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Becker, Alexandra. 2020. COVID-19 crisis catalog: A glossary of terms. *Texas Medical Center*. URL: <https://www.tmc.edu/news/2020/05/covid-19-crisis-catalog-a-glossary-of-terms/> (accessed: 8 December 2020).
- Bizhkenova, Aigul, Sagima Sultanbekova & Assel Koshekova. 2017. Neologisms in present-day german: investigation into productivity of word formation types. *Journal of Fundamental Applied Sciences* 9 (7S). 982–96.
- Burridge, Kate & Alexander Bergs. 2016. *Understanding language change*. USA: Taylor & Francis.
- Crowe, Michael. 2020. Coronadodge, 'isobar,' and 'zumped': Linguist catalogues more than 1K words from pandemic. *Companynews HQ*. URL: <https://www.companynewshq.com/coronavirus-news/coronadodge-isobar-and-zumped-linguist-catalogues-more-than-1k-words-from-pandemic/> (accessed: 8 December 2020).
- Crystal, David. 2008. *A Dictionary of Linguistics and Phonetics* 6edn. London: Blackwell Publishing.
- Crystal, Davis. 2010. *The Cambridge encyclopedia of language a dictionary of language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Crystal, Davis. 2020. Cambridge Reflections-COVID-19: Vocabulary. *Cambridgeblog*. URL: <http://www.cambridgeblog.org/2020/05/covocabulary/> (accessed: 8 December 2020).
- Durham, Gabrielle C. 2018. Back Formations and Neologisms. 3 *Quarks Daily*. URL: <https://www.3quarksdaily.com/3quarksdaily/2018/09/back-formations-and-neologisms.html> (accessed: 12 December 2020).

- Haider, Ahmad S. & Saleh Al-Salman. 2020. Dataset of Jordanian university students' psychological health impacted by using e-learning tools during COVID-19. *Data in Brief* 32, 1–8. DOI: 10.1016/j.dib.2020.106104
- Hamdan, H. & S. Al-Salman. 2021. The Use of Arabic Neologisms in Social Media Applications. *International Journal of Arabic-English Studies (IJAES)* 21 (1). 45–60. DOI: 10.33806/ijaes2000.21.1.3
- Hickey, Raymond. 2001. Language change. In Jan-Ola Östman & Jef Verschueren (eds.), *Handbook of pragmatics*, 1–33. Amsterdam: John Benjamins.
- Hundt, Marianne, Sandra Mollin & Simone E. Pfenninger. 2017. *The changing English language: Psycholinguistic perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Khadgi, Ankit. 2020. Covid is changing everything, including everyday language. *The kathmandu post*. URL: <https://kathmandupost.com/art-culture/2020/04/27/covid-is-changing-everything-including-everyday-language> (accessed: 12 December 2020).
- Lalić-Krstin, Gordana & Nadežda Silaški. 2018. From Brexit to Bregret: An account of some Brexit-induced neologisms in English. *English today* 34 (2). 3–8. DOI: 10.1017/S0266078417000530
- Lawson, Robert. 2020. Coronavirus has led to an explosion of new words and phrases – and that helps us cope. *The Conversation: Academic rigour, journalistic flair*. URL: <https://theconversation.com/coronavirus-has-led-to-an-explosion-of-new-words-and-phrases-and-that-helps-us-cope-136909> (accessed: 10 December 2020).
- Liu, Wei & Wenyu Liu. 2014. Analysis on the Word-formation of English Netspeak Neologism. *Journal of Arts Humanities* 3 (12). 22–30. DOI: 10.18533/journal.v3i12.624
- Lu, Ning, Kai-Wen Cheng, Nafees Qamar, Kuo-Cherh Huang & James A. Johnson. 2020. Weathering COVID-19 storm: Successful control measures of five Asian countries. *American Journal of Infection Control* 48 (7). 851–2. DOI: 10.1016/j.ajic.2020.04.021.
- McMahon, April & Robert McMahon. 2013. *Evolutionary linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Muhvić-Dimanovski, Vesna 2004. New Concepts and New Words—How Do Languages Cope With the Problem of Neology? *Collegium antropologicum* 28 (1). 139–46.
- Nordquist, Richard. 2019. The Definition of Borrowing Language. *Thoughtco*. URL: <https://www.thoughtco.com/what-is-borrowing-language-1689176> (accessed: 10 December 2020).
- Rao, Parupalli Srinivas. 2019. The Role of English as a Global Language. *Research Journal of English* 4 (1). 65–79.
- Ratih, Elisa & Rosalin Ismayoeng Gusdian. 2018. Word Formation Processes in English New Words of Oxford English Dictionary (OED) Online. *Celtic: A Journal of Culture, English Language Teaching, Literature Linguistics* 5 (2). 24–35. DOI: 10.22219/celticumm.vol5.no2.24-35
- Romaine, Suzanne. 1983. Historical linguistics and language change: Progress or decay? *Language in society* 12 (2). 223–37. DOI: 10.1017/s0047404500009829
- Scott-Phillips, Thomas C. & Simon Kirby. 2010. Language evolution in the laboratory. *Trends in cognitive sciences* 14 (9). 411–417. DOI: 10.1016/j.tics.2010.06.006
- Ten Hacken, Pius & Claire Thomas. 2013. *The semantics of word formation and lexicalization*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Thorne, Tony. 2020. #CORONASPEAK – the language of Covid-19 goes viral – 2. *Language and Innovation*. URL: <https://language-and-innovation.com/2020/04/15/coronaspeak-part-2-the-language-of-covid-19-goes-viral/> (accessed: 10 December 2020).
- Yule, George. 2020. *The study of language*. Cambridge: Cambridge University Press.

Dictionaries and Internet resources

- CBC Radio. 2020. Covidiot? Quarantini? Linguist explains how COVID-19 has infected our language. URL: <https://www.cbc.ca/radio/thecurrent/the-current-for-april-22-2020-1.5540906/covidiot-quarantini-linguist-explains-how-covid-19-has-infected-our-language-1.5540914> (accessed: 8 December 2020).
- Hollett, Viki. 2020. New English words and language change with COVID-19. *Simple English Videos*. URL: <https://www.simpleenglishvideos.com/new-english-words-and-language-change-with-covid-19/> (accessed: 12 December 2020).
- Mahdawi, Arwa. 2020. From Covidiot to doomscrolling: how coronavirus is changing our language. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/apr/15/from-covidiot-to-doomscrolling-how-coronavirus-is-changing-our-language> (accessed: 10 December 2020).
- Merriam-Webster. 2020. Coronavirus and the New Words We Added to the Dictionary in March 2020. *Merriam-webster*. URL: <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/new-dictionary-words-coronavirus-covid-19> (accessed: 10 December 2020).
- Oxford English Dictionary. 2020. Updates to the OED. *Oxford English Dictionary*. <https://public.oed.com/updates/> (accessed: 10 December 2020).
- Ro, Christine. 2020. From ‘covidiot’ to ‘quarantine and chill’, the pandemic has led to many terms that help people laugh and commiserate. *BBC*. URL: <https://www.bbc.com/worklife/article/20200522-why-weve-created-new-language-for-coronavirus> (accessed: 10 December 2020).
- Roig–Marín, Amanda. 2020. English-based coroneologisms: A short survey of our Covid-19-related vocabulary. *English Today First View*, 1–3. DOI: 10.1017/S0266078420000255

Appendix

Sample glossary of COVID-19-inspired neologisms

No.	Socio-pragmatic functions	Listing of neologisms and word-formation processes	
		Listing of neologisms	Word-formation process
1	Nicknames	COVID-19	coinage
2		Rona, Lady Rona, roni, rone	clipping
3		the Rona	clipping
4		the pandy	clipping
5		the pando	folk etymology
6		nCoV	abbreviation
7		Boomer remover	compound
8		Nightingale	folk etymology
9		WFH, wfh	abbreviation
10	Homeworking & teleconferencing	Covidpreneurs	blending & affixation
11		Zoom bombing	compounding
12		Quarantini	blending
13		Locktail hour	blending
14		Telecommuter core	compounding
15		Quaransheen	blending
16		Coronaviva	compounding
17		Quaranteams	blending & affixation
18		Quaranqueens	blending & affixation
19		Quarantrolls	blending & affixation

No.	Socio-pragmatic functions	Listing of neologisms and word-formation processes		
		Listing of neologisms	Word-formation process	
20		Quarantunes	blending	
21		Quaranzine	blending	
22		Coronalit	compounding & clipping	
23		Corona-fi	compounding & clipping	
24		Zoom mullet	compounding	
25		Isobaking	blending	
26		Homeference	blending	
27		Zoomed out	compounding	
28		Zoom fatigue	compounding	
29		The wipe-away	compounding	
30		Toxic productivity	compounding	
31		Demographics & Safety/security measures	Coronials	blending & affixation
32			Gen(eration) C	Compounding & clipping
33			Quaranteens	blending
34			Elbump	blending
35			Coronadodge	compound
36			Covid waltz	compound
37			Ronadobbing	compounding & clipping
38			Corona snitching	compounding
39			Covidobbing	compounding
40			Coronagrass	compounding
41			Corona-shaming	compounding
42			Masklessness	affixation
43			Whack-a-mole	compounding
44			Describing new realities	Quarantime
45		Coronatimes		affixation
46		BCV, BC		abbreviation
47		Coronapocalypse		compounding
48		The coronopticon		compounding
49		Coronanoia		blending
50	Coronasplaining	blending		
51	Coronaspiracy theories	blending		
52	Lockdowners	compounding & affixation		
53	Coronaclickbait	compounding		
54	Loxit	Blending		
55	Loxino	blending		
56	Circuit-breakers	compounding & affixation		
57	Unlockdown	loan translation (from French 'deconfinement')		
58	Coronaphobia	compounding		
59	Coronavirus bubbles	compounding		
60	Coronawashing	compounding		
61	Corona crunch	compounding		
62	Corona coaster	compounding		

No.	Socio-pragmatic functions	Listing of neologisms and word-formation processes	
		Listing of neologisms	Word-formation process
63		Cleanliness theatre	compound & affixation
64		Vaccine nationalism	compounding
65		Scarring	folk etymology
66		Security theater	compounding
67		Lockstalgia	blending
68		Clandestine barbers	compounding
69		Coronavirus	compounding
70		Covideo party	blending
71	Other	Covexit	blending
72		Blursday	blending
73		Zoombombing	compounding
74		Corona speck	compounding
75		Drive-thru testing	compounding
76		Covidivorce	blending
77		Coronacation	blending
78		Covid-10	folk etymology
79		Doom scrolling	compounding
80		Corona moaner	compounding
81		Coronababies	compounding
82		Coronacoma	compounding
83		Nurcorana	blending
84		Corona niggers	compounding
85		Corona Bonus	compounding
86		Herd immunity	compounding
87		Index case	compounding
88		Novel coronavirus	compounding
89		PPE	abbreviation
90		Physical distancing	compounding
91		Self-quarantine:	compounding
92		Shelter-in-place	compounding
93		Super-spreader	compounding
94		Social distancing	compounding
95		PUM	abbreviation
96		PUI	abbreviation
97		Situation report	compounding
98		Transmission	affixation
99		Zonotic	affixation
100		Contactless delivery	compounding & affixation
101		Quarantini	blending
102		Zoom-room	compound
103		Hamsterkaufing	Borrowing (from German)
104		Drivecation	blending

Article history:

Received: 14 September 2020

Accepted: 22 January 2021

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 14 сентября 2020

Дата принятия к печати: 22 января 2021

Bionotes:

Saleh AL-SALMAN is Professor of Linguistics, former Dean and Chair of the English Department. He has been involved in the teaching of language, linguistics, and translation at the under-graduate and post-graduate levels. He received Fulbright and DAAD Research Fellowships in 1996 and 2002, respectively. He is a published writer and member of the editorial boards of specialized and refereed research journals. His research interests include theoretical and applied linguistics, semantics, pragmatics and translation studies.

Contact information:

Applied Science Private University

Al Arab st. 21, Amman, Jordan, 11931

e-mail: salehalsalman2000@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0103-1330

Ahmad S. HAIDER received his PhD in Linguistics from the University of Canterbury, New Zealand. His current research focuses on how political events are socially, discursively and linguistically represented in media combining Corpus Linguistics and (Critical) Discourse Analysis. His main areas of interest include corpus linguistics, discourse analysis, pragmatics and translation studies. Dr. Haider has built different large Arabic and English corpora. He professionally masters different Corpus Linguistic software packages.

Contact information:

Applied Science Private University

Al Arab st. 21, Amman, Jordan, 11931

e-mail: Ah_haider86@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-7763-201X

Сведения об авторах:

Салех АЛЬ САЛМАН – доктор наук, профессор лингвистики, бывший декан и заведующий кафедрой английского языка. Преподает английский язык, лингвистику и перевод в бакалавриате, магистратуре и аспирантуре. В 1996 г. стал лауреатом стипендиальной программы Фулбрайта, а в 2002 г. – программы DAAD. Имеет публикации, является членом редакционных советов рецензируемых научных журналов. Его научные интересы включают теоретическую и прикладную лингвистику, семантику, прагматику и переводоведение.

Контактная информация:

Applied Science Private University

Al Arab st. 21, Amman, Jordan, 11931

e-mail: salehalsalman2000@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0103-1330

Ахмад С. ХАЙДЕР, получил степень PhD в Кентерберийском университете, Новая Зеландия. В настоящее время занимается социальной, дискурсивной и лингвистической репрезентацией политических событий в средствах массовой информации. Основные сферы его научных интересов включают корпусную лингвистику, дискурс-анализ, прагматику и переводоведение. Является составителем обширных арабских и английских корпусов. Обладает профессиональным знанием различных пакетов программного обеспечения корпусной лингвистики.

Контактная информация:

Applied Science Private University
Al Arab st. 21, Amman, Jordan, 11931
e-mail: Ah_haider86@yahoo.com
ORCID: 0000-0002-7763-201X

DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-43-67

Research article

Translating deictic motion verbs among Bulgarian, Croatian, and Serbian: A corpus-based study

Svetlana NEDELICHEVA¹ and Ljiljana ŠARIĆ²¹ Shumen University
*Shumen, Bulgaria*² University of Oslo
Oslo, Norway

Abstract

This article deals with translating South Slavic deictic verbs. Specifically, we consider translations among Bulgarian, Croatian, and Serbian. Deictic verbs are verbs whose interpretation is dependent on the location of speech-act participants (Fillmore 1997), such as *come* and *go*. In research on Slavic, certain motion verbs' prefixes have been discussed as “deictic prefixes” (see Grenoble 1991, Filipović 2009, Łozińska 2018). Particular emphasis in this analysis is on the prefixed motion verbs *dojda/doći*, *idvam/dolaziti*, *otida/otići*, and *otivam/odlaziti* found in Bulgarian, Croatian, and Serbian literary texts and their translations. We present a brief quantitative overview and conduct a qualitative study of deixis-related meanings, paying necessary attention to other non-deictic meanings. Special attention is given to the constructional interplay of various deictic elements that co-occur with deictic verbs. Since we deal with literary texts and not everyday interaction, we consider the genre and context and apply the notion of viewpoint, which also covers the mental viewpoint adopted by the narrator, in addition to the “deictic” viewpoint of one of the speech participants. In the study, we observed shifts in point-of-view from deictic to non-deictic construal and vice versa, and from dynamic to static construal. These phenomena relate to the fact that in a text with a third person narrator, there is no innate deictic centre, while in casual conversation, the interlocutors create the deictic centre. The results show a preference for using *come* when motion towards a protagonist is described in a neutral context.

Keywords: *Deixis, verbs of motion, corpus-based study, Bulgarian, Croatian, Serbian*

For citation:

Nedelcheva, Svetlana & Ljiljana Šarić. 2021. Translating deictic motion verbs among Bulgarian, Croatian, and Serbian: A corpus-based study. *Russian Journal of Linguistics* 25 (1). 43–67. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-43-67

Перевод дейктических глаголов движения между болгарским, хорватским и сербским языками: корпусное исследование

Светлана НЕДЕЛЬЧЕВА¹ и Лиляна ШАРИЧ²

¹ Шуменский университет

Шумен, Болгария

² Университет Осло

Осло, Норвегия

Аннотация

Статья посвящена переводу южнославянских дейктических глаголов движения между болгарским, хорватским и сербским языками. Дейктическими называются глаголы, интерпретация которых зависит от местонахождения участников речевого акта (Fillmore 1997), таких как *come* (приходить) и *go* (уходить). В исследованиях славянских языков некоторые префиксы глаголов движения трактуются как «дейктические префиксы» (см. Grenoble 1991, Filipović 2009, Łozińska 2018). Особое внимание в настоящем анализе уделяется префиксальным глаголам *dojda/doći, idvam/dolaziti, otida/otići* и *otivam/odlaziti*, обнаруживаемым в болгарских, хорватских и сербских литературных текстах и их переводах. Мы представляем краткий количественный обзор и проводим качественное исследование значений, связанных с дейксисом, уделяя необходимое внимание недейктическим значениям. Особый упор сделан на конструктивном взаимодействии дейктических элементов, сопутствующих дейктическим глаголам. Поскольку мы имеем дело с литературными текстами, а не бытовым взаимодействием, мы рассматриваем жанр и контекст и используем понятие «точка зрения», которое также включает ментальную точку зрения нарратора, в дополнение к «дейктической» точке зрения одного из участников речевого взаимодействия. В процессе исследования мы наблюдали переход точек зрения от дейктического к недейктическому конструированию ситуации и наоборот, а также от динамического к статическому конструированию. Эти явления связаны с тем, что в повествовании от третьего лица отсутствует внутренний дейктический центр, в то время как в бытовых ситуациях дейктический центр создается собеседниками. Результаты исследования показывают, что предпочтение отдается глаголу *приходить*, когда в нейтральном контексте описывается движение по направлению к главному герою.

Ключевые слова: дейксис, глаголы движения, корпусное исследование, болгарский язык, хорватский язык, сербский язык

Для цитирования:

Nedelcheva S., Šarić L. Translating deictic motion verbs among Bulgarian, Croatian, and Serbian: A corpus-based study. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25. № 1. P. 43–67. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-43-67

1. Introduction

Translating deixis can be a challenge for the translator. Various semantic and grammatical differences in language structure between the source language and the target language may cause difficulties in the translation process and lead to rendering an ambiguous target-language text. Correct deixis translation helps avoid misunderstanding on the part of the reader. The translator should accurately reveal the interlocutors' locations and how they move in space. We discuss prefixed

motion verbs with deictic content and their translations following one of the main assumptions of cognitive linguistics: the understanding of such verbs requires extralinguistic knowledge.

Motion verbs serve as a point of access to speakers' encyclopedic knowledge. The encyclopedic view of meaning recognizes the essential role of both linguistic and extralinguistic contexts. Furthermore, the meaning of a linguistic unit depends on *construal*, which implies categorizing the same spatial situation in different ways that depend, on the one hand, on the speaker's world knowledge and specific viewpoint, and on the other, on the speaker's choices and the structure of the language used. The meaning dependent on construal implies not only some "objective" content but also how that content relates to the speaker. We will illustrate this with a few examples, considering deictic expressions in originals and literary translations from Croatian and Serbian to Bulgarian and from Bulgarian to Croatian. The differences between the source language and the target language may relate to the available set of deictic expressions (two-way deictic opposition versus three-way),¹ and to specific choices made by the translators, who may adhere to the viewpoint conveyed in the original or choose another viewpoint, if the alternative solution seems equally logical in a given situation. Further, when confronted with similar languages, that is, translating from one Slavic language into another, translators can often choose a deictic prefixed verb very similar in form to the source expression as a translational equivalent. However, such choices may not be best because the meaning of verbs similar in form is not necessarily very close, and these may not be ideal translation equivalents, as we will show below. Translations may also avoid deictic information provided in the originals or may add deictic information. Further, deictic information conveyed by prefixed verbs can be strengthened by adding additional deictic information in translations.

2. Theoretical background

2.1. Spatial deixis

Deixis refers to "the location and identification of persons, objects, events, processes and activities being talked about, or referred to, their relation to the spatiotemporal context created and sustained by the act of utterance and the participation in it" (Lyons 1977: 637). It involves a (subjective) distinction between what is perceived as "proximal" to the deictic centre (DC) and what is perceived as "non-proximal" or "distal". Arguably, the most prototypical dimension of deixis is space deixis, which involves references to locations in terms of their perceived position in relation to the DC. Proximal deictic expressions such as *here* and *this* refer to locations that are perceived as close to the DC, and non-proximal

---

¹ Standard Bulgarian has a simplified two-way deictic opposition. The dialects of the central Rhodopes and transitional dialects of the extreme west of Bulgaria have three-way deictic systems in pronouns and articles. (Friedman 2006: 212). Croatian, as most of Bosnian/Croatian/Serbian, has a three-way deictic distinction.

expressions such as *that* and *there* refer to locations that are perceived as far from that position. Space deixis includes the use of the motion verbs “come” and “go” to indicate, respectively, movement towards and away from the DC.

In a prototypical face-to-face communication, participants share the same fragment of reality and refer to it, that is, to the same place, which is “here” for both of them: the speaker is the determining factor, the centre on which the coordinate axes of time and space in the utterance are built. In this case, Bühler (1934) talks about deixis in sight and hearing, primary deixis, or deixis of the dialogue (e.g., Lyons 1977: 637–638; Nitsolova 1984: 71). In many other cases, such as, for example, in literary third-person narratives, in retelling, in giving instructions, and the like, deictic words represent a foreign (e.g., in a novel, a protagonist’s) and not the speaker’s (narrator’s) point-of-view in spatial orientation. In this secondary spatial deixis, the DC is shifted to the protagonist’s location or to a salient place.

2.2. Deictic meaning of motion verbs. Deictic prefixes

Prefixes such as *do-* ‘to’ and *od-/ot-* ‘from’ in Bulgarian and Croatian, which denote motion to and away from the speaker, respectively, belong to grammaticalized sets of deictic expressions (Łozińska 2018). To account for their deictic uses, analyzing the language alone is not sufficient; the interactional situation should also be considered—the time and place of their occurrence, the identities of the speaker and the listener, and the objects and events in the situational context (Lyons 1981: 170). A deictic expression includes reference to some ground element, and with this, a certain facet of the ground becomes objectified. The default senses of some verbs (e.g. English *come* and *go*, Bulgarian *dojda* and *otida*) are considered deictic because they presuppose a reference point equated with some element of the ground (Langacker 1987: 126–127). The deictic content in Slavic in descriptions of motion events is usually conveyed either by prefixes such as in (a) and (c), or by some other lexical units (e.g., adverbials in (b) and (d)):

1. (a) *Otišao je u školu u osam.* ‘He went to school at 8 am.’ (Cro.)
(b) *Sjedio je tu dva sata.* ‘He was sitting there for two hours.’ (Cro.)
(c) *Otide tam i sedna.* ‘(He/she) went there and sat.’ (Blg.)
(d) *Često li idvaš² tuk?* ‘Do (you) come here often?’ (Blg.)

According to Fillmore (1971: 52), *come* “indicates the location of either the speaker or the listener at either coding time or reference time, or toward the location of the home base of either the speaker or the hearer at reference time”. Similar phenomena can be illustrated by the use of Slavic deictic motion verbs—these usages are canonical because the speaker typically occupies the DC and adopts an egocentric worldview.³

---

² In Bulgarian, the equivalents of ‘come’ *dojda* – *idvam* are distinguished due to their aspect, i.e. the perfective verb *dojda* corresponds to the imperfective *idvam*.

³ The usages of the English *come* in *Come here!* and *Come here at dawn!* provide the prototypical deictic sense of the English *come* (Radden 1996: 429).

- The speaker’s location at coding time
- 2. (a) Cro. *Dođi odmah ovamo* [čekam te]! ‘Come here immediately (I am waiting)!’
(b) Blg. *Idvaj⁴ tuk*, čuvaš li? (BuNC) ‘Come here! Do you hear me?’
- The speaker’s location at reference time
- 3. (a) *Dođi ovamo/ovdje* kad ti bude teško... (hrWaC) ‘Come here when you are in trouble.’
(b) *Idvaj tuk*, kogato imaš neprijatnosti. (BuNC) ‘Come here when you are in trouble.’

These usages provide the prototypical deictic sense of the verbs *doći/dojda* (*idvam*). The speaker may assume the listener’s point-of-view at either coding or reference time, which is the case in (4a–b), with the assumption that the listener is at the square/school at the moment of speaking, or will be at the listener’s home base⁵ at the time agreed upon (4c) or appointed (4d):

- 4. (a) Cro. *Doći ću tamo* na plac. ‘I will come (there) to the square.’
(b) Blg. *Šte dojda* v učilišteto. ‘I’ll come to the school.’
(c) *Stoga nas pozovite... doći ćemo* u dogovoreno vrijeme. (hrWaC) ‘Call us... we will come at the agreed time.’
(d) *Šte dojdem tam* naj-mnogo do čas... (BuNC) ‘We’ll come there in no more than an hour.’

Some (prefixed) motion verbs describe a situation in which it is still possible to interact with the moving figure (the figure is accessible within the region of interactive focus (Lindner 1983)), whereas some others imply that the figure is beyond reach. The location of the viewpoint in a narrative/discourse may be inferred from the context and from the distribution of attention in the discourse.

In existing research on Slavic, the deictic content has been discussed in relation to the prefixes *przy-/pri-* and *po-* and to *wy-/vy-* and *w-/v-* in Polish and Russian (Łozińska 2018, Apresjan 1986, Grenoble 1998, Lewandowski 2014, von Waldenfels 2016). Łozińska (2018) claims that deictic motion away from or towards the speaker is typically coded by the Polish *po-* and *przy-* (although *w-* and *wy-* also have deictic senses); *przy-* and *pri-* in Polish are primarily used to code the deictic relation of approaching the speaker or another DC, such as the place where the conceptualizer’s attention is focused. South Slavic *od-/ot-* and *do-* are comparable to *po-* and *przy-*: these prefixes code motion away from or towards the speaker.

The systemic relationships between the lexical meanings of Bulgarian motion verbs, as well as their use as deictic means of language, are studied by Trifonova

---

⁴ The uses of *idvaj* (2 p. sg.) are not unambiguous—the movement may be directed both to the speaker’s position at the moment of speaking and to his/her place at the moment of reference (Nicolova 1984: 78–79).

⁵ Usages involving the home base result from the metonymic transfer from person to place.

(1982), Nitsolova (1984), and Stanisheva (1985). Stanisheva claims that the verbs *otivam/otida* are used in cases when the speaker and the listener are in one place and “the movement is directed to another place” (Stanisheva 1985: 80). Following Fillmore’s terminology (1983), Tchizmarova classifies the verbs as source-and-path oriented, path-and-goal oriented, path-oriented, goal-oriented, and source-oriented. Her semantic analysis of seven motion verbs (*otivam, idvam, hodja, vārvja, zaminavam, trāgvam, and pristigam*) leads to the conclusion that each change-of-location verb “has its domain based on the meaning encoded in the verb and on the meaning of its modifiers, e.g., AdvPs and PPs” (Tchizmarova 2007: 144). They are rarely interchangeable and involve a shift of focus when one replaces another.

In the accounts of Cro. and Serb. verbs prefixed by *od-/do-*, scarce attention has been given to deictic information. Filipović’s (2010) study shows that these verbs typically indicate movement “to or from the speaker or a scene”, and the author claims that Serbian and Croatian have deixis as a strong feature of the system, which is reflected in the frequent use of *do-/od-* verbs. These verbs occur much more frequently than those having any other prefix in Serb./Cro.⁶ There is a preference for deictic *od-/do-* verbs in motion expressions, even when other prefixed verbs (e.g., *iz-*verbs) are possible. *Otići* and *doći* (both related to *ići*, ‘go’) are presumably the most frequent among these verbs because they are “generalized” motion verbs: in Cro./Serb. they can apply to different manners of motion, which can be expressed by another semantically much richer/more specific verb (e.g., *doći teturajući* versus *doteturati* ‘come stumbling’).⁷

In the deictic uses of verbal prefixes, the type of construal of the profiled spatial relations is such that speakers are not explicitly profiled—what is profiled is their vantage point; their line of sight is evoked, and with this, they become “objectively construed” to some extent.

3. Data and methodology

In the following analysis, we provide a contrastive view of two verb pairs attested in a small collection of literary texts (six novels) translated from Croatian and Serbian into Bulgarian (three novels) and from Bulgarian into Croatian (three novels). Our choice of the texts for the small parallel corpus, which we compiled ourselves (see Table 1), was influenced by the availability of texts that (a) employ

---

⁶ Filipović used the Croatian national corpus in her study.

⁷ Cro. and Serb. dictionaries give hardly any information about the deictic information these verbs carry (e.g., there is no mention of speaker/hearer in the short definitions in HJP), contrary to Bulgarian dictionaries that provide this information (see BTR 1979 and RBE 1990). The deictic component in the meaning of *ida1/idvam* ‘come’ is pointed out in dictionary entries of the Bulgarian Interpretation Dictionary (1979) (BTR) and the Dictionary of Bulgarian Language (1990) (RBE). According to BTR, *ida* 1 ‘come’ means “moving in the direction of the speaker or the person who is spoken to; I come”, and according to RBE, *idvam* ‘come’ means “1. I move, usually to the place where the person who speaks is, I’m approaching, 2. I come to the place where the person who is talking is located.”

“modern language” and (b) entail a fair number of prefixed motion verbs that can be considered deictic in some of their usages.

We concentrate on two verb pairs in Croatian and Serbian and two corresponding verb pairs in Bulgarian, considering all the examples from the novels with the following verbs (all their morphological forms) meaning COME and GO: Bulgarian *dojda* (pf.) – *idvam* (ipf.);⁸ *otida* (pf.) – *otivam* (ipf.); Croatian and Serbian *doći* (pf.) – *dolaziti* (ipf.); *otići* (pf.) – *odlaziti* (ipf.).

Table 1

Corpus of the study

Serbian and Croatian originals	Bulgarian translations	Words (originals)
Andrić, Ivo: <i>Na Drini ćuprija</i> (Serb.), 1945. NDĆ	<i>Mostät na Drina</i> ; transl. Liliija Kackova (1964)	115,423
Pavić, Milorad: <i>Hazarski rečnik. Roman-leksikon u 100.000 reči (Muški primerak)</i> (Serb.) 1984. Haz	<i>Hazarski rečnik</i> ; transl. Hristijana Vasileva (2005)	87,212
Krleža, Miroslav: <i>Povratak Filipa Latinovicza</i> (Cro.) 1932. PFL	<i>Završtaneto na Filip Latinovič</i> ; transl. Sijka Račeva (1966)	66,073
Total Serb. and Cro. → Blg.		268,708
Bulgarian originals	Croatian translations ⁹	Words
Andreev, Emil. <i>Stäklenata reka</i> . Sofia, 2004. GIRiv	<i>Staklena Rijeka</i> ; transl. Ana Vasung (2015)	84,289
Karabashliev, Zakhari. <i>18% sivo</i> . Sofia, 2008. 18%G	<i>18% sivo</i> ; transl. Ksenija Banović (2016)	74,758
Vulchanova, Ina. <i>Ostrov Krah</i> . Sofia, 2017. OKr	<i>Otok Krah</i> ; transl. Ksenija Banović (2018)	54,151
Total Blg. → Cro.		213,198

In Bulgarian, *dojda/idvam* ‘come’, *otida/otivam* ‘go’ are in opposition to *hodja* ‘go, walk’ (indicating non-directed movement). Both *idvam* and *otivam* imply directed movement; the same goes for *doći* and *otići*. In their turn, *dojda/idvam* ‘come’ and *otida/otivam* ‘go’ are in opposition by the feature “the place of the speaker and/or the listener” in their deictic usages. The same applies to *otići/odlaziti* and *doći/dolaziti*. Cro. and Serb. *hodati* indicates non-directed movement, whereas *ići* can refer to both directed and non-directed movement.

⁸ The imperfective counterpart of Cro./Serb. *doći* is *dolaziti*. The exact Bulgarian equivalent of Cro./Serb. *dolaziti* and imperfective counterpart of *dojda* is *dohoždam* or *dohaždam*, which is not used in our corpus. *Dohoždam/dohaždam* are archaic and stylistically marked. Contemporary Bulgarian uses *idvam* in contexts in which the imperfective form of *dojda* is required; therefore, we treated *idvam* as the imperfective counterpart of *dojda*, as modern manuals do (<https://rechnik.chitanka.info/>). In fact, in our corpus, *idvam* is the most frequent translation of *dolaziti*.

⁹ We are grateful to the publisher Hena.com and Nermina Husković, who provided searchable versions of the Croatian translations of the novels *18% sivo* and *Ostrov Krah*, and to the translator of *Stäklenata reka*, Ana Vasung who provided the Croatian translation of the novel. Many thanks also go to Adriaan Barentsen who provided searchable versions of the novels *Hazarski rečnik* and *Na Drini ćuprija* and their Bulgarian translations.

Verb frequency and translation equivalents

Table 2 provides an overview of the verbs examined in Serbian and Croatian novels and their translational equivalents. We identified the examples with “spatial” usages (potentially deictic) of the verbs in the originals. “Space” includes movement of abstract phenomena (e.g., temporal contexts with moving time).

Doći/dolaziti are in 61% and 66% of the examples translated with *dojda/idvam*, and in a considerable number of remaining cases with *stigna* ‘arrive’ and its prefixed forms. *Nastāpi* ‘occur’ and *javi se* ‘appear’ are also found repeatedly for *doći*. *Dolaziti* is often rendered (*pri*)*stiga* ‘arrive’. The translation equivalents of such instances reveal that prefixed deictic verbs in the source language can be rendered by non-deictic verbs in the target language and vice versa; deictic verbs in translated texts can stand for non-deictic in the originals.

Table 2

Serb. and Cro. *doći/dolaziti* (pf./ipf.) and *otići/odlaziti* (pf./ipf.)

Serb. and Cro. novels	No. of ex. <i>doći</i> (pf.)	Transl. <i>doći</i> = <i>dojda</i>	<i>doći</i> = another verb or phrase*	* <i>doći</i> = (na-/pri-do- <i>stigna</i>)	<i>dolaziti</i>	<i>dolaziti</i> = <i>idvam</i>	<i>dolaziti</i> = another verb/phrase*
<i>Na Drini ćuprija</i> (Serb.)	120 (91 space)	82	38	19	80 (54)	55	25
<i>Hazarški rečnik</i> (Serb.)	97 (71)	55	42	20	53 (37)	34	19
<i>Povratak Filipa Latinovicza</i> (Cro.)	56 (46)	31	25	7	33 (28)	20	13
	<i>otići</i>	<i>otići</i> = <i>otida</i>	<i>otići</i> = another verb/phrase*	*of these	<i>odlaziti</i>	<i>odlaziti</i> = <i>otivam</i>	<i>odlaziti</i> = another verb/phrase*
<i>Na Drini ćuprija</i>	43 (39)	26	17	5 <i>trāgna/trāgvam</i> 5 <i>zamina/zaminavam</i>	37 (36)	23	14 6 <i>zamina/zaminavam</i>
<i>Hazarški rečnik</i>	39 (37)	29	10	5 <i>trāgna/trāgvam</i>	9 (9)	4	2 <i>hodja</i>
<i>Povratak Filipa Latinovicza</i>	6 (6)	5	1	1 <i>dojda</i>	2 (2)	0	2 <i>izljaza/izlizam</i>

Otići/odlaziti are in 67% and 55% of the examples rendered *otida/otivam*. Frequent choices are also *trāgna/trāgvam* and *zaminal/zaminavam*.

Table 3 presents the cases in which *dojda/idvam* ‘come’ and *otida/otivam* ‘go’ are used in Bulgarian translations as equivalents of verbs other than *doći/dolaziti* and *otići/odlaziti*.

Table 3

Come and go used in Blg. translations, not in the originals

	<i>dojda</i>	<i>idvam</i>	<i>otida</i> (pf.)	<i>otivam</i> (ipf.)
<i>Na Drini ćuprija</i>	42	41	17	23
<i>Hazarski rečnik</i>	18	5	8	11
<i>Povratak Filipa Latinovicza</i>	9	6	23	13

The most frequent Serb. verbs translated with the Blg. *dojda* (pf.) ‘come’ are *stići* ‘arrive’, *naići* ‘come’, *prići* ‘approach’ and with the Blg. *idvam* (ipf.) ‘come’ – *stizati* ‘approach’, *nailaziti* ‘come (across)’; *stići* ‘arrive’, *naići*, *ići* ‘go’, *poći* ‘leave’. Other verbs used in Cro. (PFL) are *pristupiti* ‘approach’, *doputovati* ‘arrive’, *pojavititi se* ‘appear’, *pokrenuti se* ‘move’. The Blg. *idvam* is frequently found in translating Cro./Serb. contexts employing static construals (*biti* ‘be’). The most frequent verb translated with the Blg. *otida/otivam* ‘go’ is *ići*, followed by *poći* ‘leave’, *prići* ‘approach’, *preći* ‘cross’, *krenuti* ‘set off’, *pristupiti* ‘approach’, *ući* ‘enter’. In similar cases, the Blg. translation adds deictic information not expressed in the originals or conveys deictic information expressed by other means in the original by using deictic verbs.

Table 4 provides an overview of verbs examined in Bulgarian novels and their translational equivalents.

Table 4

Results for Blg. *dojda/idvam* (pf./ipf.), *otida/otivam* (pf./ipf.)

Bulgarian novels	No. of ex. <i>dojda</i> (pf.)	Transl. <i>dojda</i> = <i>doći</i>	<i>dojda</i> = another verb or phrase*	* <i>dojda</i> = (<i>stići</i> , (<i>pri</i>) <i>stići</i>)	<i>idvam</i>	<i>idvam</i> = <i>dolaziti</i>	<i>idvam</i> = another verb/phrase*
<i>Stäklenata reka</i>	121 (98 space)	98	23	6	91 (68 space)	75	16
<i>18% sivo</i>	48 (27 space)	32	16	5	44 (26 space)	36	8
<i>Ostrov Krah</i>	57 (45 space)	50	7	3	46 (21 space)	37	9 2 <i>stići</i> 1 <i>prolaziti</i>
	<i>otida</i>	<i>otida</i> = <i>otići</i>	<i>otida</i> = another verb or phrase*	*of these	<i>otivam</i>	<i>otivam</i> = <i>odlaziti</i>	<i>otivam</i> = another verb/phrase*
<i>Stäklenata reka</i>	96 (85 space)	81	15	1 <i>stići</i> 1 <i>ići</i> , 1 <i>doći</i>	24 (18 space)	20	4 3 <i>ići</i>
<i>18% sivo</i>	29 (27 space)	20	9	1 <i>zaputiti</i> se 1 <i>doći</i>	28 (25 space)	18	10 2 <i>ići</i>
<i>Ostrov Krah</i>	38 (37 space)	27	11	2 <i>doći</i> 2 <i>završiti</i>	33 (28 space)	25	8 4 <i>ići</i>

The Blg. *dojda* and *idvam* (see Table 4) are translated in 79% and 82% of the examples with *doći/dolaziti*. The dominant equivalents in the remaining cases are *stići*, *(pri)stići* ‘arrive’. The Blg. *dojda* is also rendered *pojavit se*, *nastati* ‘appear’.¹⁰ Apart from *dolaziti*, *idvam* ‘come’ is often translated with *ići* and *doći*. When the meaning in Blg. is ‘originate’, in Serb./Cro. the translator chooses *dolaziti*, *proizići*, or a verbless phrase. Spatial uses of *otida/otivam* ‘go’ outnumber considerably those of *dojda/idvam* ‘come’. The Blg. *otida/otivam* ‘go’ are widely translated with *otići/odlaziti* ‘go’ (*otida* → *otići* 78%; *otivam* → *odlaziti* 74%), but we also found instances of *doći* ‘come’, *ići* ‘go’, and *stići* ‘arrive’.

As can be seen in Table 5, Cro./Serb. translations use the equivalents of *come* and *go* when originals used some other verbs.

Table 5

Come and go in Cro./Serb. translations, not in the originals

	<i>doći</i>	<i>dolaziti</i>	<i>otići (pf.)</i>	<i>odlaziti (ipf.)</i>
<i>Stäklenata reka</i>	27	7	43	12
<i>18% sivo</i>	15	11	20	6
<i>Ostrov Krah</i>	13	5	21	11

The most frequent Blg. verbs rendered *doći* (pf.) ‘come’ are static constructions (Blg. *säm* ‘be’) and *stana* ‘become’, *vljaza* ‘enter’, *stigam* ‘arrive’, and rendered *dolaziti* (ipf.) ‘come’ – *trägvam* ‘set off’, *otpravjam se* ‘head for’, *hodja* ‘walk’. Blg. originals also used *minavam* ‘pass’, *otdalečavam se* ‘walk away’, and *pristäpvam* ‘step to’ when the translations chose *doći/dolaziti*. *Otići/odlaziti* ‘go’ are frequent translation equivalents of Blg. directed-motion verbs *trägvam* ‘set off’ and *zaminavam* ‘leave’ but also the path-oriented *värvja* ‘go, walk’ and *hodja* ‘walk’. Other frequent verbs are *izlizam* ‘go out’, *otpravjam se* ‘head for’, and *izbjagam* ‘run away’.

4. Analysis

Generally, in the case of motion away from the speaker, the source is the DC, and in the case of motion towards the speaker, the goal carries deictic information. *Otići/otida* ‘go’ lexicalizes movement away from the deictic source, whereas the conceptualizer’s attention may follow the protagonist (and subsequent events take place at the goal of the movement), or the narrator’s attention does not follow the central figure and subsequent events take place at the source of the movement. In addition to the deictic source, the prefix codes the initial part of the trajectory (but nevertheless, motion events described are usually goal-oriented). Profiling the initial part of the trajectory is a separate sense of the prefix that is devoid of deictic information. Motion away from the DC towards a known or unknown goal is lexicalized by means of *od-/ot-*; it designates motion out of the

¹⁰ There are a number of instances of fixed, non-spatial expressions, such as *dojde mu naum* ‘it came to his mind’ – *palo/padalo mu je na pamet*.

narrator's/conceptualizer's region of interactive focus.¹¹ Deictic motion towards the “speaker” (narrator, character in the novel) is coded *doći/dojda* ‘come’ (but can also be coded *pri-*, or another prefix carrying deictic information).

4.1. Similar construals in the originals and translations

4.1.1. *Doći, dojda (pf.) – dolaziti, idvam (ipf.) ‘come’*

The verbs imply movement ‘to the reference point’ in which the *reference point* refers to the speaker's (that is, character's or narrator's) position, or a scene-setting that is in the focus of the reader's attention—a position created by the narrative voice as the DC.

For example, in NDC, the general “spatial deictic centre” of the events (and readers' attention) is a small town, *kasaba*, and its surroundings (see 5). Another general and even broader “spatial deictic centre” is Bosnia. Many “comings” and “goings” in the novel relate to these locations:

5.

<p>Ima više od petnaest godina... doselio se u <i>kasabu</i> neki Mađar sa ženom... Odmah se saznalo da su došli sa namerom da u <i>kasabi</i> otvore radnju za koju u narodu nije bilo imena. I otvorili su je <i>tamo na kraj varoši</i>, ispod visokih topola koje rastu na podnožju Stražišta, u jednoj staroj begovskoj kući... (NDC)</p>	<p>Predi <i>poveče</i> ot petnajset godini... v gradčeto se zaseli edin mađžarin s žena si... Vednaga se razbra, če sa došli v <i>gradčeto</i> da otvorjat zavedenie, za koeto narodāt njamaše ime. I go otvorih a <i>nakraj grada</i>, pod visokite topoli, koito rastat v podnožieto na Stražište, v edna stara bejska kašta...</p>	<p>More than fifteen years ago ... a Mažar settled <i>in the hamlet</i> with his wife... It was immediately clear that they had come to the hamlet to open a place for which the people had no name. And they opened it (<i>there</i>) <i>in the outskirts</i> of town, under the high poplars growing at the foot of Stražište, in an old bey house...</p>
---	--	--

The Bulgarian verb *idvam* ‘come’ marks a movement of the figure towards the location of the other participant in the conversation/situation, that is, a “movement towards a place which could be designated as *here* from the point-of-view of the speaker or hearer” (Trifonova 1982: 111, cf. Kostova 2004: 5–8). Despite the common collocation of *idvam* ‘come’ with the deictic adverb *here*, in (6) the reference place is marked with *tam/tamo* ‘there’ because the narrator is at a distance from it at coding time. The lead character, Marica, would not hypothetically move to the reference place, which is Victor's house. The use of *idvam/dolaziti* ‘come’ is motivated by the fact that both Victor and the narrative voice will be at the house at the reference time.

¹¹ The deictic motion away from the speaker towards a known goal is most frequently performed by means of the prefix *po-* in both Polish and Russian (Łozińska 2018: 193).

6.

– Može da dojdete pri mene – predloži Viktor. (...) Šteše da sledi Viktor dali izliza noštem, a Marica ne bi idvala , kogato i toj e <i>tam</i> . (GIRiv)	Možete doći k meni – predložio je Viktor... Može pratiti Viktora izlazi li noću, a Marica neće dolaziti dok je on <i>tamo</i> .	“You can come to my place,” Victor suggested... He would watch Victor going out at night, and Marica would not come when he was <i>there</i> .
---	---	--

The narrator’s perspective on the scene is adopted both at coding and reference time. He is distal from the house at coding time but he will be proximal at reference time, when Marica would come. The Blg. conditional *bi idvala* ‘would come’ differs from the renarrative evidential form in aorist *došli sa* (in 5) because the former refers to a repetitive round trip, while the latter marks a single, one-directional completed trip (Alexander 2000b: 14).

4.1.2. *Otići, otida* (pf.) – *odlaziti, otivam* (ipf.) ‘go’

Otići, otida (pf.) – *odlaziti, otivam* (ipf.) ‘go’ are source- and path-oriented verbs that imply movement ‘from the reference point’: the *reference point* refers to the speaker’s (that is, the character’s/narrator’s) position or scene-setting that is the focus of the listener’s (that is, reader’s) attention.

A significant difference between Cro./Serb. *otići* and Blg. *otida* ‘go’ pertains to the type of constructions in which the verbs appear. With *otida* (pf.)/*otivam* (ipf.), the goal or final destination is always specified, except in elliptical constructions in which the goal is mentioned in the broader context (Tchizmarova 2007: 124). A comparison between *idvam* ‘come’ and *otivam* ‘go’ shows that they share the sense of ‘directedness’ to an end point (Alexander 2000a: 106). With *otići* (pf.)/*odlaziti* (ipf.) ‘go’, the goal does not have to be specified (see below).

With *otići/odlaziti, otida/otivam* ‘go’ the motion event is conceptualized from the source-oriented perspective. Intrinsic features of their meaning are the movement away from the source and along a path. The third element of the movement—the goal—can be specified by an adverbial. In NDC, for instance, the narrator’s voice usually centres the reader’s attention in the small town, which is the general spatial DC, often referred to with *here* ‘ovde’, see (7). When the narrator chooses the perspective of departure, that perspective in many cases implies leaving the town. Note that the Blg. translation omits the first spatial adverb *ovde* ‘here’.

7.

Preko sto porodica odlazi u Sarajevo, gde ima izgleda da će biti smešteni, a petnaestak ostaje <i>ovde u kasabi</i> ; to su većinom oni koji <i>ovde</i> imaju nekog svoga. (NDC)	Poveče ot sto semejstva otivaha v Saraevo, gdeto imalo izgledi da bādat nastaneni, a petnajsetina ostavaha (...) v <i>gradčeto</i> ; povečeto ot tjah imaha <i>tuk</i> po njakoj svoj.	More than a hundred families went to Sarajevo, where they were likely to be accommodated, and about fifteen remained (here) <i>in the hamlet</i> ; most of them had somebody <i>here</i> .
--	---	---

The adverbial, which introduces the goal of the movement, is realized by a PP (*u/v Sarajevo*).

In (8), the narrative focus of attention is first on the location called Mejdán, where the protagonist was located before leaving for the main sublocation of the narration (*varoš*) at the medial distance from the narrator's point-of-view (indicated by *tu*). Subsequently, the narrator leads the reader to a new location—*kapija* (also at the medial distance indicated by *tamo*). The focus shifts then on the protagonist's movement from the town (*varoš*) to a third new location. *Otida* can be used because the goal is specified:

8.

... pa onda se naljutio... i sišao s Mejdana <i>u varoš</i> . <i>Tu</i> mu je neko kazao da su ljudi sa detetom <i>na kapiji</i> . Otišao je <i>tamo</i> da ih izgrdi... (NDĆ)	... a posle se razsrdil... i sljazal ot Mejdán <i>v grada</i> . Tuk njakoj mu kazal, će horata s deteto sa <i>na kapijata</i> . Otišal <i>tam</i> da gi nagālči...	... and then he got angry... and descended from Mejdán <i>to the town</i> . Here someone told him that the people with the child were <i>at the gate</i> . He went there to scold them...
---	---	--

In (9), the morphologically closest deictic verbs are used (*otida*, *otići*). In the original, the narrator's voice presents the village as distal but in the second part of the sentence, the protagonist's perspective is adopted. The protagonist is already in the village at the reference time, which is signaled by *tuk* 'here'. In the translation, however, the narrator changes point-of-view and conceptualizes the village as distal (in relation to the DC "here"—the reference point the protagonist leaves) by using *ondje*. Note that Blg. does not have the three-way contrast as Serbian and Croatian do. The equivalent for both Cro./Serb. *tu* (medial) and *ondje* (distal) is *tam*, and *tuk* is an equivalent for *ovdje*.

9.

... toj otide v seloto na žena si, za da oglavi malkata carkovna obštност s namerenie da ostane <i>tuk</i> do kraja na dnite si. (GIRiv)	... on je otišao u selo svoje žene kako bi upravljao malom crkvenom zajednicom s namjerom da <i>ondje</i> ostane do kraja svojih dana.	... he went to his wife's village to head the small church community with the intention of staying <i>here/ there</i> for the end of his days.
---	---	---

Depending on usage contexts of Blg. and Cro./Serb. *od-/ot-* in *otići/otida* 'go', the source-path-goal schema generates one of the following specific inferences (or their combination) attested in our material:

1) The figure has initiated motion from the deictic source and is still moving in the conceptualizer's region of interactive focus; see (10) in which imperfective verbs are used. This inference applies to both Serbian/Croatian and Bulgarian.

10.

... no v sáštija moment viždame kak spira edna kola, ot neja slizat čisto goli i mama, tatko i tri dečica i otivat da si kupjat biletčeta. (OKr)	U tom trenutku vidimo automobil koji se zaustavlja i iz kojeg izlaze potpuno goli mama, tata i troje dječice i odlaze kupiti ulaznice.	... but at the same time we see a car stop, totally naked mom, dad, and three kids leave the car and go to buy tickets.
---	---	--

Figure 1 illustrates movement away from the starting point up to a particular place on the path where the observer sees the figure going (represented by the black arrow). The observer is aware of the end-point of the movement although they may or may not see it. The dashed circle depicts the conceptualizer’s region of interactive focus. At the time of speaking, the moving figure is within this area, thus motivating the choice of the imperfective form of the verb.

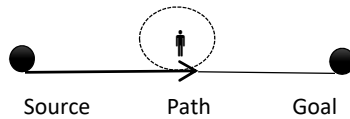

Figure 1. Imperfective *otiva/odlaziti*

(10) shows a close correlation between purposes and goals, corresponding to Lakoff et al.’s (1989) metaphor PURPOSEFUL ACTION IS DIRECTED MOTION TO A DESTINATION. Purposes have their deictic centre at the source but focus on the goal and have an ego moving, rather than the world, that is, a person deliberately acting upon the world, rather than having the world act upon the person (Radden 1988: 382).

2) The figure has initiated motion from the deictic source; in (11), the conceptualizer does not know whether the figure is still moving (the figure’s trajectory disappears)—the moving figure has left the conceptualizer’s region of interactive focus (see Figure 2).

This applies to *otići/odlaziti* ‘go’ in Croatian and Serbian and to Blg. *Trāgna* ‘set off’ in (11), but not to Blg. *Otivam/otida* ‘go’, which cannot be used when the goal or purpose is unspecified.

11.

I kako bi se kome primakli, svaki je napuštao položaj u kome je dotada bio, ostavljao sve i gledao da što pre sakupi što je njegovo i ode . (NDĆ)	I štom se približeha do njakogo, toj promenjaše položenieto, v koeto se namiraše, ostavyaše vsičko i gledaše kolkoto može po-skoro da sãbere neštata si i da si trāgne .	And as they approached someone, they changed their posture, left everything, and tried to quickly collect their things and leave .
--	---	---

Figure 2 depicts the configuration of the Bulgarian source-oriented verb *trǎgna*. It is similar to *otida* in that the starting point is encoded in its meaning, but it differs from it in its use without an explicitly specified goal. With *trǎgna*, the goal is more often implied or irrelevant to the situation, illustrated by the transparent circle. The black arrow shows the movement of the figure already outside the area of the interactive focus of the observer.

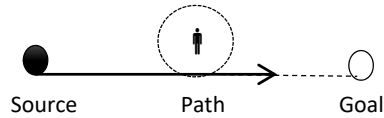

Figure 2. Perfective *otići/trǎgna*

3) The figure has initiated motion from the deictic source and is no longer present there—the **moving figure’s absence is emphasized**: see *otići* ‘go’ in the Croatian translation in (12). In similar examples, Blg. uses the source-oriented *zamina* ‘leave’ that indicates movement away from the starting point. The reason for avoiding *otida* ‘go’ in this context is the absence of information about a specified goal or purpose:

12.

Kāde e prijateljката ti? – Zamina. (OKr)	– Gdje ti je prijateljica? – Otišla je.	– Where is your friend? – She left.
--	---	--

An illustration of this spatial configuration is the same as Figure 2. The choice of *zamina* instead of *trǎgna* responds to the fact that the former “tends to be used with movements of longer duration and distances” (Tchizmarova 2007: 119); by contrast, the latter focuses on the time immediately preceding departure.

4) The conceptualizer’s attention follows the figure’s motion from the DC along the path to the goal of motion (the **figure’s activities at the goal are typically described**). The use of *od-/ot-* involves a shift of DC that enables conceptualizing the events at the goal (see 13 and Figure 3):

13.

Običaše da se razhožda iz gornata glama, okolo Filipova dupka – meden rudnik ot rimsko vreme na kilometār ot seloto. Onova ljato, sled poroen dāžd, toj pak be otišāl tam. (GlRiv)	Volio je šetati gore po brdu, oko Filipove rupe, rudnika bakra iz rimskog doba, udaljena jedan kilometar od sela. Onoga ljeta, nakon obilne kiše, ponovno je otišao tamo.	He loved to walk up the hill, around Philip’s hole—a mine from Roman times—a kilometer from the village. That summer, after a heavy rain, he had gone there again.
---	--	---

In Figure 3, the eye symbolizes the conceptualizer, who is able to observe the movement of the figure from the source during the whole process of change of location until it reaches the goal. No region of interactive focus is marked because it covers the whole length of the path.

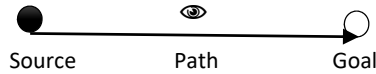

Figure 3. Perfective *otida/otići*

5) The speaker assumes that the protagonist’s motion is intentional and goal-directed; even if the goal is not specified, constructions with such inferences can imply that the motion was goal-oriented and that the figure reached the goal. This applies to Serbian and Croatian *otići* ‘go’. In these contexts, Blg. prefers the source-oriented verbs *zaminavam* ‘leave’/*trāgvam* ‘set off’ (see 14):

14.

I dali izobšto e kurort, ili e zaminala okončatelno? (OKr)	I je li to uopće ljetovanje ili je otišla zauvijek?	Is she at a resort, or has she left/gone away for good?
---	--	--

Although both *zaminavam* ‘go, leave’ and *trāgvam* ‘go, leave’ imply movement away from the source, they are not interchangeable. *Trāgvam* is commonly associated with everyday events—leaving for work/school, going to the shop or some kind of entertainment (theatre, movie, etc.)—whereas *zaminavam* refers to more singular occasions, such as going abroad, on a holiday, or on a business trip by means of a vehicle. The duration of the trip is also important: *zaminavam* and *trāgvam* indicate longer vs. shorter duration and distance, respectively.

4.2. Different viewpoints in originals and translations

In some narrative contexts, either verb pair (*otići/otida*, *doći/dojda*) is acceptable, but concrete choices relate to somewhat different construals in the originals as compared to translations. Sometimes, the originals use source-oriented verbs and translations are goal-oriented (and vice versa).

Otići/otida ‘go’ signals that the figure departed for a certain location, and *doći/dojda* ‘come’ signals that the figure arrived there. Thus, the same motion event can be encoded from either end of the spatial vector.

4.2.1. *Otida*, *otivam* ‘go’ rendered *doći/dolaziti* ‘come’

If the narrative continues with the figure at location X, it is not crucial to overtly mark the figure’s arrival with the prefix *do-* (see the Blg. version in 15). The original in (15) focuses on the source of motion (the present location of the narrator/character). However, the Cro. translation focuses on the goal of motion by using *doći*, but also adds another deictic element, the medial adverb *tamo* ‘there’,

before the adverbial *na vratima* pertaining to a part of the new location. With *doći* ‘come’, the narrative places the DC at the endpoint of the motion, whereas with *otidoh* ‘go’, the DC is at the previous source location:

15.

Obadih se po telefona v pasportnata... Kato otidoh , na vratata pišeše: lična karta, starija pasport i aktualna snimka... (OKr)	Nazvala sam odjel za putovnice... Kad sam došla tamo , na vratima je pisalo: osobna karta, stara putovnica i fotografija...	I called the passport office... When I went <i>(there)</i> , I saw a sign <i>on the door</i> that said: an ID card, old passport, and a photo...
--	--	--

According to Tchizmarova (2007: 132) *otida* and *dojda* are in complementary distribution: with the first verb, the goal location is usually a different place from that of the listener/speaker. By contrast, *dojda* is used when the goal of the figure is the speaker’s/listener’s location at “either coding time or reference time” (Fillmore 1971: 61). This substantial difference between *otidoh* and *došla sam* is eliminated in (15) by the change of perspective.

4.2.2. *Otići/odlaziti* ‘go’ rendered *dojda/idvam* ‘come’

The opposite situation is illustrated in (16). In the Cro. original, the DC and the focus are at the source (the location of the protagonist who narrates the event, and another person), which the character should leave. In the Blg. translation, the focus is on the protagonist’s goal, which is a third protagonist’s location):

16.

I onda me je poslala, da odem do vas i da vam kažem, da ona ostaje, i da je njoj dobro sa mnom! (PFL)	I posle me izprati da dojda do vas i da vi kaža, če tja ostava i če e dobre s men.	And then she sent me off to go/ to come to your place and tell you she was staying and she was fine with me.
--	---	---

Similarly to (15), in (16) a different perspective is adopted in the original and the translation.

4.2.3. *Doći/dolaziti* ‘come’ rendered *otida, otivam* ‘go’

17.

Došao neko veče u krčmu kod Siebenscheina i razbio Štijeju Brezovečkom flašom glavu, da mu dokaže da nije mrtav! (PFL)	Onaja večer otišāl v krāčmata pri Zibenštajn i s butilka sčupil glavata na Šefo Brezovečki, za da mu dokaže, če ne e märtāv.	That night he came/went to Siebenschein’s inn and broke Štijeju Brezovec’s head with a bottle to prove he was not dead.
---	---	--

In (17), the focus is on the goal (*krčmu*), and the DC is at that location in Cro., whereas Blg. adopts a different perspective; the movement is away from that place, which is the DC. In the Cro. original, the narrative conceptualizer is at the reference place when the figure arrives there. The evidential form of *otida* used in the Blg. translation suggests the narrative conceptualizer's absence at the reference place. We have no information about the location of the conceptualizer at the time the figure reaches the goal. The only fact we learn is that he/she is not a witness to the scene in the inn.

4.2.4. *Dojda/idvam* 'come' rendered *otići, odlaziti* 'go'

We found no instances of *dojda* 'come' translated with *otići/odlaziti* 'go'; however, in the corpus, the imperfective *idvam* had been rendered *odlaziti* (ipf.). See (18): in the original the narrator conceptualizes the monastery as a DC, the goal-oriented *idvam* is used, and the figures move to the designated goal emphasized by the adverb *tuk(a)* 'here'. In the translation, the monastery is still the goal, but it is at a medial distance from the narrator's perspective (signalled by the adverb *tamo*), and the protagonists move away from the DC to the goal, which determines the use of the source-oriented *odlazili* 'go'.

18.

Văpreki, če živeeli v sâsedstvo s manastira, Dimitâr i Donato nikoga ne bili idvali tuka. (GIRiv)	Iako su živjeli u susjedstvu manastira, Dimitar i Donato nikada nisu tamo odlazili.	Although living near the monastery, Dimitar and Donato never came here/ went there.
--	--	--

4.3. Focus on different portions of the path

In some situations, when Blg. *otida, otivam* 'go' does not correspond to Cro./Serb. *otići/odlaziti* 'go' and vice versa, the originals and translations focus on different portions of the path.

For example, in (19), Blg. focuses on the movement away from the source and along a path, whereas Cro. concentrates on the smaller portion of the path by using the verb *zaputiti se* 'head for' with the ingressive meaning. The goal/end of the path is in the translation deictically designated by the added medial adverb *tamo*:

19.

Otidoh (...) v edin gorešt sledobed s portfolioto si v rãka. (18%G)	Zaputio sam se <i>tamo</i> jednog vrućeg popodneva s portfoliom u ruci.	I went (<i>there</i>) on a hot afternoon with my portfolio in hand.
--	--	---

In (20) (as in many other examples), the Blg. translation chooses the source-oriented verb *zamina* 'leave' in the construction in which no goal is explicitly stated, just the fact that someone left.

20.

Prolazile su godine, smenjivala se leta i jeseni, zime i proleća, odlazili su i <i>vraćali se</i> radnici i majstori. (NDĆ)	Minavaha godini, smenjaha se leta i eseni, zimi i proleti, zaminavaha i se <i>vraštaha</i> rabotnici i majstori.	Years passed, summers and autumns, winters and springs were passing by, workers and craftsmen were going and <i>coming back</i> .
--	---	--

Blg. often employs the source-oriented verbs denoting change of location *zaminavam* ‘leave’ or *trāgvam* ‘set off’, in contexts in which the goal is not the focus of attention, instead of *otivam* ‘go’, which requires an explicit goal. The starting point is not mentioned but it is implied in (20) in which the verb refers to all the workers and craftsmen associated with the DC.

There are contexts in which the Cro. original focuses on the path and the goal and uses *doći* ‘come’ to denote traversing the path and reaching the goal. As an equivalent, in such cases, Blg. translators sometimes use (*pri*)*stigna* ‘arrive’. The verb focuses only on the goal, and its morphology encodes the meaning of goal, as the root *stigam* means ‘to reach/arrive’ and the prefix *pri-* means ‘at’ (Tchizmarova 2007: 138). If the change of location is according to a schedule, as in (21), the specific arrival time is also mentioned (*at eight*):

21.

Trafikantica Regina došla je kući oko osam, pogladila ga po kosi i rekla mu neka obuče svoje baršunasto odijelo, jer da idu u grad. (PFL)	Lavkadžijkata Regina pristigna v kášti kām osem, pogali go po kosata i mu kaza da si obleče kadifenoto kostjumče, zaštoto šтели da otidat v grada.	The shop assistant Regina arrived home at eight, stroked his hair, and told him to put on his velvet suit because they would go to town.
--	---	---

4.4. A shift of viewpoint from deictic to non-deictic construal

Occasionally, neither the original nor the translation uses verbs carrying explicit deictic information. Consider (22) in which the Cro. translation does not convey deictic information using the verb *stići* ‘arrive’, which designates simply reaching any goal no matter where the speaker/hearer is.

22.

Sled trideset minuti rejsāt trjabvaše da dojde . (GIRiv)	Autobus treba stići za trideset minuta.	The bus had to come in thirty minutes.
---	--	---

4.5. A shift of viewpoint from dynamic to static construal

In some situations, Blg. uses deictic construals involving movement of a figure toward a deictic centre, whereas in Cro. the figure is static and its presence at the reference place is emphasized, as in (23). The same applies to some Cro./Serb.

examples with motion verbs that are translated with Blg. stative phrases emphasizing presence at a location.

23.

Povjarvajte mi, čela sām dostatačno, no iskam da nauča ošte, zatova sām došla tuk . (GIRiv)	Vjerujte da sam dovoljno čitala, ali želim još učiti i zato sam ovdje .	Believe me, I've read enough, but I want to learn more, so I came/am here .
--	---	---

In (23), the original narration adopts the perspective of the protagonist. The figure moves to a goal, which is “here”. In Cro., the activity is associated with neither movement nor change of place—rather it is a change of state.

5. Key findings and conclusion

This study revealed a general tendency for Cro./Serb. *doći (pf.)/dolaziti (ipf.)* ‘come’ to be translated with Blg. *dojda (pf.)/idvam (ipf.)* ‘come’ and vice versa, as initially expected and hypothesized. Cro./Serb. *doći/dolaziti* are in 61% and 66% of the examples in our data translated with Blg. *dojda/idvam*, and in a considerable number of examples with Blg. *stigna* ‘arrive’ and its prefixed forms. Blg. *dojda* and *idvam* ‘come’ are translated in 79% and 82% of the examples with Cro. *doći/dolaziti* ‘come’. The dominant equivalents in the remaining cases are Cro. *stići, (pri)stići* ‘arrive’. Additionally, Blg. *dojda* is also rendered Cro. *pojavit se, nastati* ‘appear’, which are non-deictic and give evidence that prefixed deictic verbs in the source language can be translated with non-deictic verbs in the target language and that the target language can add deictic information. Bulgarian *dojda/idvam* ‘come’ and *otida/otivam* ‘go’ are used as equivalents of Cro. verbs other than *doći/dolaziti*. In similar cases, the Bulg. translations add deictic information. Also, Cro./Serb. translations add deictic information when using *doći/dolaziti*. Interestingly, *doći/dolaziti* are chosen much more often as translation equivalents of *dojda/idvam* than *dojda/idvam* are chosen to render *doći/dolaziti* (*doći/dolaziti* → *dojda/idvam*: 61%, 66%; *dojda/idvam* → *doći/dolaziti*: 79%, 82%).

Blg. *otida/otivam* ‘go’ are widely translated with Cro. *otići/odlaziti* ‘go’ (78%, 74%), but we also find some instances of *ići* ‘go’ and *stići* ‘arrive’ as well as *doći* ‘come’ (indicating the opposite construal). *Otići* is more frequently rendered *otida* (67%) than *odlaziti* with *otivam* (55%), which suggests that the semantic differences between the imperfective verbs are greater than between perfective verbs.

In many situations, we found similar construals in the originals and translations: *doći, dojda* (pf.) was translated by *dolaziti, idvam* (ipf.) ‘come’ and *otići, otida* (pf.) with *odlaziti, otivam* (ipf.) ‘go’. A significant difference between Cro./Serb. and Blg. pertains to the type of constructions in which the verbs *otići* and *otida* ‘go’ appear. With *otida/otivam*, the goal or final destination is almost always

specified. For this reason, *otići/odlaziti* can be used in Cro./Serb. when the figure has initiated motion from the deictic source and the moving figure leaves the conceptualizer's region of interactive focus, whereas in such a situation without a specified goal or purpose, Blg. cannot use *otivam/otida* 'go', but instead uses the source-oriented verb *trāgna*. Cro./Serb. *otići* 'go' can be used when the moving figure's absence is emphasized—the figure has initiated motion from the deictic source and is no longer present there. In such situations, when the goal is not specified, Blg. prefers source-oriented verbs. In addition, when the speaker assumes that the protagonist's motion is intentional and goal-directed, even if the goal is not specified and the constructions imply that the motion is goal-oriented, Serb./Cro. uses *otići* 'go', whereas Blg. prefers source-oriented verbs.

A close examination of some of our examples revealed different viewpoints in the originals and the translations. In the source-target relation, shifts of viewpoint are observable—from deictic to non-deictic construal and vice versa. Further, the originals sometimes focus on the source of motion, whereas the translations focus on the goal (e.g., *otida, otivam* 'go' are rendered *doći/dolaziti* 'come'; *doći/dolaziti* 'come' are rendered *otida, otivam* 'go'; *otići/odlaziti* 'go' are rendered *dojda/idvam* 'come'), but both convey deictic information.

The originals and translations sometimes focus on different portions of the path. In these cases, Blg. *otida, otivam* 'go' is not translated with its closest Cro./Serb. (formal) equivalent *otići/odlaziti* 'go' but with, for example, *zaputiti se* 'head for', whereby the deictic information is lost in the target text. Blg. *otivam* requires an explicit goal, which is the reason that Blg. used, for example, *zaminavam* 'leave' for Cro. *odlaziti*, instead of *otivam* 'go' in some contexts, when the goal is not the focus. Finally, we also noticed a shift of viewpoint from dynamic to static construal and vice versa, in some examples in which *doći/dolaziti* 'come', *otići/odlaziti* 'go', *dojda/idvam* 'come', and *otida, otivam* 'go' are rendered as a stative verb in the target language.

In narrative texts such as those in our collection, the narrators present events from different viewpoints. Usually, it is the viewpoint of a protagonist, and the narrator identifies with that viewpoint or a narrator's viewpoint. We also observed shifts in point-of-view stemming from the fact that in a third-person narrative, there is no inherent deictic centre, while in spontaneous conversation, the participants create the deictic centre, and here deixis plays a role in the distribution of prefixes such as *do-*, *ot-*, *od-*, *pri-*, and so forth. In the translations of the narrative texts under consideration, we found shifts in point-of-view from deictic to non-deictic construal and vice versa, and from dynamic to static construal and vice versa.

When motion towards a protagonist (their location) is described in a neutral context, the use of *come* is preferred: since the protagonist is at the goal of motion, it is natural for them to take their own arrival-oriented perspective. The goal of motion can be constituted by the listener, in which case the arrival-oriented perspective can also be taken. The departure perspective can be due to the source-path expression "from there", which determines the spatial orientation of the utterance.

When narrators/protagonists talk about places they did not go and use expressions of the type “come (there)”, the goal of movement has already been introduced in the discourse, and it serves as a focal ground of the narration in the universe created by the narrator.

The observations made in this study can help translators avoid misunderstandings related to transferring deictic situations from the source language to the target language. Translating deixis can be a challenge for translators due to subtle differences in language structures (e.g., the inventory of motion verbs and subtle differences in the meanings of verbs similar in form) and can lead to an ambiguous translation. This research used deictic verbs as examples in only three South Slavic languages, but it revealed some general principles of perceiving participants’ locations and movement in space in literary discourse.

© Svetlana Nedelcheva and Ljiljana Šarić, 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

REFERENCES

- Alexander, Ronelle. 2000a. *Intensive Bulgarian: A Textbook and Reference Grammar*, Volume 1. Madison, WI: University of Wisconsin Press.
- Apresyan, Yuri. D. 1986. Deixis in vocabulary and grammar and the naive model of the world. *Semiotics and Informatics* 28. Moscow [Dejksis v leksike i grammatike i naivnaja model' mira. *Semiotika i informatika*. 28, 5–33. Moscow].
- Bühler, Karl. 1934. *Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache*. Jena: Fischer.
- Filipović, Luna. 2009. Intratypological Contrasts: Serbian and English through a Cognitive Linguistics Prism. *Slavic Cognitive Linguistics Conference of the Slavic Cognitive Linguistics Association*, 15–17 October 2009, Prague. URL: <http://old.ucejtk.ff.cuni.cz/sclc/SCLC09abstracts.pdf>.
- Filipović, Luna. 2010. The importance of being a prefix. Victoria Hasko, Renee Perelmutter (eds.). *New Approaches to Slavic Verbs of Motion*, 247–266. Amsterdam: John Benjamins.
- Fillmore, Charles J. 1971. Coming and going. *Santa Cruz Lectures on Deixis*. Berkeley: University of California. 50–69.
- Fillmore, Charles J. 1983. How to know whether you are coming or going. Gisa Rauth (ed.). *Essays on Deixis*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 219–27.
- Fillmore, Charles J. 1997. *Lectures on Deixis*. Stanford, CA: CSLI Publications.
- Grenoble, Lenore A. 1991. Deixis, point of view, and the prefixes *po-* and *pri-* in Russian. *Die Welt der Slaven* 36(1). 254–270.
- Grenoble, Lenore A. 1998. Deixis and information packaging in Russian discourse. *Pragmatics & Beyond*, 50. Amsterdam: John Benjamins Press.
- Kostova, Nadezhda. 2004. Verbs of movement with deictic meaning. BAS Conference, 2004. Sofia: BAS, 1–8. [Glagoli za dviženie s deičični značenija. Konferencija na BAN, 2004. Sofia: BAN, 1–8 (In Bulg.)].

- Lakoff, George, Esperson, Jane, Goldberg, Adele. 1989. *Master Metaphor List. First Edition*. URL: <http://cogsci.berkeley.edu/pub/cogling/Metaphor>.
- Langacker, Ronald. 1987. *Foundations of Cognitive Grammar I. Theoretical Prerequisites*. Stanford: Stanford University Press.
- Lewandowski, Wojciech. 2014. Deictic verbs: Typology, thinking for speaking and SLA. *SKY Journal of Linguistics* 27. 43–65.
- Lindner, Susan. 1983. *A Lexico-Semantic Analysis of English Verb Particle Constructions with Out and Up*. Bloomington: Indiana University Linguistics Club.
- Łozińska, Joanna. 2018. *Path and Manner Saliency in Polish in Contrast with Russian: A Cognitive Linguistic Study*. Leiden and Boston: Brill.
- Lyons, John. 1977. *Semantics Vols. 1 and 2*. London: Cambridge University Press.
- Lyons, John. 1981. *Language, Meaning and Context*. Glasgow: Fontana/Collins.
- Nitsolova, Romyana. 1984. *The Pragmatic Aspect of the Sentence in Standard Bulgarian*. Sofia. [Pragmatičen aspekt na izrečienieto v bälgarskija knižoven ezik. Sofia. (In Bulg.)].
- Radden, Günter. 1988. The concept of motion. In *Understanding the Lexicon: Meaning, Sense and World Knowledge in Lexical Semantics*, eds. W. Hüllen and R. Schulze, 380–394. Tübingen: Niemeyer.
- Radden, Günter. 1996. Motion metaphorized: The case of ‘coming’ and ‘going’. Eugene Casad (ed.), *Cognitive Linguistics in the Redwoods: The Expansion of a New Paradigm in Linguistics*, 423–458. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- Šarić, Ljiljana and Tchizmarova, Ivelina. 2013. Space and metaphor in verbs prefixed with *od-/ot-* ‘from’ in Bosnian/Croatian/Serbian and Bulgarian. *Oslo Studies in Language* 5(1), 7–33.
- Semino, Elena. 2011. Deixis and fictional minds. *Style* 45 (3). 418–440. URL: https://www.academia.edu/553190/Semino_E._2011_Deixis_and_fictional_minds_Style_45_3_418-40.
- Stanisheva, Dina. 1985. The use of verbs of movement in Bulgarian taking into account the addressee’s perspective. [Upotreblenie glagolov dviženija s učetom faktora adresata v bolgarskom jazyke. (In Russ)] *Zeitschrift für Slavistik* 30. 78–84. Akademie Verlag.
- Tchizmarova, Ivelina. 2007. Bulgarian verbs of change of location. *Journal of Slavic Linguistics*. 15(1). 109–148.
- Trifonova, Yordanka. 1982. On the opposition *ida/hodja* in contemporary Bulgarian. *Language and Literature*, 4. [Za opozicijata *ida/hodja* v sävremennija bälgarski ezik. *Ezik i literatura*, 4 (In Bulg.)].
- von Waldenfels, Ruprecht. 2016. Easy come, easy go: Balkan Slavic motion verbs from a parallel corpus perspective. *International Conference on Corpus-Based Approaches to the Balkan Languages and Dialects*, 5–7 December 2016, Saint Petersburg. URL: <https://iling.spb.ru/conf/balkan2016/slides/waldenfels.pdf>.

Dictionaries and textbooks

- Alexander, Ronelle. 2000b. *Intensive Bulgarian: A Textbook and Reference Grammar, Vol. 2*. Madison, WI: University of Wisconsin Press.
- BTR. 1979. *Bulgarian Language Dictionary*. Sofia, 1979. [Bälgarski tälkoven rečnik. Sofia, 1979. (In Bulg.)].
- RBE. 1977–2015. *Dictionary of the Bulgarian Language*. BAS, 1977–2015. [Rečnik na bälgarskija ezik. BAS, 1977–2015. (In Bulg.)]. URL: <http://ibl.bas.bg/rbe/>

Article history:

Received: 21 July 2020

Accepted: 22 January 2021

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 21 июля 2020

Дата принятия к печати: 22 января 2021

Bionotes:

Svetlana NEDELICHEVA has a PhD in English Linguistics and is currently an Associate Professor of English at Konstantin Preslavsky University of Shumen. She is the author of two monographs *Cognitive interpretation of the English preposition ON* and *Space, Time and Human Experience: A Cognitive View on English and Bulgarian Prepositions*. Her research interests are in the field of cognitive semantics, conceptual metaphor, corpus linguistics, contrastive analysis of languages, translation studies and foreign language teaching.

Contact information:

Shumen University

115, Universitetska str., Shumen, 9700

e-mail: s.nedelcheva@shu.bg

ORCID: 0000-0003-1614-8758

Ljiljana ŠARIĆ is Professor of South Slavic linguistics at the University of Oslo. Her current research focus is on space in language, conceptual metaphor, metaphor and emotions, and figurative language in various discourse genres. She has authored and coauthored numerous books and articles dealing with semantics, cognitive linguistics and discourse analysis. Recent publications include *Metaphor, Nation and Discourse* (Benjamins, 2019) and *Slike jezika: temeljne kognitivnolingvističke teme (Key Topics in Cognitive Linguistics)* (Jesenski & Turk, 2019).

Contact information:

ILOS, University of Oslo

Boks 1003 Blindern, 0315 Oslo, Norway

e-mail: ljiljana.saric@ilos.uio.no

ORCID: 0000-0003-4373-9182

Сведения об авторах:

Светлана НЕДЕЛЬЧЕВА – имеет степень PhD, доцент Шуменского университета им. Константина Преславского. Она является автором двух монографий – *Cognitive interpretation of the English preposition ON* («Когнитивная интерпретация английского предлога ON») и *Space, Time and Human Experience: A Cognitive View on English and Bulgarian Prepositions* («Пространство, время и человеческий опыт: когнитивный взгляд на английские и болгарские предлоги»). Сфера ее научных интересов включает когнитивную семантику, концептуальную метафору, корпусную лингвистику, контрастивный анализ языков, переводоведение и преподавание иностранных языков.

Контактная информация:

Shumen University

9700 Shumen, Bulgaria

e-mail: s.nedelcheva@shu.bg

ORCID: 0000-0003-1614-8758

Лиляна ШАРИЧ – профессор, преподает южнославянскую лингвистику в Университете Осло. В настоящее время занимается пространственностью в языке, концептуальной метафорой, связью метафоры с эмоциями и образным языком в различных дискурсивных жанрах. Является автором и соавтором многочисленных книг и статей, посвященных семантике, когнитивной лингвистике и дискурс-анализу. Ее новейшие публикации – *Metaphor, Nation and Discourse* («Метафора, нация и дискурс») (Benjamins, 2019) и *Slike jezika: temeljne kognitivnolingvističke teme* («Ключевые темы в когнитивной лингвистике») (Jesenski & Turk, 2019).

Контактная информация:

ILOS, University of Oslo

Boks 1003 Blindern, 0315 Oslo, Norway

e-mail: ljiljana.saric@ilos.uio.no

ORCID: 0000-0003-4373-9182

DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-68-88

Research article

**“Can we take a picture with you?”
The realization of the refusal speech act with tourists
by Emirati speakers**

Tanju DEVECI and Jessica MIDRAJ

Khalifa University of Science and Technology
Abu Dhabi, UAE

Abstract

Effective communication between people from different cultures requires not only the ability to speak a common language but also an awareness of sociocultural rules and sociolinguistics features, an important one being speech acts the realization of which realization by Emirati non-native speakers of English has not been studied sufficiently. This paper investigates a particularly face-threatening speech act – refusals. It explores Emiratis’ comfort level and the use of the refusal speech act in communicative exchanges with unknown tourists. The data set consisted of 94 participant responses to a pre-instructional activity in an introductory linguistics class. Both descriptive and inferential statistics were used to analyze the data sets. The key findings suggest that both male and female participants were rather comfortable conversing with a tourist couple that they had never met, but male participants reported being more at ease accepting the couple’s request to take a photo with the tourists at a statistically significant level. While more than half of the participants reported willingness to take the photo with the tourists, approximately 41.5% would decline such a request, with significantly more females declining the request. The most frequent components of the refusal speech act included a statement of regret, a thank-you note, and an excuse, reason, or explanation. Results also showed that linguistic devices for positive politeness purposes were used rather sparingly, and it was mainly the females who used them. Based on the results, it is helpful for visitors to the UAE to be mindful of Emiratis’ sociocultural and sociolinguistic behaviors so that the nuances of communication can be understood and responses are appropriate, which can reduce the likelihood of communication breakdowns and increase the well-being of all involved in the interaction.

Keywords: *Refusal, speech act, Emirati speakers, tourists, socio-cultural rules*

For citation:

Deveci, Tanju & Jessica Midraj. 2021. “Can we take a picture with you?” The realization of the refusal speech act with tourists by Emirati Speakers. *Russian Journal of Linguistics* 25 (1). 68–88. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-68-88

«Можно с вами сфотографироваться?» Реализация речевого акта отказа в коммуникации жителей Арабских Эмиратов с туристами

Танджу ДЕВЕЧИ, Джессика МИДРАДЖ

Научно-технологический университет Халифа
Абу-Даби, ОАЭ

Аннотация

Эффективная коммуникация между жителями разных стран требует не только способности говорить на общем языке, но и знания социокультурных правил и социолингвистических особенностей, включая речевые акты. В статье рассматривается речевой акт отказа, представляющий особую угрозу для лица собеседника. Его реализация неносителями английского языка из Арабских Эмиратов еще недостаточно изучена. Исследуется уровень комфорта жителей Эмиратов при выражении отказа в общении с незнакомыми туристами. Материалом исследования послужили 94 реакции респондентов на приглашение туристов совместно сфотографироваться. Предварительно на вводном лингвистическом занятии участникам были даны инструкции. Для анализа полученных данных использовалась описательная и инференциальная статистика. Результаты показывают, что как мужчинам, так и женщинам, было достаточно комфортно разговаривать с туристами, однако мужчины – участники исследования – чувствовали себя более непринужденно, соглашаясь сфотографироваться с ними. Хотя более половины участников сообщили о своей готовности сфотографироваться, приблизительно 41.5% отметили, что отказались бы выполнить такую просьбу, причем отказом ответило бы значительно больше женщин. Наиболее частотными компонентами речевого акта отказа были выражения сожаления, благодарности, извинения или объяснение причины отказа. Результаты также показали, что лингвистические приемы позитивной вежливости использовались достаточно редко, в основном женщинами. На основе полученных результатов можно сделать вывод, что приезжающим в ОАЭ следует принимать во внимание социокультурные и социолингвистические нюансы поведения местных жителей и реагировать на них соответствующим образом; это снизит вероятность коммуникативных сбоев и повысит уровень благополучия участников общения.

Ключевые слова: *отказ, речевой акт, жители Эмиратов, туристы, социокультурные правила*

Для цитирования:

Deveci T., Midraj J. “Can we take a picture with you?” The realization of the refusal speech act with tourists by Emirati Speakers. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25. № 1. P. 68–88. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-68-88

1. Introduction

Awareness of socio-cultural rules is a sine qua non for effective communication with people from other cultures. Not only does this awareness include social norms, but it also includes ways in which language should be used to achieve communication aims. Communication with people from the same socio-cultural background is usually easier than that with those from foreign cultures. Given the advances in technology and increased opportunities for international travel, however, we interact with people from foreign cultures more frequently than

ever. English appears to be the language in which people generally converse during such interactions. However, differences between cultural norms as well as between meanings of words may still cause challenges. This is particularly the case when communicators resort to direct translations from their first language (L1) into the foreign language (L2). Challenges can become even more formidable in situations where people are unaware of cultural variations. Therefore, our language competence largely depends on our “knowledge and ability in ways that are both grammatical and socially appropriate” (Bauman & Sherzer 1975: 108). This necessitates the awareness of a variety of sociolinguistic features of the L2 in which one wishes to communicate, such as speech acts. That is, not only does effective intercultural communication require understanding of the sentence in its semantic meaning, but it also necessitates “pragmatic competence to understand and perform different speech acts in intercultural contexts” (Iliadi & Larina 2017: 532).

Speech acts are “communicative activit[ies] ... defined with reference to the intentions of speakers while speaking ... and the effects they achieve on listeners” (Crystal 1985: 446). Much attention has been paid to the ways various speech acts are performed across cultures. These were often prompted by the need to assist people involved in the communication to use the language in socio-linguistically appropriate ways. This is particularly important in countries where the English language is predominantly used by people from different linguistic backgrounds for daily activities. One such country is the United Arab Emirates (UAE) with a staggering 88.52% of its residents being expatriates from various countries (GMI 2019). UAE has also been noted to attract an increasing number of tourists. For instance, 16.7 million tourists visited Dubai in 2019, which represented an increase of 5.1% from the previous year (Dubai Tourism 2020). There has also been an increase in tourists visiting Abu Dhabi where there has been a move towards integrating tourism with the local cultures and values (Low 2012). The country’s already-enhanced investment in the tourism and hospitality industry is expected to increase even further beyond 2020 with the development of theme parks, natural attractions and more affordable hotels (Tesoro 2019). Such an increase adds to the existing diversity of the cultures within the region, thus increasing the opportunity for peoples of different cultures to interact. However, this also brings language and culture-related challenges for the tourists, expatriates and Emiratis, requiring all parties to have intercultural communication competence (ICC) skills alongside language skills. ICC is “the ability to communicate effectively and appropriately with people of other cultures” (Spitzberg 2000 cited in Jandt 2018: 90). One of ICC’s skill areas is cultural awareness, which involves understanding how the members of the host country think and behave during communication (Jandt 2018). People in some high-context cultures such as Russia may not make an effort to be polite to strangers and even refrain from having eye contact with them (Sokolskaya 2015). Previous research has also shown that Russians, in comparison to the British, “can be less formal and not vigilant in guarding their personal space” and “direct communication is socially acceptable

and in some situations even preferred” (Larina 2015: 205). The lack of awareness of such cultural tendencies can create communication breakdowns.

Emiratis’ use of the English language for various purposes has been investigated by researchers in such areas as writing (Deveci 2018, Nunn, Deveci & Salih 2015, Al Murshidi 2014), speaking (Al Nawrasy 2013, Khameis 2007), and listening (Barlow 2009). However, their realization of speech acts has received little interest from researchers. In recent years, investigations have been conducted into Emiratis’ realization of speech acts such as complaint (Deveci 2015), request (Deveci & Hmida 2017), and compliment (Deveci, Midraj & El Sokkary 2021) in communicating with expatriates. The results of these studies generally pointed to the participants’ ways of performing speech acts. These results, coupled with the general dearth of studies into Emiratis’ pragmatic tendencies during interactions with those from different cultures, prompted us to investigate their utilization of the refusal speech act. Given its highly face-threatening nature, the refusal speech act likely causes distress to the speaker. Likewise, the lack of awareness of Emiratis’ communication tendencies and preferred ways of language use may result in the non-Emiratis feeling uneasy and awkward. Such situations’ potential outcome is a lack of communication or miscommunication with undesirable impacts on both parties’ overall well-being. As Larina, Ozyumenko and Kurtes (2017: 109) put it, “as daily interaction – professional, public, mediated, or otherwise – in an ever more globalized world requires finely developed intercultural skills, pragmatic competence and cultural fluency, having a deeper insight into the intricate relationship between language, communication and (ethnic) identity is of critical importance.”

To elucidate Emirati propensities for interactions with foreign tourists and help reduce the aforementioned potential problems, the current study, therefore, aimed to answer the following questions:

1- How comfortable do Emiratis feel talking to a tourist couple that they have never met before?

2- What is the extent to which they would feel comfortable accepting a tourist couple’s request for a photo with the couple in their traditional Emirati clothes?

3- What are the components of the refusal speech act set produced by the participants in response to a tourist couple requesting a photo with them in their traditional Emirati clothes?

2. Theoretical Background

In this paper, refusals are examined through the perspective of speech act theory, the foundations of which lie in Austin’s (1962) seminal work *How to Do Things with Words*. In this book, Austin proposed the term “performative utterances¹,” which is derived from the verb “perform.” According to Austin, in uttering a sentence, we do not describe what is being done. Rather, we do it. This

---

¹ An utterance is a functional unit in communication (Richards, Platt & Weber 1985).

formed the basis of the speech act theory put forward by Searle (1977). Searle (2002) identified five types of illocutionary acts: assertives, directives, commissives, expressives, and declarations. Moreno (2002 cited in Félix-Brasdefer 2009: 3) notes that “[r]efusals are second pair parts in conversation and belong to the speech act of dissent which represents one type of assertive act or negative expression.” Refusals are normally produced in response to a request, an invitation, a suggestion or an offer (Merhpour, Ahmadi & SabourianZadeh 2016). Since they commit the refuter to perform an action, refusals can also function as a type of commissive (Searle 1977).

Refusals can be direct or indirect (Beebe, Takahashi & Uliss-Weltz 1990). Direct refusals are straightforward regarding the intended meaning and can be both performative and non-performative. The former includes a self-naming utterance (e.g., “I refuse”), “in which the performative verb usually refers to the act in which the speaker is involved at the moment of speech” (Leech 1983: 215), whereas the latter includes the negation word ‘No’ or expressions of a lack of willingness or ability such as “I won’t,” “I don’t think so,” and “I cannot.” Indirect refusals, on the other hand, are performed to reduce the impact of the face-threatening act (e.g., “Unfortunately, I have another meeting at that time”). The refusal speech act set may include any of the following components in Table 1 below.

Table 1

Components of the Refusal Speech Act Set*

Components	Examples
Statement of regret	I'm sorry but I can't do it.
Wish	I wish I could help you.
Excuse, reason, explanation	My children will be home that night.
Statement of alternative	Why don't you ask someone else?
Set condition for future or past acceptance	If you'd asked me earlier, I would have ...
Promise of future acceptance	I'll do it next time.
Statement of principle	I don't take pictures with strangers.
Attempt to dissuade the interlocutor	
a. Threat or statement of negative consequences to the requester	The picture will not be great because I look terrible.
b. Guilt trip	I can't make a living off people who just order coffee. (a waitress speaking to customers who want to sit a while)
c. Criticize the request/requester	That's a terrible idea!
d. Request for help, empathy, and assistance by dropping or holding the request	It would be helpful if you could ask me in an hour.
e. Let interlocutor off the hook	Don't worry about it.
f. Self-defense	I'm trying my best.
Acceptance that functions as a refusal	
a. Unspecific or indefinite reply	Maybe.
b. Lack of enthusiasm	I don't know if that is a good idea.

Components	Examples
Avoidance	
a. Nonverbal <ul style="list-style-type: none"> • Silence/Hesitation/Do nothing/Physical departure 	
b. Verbal <ul style="list-style-type: none"> • Topic switch • Joke 	What other places have you visited while in the UAE? A photo with me? I am not a celebrity, am I?
• Repetition of part of the request	A photo?
• Postponement	I'll think about it.
• Hedging	I'm not sure.

* Adapted from Beebe et al. (1990: 73)

As is seen above, when performing a refusal in response to another speech act such as a request or a compliment, distinct speech acts can be produced (Chen cited in Tanck 2004). First, there may be an expression of remorse (e.g. “I’m sorry”). This may be followed by a direct refusal (e.g. “I can’t do it”), and finally an excuse (e.g. “It is against my culture”). The order in which these appear is likely to change depending on the speech act in response to which refusals are performed. For instance, a refuter probably produces the speech act of *thanking* before refusing if he/she is responding to a *compliment*.

Beebe et al. (1990) also note that a refusal may be accompanied by a variety of adjuncts to alleviate the impact. Among these are:

1. Statement of positive opinion/feeling or agreement (e.g., “That’s a good idea...”)
2. Statement of empathy (e.g., “I realize you are in a difficult situation.”)
3. Pause fillers (e.g., “uhh”, “well”)
4. Gratitude/appreciation

With possible negative impacts on both the hearer and the speaker, refusals can be a particularly face-threatening act (Brown & Levinson 1987). In producing a refusal, the speaker fails to meet the expectation of the interlocutor, which may lead to the speaker coming across as disapproving or disrespectful. The hearer may take this act as a sign of impoliteness (Shishavan & Sharifian 2016). As a result, refusals may affect both parties negatively, with likely impacts on their social standing (Brown & Levinson 1987), psychological well-being (Leary 2015), and even physical health (Kross et al. 2011). These may be more to the detriment of the hearer than to the speaker (Johnson, Roloffm & Riffée 2004). Even so, the speaker may choose not to refuse at the expense of his/her peace of mind. Therefore, a refusal may be considered a cultural act before it is a linguistic one (Iliadi & Larina 2017, Mokhtari 2015).

The influence of gender on speech acts of refusal seems to be variable depending on a multitude of sociocultural factors. Nelson, Batal, and Bakary (2002) found that Egyptian males were more likely to use a direct refusal than Egyptian females when interacting with an interlocutor from either a higher or lower status

in their first language. Similarly, in a study of 50 Persian, Kurdish, Turkish, and Arab speakers of English at the postgraduate level in Cyprus, it was found that while most utilized indirect refusals, male participants were more likely to employ direct rejections with interlocutors of lower status, while females tended to use them with those of equal status (Rezvani, Ismael & Tok 2017). The same researchers also found that females utilized more adjuncts with lower, equal and higher status interlocutors. Tuncer and Turhan (2019) explored the refusal strategies used by 27 Turkish first-year pre-service teachers of English and discovered that males used “no” more often, while females employed “negative willingness” more regularly. Moreover, they noted that females tended to utilize more refusal techniques with lower and equal status interlocutors, while males used more with interlocutors at a higher status (2019). However, Abed (2011), who investigated university-level Iraqi speakers of English, found insignificant differences between males and females in their use of refusals and adjuncts. Likewise, a study about the use of refusal strategies with Iranian speakers of English found little difference between females and males in their use of refusals at all social status levels (Hedayatnejad, Maleki & Mehrizi 2015). Therefore, research demonstrates that differences between the genders in the use of refusals is inconsistent and may depend on various other factors.

Refusals exist in all languages; however, the ways and the contexts in which they are performed [or not] differ across cultures (Chojimah 2015). Speakers, therefore, need to be mindful of ways in which they should perform and react to refusals as these are considered to be “a major cross-cultural “sticking point” for many nonnative speakers, and for that reason [it is] important for [those] involved in cross-cultural communication” (Beebe et. al. 1990: 56).

3. Methods

3.1. Participants

Ninety-four Emirati speakers of English registered in the course titled “Introduction to Linguistics” at a science and technology university in Abu Dhabi participated in this study. Students were on single-gender campuses and, therefore, were in single-gender classes. The introductory linguistics class focused on micro-linguistics and functioned as a general education elective credit for the humanities. Of this number, 67 were female and 27 were male. The students’ ages ranged between 19 and 24 with a mean age of 21.

3.2. Data-collection Tool and Analysis

Data were collected using a written survey we developed. It was comprised of six sections. The first section collected demographic information; the second asked how often the participants engaged in communication with people from other cultures; the third enquired about how often they met tourists in the UAE; the fourth asked them to indicate the extent to which they would feel comfortable talking to

an unknown tourist couple (considering cultural orientations within the region, the tourist couple was defined as a husband and wife); and the fifth asked the participants to indicate how comfortable they would be accepting a request of an unknown tourist couple in their early 30s who approached them, complimented them on their traditional clothes and inquired if they could have a photo taken with them, and this section also investigated what they would actually do in such a situation. The options they were given were:

- A. I would take a photo with the husband and wife tourists
- B. I would **not** take a photo with the husband and wife tourists
- C. I would do neither. Instead, I would _____

The last section included the following discourse completion task (DCT):

<p>Write in the space provided what you would say to complete the following conversational situation:</p> <p>The husband and wife (tourists): <i>“Your national clothes look very interesting, and you look so nice in them! Would you mind if we have a photo taken with you?”</i></p> <p>You:</p> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/>

Although written DCTs as a research tool do not collect naturally occurring data, they have been noted to allow researchers to collect data that might be difficult to negotiate in real-life situations (Hartford & Bardovi-Harlig 1992) as was the case in the current study. Another advantage of written DCTs is that they allow researchers to collect “a large amount of data quickly, [to] create an initial classification of semantic formulas, and [to] ascertain the structure of refusals” (Beebe & Cumming cited in Cohen 1996: 394).

Data collected were analyzed considering descriptive statistics such as frequencies and averages. T-tests for two independent means were used to make comparisons between the male and the female data sets. A p value of less than 0.05 was considered significant. The components of the refusal speech act set were analyzed considering the scheme by Beebe et al. (1990).

4. Results

The main aim of this study was to describe the refusal speech act set produced by Emiratis interacting with tourists. In order to understand the context better, participants were first asked how often they normally engage in communication with people from other countries and how often they meet tourists in the UAE with

“1” representing “never” and “5” being “always”. Results related to these two questions are summarized in Table 2 below.

Table 2

Participants’ Engagement in Communication with Those from Distinct Cultures

		Min	Max	$\bar{x}$	SD	t	p*
How often do you engage in communication with people from other countries?	Male (n=27)	2	5	3.5	0.9	-1.1957	0.1174
	Female (n=67)	1	5	3.2	0.9		
	All (n=94)	1	5	3.3	0.9		
How often do you meet tourists in the UAE?	Male (n=27)	1	4	2.4	0.7	-1.8903	0.0309
	Female (n=67)	1	4	2.7	0.8		
	All (n=94)	1	4	2.6	0.8		

*p<0.05

According to Table 2, the participants reported engaging in communication with people from other countries slightly more often than “sometimes” ($\bar{x}$ =3.3). The average rating of the male participants ($\bar{x}$ =3.5) was slightly higher than that of the female participants ($\bar{x}$ =3.2); however, there was no statistically significant difference between their responses (t = -1.1957, p =0.1174). Table 2 also shows that the participants report meeting tourists in the UAE slightly less than “sometimes” ($\bar{x}$ =2.6). This time, however, the average rating for the female participants ($\bar{x}$ =2.7) was slightly higher than that of the male participants ($\bar{x}$ =2.4) with a difference at a statistically significant level (t =-1.8903, p =0.0309).

Data were also collected to answer the first research question related to the extent to which they would feel comfortable talking to an unknown tourist couple and whether their responses changed according to gender. The summary of the data related to this question is given in Table 3 with “1” referring to “Very uncomfortable” and “5” representing “Very comfortable”.

Table 3

Participants’ Feeling of Comfort Speaking to a Tourist Couple

		Min	Max	$\bar{x}$	SD	t	p*
How comfortable would you feel talking to a tourist couple (husband and wife) that you have <i>never</i> met before?	Male (n=27)	1	5	3.9	1.2	-1.2152	0.1136
	Female (n=67)	1	5	3.7	1		
	All (n=94)	1	5	3.7	1.1		

*p<0.05

As is seen in Table 3, the participants indicated that they would feel fairly comfortable talking to a tourist couple that they have never met before ($\bar{x}$ =3.7). Although the male participants’ responses were slightly higher than that of the females ($\bar{x}$ =3.9 and $\bar{x}$ =3.7), there was no difference at a statistically significant level between the two data sets.

The second research question was related to the extent to which the participants would feel comfortable accepting a tourist couple’s request for a photo with them

in their traditional Emirati clothes, and whether or not their responses might be influenced by the gender variable. Results in response to this question can be seen in Table 3 with “1” being “Very uncomfortable” and “5” indicating “Very comfortable”.

Table 4

Participants' Feeling of Comfort Accepting a Request for a Photo

		Min	Max	$\bar{x}$	SD	t	p*
How comfortable would you feel accepting their request for a photo with you?	Male (n=27)	1	5	3.9	1.3	2.8804	0.0024
	Female (n=67)	1	5	3.2	1.2		
	All (n=94)	1	5	3.4	1.3		

*p<0.05

Table 4 shows that participants generally indicated that they would feel moderately comfortable ($\bar{x} = 3.4$) accepting such a request. However, the male participants' average rating ($\bar{x} = 3.9$) was higher than that of the female participants ($\bar{x} = 3.2$). As well, the difference between their responses was at a statistically significant level ($t = 2.8804$, $p = 0.0024$). Therefore, these results show that the male participants would feel more comfortable than the female participants accepting a request to take a photo with a tourist couple.

The participants were also asked how they would actually behave in such a situation. Their responses are summarized in Figure 1 below.

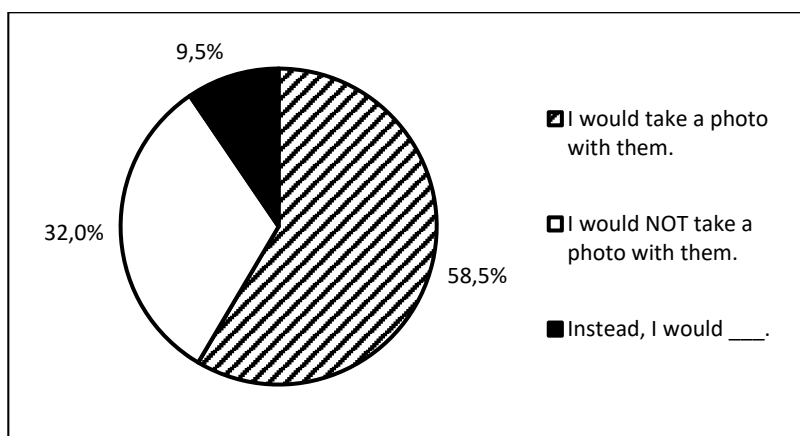

Figure 1. Participants' Choices of Action

According to Figure 1, out of 94 participants, 58.5% indicated that they would accept the request while 32% would reject the request and 9.5% would offer an alternative suggestion, essentially rejecting the initial request. Five of the responses related to the latter, however, included conditional acceptance. Two of the female participants stated that they would agree to take the photo without showing their faces, “I would take the picture, but without my face showing”. Other female participants noted responses like “I would take a photo with the wife [but] not the husband,” and “I would take a photo only if I am wearing my sheila” [the traditional

women’s headscarf]. One male participant stated he would “take a picture for them without [revealing my face].” Among the other courses of action included suggesting the tourist couple take the photo with a mannequin in traditional clothes, getting them the same traditional clothes, talking to them about the traditional clothes without letting them take a photo, and being kind by offering something else.

In order to ascertain whether the differences in responses between the males and females were statistically significant, a t-test was conducted and the results are in Table 5.

Table 5

Comparison of Data according to Gender

	Accept		Refuse		t	p*
	f	%	f	%		
Male (n=27)	21	78	6	22	-2.458	0.0079
Female (n=67)	34	51	33	49		
All (n=94)	55	58.5	39	41.5		

*p<0.05

When the male and female participants’ responses were compared, it was found that a significantly lower number of the female participants (51%) in comparison to the male participants (78%) would accept the request. In other words, a considerably higher number of the female participants indicated that they would either reject the request or reject the request by offering an alternative. The t-test showed that there was a significant difference at the .05 level between gender and participants’ behavior in the given situation ($t=-2.458$, $p=0.0079$).

The third research question investigated the semantic components of the refusal speech act set. To this end, 39 participant responses that functioned as a refusal were analyzed. Moreover, the speech act sets were broken down to count each refusal component within the set and categorized based on Beebe et al.’s (1990) classification system. Since the refusal speech act set was produced by only six male participants in comparison to 33 female participants, no inferential statistical comparison was made between the data sets considering the gender variable. The results are summarized in Table 6.

Of the 84 components of refusal speech act sets produced, 26 (31%) included a statement of regret in response to the request made by the tourist couple. While this was the most frequent component used by both females and males, males used this more frequently (45% vs. 29%). All of these, except for two, used the adjective “sorry.” The two participants who declined the request without using “sorry” said, “I [would] like to but I cannot,” and “No, I cannot do that.” It is interesting to note that only two of the responses contained an intensifier to accompany the adjective (i.e., really and so). As well, the adjective was accompanied by the negation word “but” in eight of the utterances. These were all exclusive to the female participants’ responses.

Table 6

Components of the Refusal Speech Act Sets

Refusal Components	Female n=75		Male n=9		Total n=84	
	<i>f</i>	%	<i>f</i>	%	<i>f</i>	%
Statement of regret <i>Ex. I am sorry. I can't take photo with you.</i>	22	29	4	45	26	31
Thank-you note <i>Ex. Thank you (for your compliment).</i>	20	26.5	2	22	22	26
Excuse, reason, explanation <i>Ex. I can't take photo with you because of our tradition.</i>	19	25.5	1	11	20	24
Statement of alternative <i>Ex. You can take photo with men.</i>	9	12	1	11	10	12
Acceptance that functions as a refusal (lack of enthusiasm) <i>Ex. Umm, I am not sure that it's okay.</i>	4	5.5	1	11	5	6
Avoidance (do/say nothing) <i>Ex. ... (After a thank you note)</i>	1	1.5	0	0	1	1
<i>Totals</i>	75	100	9	100	84	100

A thank-you note was present in 22 (26%) of the refusals, and there was little difference in terms of percentage of frequency between males and females. These responses often included the performative act of thanking. Examples are “Thank you,” “Thank you for your kind words, but ...,” “Thank you for your (kind) compliment, but ...,” and “That is so sweet of you, thank you so much.” One of the responses by a female participant included a compliment in turn: “Thank you, both of you look beautiful, too.”

A reason for declining the request was present in 20 (24%) of the total number of refusals. These were all provided by the female participants, except for one. Eight of the reasons were related to the participants’ lack of interest in (appearing in) photos. Examples are, “I’m not a big fan of photos,” “I don’t like being in photos,” and “To be honest, I don’t like [to] take photos.” Five of the reasons were related to the participants’ traditions/culture. They said, for example, “I can’t take photo with you because of our tradition,” and “It is against our culture to take photo.” One male and one female participant indicated the lack of comfort they feel when they are photographed. The following reasons were mentioned one time by five different participants: photos are personal, a father not allowing, personal reasons, physical appearance on the day, and shyness.

Ten of the refusals (12%) produced by the participants contained a statement of alternative with little difference between the percentages of male and female participants. Six participants suggested that they take the photo with someone else. One female participant, for instance, stated the requester may ask a male. Others said, “My sister may like to,” and “I can ask one of my friends to take pictures with you if you wait a second.” One female participant offered taking the picture with the wife, but not the husband. One of the male participants rejected by saying “I think it would be better to take a picture of you with your wife to make it an unforgettable moment.” Two other female participants, on the other hand, stated

they would give them the names of the shops where the couple could find traditional clothes. One even offered to accompany them to the shop.

A lack of enthusiasm was present in five (6%) of the responses. Although such responses indicated acceptance, they functioned as a refusal. These included three female participants' preference for hiding their faces when taking the photo. Another female participant said, "Umm, I am not sure that it's okay." Similarly, a male participant responded, "I don't mind actually since you asked, but just an advice in the future, it is better to just take a picture of a [mannequin] with the same clothes because some people might see it to be weird and they would feel very uncomfortable." These utterances would likely change the course of action taken by the requester to refrain from threatening the requester's face. This, as well, would help save their own face.

Albeit infrequent (1%), it is also important to note one female participant's rather limited response. In this response, there was only a thank you note. This, we interpret, as an avoidance strategy, most probably chosen by the participant to save face by not producing an explicit refusal.

We also analyzed the refusals considering linguistic devices utilized by the participants. One of these was the adverbs of intensifiers (i.e., "so" and "very") used to emphasize the apology, which occurred three times in the female data set only ("I am *really* sorry," and "I am *so* sorry, but..."). Another one was modality to mitigate the refusal, which again as produced by the female participants only: "I *just* don't like my pictures to be taken," "Umm, *I am not sure* that's okay," "I *would love to* but I am shy," and "I *would love to* but I cannot." It was also interesting to note the rather infrequent use of 'communicative gifts' to the hearer to express positive emotions, evaluation, and attitude (Iliadi & Larina 2017). These occurred four times in the female data set and only once in the male data set. The female participants said, "..., both of *you look beautiful too*," "That's *so sweet of you*," and "That's *nice of you*, ...," and "Thank you for *your kind words*, but ... ." The male student said, "Thank you for your *kind* compliment, but ... ." Important to note is that a thank-you note generally preceded these. Taken together, these data show that the participants' use of positive politeness in their refusal speech act sets was limited, and when it was used, it was almost always utilized by the female students.

5. Discussion

This study showed that the participants engaged in communication with people from other countries slightly more often than sometimes. However, they stated their interaction with tourists is limited to less than sometimes. Considering the fact that around 88.5% of the UAE residents are expatriates (GMI 2019) and the increasing number of tourists in the region, the former is somewhat surprising. In fact, it has been observed that an increasing number of young Emiratis are now "entering the country's tourism and entertainments sector, ... interacting with visitors at some of Abu Dhabi's busiest attractions such as Warner Bros. World and Ferrari World" (Zaatari 2019: parag. 1). However, it is possible that the participants in the current study did not consider obligatory activities such as consultations with expatriate

faculty when answering the question As well, the observation that “[a] large section of expatriates living in the UAE are unaware of their host country's traditions and many have only learned about things that affect their lives” (Sherif & de Leon 2012: parag. 10) may have led the participants of this study to keep their interaction with expatriates, and therefore with tourists, to a minimum. Moreover, the possibility of significant cultural distances between Emiratis and non-Emiratis, such as those between Westerners and Arabs (Harrison & Michailova 2012), might also deter the participants of this study from engaging in much dialogue with expatriates. On the other hand, the limited interaction between local Emiratis and tourists may be due to individual tourists’ or tourism agencies’ tendency to frequent venues where there is little chance of genuine interaction with locals and local culture (Swan 2016). It has also been observed that tourists may be too shy to speak to Emiratis when they encounter them in touristic places (Seraphim & Haq 2019). On the other hand, the participants in the current study indicated they would feel fairly comfortable talking to tourists and feel moderately comfortable accepting a tourist couple’s request for a photo with them in their traditional clothes. These results are not surprising given that Emiratis take pride in their virtues of courtesy and hospitality as “visitors are sure to be charmed by the genuine friendliness of the people” (Abu Dhabi C. cited in Schwaighofer 2014: 90).

It still is important to note that well over one-third of the participants stated they would either reject the request or suggest a condition with female participants refusing more than male participants at a statistically significant level. Alternatives raised by the female participants included covering their faces or allowing the photo with the female tourist only. This type of refusal is somewhat similar to Tuncer and Turhan’s finding that females employed “negative willingness” more regularly (2019). Emirati female participants’ reluctance to accept the request may stem from “social forces [that] sometimes prevent women from interacting in public with men outside their families” (Dariela et al. 2017: 4). Past research found that communication between genders in the UAE is normally permissible at work as long as it is on work-related matters; however, purely social interaction between men and women especially outside of the workplace could be seen by some as contrary to Emirati customs and the religion of Islam (Ahmad 2014). In the case of a photo taken with a stranger, the situation may be even more controversial. In fact, Sylvester (2019: parag. 14) warns that “[in the UAE] taking photos of people (particularly women) you haven't met before and who haven't given you their permission is illegal and can lead to arrest or fines.”

The last research question aimed to identify the components of the refusal act set produced by the participants. Results revealed that the participants employed non-performative direct refusals, indicating their lack of willingness to accept the request (Leech 1983). It is important to note the participants’ avoidance of the negation word ‘No’ unlike what Tuncer and Turhan found in their study on Turkish males (2019) and their tendency to apologize to the requester. The use of a thank-you note by some participants is also important. In fact, Al Okla (2018) notes that

members of the Arabic culture often refuse by just saying “Thank you.” We interpret these to be directed towards face-saving when confronted by a face-threatening act. As is also indicated by Brown and Levinson (1987), the speaker often utilizes certain linguistic features to alleviate face-threatening acts to make the hearer feel at ease. Beebe et al. (1990) also point to the utilization of adjuncts such as a gratitude to alleviate the impact created by a (forthcoming) refusal. It is also important to note the social distance between a tourist and a local affecting the interlocutors’ choices of linguistic politeness. Prompted by the urge to keep a tourist “interested and attached to the place visited” (Garay 2019: 71), the refuser is likely to use positive politeness strategies when performing an act threatening the hearer’s face. Interestingly, while the three most frequently used refusal components are similar between the genders, there are differences in the percentage of their use; for example, males used a statement of regret more than females, but females provided an excuse, reason, or explanation much more frequently than males. This supports previous research in that differences in the gender variable might be influenced by situational and socio-cultural factors (Nelson, Batal & Bakary 2002, Rezvani, Ismael & Tok 2017, Tuncer & Turhan 2019). However, it is also interesting to note the participants’ limited use of linguistic devices for positive politeness purposes. When they were used, they included modality and intensifiers. There were also instances of communicative gifts to the hearer. The former were used by the females while the latter was produced by one male only. These findings may point to the female Emirati speakers’ greater tendency to utilize linguistic features to alleviate the force imposed by the face-threatening act of refusals. However, the lack of literature on Emirati speakers’ language use for this purpose prevents us from making stronger deductions. Albeit limited, our findings are expected to shed at least some light on language use by (young) Emirati speakers in a hypothetical situation with unknown tourists.

Necessary to point out is the relatively limited variety of refusal components used by the participants compared to the number of those identified by Beebe et al. (1990). This might be due to the nature of the DTC research tool which may have limited the authenticity of the data collected (Hartford & Bardovi-Harlig 1992). As well, the variety is impacted by the context in which the role-play in DCT was situated. The refusal speech act set, just like any other, is affected by myriad factors including the nature of the dialogue, the social/power distance between the interlocutors, etc. (Umale 2011). Such factors likely played a role in the refusers’ component choices producing the refusal speech act set.

6. Conclusion

This investigation of Emirati speakers’ self-reported ease in communicating with unknown tourists and their use of the refusal speech act found that they would feel comfortable engaging in communication and accepting the couple’s request to take a photo with them. However, female participants reported feeling less comfortable and more likely to refuse the request at a statistically significant level.

Linguistic analysis of the refusal speech act, as demonstrated in hypothetical conversation via the DCT, revealed that very few refusal components were utilized and the most common components were a statement of regret, a thank-you note, and an excuse, reason or explanation. Moreover, participants employed non-performative direct refusals and avoided the use of the negation word ‘No’, most likely to put the hearer at ease during what could be considered a face-threatening linguistic exchange. In terms of differences in use of refusal components between the genders, while the three most frequently used components are similar, there are differences in the percentage of their use; for example, males use a statement of regret more than females, but females provide an excuse, reason, or explanation much more frequently than males. Results also showed that the refusal speech act produced by the Emirati speakers included few linguistic devices as a positive politeness strategy, and these were in the form of modality, intensifiers, and communicative gifts, almost all of which were utilized by the female participants only. Albeit the small sample size, these results point to certain trends in language use by young Emiratis with a set of cultural values. It is, therefore, important to note the way in which cultural characteristics inform speakers’ communicative behavior and styles, as well as saturate language use with impacts at all linguistic levels (Larina 2020).

While these discoveries offer some awareness into an under-investigated area, sole use of a DCT has limitations due to it being a self-report of a role-play communicative exchange. Therefore, future research into the use of refusals in this particular situation might employ different techniques like interviews with tourists and Emiratis after they interacted with tourists and observations. More general research into the refusal speech act used in the Emirati population could consider different types of situations (contextual as well as linguistic L1/L2), different age groups, and social/power distance between the speakers. This could provide more insight into the specific uses within the culture and across cultures.

The speech act of refusals can be a face-threatening event that every human will experience. As shown by the current study and the previous research, challenges with such face-threatening acts can be more formidable during exchanges with people from distinct cultures from ours. The fact that we are more able *and required* to interact with such people necessitates our developing an understanding of the nuances of communication and appropriate responses so that communication breakdowns can be avoided and the overall well-being of everyone involved in the interaction is enhanced.

© Deveci Tanju and Jessica Midraj, 2021

 creative commons

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

REFERENCES

- Abed, Qadoury A. 2011. Pragmatic transfer in Iraqi EFL learners' refusals. *International journal of English Linguistics* 1 (2). 166–185.
- Ahmad, Zaman K. 2014. Gender differences and work-related communication in the UAE: A qualitative study. *International Journal of Business and Management* 9 (3). 185–195.
- Al Murshidi, Hassan G. 2014. Emirati and Saudi students' writing challenges at U.S. universities. *English Language Teaching* 7 (6). 87–95.
- Al Nawrasy, Omar. 2013. The effect of native and nonnative English language teachers on secondary students' achievement in speaking skills. *Jordan Journal of Educational Sciences* 9 (2). 243–254.
- Al Okla, Nour. 2018. Verbal and non-verbal refusal strategies in English: Refusing promotions. *Arab World English Journal* 9 (1). 321–334. DOI: 10.24093/awej/vol9no1.23
- Austin, John L. 1962. *How to Do Things with Words*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Barlow, Lisa. 2009. *The effects of nonnative speaker accent on EFL students' listening comprehension* (Unpublished doctoral dissertation). The University of Exeter, Exeter.
- Bauman, Richard & Joel Sherzer. 1975. The ethnography of speaking. *Annual Review of Anthropology* 4. 95–119.
- Beebe, Leslie M., Tomoko Takahashi & Robin Uliss-Weltz. 1990. Pragmatic transfer in ESL refusals. In Robin Scarcella, Elaine S. Andersen, & Stephen D. Krashen (eds.), *Developing communicative competence in a second language*, 55–73. New York: Newbury House.
- Brown, Penelope & Stephen C. Levinson. 1987. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chojimah, Nurul. 2015. Refusal and politeness strategies in relation to social status: A case of face-threatening act among Indonesian university students. *Theory and Practice in Language Studies* 5 (5). 906–918. DOI: 10.17507/tpls.0505.04
- Cohen, Andrew D. 1996. Speech acts. In Sandra L. McKay & Nancy H. Hornberger (eds.), *Sociolinguistics and language teaching*, 383–420. Cambridge: Cambridge University Press.
- Crystal, David. 1985. *A dictionary of Linguistics and Phonetics*. 2nd edn. New York: Basil Blackwell.
- Dariela, Aurelie, Curtis Kepharta, Nikos Nikiforakisa & Christina Zenkerb. 2017. Emirati women do not shy away from competition: Evidence from a patriarchal society in transition (Working paper 0011). Retrieved from New York University Abu Dhabi, Division of Social Science Working Paper Series. URL: <https://nyuad.nyu.edu/content/dam/nyuad/academics/divisions/social-science/working-papers/2017/0011.pdf> (accessed 12 March 2020).
- Deveci, Tanju. 2018. Student perceptions on collaborative writing in a project-based learning course. *Universal Journal of Educational Research* 6 (4). 721–732. DOI: 10.13189/ujer.2018.060415
- Deveci, Tanju. 2015. The complaint speech act set produced by university students speaking English as a foreign language. [Special Issue]. *Literacy Information and Computer Education Journal* 4 (1). 2161–2171.
- Deveci, Tanju & Ikhlas Bin Hmida. 2017. The request speech act in emails by Arab university students in the UAE. *Journal of Language and Linguistic Studies* 13 (1). 194–214.
- Deveci, Tanju, Jessica Midraj & Wael El Sökkary. 2021. "You are the best professor!" Emirati university students' utilization of the compliment speech act. Manuscript submitted for publication.

- Félix-Brasdefer, Cesear J. 2009. Interlanguage refusals: Dispreferred responses in interlanguage pragmatics refusal sequences in learner-NS interactions. *Applied Language Learning* 19. 1–27.
- Garay, Jovanie B. 2019. Linguistic politeness of tourism personnel: Social interaction among local tourists in context. *International Journal of Linguistics, Literature and Translation* 2 (5). 55–82. DOI: 10.32996/ijllt.2019.2.5.9
- Harrison, Edelweiss & Snejina Michailova S. 2012. Working in the Middle East: Western female expatriates' experiences in the United Arab Emirates. *The International Journal of Human Resource Management* 23 (4). 625–644.
- Hartford, Beverly S. & Kethleen Bardovi-Harlig. 1992. Experimental and observational data in the study of interlanguage pragmatics. *Pragmatics and Language Learning* 3. 33–52.
- Hedayatnejad, Fariba, Roohollah Maleki & Ali A. H. Mehrizi, A. 2015. The effect of social status and gender on realization of refusal of suggestion among Iranian EFL intermediate learners. *Journal of Language Teaching and Research* 7 (1). 99–109.
- Iliadi, Paraskevi-Lukeriya & Tatiana V. Larina. 2017. Refusal strategies in English and Russian. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics* 8 (3). 531–542.
- Jandt, Fred E. 2018. *An Introduction to Intercultural Communication*. 9th edn. Los Angeles: SAGE.
- Johnson, Danette I., Michael E. Roloff & Melissa A. Riffe. 2004. Politeness theory and refusals of requests: Face threat as a function of expressed obstacles. *Communication Studies* 55 (2). 227–238. DOI: 10.1080/10510970409388616
- Khameis, Mona. 2007. Using Creative strategies to promote students' speaking skills. In Kay Gallagher & Khadar Bashir-Ali (eds.), *Action research and initial teacher education in the UAE. Perspectives from teacher education at the Higher Colleges of Technology*, 109–118. Abu Dhabi: HCT Press.
- Kross, Ethan, Marc G. Berman, Walter Mischel, Edward E. Smith & Tor D. Wager. 2011. Social rejection shares somatosensory representations with physical pain. In *Proceedings of the National Academy Sciences* 108 (15). 6270–6275. DOI: 10.1073/pnas.1102693108
- Larina, Tatiana. 2020. 'Sense of privacy' and 'sense of elbow': English vs Russian values and communicative styles. In Helen Bromhead & Zhengdao Ye (eds), *Meaning, life and culture: In conversation with Anna Wierzbicka*. Canberra: Australian National University Press.
- Larina, Tatiana V. 2015. Culture-specific communicative styles as a framework for interpreting linguistic and cultural idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics* 7. 195–215. DOI: 10.1163/18773109-00702003
- Larina, Tatiana V., Vladimir I. Ozyumenko & Svetlana Kurtes. 2017. *I-identity vs we-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives*. *Lodz Papers in Pragmatics* 13 (1). 109–128. DOI: 10.1515/lpp-2017-0006
- Leary, Mark R. 2015. Emotional responses to interpersonal rejection. *Dialogues in Clinical Neuroscience* 17 (4). 435–441.
- Leech, Geoffrey N. 1983. *Principles of Pragmatics*. London: Longman.
- Low, Linda. 2012. *Abu Dhabi's Vision 2030: An Ongoing Journey of Economic Development*. Singapore: World Scientific Publishing.
- Merhpour, Saeed, Masoume Ahmadi & Naser Sabourian Zadeh. 2016. Cross-linguistic comparison of refusal speech act: Evidence from trilingual EFL learners in English, Farsi, and Kurdish. *Iranian Journal of Applied Language Studies* 8 (2). 159–188.
- Mokhtari, Nargol. 2015. Face-threatening aspect of refusal speech acts: a contrastive study. *Journal of Modern Research in English Language Studies* 2 (1). 84–73.

- Nelson, Gayle L., Mahmoud Al Batal & Waguida El Bakary. 2002. Directness vs. indirectness: Egyptian Arabic and US English communication style. *International Journal of Intercultural Relations* 26. 39–57.
- Nunn, Roger, Tanju Deveci & Hussain Salih. 2015. Phenomenological views of the development of critical argumentation in learners' discourse. *The Asian EFL Journal Professional Teaching Articles* 85. 90–116.
- Rezvani, Mahsa, Darya A. Ismael & Samet Tok. 2017. Speech act of refusal among English language teaching students. *The International Journal of Research in Teacher Education* 8 (2). 1–11.
- Richards, Jack, John Plat J. & Heidi Weber. 1985. *Longman dictionary of applied linguistics*. England: Longman.
- Schwaighofer, Verana. 2014. *Tourist Destination Images and Local Culture: Using the Example of the United Arab Emirates*. Wiesbaden: Springer Gabler.
- Searle, John R. 1977. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge. Cambridge University Press.
- Searle, John R. 2002. Speech acts, mind, and social reality. In Günther Grewendorf & Georg Meggle (eds.), *Speech Acts, Mind, and Social Reality: Discussions with John R. Searle*, 3–6. The Netherlands: Kluwer Academic Publishers.
- Seraphim, Joanna & Farooq Haq. 2019. Challenges for promotion of heritage tourism: Case study of the UAE. In Surabhi Srivastava (eds.), *Conservation and promotion of heritage tourism*, 35–56. Hershey, PA: IGI Global.
- Shishavan, Homa B. & Farzad Sharifian 2016. The refusal speech act in a cross-cultural perspective: A study on Iranian English-language learners and Anglo-Australian speakers. *Language & Communication* 47. 75–88. DOI: 10.1016/j.langcom.2016.01.001
- Sokolskaya, Eugenia. 2015. *Directness in Russia's high-context culture*. Paper presented at Midwest Slavic Conference, Coumbus, OH.
- Tanck, Sharyl. 2004. Speech act sets of refusal and complaint: A comparison of native and non-native English speakers' production. *TESOL Working Papers* 2. 1–22.
- Tuncer, Hulya & Burcu Turhan. 2019. Refusal strategies of Turkish pre-service teachers of English: A focus on gender and status of the interlocutor. *Journal of Language and Linguistic Studies* 15 (1). 1–19.
- Umale, Jaishree. 2011. Pragmatic failure in refusal strategies: British versus Omani interlocutors. *Arab World English Journal* 2 (1). 18–46.

Электронные ресурсы / Internet Resources

- Dubai Tourism. 2020. Annual visitor report 2019. URL: <https://www.dubaitourism.gov.ae/en/research-and-insights/annual-visitor-report-2019> (accessed: 16 October 2020).
- GMI. 2019, January 30. *United Arab Emirates population statistics*. URL: <https://www.globalmediainsight.com/blog/uae-population-statistics/> (accessed: 16 October 2020).
- Sherif, Iman & Janice Ponce de Leon. 2012. Most expatriates in the UAE ignorant about Emirati culture. *Gulf News*. URL: <https://gulfnews.com/uae/most-expatriates-in-the-uae-ignorant-about-emirati-culture-1.979254> (accessed: 18 March 2020).
- Sylvester, Phil. 2019, September 3. Sharia law and the UAE: What you need to know. *World Nomads*. URL: <https://www.worldnomads.com/travel-safety/middle-east/united-arab-emirates/what-you-can-or-cant-do-in-the-united-arab-emirates> (accessed: 18 March 2020).

- Swan, Melanie. 2016, April 30. Emiratis crucial to UAE's tourism success. *The National*. URL: <https://www.thenational.ae/business/travel-and-tourism/emiratis-crucial-to-uae-s-tourism-success-1.136995> (accessed: 18 September 2020).
- Tesorero, Angel. 2019, December 29. Legendary Emirati hospitality makes UAE a tourist paradise. *Khaleej Times*. URL: <https://www.khaleejtimes.com/uae/dubai/legendary-emirati-hospitality-makes-uae-a-tourist-paradise> (accessed: 19 October 2020).
- Zaatari, S. 2019, September 14. More Emiratis getting involved in tourism, leisure jobs. *Gulf News*. URL: <https://gulfnews.com/uae/more-emiratis-getting-involved-in-tourism-leisure-jobs-1.66026220> (accessed: 19 October 2020).

Article history:

Received: 24 October 2020

Accepted: 22 January 2021

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 24 октября 2020

Дата принятия к печати: 22 января 2021

Bionotes:

Tanju DEVECI is Associate Professor of English in the English Department of Khalifa University of Science and Technology in Abu Dhabi, UAE. He taught English for academic purposes at Bilkent and Sabanci Universities in Turkey. Since 2012, he has been teaching English and communication skills to engineering students at Khalifa University in Abu Dhabi. He has published research and teaching articles on a wide range of topics including andragogy, learning styles and pragmatics.

Contact information:

The English Department, Khalifa University of Science and Technology

Al Saada St. Muroor Road, Abu Dhabi, UAE, 127788

e-mail: tanjudeveci@yahoo.com

ORCID: 0000-0001-5905-9793

Jessica MIDRAJ, PhD, is a faculty member in the English Department at Khalifa University of Science and Technology in Abu Dhabi, UAE. She has extensive experience as an instructor, mentor, teacher-trainer, researcher and administrator. Her research interests include quality assurance, student and teacher self-efficacy, language issues in STEM education and curriculum and assessment.

Contact information:

The English Department, Khalifa University of Science and Technology

Al Saada St. Muroor Road, Abu Dhabi, UAE, 127788

e-mail: jessica.midraj@ku.ac.ae

ORCID: 000-0002-9575-538X

Сведения об авторах:

Танджу ДЕВЕЧИ – доцент кафедры английского языка Научно-технологического университета Халифа в Абу-Даби, ОАЭ. Преподавал английский для академических целей в Билькентском и Сабанджийском университетах. С 2012 г. преподает английский язык и коммуникацию студентам инженерных специальностей в Университете Халифа в Абу-Даби. Имеет публикации, посвященные широкому кругу проблем, включая стили обучения и прагматику.

Контактная информация:

The English Department, Khalifa University of Science and Technology
Al Saada St. Muroor Road, Abu Dhabi, UAE, 127788
e-mail: tanjudeveci@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-5905-9793

Джессика МИДРАДЖ – имеет степень PhD, преподает на кафедре английского языка Научно-технологического университета Халифа в Абу-Даби, ОАЭ. Имеет большой опыт как преподаватель, наставник, методист, исследователь и руководитель. Ее научные интересы включают личную эффективность студента и преподавателя, контроль качества, языковые проблемы STEM-образования, учебные планы и их оценку.

Контактная информация:

The English Department, Khalifa University of Science and Technology
Al Saada St. Muroor Road, Abu Dhabi, UAE, 127788
e-mail: jessica.midraj@ku.ac.ae
ORCID: 000-0002-9575-538X

DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-89-104

Research article

Metapragmatics and genre: Connecting the strands

Evgeni N. MOLODYCHENKO¹ and Jürgen SPITZMÜLLER²

¹ Higher School of Economics National Research University

St. Petersburg, Russia

² University of Vienna

Vienna, Austria

Abstract

Genre analysis involves at least a ‘foray’ into the social/contextual dimension framing genre-exemplars. One way to explore this dimension is drawing on the concept of metapragmatics, which is primarily associated with (American) linguistic anthropology. However, with a few exceptions, genre studies have not consistently operationalized metapragmatics, either theoretically or practically. The purpose of this article is, therefore, to explore one possible angle of such operationalization by means of studying discourse fragments reflecting on fragments of (these very or other) discourses (so-called metapragmatic discourses) vis-à-vis any generic properties of the reflected discourse. Specifically, we analyzed comments sections for a number of YouTube videos exemplifying several lifestyle genres. The results indicate that generic references can range from simply using a generic label to refer to the discourse in question (as a token of a certain type/genre) to actually discussing the generic characteristics of the genre it instantiates, as well as projecting certain (generic) metapragmatic stances. Another observation is that different wordings used by the discourse community to refer to generic models can be, as it were, ‘proper’ generic labels, but they can also be words and phrases that would hardly qualify as proper names of genres from an analyst’s point of view. Both these ‘proper’ and other – ‘genre-like’ – labels are also often used in conjunction with or are replaced by other ways of metapragmatically referring to what the speaker ‘does’ or even what they ‘are’ in/by dint of using the discourse in question. This suggests that any generic labels or cues are just part of a large pool of other possible metapragmatic meanings, knowledge, and ideologies circulating in discourse communities. More broadly, the results may indicate that genre studies should see genre as an even less ‘stabilized’ entity because what a genre is depends on what people who actually use it ‘make of it’, as well as augment their standard toolkits with methods aimed at exploring metapragmatic discourse.

Keywords: *metapragmatics, metapragmatic discourse, genre, genre cues, discourse community, contextualization*

For citation:

Molodychenko, Evgeni N. & Jürgen Spitzmüller. 2021. Metapragmatics and genre: Connecting the strands. *Russian Journal of Linguistics* 25 (1). 89–104. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-89-104

Метапрагматика и жанр: объединяя подходы

Е.Н. МОЛОДЫЧЕНКО¹, Ю. ШПИЦМЮЛЛЕР²

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Санкт-Петербург, Россия

² Венский университет

Вена, Австрия

Аннотация

Исследование жанра в той или иной мере предполагает изучение контекста. Одним из возможных подходов к изучению такового является обращение к метапрагматике – понятию, преимущественно развивавшемуся в американской лингвистической антропологии. За исключением некоторых отдельных работ, данное понятие не было сколько-либо последовательно операционализировано в жанроведении. Цель настоящей статьи – обозначить один из возможных вариантов такой операционализации, заключающийся в анализе так называемых метапрагматических дискурсов, то есть дискурсов или их фрагментов, рефлексивно отражающих собственную прагматику или прагматику внешних по отношению к ним дискурсов в разрезе рефлексий, связанных с жанровой спецификой рефлекслируемых дискурсов. Материалом исследования послужили пользовательские комментарии к нескольким видео на платформе YouTube в разных жанрах лайфстайл-дискурса. В результате анализа демонстрируется, что фигурирующие в метапрагматических дискурсах жанровые рефлексии могут иметь различную форму – от использования «жанровых ярлыков» для отсылки к рефлекслируемому дискурсу (как экземпляру определенного жанра) до обсуждений жанровых особенностей экземпляра и/или жанра в целом, а также часто сопровождаются актуализацией оценочной позиции, занимаемой коммуникантом/-ами по отношению к жанру. Использование собственно жанровых ярлыков имеет определенную специфику: для именованного жанра коммуниканты могут оперировать как «правильными» жанровыми ярлыками, т.е. такими, которые являются более-менее устоявшимися именами жанров или могли бы потенциально к ним быть причислены, так и более «свободными» и «неточными» формулировками. Наблюдение за использованием ярлыков обоих типов, а также иных способов актуализации жанровых рефлексий демонстрирует, что все они являются лишь частью массива средств, используемых коммуникантами для рефлексий в разрезе того, что автор дискурса «делает», а также того, «кем» он в данном коммуникативном событии (или путем его реализации) «предстает». Полученные результаты подчеркивают то, что в случае с жанроведением одним из аспектов изучения некоторого жанра следует рассматривать исследование того, каким образом этот жанр «видят» реальные коммуниканты, рутинно с ним взаимодействующие, и то, что работа с метапрагматическими дискурсами могла бы стать значимым дополнением к стандартному жанроведческому инструментарию.

Keywords: *метапрагматика, метапрагматический дискурс, жанр, дискурсивное сообщество, контекстуализация*

Для цитирования:

Molodychenko E.N., Spitzmüller J. Metapragmatics and genre: Connecting the strands. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25. № 1. P. 89–104. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-89-104

1. Introduction

As is well known, genre studies have always been faced with analytical challenges. To name just a few, there is the traditional ‘form vs function’ dilemma

(see e. g. Devitt 2009, Giltrow 2010), with the issues of tackling the linguistic variation that different instances of (even) one and the same genre may exhibit (see e. g. Rose 2012, Swales 1990: 49–52), the issues of genre hybridity (see e. g. Fairclough 2003: 69), and of genres ‘never actually being stabilized’ (see e. g. Devitt 2009: 39) gravitating towards the ‘form’ end of the spectrum, and the issues of the disparate ways actors can actually engage with (even) one and the same genre (see e. g. Askehave & Swales 2001; Swales 1993) gravitating towards the ‘function’ end. There is also the “well-known quagmire” (Lee 2001: 41) of distinguishing between genres and a plethora of other terms like *text-type*, *register*, and *style* (Giltrow 2010; Lee 2001). And finally, there has always been the issue of the ‘form’ not really being restricted to the *linguistic form* per se, but rather being an intricate combination of various modalities – an issue which could be somewhat backgrounded in case of (and in the age of) media often relying on (simple) printed text (see, however, Hiippala 2017) but became more a matter of concern with the advent of digital genres (Askehave & Nielsen 2005, Giltrow & Stein 2009), often relying on arguably a wider range of modalities which digital media seem to make more ‘readily available’. These and other points of contention are partly reflected in a possible definition of the genre that can be seen as a social action (with all the complexities involved in theorizing said action) calling for a certain – more or less stable/fixed – discursive form¹ (with all the complexities involved in theorizing said form; cf. Fairclough 2003: 65; Miller 1984, Swales 1990: 45).

Apart from making the multimodal aspect of generic forms harder to ignore, digital media have also introduced a wider range of affordances, the availability of which on certain platforms has, in its turn, facilitated the transformation of participatory frameworks and, consequently, the role audiences play in producing and contextualizing discourses (Boyd 2014, Szabla & Blommaert 2018). This kind of participation has also arguably resulted in increased ‘visibility’ of discourse referencing, as it were, the pragmatics of other discourses. The former is sometimes referred to as metapragmatic discourse (Silverstein 1993, Spitzmüller 2015). Although genre studies have been addressing the metapragmatic dimension at least since the term ‘discourse community’ was introduced (Swales 1990), these studies in our opinion could benefit from a more systematic operationalization of metapragmatics and a more targeted exploration of metapragmatic discourses (see also Briggs 1993, Briggs & Bauman 1992, Gnezdilova 2018, Spitzmüller 2013: 237–280).

The purpose of this paper is, therefore, to further theoretically and analytically integrate metapragmatics into genre analysis. From a more practical standpoint, the purpose is to explore several instances of metapragmatic discourse vis-à-vis possible generic references used by the speakers. With this aim in mind, seven YouTube videos and their accompanying comments have been analyzed. The

---

¹ This, of course, could also be reversed, as we may also think of discursive forms regimenting, as soon as they are deployed, the communicative episode as a certain type of social action, calling for a certain type of social relations between the actors to obtain or be ‘constructed’.

videos instantiate several genres (that may be) used by typical contemporary lifestyle YouTube channels (Molodychenko 2019), which can, in turn, be seen as part of a wider phenomenon of lifestyle media (see e.g. Bell & Hollows 2005).

2. Genre cues in emergent metapragmatic models of discourse

2.1. Pragmatics and text-level indexicality

According to Silverstein (1987), there are two functions of language which linguists have traditionally referred to. The first one, which is strongly associated with structuralism, posits that what a stretch of discourse means as a whole can be explained by the sum of its constituent (segmentable) elements. Each such element can be said to be drawing its meaning from its position in the system of language (Blommaert 2015: 9). However, there has also been another longstanding tradition which rather sees stretches of discourse in terms of what they ‘do’ socially. This goes as far back as ancient rhetoric and, in more recent times, can be exemplified with what has been done in linguistic anthropology and within “much of what goes on under the name of ‘pragmatics’” (Silverstein 1987: 24). As we shall elaborate in what follows, this second tradition does not go well with the first one methodically.

In most general terms, the main attempt of a **pragmatically** oriented inquiry is to shed light on the relation of language (or discourse) and context. This relationship can be expanded in two directions: pragmatic inquiry can try to reveal how context shapes discourse (*context-boundedness* of discourse) or it can try to reveal how discourse shapes context (*contextualization* by discourse). In order to understand what a discourse ‘does’ socially (i.e., *in* and *to* context), and how it does that, both directions, and the bi-directionality of pragmatic processes, need to be considered (Silverstein 2003: 195). As opposed to formal matters or semantics, the *how* part of the equation cannot be resolved easily by the structuralist segmentation and classification approach. Even though it is controversial (and most strongly challenged by proponents of Semantic Holism; cf. Jackman 2017), linguistics has developed elaborated means to segment the overall flow of discourse semantically and to analyze (i.e., classify) what each such segmentable part contributes to the whole in terms of (referential) meanings (Silverstein 1976). This was done, for instance, using a sentence theory informed by propositional calculus (Silverstein 1987: 18–23), or with an arguably more socially oriented analytical tool such as Systemic Functional Linguistics (primarily in terms of the ideational metafunction; see Halliday & Matthiessen 2004). For pragmatic analysis, such atomistic approaches have proven significantly less satisfying.

The reasons for this are manifold. First and foremost, potentially segmentable elements of discourse cannot be assigned to specific (decontextualized) pragmatic functions in the way segmentable elements can be assigned to specific (decontextualized) semantic (i.e., referential) meanings (considering the caveats above). Their function (or *pragmatic meaning*, as we might say) emerges through indexical reference to an ever-changing context which can also retrospectively (*effectively*; Silverstein 2003: 195–196) alter pragmatic meaning over the flow of

discourse. Second, each segmentable element can simultaneously index different contextual variables (Eckert 2008, Silverstein 1976, Silverstein 1992). And third, the pragmatic function or meaning of elements correlates to the pragmatic function or meaning of co-occurring elements. As Agha notes:

a textual order contains, or conveys, indexical information that is not reducible to the indexical values of any of its parts. To speak of **text-level indexicality** in this sense is to speak of a wholly emergent type of information that reflexively shapes the construal of behavior while the behavior is still under way. Such text-level indexical effects are completely **non-detachable** for purposes of construal: They are not preserved under decontextualization. If you isolate a piece from the total textual process that motivates the effect, the semiotic partial thus ‘detached’ appears to have no property that could explain the text-level effect, no matter how carefully you inspect it! The effect depends on the comparability of co-occurring signs – by criteria of congruence/non-congruence – and therefore vanishes when the sign is isolated and inspected by itself. (Agha 2007: 24; orig. emph.)

These conditions render the aim of classifying decontextualized pragmatic ‘types’ rather futile.

2.2. Metapragmatic models and metapragmatic knowledge

From a pragmatic point of view, meaning is thus not inherent to text but constructed in interaction (see e.g. Chernyavskaya 2020). When engaging in discourse, we build a more or less coherent holistic representation of what goes on (both semantically and pragmatically) in this stretch of discourse based on the combined input of elements signaling semantically (‘symbolizing’) and pragmatically (‘indexing’) as well as on our communicative knowledge (Gumperz 1992). Drawing on Agha (2007: 37), we refer to this holistic representation as a **metapragmatic model** of discourse. This model, in effect, is the realization of Silverstein’s *metapragmatic function*, which “serves to regiment indexicals into interpretable event(s) of such-and-such type that the use of language in interaction constitutes (consists of)” (Silverstein 1993: 37). The metapragmatic model encompasses the metasemantic model, as we follow Silverstein’s (1993: 39) proposal to incorporate metasemantics into metapragmatics (see also Verschueren 2000: 442), since “[t]he metapragmatic characterization of speech must constitute a referential event, in which pragmatic norms are the objects of description” (Silverstein 1976: 48). This is also borne out by lay observation that whatever the communicative actor is ‘doing’ through/in discourse also includes, but is in no way restricted to, what ‘information’ they are trying to ‘relay’ (cf. Blommaert 2015).

In somewhat broader terms, we may also speak of *metapragmatics* or *metapragmatic dimension of language use* with reference to the reflexive awareness that speakers normally have as to the various ways language is (being) used (Verschueren 2000). Such **metapragmatic awareness** – both contextualized and decontextualized (in the form of what we might call *metapragmatic knowledge* or

linguistic ideologies) – is analyzable only to the extent that it is materialized in a metapragmatic act of some sort (Agha 2007: 17; Spitzmüller 2015: 129). One of the main modes in which these acts can be materialized is, as it happens, language itself (or, for that matter: speech, writing, or gesture; cf. Auer 1992). Metapragmatic acts range from using an isolated metapragmatic ‘label’ to refer to a (segment of) discourse, including the cases where the label is used to refer to the very same segment/discourse whose part this label happens to be², to “laying down” a (full-fledged) “denotational text” (Silverstein 1993: 42) referencing the pragmatics of a certain other (segment of) discourse. Denotational texts of this type may be referred to as **metapragmatic discourse** (Silverstein 1993). Such discourse can become an invaluable source of analytical data if the goal of the project is to explore not so much the meaning potential of a certain discourse in question but rather the various (often conflicting) ways it is being contextualized (perceived, understood, interpreted etc.) by a real group of actors (Spitzmüller 2015: 137–138; Chernyavskaya 2020) or – as we shall call this group below – a *discourse community*.

2.3. Genre cues as metapragmatic markers

One distinct type of what we have referred to as metapragmatic labels are names of genres. Relating a certain (segment of) discourse to a certain genre, explicitly or implicitly (Briggs & Bauman 1992, Hanks 1987), is, we contend, one of the ways of specifying what a certain segment/discourse (supposedly) ‘does’ socially or what type of social action it (supposedly) realizes (see/cf. also Fairclough 2003: 64 ff., passim; Miller 1984: 198). Names of genres are thereby one, and only the most explicit, instance of the metapragmatic devices we call **genre cues** (cf. Spitzmüller 2013: 257–249; the term is borrowed from Androutsopoulos 2001: 20). Genre cues are contextualization cues (sensu Gumperz 1992) that hint to the interpreter what genre a certain segment/text ‘belongs’ to and hence how it is to be interpreted. As with all contextualization cues, whether this hint is indeed taken up in interpretation depends on the (so far established) context and the interpreter’s communicative knowledge. Furthermore, genre cues need not be issued deliberately by the producer of the utterance. On the contrary, it is possible that the interpreter construes cues that run counter to the producer’s intention (hence the *supposedly*’s above). The range of potential genre cues is large. Besides genre names, it consists, among other things, of genre-typical (enregistered) phrases and expressions (Gnezdilova 2018), names (Androutsopoulos 2001), and paralingual elements such as phrasing/intonation in speech (Auer 1992), modes of performance (e.g., posture) or (typo)graphic design elements in written discourse (Spitzmüller 2013: 237–280). So, in what follows, when we pick out genre names by way of example, we only look at the most appropriate or “salient” (to use Verschueren’s apt term) way of regimenting a segment/discourse metapragmatically. Our scope of analysis thus

---

² One well-known example of such usage are the so-called performative verbs.

only comprises a fraction of the complex metapragmatic model that communicative actors form in/for, and construe from, contextualized and contextualizing discourse.

For further theorizing and analysis, we draw on the theory and methods of the ESP (English for Specific Purposes) strand of genre analysis, sometimes referred to as *Rhetorical-Linguistic Genre Studies* (Devitt 2015: 45). It is arguably one of the most seminal schools of genre analysis in Anglo-American academic discourse. As the name would suggest, being a blend of linguistic and rhetoric approaches, the ESP model emphasizes the analysis of the linguistic ‘form’ as well as what we might call the *contextual dimension* (‘the function’), with two clusters of variables – social and cognitive. We will relate these two clusters to metapragmatics in what follows.

In ESP genre analysis³, the **communicative purpose**, which may be seen as a primarily cognitive variable, is the deciding criterion for identifying genres and distinguishing between formally similar genres (Askehave & Swales 2001, Bhatia 1993: 19–20, Swales 1990: 46). In metapragmatic terms, communicative purpose may be seen as one of the critical variables for generating a (proper⁴) metapragmatic model of discourse, to which both the producer and the recipient will dialogically orient at the stage of discourse production and the stage of reception and ‘sense-making’, respectively (cf. Briggs & Bauman 1992, Hanks 1987). From a metapragmatic perspective, however, it is crucial to add that communicative purpose is not a quality that is inherent to a stretch of discourse. Rather than that, it is ascribed to this stretch by the communicative actors based on their communicative knowledge and their interpretation of genre cues (and thus it is seen as an epistemic variable). Hence, what is construed as communicative purpose might differ among the involved actors.

The primarily social cluster of variables is operationalized in ESP genre analysis as the **discourse community** – a community that forms around a certain genre or genres (Swales 1990: 24–32, Swales 1993: 694–696). Approaching a discourse community entails addressing reflections that circulate in a group of communicative actors which have something to do with ways genres in question are (supposedly) being used. In metapragmatic terms, we are dealing here with *enregistered* (Spitzmüller 2015, Agha 2007) genre knowledge (or assumptions), or *genre ideologies* (Spitzmüller *forthc.*). To address such knowledge, we do not always have to resort to interviewing the subjects, like the ESP practitioners would indeed do. The understanding of such reflections can instead be informed by specific discourses which discourse communities produce as a reaction to another discourse (or the very discourse they are part of), provided these, in whole or in part, explicate (or even implicate, that is: display) something about the (construed) generic properties of the reflected discourse. Such discourses are, of course, one example of metapragmatic discourse that was discussed above.

---

³ As well as in many other genre theories.

⁴ As we shall soon see, it is actually somewhat problematic to define ‘proper’.

3. Data and analysis

One of the key contributing factors to the increased visibility and availability of metapragmatic discourse is the change in participation frameworks, which has accompanied the growth of new media platforms like YouTube or Instagram (Boyd 2014; Lehti et al. 2016; Szabla & Blommaert 2018). What we refer to here specifically is the enormous amount of ‘user comments’ which is normally found with popular YouTube videos.

The pool of material for the following analysis is comprised by seven videos with their accompanying comments posted on the YouTube channel *alpha m*. This channel is one instance of new lifestyle media, which have become increasingly popular over the last few years (Andersen & van Leeuwen 2017; Bell & Hollows 2005; Bell & Hollows 2006; Machin & van Leeuwen 2005; Machin & van Leeuwen 2007; Molodychenko 2019; Ivanova 2019). The numbering of examples in the analysis is done as per the following list:

- (1) *7 Things About Girls I Wish I Knew Sooner!*⁵
- (2) *A Day in The Life of Alpha M.*⁶;
- (3) *My New Daily Routine & Diet (A Day in the Life of Aaron Marino) 24 Hour Vlog*⁷;
- (4) *Losing My Virginity (Brutally Honest Story)*⁸;
- (5) *Losing Everything!*⁹;
- (6) *I'm Done!*¹⁰;
- (7) *Dealing with Coronavirus (COVID-19)*¹¹;

The method can be best (and succinctly) described, following Fairclough (Fairclough 2003) and Spitzmüller and Warnke (Spitzmüller & Warnke 2011), as *textually oriented discourse analysis*.

One of the most widespread generic models invoked on such channels is (an ‘upgraded’ version) of what Machin and van Leeuwen a few years ago labeled “hot tips” (Machin & van Leeuwen 2007: 116–123). Despite the fact that this generic model seems quite ubiquitous (Molodychenko 2019), the actual usage of any generic labels to refer to it or any other reflections on its generic properties are infrequent. Out of first 200 comments under the video (of 1318 total) at the moment we made the ‘snapshot’ of the web page¹², the first explicit usage of the

---

⁵ URL: https://www.youtube.com/watch?v=ffVf0_bSAtk (accessed: 28.06.2020).

⁶ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Nl-9cY13np8> (accessed: 28.06.2020).

⁷ URL: https://www.youtube.com/watch?v=nP4W_-Z89Hc (accessed: 28.06.2020).

⁸ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=k9WlsqdWn0E> (accessed: 28.06.2020).

⁹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m5abiF91LAM> (accessed: 28.06.2020).

¹⁰ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WUIpX6ZZ3P4> (accessed: 28.06.2020).

¹¹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FSMyVVw2nxw> (accessed: 28.06.2020).

¹² As is well-known, such web pages tend to change over time as new comments are added and also possibly rearranged by the YouTube algorithm. Hence, the ‘snapshot’ metaphor in the description.

generic/metapragmatic label was seen in comment number 92 (1.1). In the other 108 comments, a metapragmatic label of some kind was used no more than 5–6 times:

(1.1) *Uncle Alpha I appreciate **all the advice**. I wish you were around when I was a teenager <...>*¹³

(1.2) *Absolutely love these life **tips**!*

(1.3) *Call me weak, but the “cute but sassy” **tip** didn’t sit too well with me*

(1.4) *By the way, you are doing a terrific job giving valuable **advice** to young (and sometimes older) guys!!!*

A possible explanation of such relatively low count of generic references could be the fact that this genre is, as has been stated above, ubiquitous and hence densely enregistered on lifestyle channels¹⁴ and lifestyle media in general (including written discourse), so communicative actors see no need to give contextualization cues (of this explicit sort) in order to explicate the frame of interpretation. This explanation gets support if we contrast the case with another, where a generic model is evoked that is not so typical for the channel¹⁵ (and other channels of the same kind, but arguably not lifestyle media as a whole), namely the *vlog* genre. One of the comments that contextualizes this generic model is the following:

(2.1) *You would be a great **daily vlogger***

This comment comes in at number 50 (of 3373 comments overall) at the time of the ‘snapshot’ and has around 1500 likes, which can be interpreted as an additional indicator of such reflections being popular in the discourse community. The comment elicited several responses, which further supports the claim that such reflections are current in the community:

(2.1.1) *would you like to see the same things every video?*

(2.1.2) *this **vlogging** is **the stupidest idea** homo sapiens invented*

(2.1.3) *Omg I agree with you **he would be amazing***

It can be also noted in passing that *metapragmatic stances* (Spitzmüller forthc.) of communicative actors vis-à-vis this genre, and hence *genre ideologies*, differ drastically, cf.: *the stupidest idea* vs *he would be amazing*. Still in passing it can be noted how such comments illustrate that genre references are not restricted to using generic labels such as *advice* or *vlog* but also include ideas of generic properties, cf.: *see the same things every video*.

Metapragmatic/generic labeling is, of course, not only performed by the audience; actors in the commented videos also use metapragmatic self-references. This may be interpreted as an effort to facilitate the formation of the ‘proper’

---

¹³ The spelling, punctuation, and formatting of the comments analyzed hereinafter have been slightly modified.

¹⁴ At the time the ‘snapshot’ of the state of the channel was ‘taken’, 87 videos of the last 100 invoked the ‘hot tips’ model.

¹⁵ Three videos out of the last 100 at the time of the ‘snapshot’.

metapragmatic model on the part of the addressees or as an attempt to *authenticate* (Bucholtz & Hall 2005: 585–586, Spitzmüller 2015: 130) their own performance. Cf. a standard metapragmatic label *vlog* that is used in the title of video 3 (see above) as well as a ‘less standard’ label in the discourse of *заменить на*: used within the video:

(3) <...> *this is gonna be a day-in-the-life type of video* <...>

Such usage of the ‘less standard’ labels also allows us to highlight another observation. Labels such as *vlog*, *advice*, and *tips* may happen to be more or less ‘settled on’ and also more likely to be ‘endorsed’ by genre analysts (and indeed are, as we have already seen in case of *hot tips*). These, however, in our experience with such media, do not accurately reflect what happens in the discourse community as far as metapragmatic references to discourses “as events of such-and-such type” (Silverstein 1993: 37) are concerned. What often happens is that actors would use what may be called *genre-like labels and descriptions*, of which (3) is an example. This seems to be even more pronounced when the community is faced with a less familiar genre, which may at this point in time neither have a deeply enregistered generic model nor a common name. One such example is an infrequent¹⁶ but distinct type of video on the channel under scrutiny, which may be called *straight talk*. Incidentally, the author gives an interesting metapragmatic description at the beginning of one of his videos ‘in the genre’, which emphasizes the perceived lack of a term but also arguably the ‘exigence’ (sensu Miller 1984) for the genre and the name to become available soon:

(4) *Today’s video falls under the category of “why the hell am I telling you this?”*

Both the lack and the exigence are emphasized by the discourse community trying (struggling?) to find a feasible ‘workaround’ to refer to the genre and its properties in the comments, cf.:

(4.1) *I love these videos. Sometimes we need to have these **conversations!***

(4.2) *Love the **story time**, alpha!*

(4.3) *The fact that he **speaks out about his life** has my full respect*

(5.1) *Aaron, you should do more of these **personal talks***

(5.2) *What do I need? I need more jokes or **story time** from Alpha M.*

(6.1) *This sounds like an overheard **phone conversation** on the subway*

(6.2) *Loved this **lesson**, my friend. Thank you*

(6.3) *Thank you for being open and **sharing your story***

(6.4) *Thanks for **reaching out**. I was relieved to see your video today*

As can be seen from these examples, some actors emphasize the semblance of these instances to casual conversation (5.1, 6.1, 4.1), an autobiographical narrative¹⁷

¹⁶ Four videos out of the last 100 at the time of the ‘snapshot’.

¹⁷ Incidentally, both casual conversation and ‘ordinary’ narrative are treated as pre-genres by Swales, i. e. they are *not* ‘true’ genres (Swales 1990: 58–61).

(5.2, 6.3, 4.2, 4.3), advice (6.2) and (for lack of a better word) a confession (6.4, 4.3). These are instances of what Bolter and Grusin (1999) refer to as *remediation*.

These examples bring into sharp relief the idea that using generic labels, both the ‘proper’ ones, which are likely to be endorsed and used by analysts, as well ‘genre-like’ metapragmatic references of the type exemplified above, represents only a fraction of metapragmatic genre reflection. This is illustrated by the following examples which refer to different other facets of what the actors are ‘doing’ – or, as it were, ‘being’ – socially. All these are characteristics of the communicative event, an intricate nexus of (referential) meanings, social actions, and identities, and they also neatly illustrate how metapragmatic stancetaking, genre construal and authentication correlate:

(4.4) *This is my favorite video you’ve ever made, I really dig **the honesty***

(4.5) *Dude, you’re **straight up** dude. Keep up this **genuine stuff** man*

(4.6) *<...> it was nice hearing you **open up***

(5.3) *I’ve got to say these are my favorite videos you do, when it’s just you **being yourself, being honest**. Sure, the ones where you being “Alpha”, teaching us to hit on girls or whatnot, are entertain; these are the ones that are **truly Alpha***

(5.4) *Appreciate your **realness** with this all man <...>*

(5.5) *Love that this is **so real** man. Stay positive*

(6.5) *The guy can **share** his difficult emotions **openly** – example of a true alpha*

(6.6) *<...> this **guy stands on his word**. He is not the guy who acts on camera, **he is who he is***

(6.7) *Wow, for the first time I feel like **he’s being genuine***

(6.8) *This level of **authenticity** is so hard to come by. We appreciate you **being real** with us bro <...>*

(6.9) *I love these videos, they are so **honest and raw***

(7.1) *I love the **spiritual side** he brings out very smoothly*

4. Conclusion

New media platforms have drastically transformed the ways audiences can participate in mediated discourses. The analytical toolkits we use to explore genres and discourses should, in our opinion, factor such changes in and, indeed, benefit from them. One way this could be done is upgrading the way we theorize and operationalize the concept of *discourse community* as used in ESP genre analysis with the help of insights generated in linguistic anthropology, including particularly the framework of *metapragmatics*. While doing so, we suggest that analyzing a genre should no longer (only) be a dedicated effort on the part of the analyst to meticulously describe specific instances of the genre in question, as genres in discourse are interactional co-constructions. Thus, genre analysis needs to take into account emic knowledge and ideologies that circulate in, and frame the interpretations of, discourse communities. As discourse has become more visible via digital media, respective data has become increasingly available in the form of metapragmatic discourse this community zealously produces.

Among other trends, what the observation of such circulations seems to emphasize is that those ‘proper’ generic labels that genre analysts prefer to draw on (at times simultaneously implying that genres fall into neat types and are feasibly organizable in ‘nameable’ taxonomies) are just one way to contextualize genres. As we have indicated, such labels may or may not actually be used by the discourse community. On the other hand, what the members of these communities do use is a wide range of other ‘imprecise’, ‘less proper’ genre references. This leads us to remind us again, finally, that any generic reference, be it the ‘proper’ research-community-endorsed label, the genre-like wordings mentioned above or other genre cues, is just part of a small subset of all the metapragmatic devices that are at the disposal of discourse communities, devices that flank and equip their social ‘doings’ and ‘beings’ and their pathways through discourse.

© Evgeni N. Molodychenko and Jürgen Spitzmüller, 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

REFERENCES

- Agha, Asif. 2007. *Language and Social Relations*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511618284
- Andersen, Thomas Hestbæk & Theo Jacob van Leeuwen. 2017. Genre Crash: The Case of Online Shopping. *Discourse, Context & Media* 20. 191–203. DOI: 10.1016/j.dcm.2017.06.007
- Androutsopoulos, Jannis. 2001. What Names Reveal About the Music Style: A Study of Naming Patterns in Popular Music. In Enikő T. Németh (eds.), *Pragmatics in 2000: Selected Papers from the 7th International Pragmatics Conference 2*. 16–29. Antwerp: International Pragmatics Association.
- Askehave, Inger & Anne Ellerup Nielsen. 2005. Digital Genres: A Challenge to Traditional Genre Theory. In Ellerup Nielsen Anne, Barbara H Kwaśnik & Kevin Crowston (eds.), *Information Technology and People* 18 (2). 120–141. DOI: 10.1108/09593840510601504
- Askehave, Inger & John M. Swales. 2001. Genre Identification and Communicative Purpose: A Problem and a Possible Solution. *Applied Linguistics* 22 (2). 195–212. DOI: 10.1093/applin/22.2.195
- Auer, Peter. 1992. Introduction: John Gumperz’ Approach to Contextualization. In Peter Auer & Aldo Di Luzio (eds.), *The Contextualization of Language* (Pragmatics & Beyond New Series) 22. 1–37. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. DOI: 10.1075/pbns.22
- Bell, David & Joanne Hollows (eds.). 2005. *Ordinary Lifestyles: Popular Media, Consumption and Taste*. Maidenhead: Open University Press.
- Bell, David & Joanne Hollows (eds.). 2006. *Historicizing Lifestyle: Mediating Taste, Consumption and Identity from the 1900s to 1970s*. London and New York: Routledge.
- Bhatia, Vijay Kumar. 1993. *Analysing Genre: Language Use in Professional Settings*. London and New York: Longman.
- Blommaert, Jan. 2015. Meaning as a Nonlinear Effect: The Birth of Cool. *AILA Review* 28. 7–27. DOI: 10.1075/aila.28.01blo

- Bolter, Jay David & Richard Arthur Grusin. 1999. *Remediation. Understanding New Media*. Cambridge, MA/London: MIT Press.
- Boyd, Michael S. 2014. (New) Participatory Framework on Youtube? Commenter Interaction in Us Political Speeches. *Journal of Pragmatics* 72. 46–58. DOI: 10.1016/j.pragma.2014.03.002
- Briggs, Charles L. 1993. Generic Versus Metapragmatic Dimensions of Warao Narratives: Who Regiments Performance? In John A. Lucy (eds.), *Reflexive Language: Reported Speech and Metapragmatics*, 179–212. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511621031.011
- Briggs, Charles L. & Richard Bauman. 1992. Genre, Intertextuality, and Social Power. *Journal of Linguistic Anthropology* 2 (2). 131–172.
- Bucholtz, Mary & Kira Hall. 2005. Identity and Interaction: A Sociocultural Linguistic Approach. *Discourse Studies* 7 (4–5). 585–614. DOI: 10.1177/1461445605054407
- Chernyavskaya, Valeria. 2020. Metapragmatics: When the Author Brings Meaning and the Addressee Context. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Yazyk i Literatura* 17 (1). 135–147. DOI: 10.21638/spbu09.2020.109
- Devitt, Amy J. 2009. Re-Fusing Form in Genre Study. In Janet Giltrow & Dieter Stein (eds.), *Genres in the Internet: Issues in the Theory of Genre*, 27–48. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Devitt, Amy J. 2015. Genre Performances: John Swales' Genre Analysis and Rhetorical-Linguistic Genre Studies. *Journal of English for Academic Purposes* 19. 44–51. DOI: 10.1016/j.jeap.2015.05.008
- Eckert, Penelope. 2008. Variation and the Indexical Field. *Journal of Sociolinguistics* 12 (4). 453–476. DOI: 10.1111/j.1467-9841.2008.00374.x
- Fairclough, Norman. 2003. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London and New York: Routledge.
- Giltrow, Janet. 2010. Genre and Difference: The Sociality of Linguistic Variation. In Heidrun Dorgeloh & Anja Wanner (eds.), *Syntactic Variation and Genre*, 1–26. Berlin/New York: De Gruyter Mouton.
- Giltrow, Janet & Dieter Stein. 2009. Genres in the Internet. Innovation, evolution, and genre theory. In Janet Giltrow & Dieter Stein (eds.), *Genres in the Internet: Issues in the Theory of Genre*, 1–26. John Benjamins Publishing Company. DOI: 10.1075/pbns.188
- Gnezdilova, Yaroslava. 2018. Metapragmatics of Academic Written Discourse. *Lege Artis* 3. 46–79. DOI: 10.2478/lart-2018-0002
- Gumperz, John J. 1992. Contextualization and Understanding. In Alessandro Duranti & Charles Goodwin (eds.), *Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon*, 229–252. Cambridge: Cambridge University Press.
- Halliday, Michael A. K. & Christian M. I. M. Matthiessen. 2004. *An Introduction to Functional Grammar*. London: Hodder Education.
- Hanks, William F. 1987. Discourse Genres in a Theory of Practice. *American Ethnologist* 14 (4). 668–692. DOI: 10.1525/ae.1987.14.4.02a00050
- Hiippala, Tuomo. 2017. An Overview of Research Within the Genre and Multimodality Framework. *Discourse, Context and Media* 20. DOI: 10.1016/j.dcm.2017.05.004
- Ivanova, Svetlana V. 2019. Stylistics and rhetoric of lifestyle discourse. *Professional Discourse & Communication* 1 (2). 8–21. DOI: 10.24833/2687-0126-2019-1-2-8-21
- Jackman, Henry. 2017. Meaning Holism. In Edward N. Zalta (eds.), *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Metaphysics Research Lab, Stanford University. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2017/entries/meaning-holism/> (accessed: 10 September 2020).

- Lee, David Y.W. 2001. Genres, Registers, Text Types, Domains and Styles: Clarifying the Concepts and Navigating a Path Through the BNC Jungle. *Language Learning and Technology* 5 (3). 37–72.
- Machin, David & Theo van Leeuwen. 2005. Language Style and Lifestyle: The Case of a Global Magazine. *Media, Culture & Society* 27 (4). 577–600. URL” <https://doi.org/10.1177/0163443705054151> (accessed: 10 September 2020).
- Machin, David & Theo van Leeuwen. 2007. *Global Media Discourse: A Critical Introduction*. London: Routledge.
- Miller, Carolyn. 1984. Genre as social action. *Quarterly Journal of Speech* 70 (2). 151–167. URL: <https://doi.org/10.1080/00335638409383686> (accessed: 10 September 2020).
- Molodychenko, Evgeni N. 2019. “Lifestyle Instruction” as an Internet Genre in Consumer Culture: A Communicative-Pragmatic Perspective. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya* 57. 79–102. DOI: 10.17223/19986645/57/5.
- Rose, David. 2012. Genre in the Sydney School. In James Paul Gee & Michael Handford (eds.), *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*, 209–225. London and New York: Routledge.
- Silverstein, Michael. 1976. Shifters, Linguistic Categories, and Cultural Description. In Keith H. Basso & Henry A. Selby (eds.), *Meaning in Anthropology*, 11–55. Albuquerque: University of New Mexico Press.
- Silverstein, Michael. 1987. The Three Faces of “Function”: Preliminaries to a Psychology of Language. In Maya Hickmann (eds.), *Social and Functional Approaches to Language and Thought*, 17–38. Orlando: Academic Press.
- Silverstein, Michael. 1992. The Indeterminacy of Contextualization: When Is Enough Enough? In Peter Auer & Aldo Di Luzio (eds.), *The Contextualization of Language* (Pragmatics & Beyond New Series), 55–76. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
- Silverstein, Michael. 1993. Metapragmatic Discourse and Metapragmatic Function. In John Arthur Lucy (eds.), *Reflexive Language: Reported Speech and Metapragmatics*, 33–58. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/cbo9780511621031.004
- Silverstein, Michael. 2003. Indexical Order and the Dialectics of Sociolinguistic Life. *Words and Beyond: Linguistic and Semiotic Studies of Sociocultural Order* 23 (3). 193–229. DOI: 10.1016/S0271-5309(03)00013-2
- Spitzmüller, Jürgen. 2021. Ideologies of Communication: The Social Link between Actors, Signs, and Practices. In Judith Purkarthofer & Mi-Cha Flubacher (eds.), *Speaking Subjects. Biographical Methods in Multilingualism Research*. Clevedon: Multilingual Matters.
- Spitzmüller, Jürgen. 2013. *Graphische Variation als Soziale Praxis*. Berlin, Boston: De Gruyter. DOI: 10.1515/9783110334241. URL: <https://www.degruyter.com/view/title/304557> (accessed: 10 September 2020).
- Spitzmüller, Jürgen. 2015. Graphic Variation and Graphic Ideologies: A Metapragmatic Approach. *Social Semiotics* 25 (2). 126–141. DOI: 10.1080/10350330.2015.1010323
- Spitzmüller, Jürgen & Ingo H. Warnke. 2011. Discourse as a ‘Linguistic Object’: Methodical and Methodological Delimitations. *Critical Discourse Studies* 8 (2). 75–94. DOI: 10.1080/17405904.2011.558680
- Swales, John M. 1990. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. 3rd edn. Cambridge: Cambridge University Press.
- Swales, John M. 1993. Genre and Engagement. *Revue Belge de Philologie et D’histoire* 71 (3). 687–698. DOI: 10.3406/rbph.1993.3898

Szabla, Malgorzata & Jan Blommaert. 2018. Does Context Really Collapse in Social Media Interaction? *Applied Linguistics Review* 9 (2). DOI: 10.1515/applirev-2017-0119

Verschueren, Jef. 2000. Notes on the Role of Metapragmatic Awareness in Language Use. *Pragmatics* 10 (4). 439–456. DOI: 10.1075/prag.10.4.02ver

Электронные ресурсы / Internet Resources

Lehti, Lotta, Johanna Isosävi, Veronika Laippala & Matti Luotolahti. 2016. Linguistic Analysis of Online Conflicts: A Case Study of Flaming in Smokahontas Comment Thread in Youtube. *WiderScreen* (1–2). URL: <http://widerscreen.fi/numerot/2016-1-2/linguistic-anaead-on-youtube/> (accessed: 10 September 2020).

Article history:

Received: 07 December 2020

Accepted: 22 February 2021

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 07 декабря 2020

Дата принятия к печати: 22 февраля 2021

Bionotes:

Evgeni N. MOLODYCHENKO is Associate Professor of the Department of Foreign Languages at the Higher School of Economics National Research University. His research interests include discourse studies, genre analysis, media linguistics, metapragmatics, rhetoric and persuasive communication.

Contact information:

Department of Foreign Languages

Higher School of Economics National Research University

16 Soyuz Pechatnikov Str., St. Petersburg, Russia, 190121

e-mail: emolodychenko@hse.ru

ORCID: 0000-0003-4852-6741

Jürgen SPITZMÜLLER is Professor of Applied Linguistics in the Department of Linguistics at the University of Vienna. His research interests include sociolinguistics, language ideologies/metapragmatics, sociolinguistics of scriptality/multimodality, discourse studies and folk linguistics.

Contact information:

Department of Linguistics

University of Vienna

Sensengasse 3a, 1090 Vienna, Austria

e-mail: juergen.spitzmueller@univie.ac.at

ORCID: 0000-0001-7213-9173

Сведения об авторах:

Евгений Николаевич МОЛОДЫЧЕНКО – кандидат филологических наук, доцент департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Область его научных интересов – дискурс-анализ, анализ речевых жанров, медиалингвистика, метапрагматика, риторика и персуазивность.

Контактная информация:

Департамент иностранных языков
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
190121, Санкт-Петербург, Союза Печатников ул., д. 16
e-mail: emolodychenko@hse.ru
ORCID: 0000-0003-4852-6741

Юрген ШПИЦМЮЛЛЕР – доктор наук, профессор института языкознания Венского университета. Область его научных интересов – социалингвистика, метапрагматика, лингвистические идеологии, мультимодальность и дискурс-анализ.

Контактная информация:

Department of Linguistics
University of Vienna
Sensengasse 3a, 1090 Vienna, Austria
e-mail: juergen.spitzmueller@univie.ac.at
ORCID: 0000-0001-7213-9173

DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-105-124

Research article

Implicit vs explicit evaluation: How English-speaking Twitter users discuss migration problems

Elena V. GABRIELOVA¹ and Olga I. MAKSIMENKO²

¹National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia

²Moscow Region State University
Mytishchi, Russia

Abstract

The current research answers the question how Twitter users express their evaluation of topical social problems (explicitly or implicitly) and what linguistic means they use, being restricted by the allowed length of the message. The article explores how Twitter users communicate with each other and exchange ideas on social issues of great importance, express their feelings using a number of linguistic means, while being limited by a fixed number of characters, and form solidarity, being geographically distant from each other. The research is focused on the linguistic tools employed by Twitter users in order to express their personal attitude. The subject chosen for study was the migration processes in Europe and the USA. The aim of the current investigation is to determine the correlation between the attitudes of English-speaking users towards migration and the way they are expressed implicitly or explicitly. The authors make an attempt to define which tools contribute to the implicit or explicit nature of the utterances. The material includes 100 tweets of English-speaking users collected from February 1 to July 31, 2017. The choice of the time period is defined by significant events in Trump's migration policy and their consequences. The research is based on the content analysis of the material carried out by means of the Atlas.ti program. The software performs the coding of textual units, counts the frequency of codes and their correlation. The results of the research show that Twitter users tend to express their critical attitudes towards migration, rather than approve of it or sympathise with migrants. Criticism is more often expressed implicitly rather than explicitly. In order to disguise the attitude and feelings, the English-speaking users of Twitter employed irony, questions and quotations, while the explicit expression of attitudes was done by means of imperative structures. It is also worth mentioning that ellipses, contractions and abbreviations were used quite frequently due to the word limit of tweets. At the same time, the lack of knowledge about extralinguistic factors and personal characteristics of users makes the process of interpretation of tweets rather challenging. The findings of the current research suggest the necessity to take into account implicit negative attitudes while carrying out the analysis of public opinion on Twitter.

Keywords: *linguistic tools, implicit evaluation, explicit evaluation, Twitter, online communication, migration*

For citation:

Gabrielova, Elena V. & Olga I. Maksimenko. 2021. Implicit vs explicit evaluation: How English-speaking Twitter users discuss migration problems. *Russian Journal of Linguistics* 25 (1). 105–124. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-105-124

Научная статья

**Имплицитная vs эксплицитная оценка:
как англоязычные пользователи Twitter
обсуждают проблемы миграции**

Е.В. ГАБРИЕЛОВА¹, О.И. МАКСИМЕНКО²

¹ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (ВШЭ)

Москва, Россия

² Московский государственный областной университет (МГОУ)

Мытищи, Россия

Аннотация

Данное исследование отвечает на вопрос, каким образом (имплицитно или эксплицитно) и при помощи каких лингвистических средств пользователи Twitter выражают свое мнение об актуальной социальной проблеме в условиях ограниченности количества символов в сообщении. В статье подробно рассматривается влияние ограниченного количества символов в сообщении Twitter на выбор лингвистических средств пользователями для выражения своего мнения и эмоциональной оценки социально значимого события. Исследование сфокусировано на способах выражения оценки проблемы миграции в Европе и США англоязычными пользователями микроблога Twitter. Цель исследования заключается в установлении связи между эксплицитным или имплицитным способом выражения оценки и ее эмоциональной составляющей (выражающей одобрение или критику). Анализ проводился посредством использования программы компьютерного контент-анализа Atlas.ti. Корпус языкового материала составил 100 твитов. Период сбора материала для анализа (февраль–июль 2017 г.) обусловлен важными событиями в миграционной политике США и ее трагическими последствиями. Результаты исследования показали, что наибольшее количество сообщений выражает негативное отношение к миграционным процессам в США и Европе, а также недовольство проводимой миграционной политикой. Критика часто имплицитируется при помощи иронии, вопросительных конструкций и цитат, в то время как императивные конструкции чаще всего были использованы в эксплицитных высказываниях. Англоязычные пользователи микроблога часто используют аббревиатуры, сокращения и эллиптические конструкции, что может быть обусловлено текстовым ограничением сообщений. Авторы исследования приходят к выводу, что, несмотря на определенную анонимность, предоставляемую коммуникацией в интернет-пространстве, пользователи Twitter склонны имплицитировать негативные высказывания в адрес политических структур. Интерпретация скрытых смыслов сообщений усложняется отсутствием экстралингвистических факторов и личных характеристик коммуникантов. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости учета импликации негативной оценки при использовании микроблога Twitter в качестве источника материала для анализа общественных настроений.

Ключевые слова: *миграция, лингвистические средства выразительности, имплицитная оценка, эксплицитная оценка, Twitter*

Для цитирования:

Gabriellova E.V., Maksimenko O.I. Implicit vs explicit evaluation: How English-speaking Twitter users discuss migration problems. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25. № 1. P. 105–124. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-105-124

1. Introduction

The emergence of new tools for socialising has changed the process of communication and influenced the language people use to exchange information and personal opinions. Modern communication channels provide users with the opportunity to form communities on the basis of political views and attitudes. Social media facilitate communication between various people and, consequently, enable citizens to organise protests and encourage them to participate in political and social events (Gabriellova 2014, Schultz, Utz, Göritz 2011). Scholars have established an interconnection between political institutional trust and the will to share political views with other users (Klaase 1999). Such a will can be implemented through social media which provide opportunities for an exchange of information and opinions. Once people become members of a certain community, their trust increases and, consequently, they are eager to take part in political activities. Political discussions also contribute to political knowledge and form tolerance towards people with an opposite point of view (Brundidge 2010). At the same time, they provide an opportunity for an exchange of opinions and consolidation of users with the same points of view into certain groups or unities. New ways of information consumption and an alternative space for political discussion lead to certain transformations in the patterns of communication and participation in political events. Moreover, the platform offers a number of research possibilities across a variety of fields, such as political science, sociology, and linguistics. The Twitter data remain available on a long-term basis and can be analysed through user-based or content-based research approaches, including quantitative and qualitative methods. Twitter has been researched by scholars from a variety of fields, especially concerning its contribution to political discourse at times of social crises or elections.

Investigations by Alsaeedi (2019) and Nagarajan & Gandhi (2019) focus on the sentiment analysis of Twitter. There are a number of techniques used to detect sentiment of opinions in tweets. The authors suggest frameworks for Twitter sentiment analysis and focus more on the technical details of the procedure rather than linguistic peculiarities of the language used in tweets. Wirawanda & Wibowo (2018), explore hate speech on Twitter and view it as one of the discourse strategies without providing a linguistic analysis of the tools employed. Villarroel Ordenes et al. (2017), have carried out the analysis of explicit, implicit, and discourse patterns of sentiment in social media. The study focuses on the ways which consumers imply, or state explicitly, the sentiment in their reviews. Certain expressions and indicators were analysed through computer-based programs, and the results demonstrated the influence of consumer reviews on sales. The authors proved that consumers might influence each other's behaviour through implicit or explicit

reviews. The paper makes a contribution to psycholinguistics, while the findings might be also used in marketing. The content analysis of Twitter, done by T. Basáñez et al. (2018), was aimed at examining tweets about e-cigarettes and vaping. The scholars used a pattern of analysis similar to the one employed in the current research. They collected a sample of tweets, where the authors stated explicitly or implied their attitude to vaping. Nevertheless, the goal of their investigation was to categorise tweets according to nine thematic categories and define the author of the message (a marketer or a non-marketer) rather than to look at the forms of linguistic expression in tweets.

Although there are a number of studies related to the content analysis of Twitter, we are not aware of any works devoted to the investigation of linguistic features of tweets devoted to the discussion of social issues, like migration processes. It should be noted that the migration problem arouses such emotions as anxiety, anger, hope and joy that motivate people to discuss the issue and share their views explicitly or implicitly (Benski et al., 2013). These emotions help the participants of the discussion to experience solidarity, recognition and empowerment, derived from their encounter with others in similar situations (Benski et al. 2013), which can be facilitated by the use of social networking tools such as Twitter. They produce a sense of connectedness, elaborate the feeling of solidarity as the participants of communication read about others, both distant and close, tackling the same problem of migration processes. The expression of personal opinions on Twitter is one of the tools that might affect a group of users and engage them in a discussion. Some scholars claim that sharing emotions in discourse can be regarded as an intention to arouse a certain emotional reaction from the counterpart or influence the addressee, either unconsciously or deliberately (Belyakov 2015: 125).

The current research is aimed at exploring the role of the English language in articulating personal opinions, examining the average number of implicit and explicit utterances in 100 tweets on the migration problem, as well as analysing the correlation between attitudes to migration and delivery methods through which they are expressed. The paper proposes the hypothesis that criticism tends to be articulated implicitly rather than explicitly. The main linguistic devices to veil the meaning of the utterance are irony and questions. These hypotheses are based on our previous studies of tweets devoted to protest movements in the USA (Gabrielova 2014, 2015).

2. Theoretical Background

The migration problem

The migration issue was chosen on purpose. First, this problem is topical in a number of English-speaking countries, and evokes a variety of feelings in people all over the world. The migration processes resonate through every level of society and are widely discussed on Twitter. On the one hand, migration can reduce the pressure on the labour market in countries where emigration exceeds immigration

and encourage people to do manual work in the countries where the opposite is true, providing migrants with low-skilled positions. On the other hand, migration might cause financial problems in the developed countries, reducing the working opportunities for natives and an increase in the crime rates (De Haas et al. 2019). The situation is getting worse in terms of national tension which leads to social stratification.

The consequences of migration forced a number of countries to review their migration policies. According to the International Organisation for Migration (IOM), the whole number of international migrants in 2018 is in excess of 244 million people, i.e. 3.3% of the world's population (World Migration Report 2018). European countries attempt to reduce the number of migrants by means of adopting certain regulations, but that leads to a rising number of illegal immigrants. Half of the population sympathises with the difficulties that migrants face; others criticise the current migration flow and form protests. In the USA, there was also a gap between supporters and protesters of migration policies by Trump in 2017, according to which the number of immigrants admitted to the USA was to be reduced. The law provoked discontent among immigrants and native citizens of the USA, including a number of organisations. At the same time, part of the population backed up the president, in the fear of terrorist acts or economic recession (Kozlovskij 2017). Ebzeeva and Karabulatova state that “processes of globalisation and migration specify the nature and status of ethnolinguistic mental cultures in net communication. According to the scholars, the spheres of basic ethnic and linguistic interrelation embrace: 1) cultural and civilisational interrelation (positive, progressive, consensus and conflict); 2) state policy in social sphere (language and culture); 3) aggressive promotion of western mass culture; 4) post-reactions to globalisation and migration processes” (Ebzeeva, Karabulatova 2017). This means that the verbalisation of personal opinions about migration processes reflects part of the ethnolinguistic mental culture of English-speaking Twitter users.

Linguistic tools for expressing opinions

In linguistic research, the information is explored from different perspectives. It is usually expressed through suppositions, opinions and statements. An utterance is comprised of a number of layers which differ in the meaning, being more or less explicit. Further statements are normally categorised into evident (explicit) and hidden (implicit). An explicit meaning is clearly decoded from the form of the statement. In contrast, an implicit meaning is established through an additional analysis of the utterance. Evident meanings are explicitly presented in the lexico-semantic structure of a sentence (Baranov 2007), insists on the binary nature of the explicit-implicit constituent of the linguistic content. Baranov regards ellipses and sentences with anaphoric pronouns as explicit statements. The meaning of such statements is reconstructed from the context of communication. It is well known that not all cases of ellipses correspond to explicit forms of presenting data. Baranov suggests classifying idioms as both explicit and implicit tools of information

transition. Scholars believe that presuppositions and consequences have an implicit nature (Baranov 2007: 40). The current paper focuses on the implicit and explicit verbalisation of personal assessment. Sharafutdinova claims that verbal assessment is seen as a means of producing a certain influence on a communicator. Implicit assessment can be aimed at forming mental assessment patterns in the collective consciousness (Sharafutdinova 2009). Consequently, appealing to the experience and intellectual pool of the recipient of the message creates an illusion of self-directed assessment and can be seen as a manipulative tool of managing an individual's opinion.

Linguistic means of assessment are divided into three categories: lexical, stylistic (metaphor, epithet, comparison, irony, allusion) (Pechenikhina 2008), and syntactic (sentences with assessing constructions and rhetorical questions) (Popova, Sternin 2007). Other scholars also include, in this category, quotations and lexis with expressive connotations (Sharafutdinova 2009). Pechenikhina (2008), singles out a concept of ironic modality as one of the types of subjective modality which is expressed through two polar assessments of the same object in a single utterance. Such type of irony is frequently used in political discourse and will be considered in the present study. One of the hypotheses of the current paper is that a tweet, restricted to 140 characters (currently the number of characters has been increased to 280) encourages Twitter users to employ a number of linguistic devices to express their opinions and attitudes explicitly or implicitly. The research also claims that the choice of linguistic means depends on the topics of tweets and the tone of opinion (positive or negative).

3. Data and analytical framework

Most frequently, the focus of the research is placed on personalised texts, such as tweets, blogs and reviews. This empirical material attracts scholars due to its subjective nature. Such texts contain a significant number of objects for the analysis, the relationships between them and implicitly expressed authors' opinions. This complicates the procedure of examining such texts and requires a unique corpus of collected linguistic material for the analysis (Semina & Maksimenko 2019: 107). The current research is done through the analysis of 100 tweets tagged #immigration, #migrants, #migration, and dated February – July 2017. The period was defined according to the events that drew a wide response in the USA and abroad. In January 2017, the president of the USA, Donald Trump, issued a policy aimed at decreasing the number of incoming immigrants which provoked much discussion both on Twitter and offline. It led to a number of protests and numerous tweets. In July 2017, ten immigrants were found dead inside a truck, in a parking lot, in Texas. The other 30 were taken to hospital (Montgomery 2017). Some people considered that tragedy to be a consequence of Trump's policy, while others acknowledged that the problem had already existed for a long time. The period chosen for the analysis (February 1, 2017 – July 31, 2017) embraces both events and opinions of the public which are clearly reflected in the tweets under

analysis. The search commands “since” and “until”, coupled with definite dates, gives an opportunity to extract tweets with a particular tag for a chosen time period. The first step was to analyse the authors of the messages. The tweets from individuals were included in the sample for further investigation. Messages from unions and organisations were disregarded. Next, we examined the tone of tweets, with the use of the Atlas.ti program, in order to reveal explicit and implicit attitudes of Twitter users towards migration.

4. Research methods

Traditional types of analysis. One of the possible ways to investigate linguistic means is through traditional grammatical analysis, which includes the study of morphology, phonology and semantics. It also comprises grammatical description and structural analysis. In order to characterise the structure of different languages, we used the descriptive approach, while the structural approach was aimed at investigating the distribution of forms in a language (Yule 1996).

Computer-mediated program Atlas.ti. In the present study, we employ Atlas.ti software, which is considered to be user-friendly and trustworthy. Therefore, defining language peculiarities of tweets and analysing their implicit or explicit nature, was carried out with the help of this application. It makes it possible to retrieve, structure and code chosen elements from the bulk text. The main function of the software is coding. It is performed through marking the text units (words or word phrases) and categories (blocks of elements) as separate codes. Coded words are allocated in groups depending on the aims of the research. Categorisation of text units depends on their meaning and is related to the chosen criteria. The outcomes of the data processing, codes, groups and their interrelation, may be presented in the form of schemes, tables and diagrams. Prior to the content analysis, we defined the tone of tweets (either criticising or supporting migration). One of the assumptions of the current research is that there are a number of linguistic tools which are used by Twitter users (on purpose or subconsciously) to make a message implicit or explicit. The investigation involves the analysis of such linguistic phenomena as quotations, irony, imperative constructions, idiomatic expressions and questions. Afterwards, we explored the correlation between the tone of the tweet, its nature (explicit or implicit) and linguistic tools exploited by the users to express the opinion.

5. Results

According to the obtained results, the authors of the explored tweets were both men and women. A great number of messages for the defined period were generated by organisations and news media. However, the investigation was based on the analysis of the tweets of ordinary users. The majority of tweets (53%) criticised contemporary migration processes, both legal and illegal. More than a quarter of the users (28%) articulated their approval of migration and backed up immigrants. A smaller percentage of messages (23%) showed discontent with the migration

policy by D. Trump. The tweets, generated to inform other users of events and sharing a link to an external source of information, comprised almost one third (29%) of all investigated messages. Figure 1 presents the ratio of topics in February–July 2017.

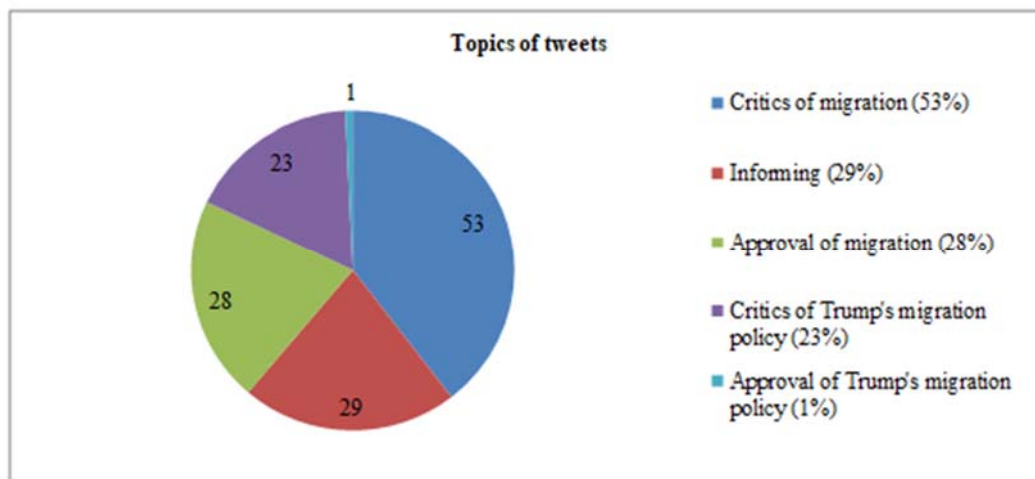

Fig. 1. Topics of tweets in February – July 2017

As it is shown in Figure 1, the number of people criticising migration processes on Twitter is significant and comprises 53% of all messages.

(1) “The increase of population is always a challenge for a city to face”
@NesreenBarwari on #migration <http://www.citiestobe.com/article/a-glimpse-into-global-challenges-through-global-experts> ....

(2) Will Europe Restrict African Migration? <http://flip.it/NixcoR> #migration

(3) Islam has conquered Italy without firing a shot! More than 5M jihadists have invaded Italy, 37% of the pop, is expected to be Foreigners.

The examples demonstrate that in order to criticise the migration processes, Twitter users exploited such tools as questions, quotations, exclamations and words with negative meaning: “restrict” (2), “challenge” (1), “invaded” (3), “conquered” (3). The word “restrict” in the second message points to limiting control or someone’s actions or movements (The Longman Dictionary of Contemporary English). The author of the tweet asks a question whether Europe would limit the control or movement of African migration, showing his/her resentment. In contrast, the word “conquer” is defined in *The Longman Dictionary of Contemporary English* as “to get control over a country by fighting” and at the same time “to become very successful in a place”. Example (3) expresses the author’s reaction to the fact that Islam took control over Italy without any fight and has become quite successful there. The idea is also articulated through the word “invaded”, which is defined as “to enter a country...in order to take control” or “to get into a place in large numbers, especially when you are not wanted”. The danger of losing control over the country discomfords the author of this message.

The messages supporting migration are fewer.

(4) *The United States was founded as, and continues to be, a country of immigrants from throughout the world/1 #DemPartyPlatform #Immigration .*

(5) *We need #immigrants to keep Italian social welfare going – not just economics btw, but social care and quality of life for us all #migration .*

(6) *What happened to “UNITED States of America the Melting Pot” this country was built through immigration. Everyone here is an immigrant other.*

(7) *It really is such a broad issue that I think in many ways we need to climb out of our heads and into our hearts. #Immigration .*

The support for migration, both in Europe and the US, is expressed through the modal verb “need”, which encourages people to act (5); an inversion “it really is such a broad issue” (7); a metaphor “climb out of our heads and into our hearts” (7); supergraphic tools “UNITED” (6). The main idea of such messages is that all people should be tolerant to migrants. Messages (4) and (6) even allude to the history of the US, pointing out the origin of the US population. In contrast to message (3), the author of message (5) expresses the need for migrants to maintain social welfare in Italy. The message reflects current polarisation of opinions on migration issues in the society.

A lot of people in the US were dissatisfied with the migration policy of Donald Trump, who pursued the law in January 2017, banning the entry of immigrants from a number of countries. The initiative raised discontent among the population that was widely expressed on Twitter:

(8) *Draconian #immigration policies create the climate of fear & exploitation that leads to completely preventable deaths. #TX, repeal #SB4 .*

(9) *Father of 4 deported last wk. It doesn't have to be this way. @realDonaldTrump #Immigration #StopSeparatingFamilies http://www.cleveland.com/metro/index.ssf/2017/07/willard_father_says_goo_dbye_to.html ...*

(10) *Sadly the very thought of #Trump as POTUS has probably already lowered the #immigration rate just by sheer disgust and disapproval. #Resist.*

(11) *Trump #immigration crackdown threatens morale of US troops overseas by putting #PIP in limbo.*

The given tweets demonstrate the use of the contraction “wk” (9) and eye-catching reference “POTUS” (10), a negative structure coupled with a modal verb “doesn’t have to be” (9), negative markers “draconian” (8), “fear & exploitation” (8), “crackdown threatens” (11), “sheer disgust and disapproval” (10). The word “draconian” is defined by *The Longman Dictionary of Contemporary English* as “very strict and cruel”. The author coupled this adjective with “fear and exploitation”, which demonstrates a common negative attitude towards D. Trump’s migration policy. The author of message (9) disapproves of the policy by implying that separating family members should not be allowed, and this is a wrong policy to follow. At the same time, it is not quite obvious, whether the author is against the immigration process itself or supports it.

The most frequent tweets criticising the migration policy by Trump were noted in July 2017, because of the tragedy in Texas. The authorities found eight bodies in a tractor-trailer in a Walmart parking lot, which appeared to be smuggling migrants. Some experts named it “an unintended consequence of enhanced border enforcement and security measures” (Montgomery 2017). The above-mentioned incident evoked empathy among the US population, and raised discontent with the taken measures in terms of migration in the US.

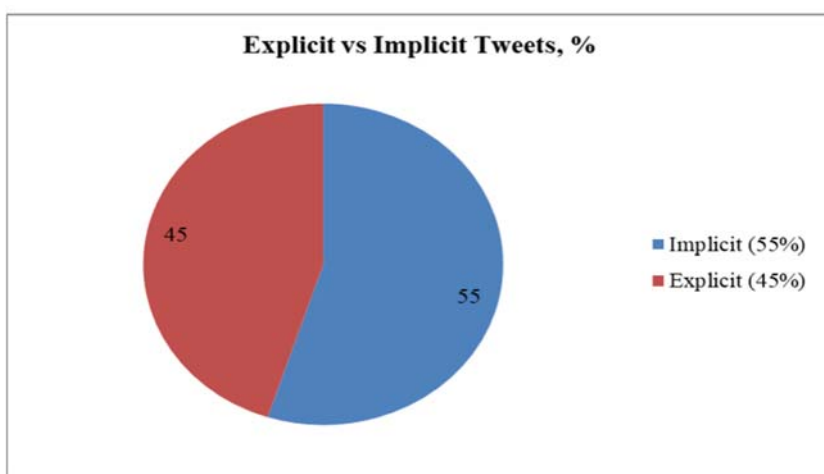

Fig 2. The ratio of explicit and implicit tweets

As illustrated in Figure 2, the number of implicit tweets (55%) slightly exceeds the number of explicit ones (45%).

(12) *The consequences of global population changes will affect billions – we will need to revise #migration policies and our economic models (.*

(13) *“Imagine that you see the wretched strangers, Their babies at their backs and their poor luggage” <https://www.playshakespeare.com/sir-thomas-more/scenes/1193-act-ii-scene-4> ... #migration.*

(14) *More than 3000 polish immigrants each year are extradited because of crimes. Why are we letting people in? #Immigration #crime.*

In example (12) the user demonstrates his point of view through the modal verb “will”, which is accompanied by the word “need” and, in this particular context, expresses the necessity and encourages acting. The verb “affect” is often considered to carry a negative meaning, and implies an unfavourable attitude of the user towards the problem of migration.

The author of tweet (13) encourages people to imagine a miserable situation. He/she uses an extract from “Sir Thomas More” by William Shakespeare. Through the quotation the user draws people’s attention to migration issues in Europe and the USA in 2017, without being transparent and stating explicitly his/her position regarding the problem. Quotation marks disguise the meaning of the message, giving readers a hint at the play where the sheriff of London is willing to conciliate the rebellion of journeymen against foreigners.

The message (14) provides statistical information followed by a question. The author draws the readers’ attention to the facts and migration results, making people reflect on the causes of the situation. Through the analysis of the facts and consequences the author of the message implies his/her negative attitude towards migration. The hashtags to this message place immigration and crime in the same line, drawing a link between these two phenomena.

(15) *We have to take back control of our own countries and get rid of these backward barbarians by any credible means. #italymigrants #migration.*

(16) *Efforts to Rescue Migrants Caused Deadly, Unexpected Consequences <https://nyti.ms/2snjyEy> #migration.*

(17) *Words are meaningful, so let's be sure to use the right ones. It's not immigration It's an invasion #AltRight #Immigration #Invasion #Europe.*

The authors of the tweets given above explicitly express their opinion on the migration processes through the epithets “deadly” (16), “unexpected” (16), a word phrase “get rid of these backward barbarians” (15), which appear to be the negative connotation markers, and demonstrate the users’ unfavourable attitude towards migration. The author of message (15) again mentions control and the need for taking it back from immigrants. Immigrants are presented as backwards – “developing slowly and less successfully than others”; barbarians – “someone from a different land, who does not behave properly”. These words explicitly express the disgust of the Twitter user towards migrants in Italy. Two of the given tweets encourage people to act through the suggestive “let’s” (17) and the modal verb “have to” (15). The negative impression is supported by the juxtaposition “It’s not immigration. It’s invasion” (17). Again, invasion is mentioned, which means that a lot of people arrived being unwanted, and took control over the country. Message (16) appeals to the measures that were taken to rescue migrants, and characterises these measures as “deadly”, which means lethal or causing harm. Consequently, the message expresses disapproval of the migration policy.

The results of the linguistic analysis of tools by Atlas.ti program are shown in Figure 3. Each linguistic phenomenon was used as a separate code.

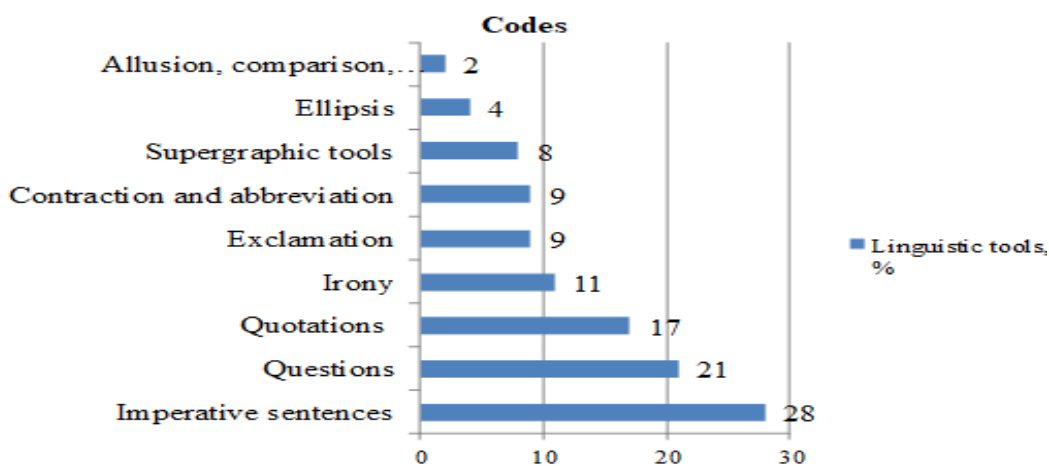

Fig 3. Codes in February – July, 2017

As demonstrated in Figure 3, almost one third of the analysed tweets have an imperative nature. Among those 10% contain an imperative structure. In other cases, encouragement is realised through modal verbs expressing the need for action and obligation, and the subjunctive mood.

- (18) *The consequences of global population changes will affect billions – we will need to revise #migration policies and our economic models.*
(19) *We must secure the borders. “FOLLOW” us if you agree!*
(20) *If the #US wants to know how #immigration affects a country, it can look to how #European #immigrants impacted the indigenous population .*

In example (18) the author expresses the need for action through the modal verbs “need” and “will”. Tweet (19) illustrates the use of the modal verb “must”, the subjunctive mood “if you agree”, and an imperative construction with an eye-catching font “FOLLOW”. Message (20) demonstrates the call for action through the subjunctive mood and the modal verb “can”. The adjective “indigenous” points out the critical opinion of the author towards immigrants, who impacted the native people’s life.

As shown in Figure 3, questions are used in 21% of tweets. It is interesting to note that half of them are aimed at criticising the migration processes.

- (21) *A solution to #migration & #employment issues in #Africa? Remote working @Tolu_Olubunmi @rajdey <http://owl.li/X71b30dDcaE> .*
(22) *More than 3000 polish immigrants each year are extradited because of crimes. Why are we letting people in? #Immigration #crime.*
(23) *And danger of cutting legal #Immigration channels, pushing #immigration into black market. Yet #GOP pushing to cut visas more. #MAGA?.*

Example (21) contains a question-objectification. First, the author of the utterance asks a question and then provides an answer to it. Such a technique is aimed at creating an impression that a reader, and not the author of the message, has given the answer. By means of this tool the author imposes his/her view on the readers, even though it is not stated clearly, but is expressed through the question. Tweets (22) and (23) depict the question-discussion. There is an affirmative sentence in the first place in each case followed by a question, which encourages the reader to find an answer to it. Example (22) is a real picture of the outcome of Trump’s migration policy. The author uses the acronym #MAGA (Make America Great Again), which corresponds to Trump’s slogan during the election campaign. The question mark at the end of the sentence demonstrates doubts concerning the president’s policy and its positive influence on the country’s welfare. Example (23) speaks about the extradition of Polish immigrants, committing crime, and questions the roots of the issue mentioned in the message. The authors use questions to highlight the problem of migration and attract public attention to it.

Figure 3 demonstrates how the Twitter users also make use of quotations and aphorisms. In most cases they contribute to the implicit nature of tweets, as the use

of quotation marks is typical for implying the meaning of the utterance. In the current research, quotations are regarded as both words taken from the speech of celebrities and given with quotation marks and reposts of tweets and news from other users' accounts.

(24) *"Imagine that you see the wretched strangers, Their babies at their backs and their poor luggage"* <https://www.playshakespeare.com/sir-thomas-more/scenes/1193-act-ii-scene-4> ... #migration

(25) *"The increase of population is always a challenge for a city to face"* @NesreenBarwari on #migration <http://www.citiestobe.com/article/a-glimpse-into-global-challenges-through-global-experts> ... #CitiesToBe.

(26) #Trump is trumped again! Court says "grandparents are the epitome of close family members". #TravelBan #immigration .

Example (24) contains an extract from Shakespeare's play "Sir Thomas More" and was mentioned above. It is aimed at raising compassion and pity towards migrants. In tweet (25) the quotations serve to criticise migration as a negative phenomenon for the receiving country. There is also a reference to the primary source of information. Example (26) demonstrates not only the use of a quotation, but also a pun "Trump is trumped". The author of the tweet mocks Trump's migration policy, and provides the evidence of its inconsistency in quotation marks. According to the court's decision, grandparents are regarded as close relatives and receive the right to stay in the country.

The next code that was used is irony (11%). It is exploited to imply a negative view on migration processes.

(27) *Many of our ancestors would not have qualified under today's immigration laws.* <https://www.americanimmigrationcouncil.org/research/did-my-family-really-come-legally-todays-immigration-laws-created-a-new-reality> ... @immcouncil #immigration.

(28) DOJ is now officially using the term illegal alien Guess we all have to be politically correct #MAGA #Immigration .

In example (27) the user refers to predators, in other words, immigrants in the historical past of the USA, who invaded the country and took control over it. The author makes an attempt to apply Trump's migration policy to them and shows its inconsistency. Only the context helps to decode the author's disapproval of Trump's migration policy. It proves the implicit nature of the statement reached through the use of irony. Example (28) contains an allusion to the Department of Justice (DOJ) and its decision to employ the term "illegal alien", which can be also used to describe "a hypothetical or frictional being from another world" (Lexico, UK Dictionary). The author of the tweet suggests that everyone should be politically correct, and it appears from the context that the term "illegal alien" does not meet this requirement. In such an implicit way the author conveys his/her negative attitude towards the migrants and migration.

Such linguistic devices as exclamation and contraction were used equally (9% each). Exclamation was widely used in implicit statements criticising migration. Exclamatory sentences deliver the emotional state of the participants of communication. Expressing feelings and emotions on the existing problem facilitates uniting people sharing the same opinion, no matter what their geographical position is. Such emotions as anger, joy and anxiety contribute to establishing solidarity and participating in protests and demonstrations (Benski et al. 2003). Therefore, Twitter users are emotional in expressing their opinion about migration:

(29) *The SCANDAL over @BBC not paying men & women the same for the same job is echoed in #immigration: Brits, if fairly paid, can pick crops too!.*

(30) *That melting pot was created by LEGAL #immigration with immigrants who came to #America to assimilate & honor our laws, not change them!*

In the given examples we can also observe the use of supergraphemic tools – capital letters in “LEGAL” and “SCANDAL”, which attract the reader’s attention and make emphasis in the statement. In example (30) the author highlights the fact that immigrants are due to accept the laws, but not to influence them. Such means were used in 8% of tweets, especially those that criticised migration.

Abbreviations and contractions are not frequent (9%). Nearly the same trend is true for ellipsis (4%) – an expected linguistic tool due to the restricted length of a tweet:

(31) *Day 48. #100DaysOfCode Got an introduction to “migration” process and started to implement it. #Migration #Database #Data #Java #Code .*

(32) *Are there people dumb enough to believe Dems care abt #immigration out of a sense of compassion?! All Dems view immigrants as r VOTES.*

The examples of allusion, subjunctive mood and comparison are infrequent (2%).

Having analysed the choice of words in all tweets through Wordclouds.com, we have obtained the following results, presented in Figure 4.

The word search was done comprising hashtags from the analysed tweets. The most frequently used words appeared to be *immigration*, *migration* and *Europe*. It shows that the problem is especially topical in European countries. *America* and *the US* were also mentioned, but not as often as *Europe*. Twitter users expressed their attitude with the help of the verbs “need” and “will” (each word was used 9 times). This proves the people’s desire to change the current situation. The word “policy” was mentioned 6 times (“policies” and “laws” 5 times each) which also demonstrates the interest of Twitter users in migration policies that are developed or should be employed. The abbreviation “MAGA” is used 4 times in order to point out Trump’s promise to “make America great again”. The context of such messages allows us to make a conclusion that users do not trust the promise and speak of it ironically.

Fig.4. A word cloud of tweets

6. Discussion

The results of the current research prove that the majority of implicit tweets contain criticism of the migration process in Europe and the USA. It is worth mentioning that most of the explicit tweets were also aimed at expressing disapproval of migration. Moreover, Twitter users tend to employ various stylistic and syntactic devices, which means that negative feelings and emotions encourage people to use a number of linguistic tools in order to express their critical point of view both explicitly or implicitly. Criticism of migration was the most popular attitude among all of the tweets analysed. It proves the fact that migration was a topical issue at the time of analysis and provoked much discontent among Twitter users. The most widely used tools for expressing a personal opinion were imperative sentences and questions, whereas exclamations, irony and metaphors were used less frequently. Twitter users associate migrants with invaders, and are reluctant to pass on the control over the country to them. The use of vocabulary implies that immigrants are seen by the disapproving Twitter users as unwanted and less civilised people. The current research proves that the choice of linguistic tools is closely related to the nature of the message (either explicit or implicit). Twitter users imply their opinion through irony, quotations and questions, while explicit tweets frequently have imperative structures. Moreover, English speaking users of Twitter employ contractions and abbreviations more often than ellipses. The reason for that could be the restriction of the length of a tweet to 280 characters and the need to share as much emotion or information as possible.

It is interesting to note that despite the opportunity to conceal the names and articulate the position openly without being identified, users still hesitate to express

their negative attitude towards political leaders and their policies explicitly. It demonstrates the power of the ruling authorities and the need to take into account the reluctance of Twitter users to freely demonstrate their personal assessment of politically and socially significant events. The investigation also highlights the peculiarities of Twitter as a means of communication and a data source for linguistic analysis. Tweets can be highly public or intensely personal. Certain tools, such as hashtags, help to collect the empirical data on a particular topic and form a linguistic corpus for the analysis. Although one of Twitter's assets is considered to be the ability to obtain interesting insights from short and highly context-bound messages, they are still difficult for interpretation due to a number of meanings and possible bias.

The current research has been limited to the content analysis of tweets devoted to the migration processes. Although a traditional content analysis was implemented as a primary methodological tool for the analysis of tweets, it has revealed a number of limitations: external validity in the linguistic analysis of single sentences and phrases, as content analysis might be extremely selective in its approach. A computer-aided Atlas.ti program was employed in order to minimise the limitation. Computer-mediated analysis, used in the current research, was accompanied by traditional content analysis. It contributed to classifying numerous tweets and grouping relevant concepts. The procedure, implemented in the investigation, can be replicated by other researchers at a minimal cost.

7. Conclusion

The aim of the current research was to establish a correlation between the attitudes of English-speaking users towards migration issues and the way of their expression: implicit or explicit. In the investigation the authors described the tools that contribute to the implicit or explicit nature of the opinions. Besides, it was discovered how evaluation of contemporary social issues are expressed on Twitter (explicitly or implicitly), and what linguistic devices are used under the circumstances of a strong limitation of the message length. The article demonstrates the patterns of people communication on Twitter, the way they share their ideas on hot social issues and express their feelings, using a number of linguistic devices, while being limited by a fixed number of characters, and how they form solidarity, while being geographically apart. The research results are of a significant value for linguistics, as they might be used in investigation of the defined patterns through the prism of social events, and in the analysis of the linguistic material following the computer procedure described in the article.

© Elena V. Gabrielova and Olga I. Maksimenko, 2021

 creative commons

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

REFERENCES

- Alsaeedi, Abdullah & Mohammad Zubair Khan. 2019. A study on sentiment analysis techniques of Twitter data. *International Journal of Advanced Computer Science and Applications* 10 (2). 361–374.
- Bamman, David, Jacob Eisenstein & Tyler Schnoebelen. 2014. Gender identity and lexical variation in social media. *Journal of Sociolinguistics* 18 (2). 135–160. DOI: 10.1111/josl.12080
- Baranov, Anatoliy. 2007. *Lingvisticheskaja jekspertiza teksta. Teoreticheskie osnovanija i praktika* [The Linguistic Expertise of a Text. Theoretical Foundations and Practice]. Moscow, Russia: Flinta: Nauka.
- Baron, Naomi S. 2008. *Always on: Language in an Online and Mobile World*. Oxford: OUP.
- Basáñez, Tatiana, Anuja Majmundar, Tes Boley Cruz & Jeniffer B. Unger. 2018. Vaping associated with healthy food words: A content analysis of Twitter. *Addictive Behaviors Reports* 8. 147–153. DOI: 10.1016/j.abrep.2018.09.007
- Belyakov, Mikhail. 2015. Emotive character of a diplomatic discourse. *Russian Journal of Linguistics* 2. 124–132.
- Brundidge, Jennifer. 2010. Encountering “difference” in the contemporary public sphere: The contribution of the Internet to the heterogeneity of political discussion networks. *Journal of Communication* 60 (4). 680–700. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2010.01509.x
- De Haas, Hein, Stephen Castles & Mark J. Miller. 2019. *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. Guilford Press.
- Crystal, David. 2001. *Language and the Internet*. Cambridge: CUP.
- Earl, Jennifer, & Katrina Kimport. 2011. *Digitally Enabled Social Change: Activism in the Internet Age*. MA: MIT Press, Cambridge.
- Ebzeeva, Julija & Irina Karabutova. 2017. Novye aspekty issledovanija kommunikacii v sovremennyh social'nyh setjah. [New aspects of the research of communication in contemporary social networks]. *The Bulletin of the Adyge State University, the series “Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology”* 4 (209). 258–267.
- Fischer, Eilee & Rebecca A. Reuber. 2011. Social interaction via new social media: (How) can interactions on Twitter affect effectual thinking and behavior? *Journal of Business Venturing* 26 (1). 1–18. DOI: 10.1016/j.jbusvent.2010.09.002
- Gabriellova, Elena. 2014. New media in the protest movement: explicit and implicit expression of point of view on the protest movement Occupy Wall Street on Twitter. *Journal of Psycholinguistics* 3 (21). 150–159.
- Gabriellova, Elena. 2015. Implicit and explicit ways of expressing personal opinion on Twitter: The Tea Party movement in the USA. (Working Paper N. 90). *Working Papers of Humanities: National Research University Higher School of Economics*.
- Greenhow, Christine & Benjamin Gleason. 2012. Twitteracy: Tweeting as a new literacy practice. *The Education Forum* 76 (4). 464–478. DOI: 10.1080/00131725.2012.709032
- Greenhow, Christine & Beth Robelia. 2009. Informal learning and identity formation in online social networks. *Learning Media and Technology* 34 (2). 119–140. DOI: 10.1080/17439880902923580
- Hardy, Bruce W. & Dietram A. Scheufele. 2005. Examining differential gains from Internet use: Comparing the moderating role of talk and online interactions. *Journal of Communication. International Communication Association* 55 (1). 71–84. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2005.tb02659.x

- Kaase, Max. 1999. Interpersonal trust, political trust and non-institutionalised political participation in Western Europe. *West European Politics* 22 (3). 1–21. DOI: 10.1080/01402389908425313
- Maksimenko, Olga & Tatiana Semina. 2019. Sozдание korpusa tekstov dlya analiza tonal'nosti [Creating a corpus for sentiment analysis]. *Proceedings of National Association of Applied Linguistics* 3 (27). 106–114.
- Nagarajan, Senthil Murugan & Usha Devi Gandhi. 2019. Classifying streaming of Twitter data based on sentiment analysis using hybridization. *Neural Computing and Applications* 31 (5). 1425–1433. DOI: 10.1007/s00521-018-3476-3
- Pechenikhina, Ekaterina. 2008. Yazykovoe vyrazhenie ironii v proizvedeniyakh Zh.M. Esy de Keyrosha [Verbal expression of irony in works by Esy Keyrosh]. *Moscow University Philology Bulletin* 4. 140–147.
- Pennebaker, James W., Martha E. Francis & Roger J. Booth. 2001. Linguistic inquiry and word count: LIWC 2001. *Mahway: Lawrence Erlbaum Associates*, 71.
- Pennebaker, James W. 1993. Putting stress into words: Health, linguistic, and therapeutic implications. *Behaviour Research and Therapy* 31 (6). 539–548. DOI: 10.1016/0005-7967(93)90105-4
- Porter, Lance, Kaye Sweetser & Deborah Chung. 2009. The blogosphere and public relations. Investigating practioner's role and blog use. *Journal of Communication Management* 13 (3), 250–267. DOI: 10.1108/13632540910976699
- Popova, Zinaida & Iosif Sternin. 2007. *Obshchee Yazykoznanie [General Linguistics]*. 2nd edn. Moscow: AST: Vostok–Zapad.
- Renkema, Jan. 2009. *The Texture of Discourse. Towards an Outline of Connectivity Theory*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
- Rojas, Hernando & Eulalia Puig-i-Abril. 2009. Mobilizers mobilized: Information, expression, mobilization and participation in the digital age. *Journal of Computer-Mediated Communication* 14 (4). 902–927. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2009.01475.x
- Sharafutdinova, Svetlana. 2009. Sportivnaya analiticheskaya stat'ya kak zhanr diskursa SMI [Sport analytical article as a genre of mass media discourse]. *Bulletin of Chelyabinsk State University* 34 (172). 141–145.
- Schultz, Friederike, Sonja Utz & Anja Göritz. 2011. Is the medium the message? Perceptions of and reactions to crisis communication via twitter, blogs and traditional media. *Public relations review* 37 (1). 20–27. DOI: 10.1016/j.pubrev.2010.12.001
- Simon-Vandenberg, Anne-Marie, Miriam Taverniers & Louise J. Ravelli. 2003. *Grammatical Metaphor: Views from Systemic Functional Linguistics*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
- Stemler, Steve. 2001. An overview of content analysis. *Practical Assessment, Research & Evaluation* 7 (17). DOI: 10.7275/z6fm-2e34
- Stubbs, Michael. 1983. *Discourse analysis: the sociolinguistic analysis of natural language*. Chicago: University of Chicago Press.
- Tejerina, Benjamin, Ignacia Perugorría, Tova Benski & Lauren Langman. 2013. From the streets and squares to social movement studies: What have we learned? *Current Sociology* 61 (4). 541–561. DOI: 10.1177/0011392113479753
- Villaruel Ordenes, Francisco, Stephan Ludwig, Ko De Ruyter, Dhruv Grewal & Martin Wetzels. 2017. Unveiling what is written in the stars: Analyzing explicit, implicit, and discourse patterns of sentiment in social media. *Journal of Consumer Research* 43 (6). 875–894. DOI: 10.1093/jcr/ucw070
- Vlieger, Esther & Loet Leydesdorff. 2011. Content analysis and the measurement of meaning: The visualization of frames in collections of messages. *The Public Journal of Semiotics* 3 (1). 321–339.

- Wirawanda, Yudha & Tangguh Okta Wibowo. 2018. TWITTER: Expressing Hate Speech Behind Tweeting. *Profetik: Jurnal Komunikasi* 11 (1). 5–11. DOI: 10.14421/pjk.v11i1.1378
- Yule, George. 1996. *The Study of Language*. 2nd ed. Cambridge: CUP.
- Zanzotto, Fabio Massimo, Marco Pennacchiotti & Kostas Tsioutsoulis. 2011. Linguistic redundancy in Twitter. *Proceedings of the 2011 Conference on empirical methods in natural language processing, Edinburgh, Scotland*, 659–669.

Internet resources

- Kozlovskij, Vladimir. 2017. Storonniki Trampa: “Strana bez granic – jeto ne strana” (Trump supporters: “The country without borders is not a country”). *Russian BBC*. URL: <http://www.bbc.com/russian/features-38807554> (accessed: 10 March 2020).
- Montgomery, David, Manny Fernandez & Yonette Joseph. 2017. Journey fatal for 9 migrants found in truck in a San Antonio parking lot. *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2017/07/23/us/san-antonio-truck-walmart-trafficking.html> (accessed: 8 June 2020).
- World Migration Report. The international organization for migration*. URL: <https://www.iom.int/wmr/world-migration-report-2018>
- Zimmer, Ben. 2011. On the front line of Twitter linguistics. [Blog post]. URL: <http://languagelog.ldc.upenn.edu/nll/?p=3536> (accessed: 8 June 2020).

Article history:

Received: 16 June 2020

Accepted: 26 January 2021

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 16 июня 2020

Дата принятия к печати: 26 января 2021

Bionotes:

Elena V. GABRIELOVA is Ph.D., Senior Lecturer at the School of Foreign Languages at the National Research University “Higher School of Economics”. Her research interests include applied linguistics, political and mass communication, personal evaluation and emotions in Internet discourse, as well as political communication.

Contact information:

National Research University “Higher School of Economics”

Myastnitskaya str., 20, Moscow, 101000

e-mail: evgabriellova@hse.ru

ORCID: 0000-0002-0813-9264

Olga I. MAKSIMENKO is Dr. habil., Professor at the Faculty of Linguistics at Moscow Region State University. Her research interests embrace applied linguistics, quantitative linguistics, linguoconflictology, diplomatic discourse and sentiment analysis.

Contact information:

Moscow Region State University

Very Voloshinoy street, 24, Mytishchi, Moscow Region, 141014

e-mail: maxbel7@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6611-8744

Сведения об авторах:

Елена Валерьевна ГАБРИЕЛОВА – кандидат филологических наук, старший преподаватель Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Сфера ее научных интересов включает языкознание, прикладную лингвистику, политическую коммуникацию, массовую коммуникацию, интернет-дискурс, оценочные суждения и эмотивность в интернет-дискурсе.

Контактная информация:

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Москва, 101000, ул. Мясницкая, 20

e-mail: evgabrielova@hse.ru

ORCID: 0000-0002-0813-9264

Ольга Ивановна МАКСИМЕНКО – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета. Сфера ее научных интересов включает языкознание, прикладную лингвистику, квантитативную лингвистику, лингвоконфликтологию, дипломатический дискурс, лингвистическую теорию эмоций, сентимент-анализ.

Контактная информация:

Московская область, 141014, Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24

e-mail: maxbel7@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6611-8744

DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-125-146

Research article

Kinship terms as indicators of identity and social reality: A case study of Syrian Arabic and Hindi

Neelakshi SURYANARAYAN¹ and Amr KHALIL²

¹ Delhi University
New Delhi, India

² Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Moscow, Russia

Abstract

By displaying a certain fragment of reality in the linguistic consciousness of a person, socio-cognitive categories convey important information about the social structure of society, the lingua-cultural identity of its representatives and the values they share. This study focuses on kinship terms in the Syrian Arabic and Hindi languages. It is aimed at identifying similarity and the cultural specificity of kinship terms in two linguistic cultures and explaining the identified features through types of cultures and cultural values. The research is based on kinship terms that name consanguineal (blood) and affinal (non-blood) relatives in Arabic and Hindi. The material was collected through analysis of terms in dictionaries as well as anonymous questionnaires and observation. The collected material was systematized and analyzed using comparative, definitional, semantic and lingua-cultural methods. The results showed that both languages have a rich system of kinship terms, in which the line of kinship (paternal or maternal), the type of kinship (relatives by blood or through marriage), and age are recorded. They testify to the We-identity of the representatives of the cultures under consideration for whom family relations are of great value, and to the importance of determining the place of each member in society in the social system. The revealed features showed that age differences are more important in Indian society than in Syrian, although respect for elders is one of the most important values of both cultures. The results obtained once again confirm the importance of an interdisciplinary approach to the analysis of language, which in turn provides new data for other areas of humanities.

Key words: *socio-cognitive category, kinship terms, lingua-cultural identity, Syrian dialect of the Arabic language, Hindi language*

For citation:

Suryanarayan, Neelakshi & Amr Khalil. 2021. Kinship terms as indicators of identity and social reality: A case study of Syrian Arabic and Hindi. *Russian Journal of Linguistics* 25 (1). 125–146. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-125-146

Термины родства как индикаторы идентичности и социальной реальности: на материале сирийского диалекта арабского языка и хинди

Н. СУРЬЯНАРАЯН¹, А. ХАЛИЛЬ²

¹ Делийский университет
Нью-Дели, Индия

² Российский университет дружбы народов (РУДН)
Москва, Россия

Аннотация

Отображая определенный фрагмент действительности в языковом сознании человека, социокогнитивные категории несут в себе важную информацию о социальном устройстве общества, лингвокультурной идентичности его представителей и разделяемых ими ценностях. Данное исследование посвящено терминам родства в сирийском диалекте арабского языка и в языке хинди. Оно нацелено на выявление культурной специфики терминов родства в двух лингвокультурах и объяснение выявленных особенностей через типы культур и культурные ценности. Материалом исследования послужили термины, называющие кровных и некровных родственников в арабском языке и в языке хинди, собранные в ходе анализа словарей, анонимного анкетирования, а также включенного наблюдения. Собранный материал был систематизирован и проанализирован с привлечением сопоставительного, дефиниционного, семантического и лингвокультурологического методов. Результаты показали, что оба языка обладают богатой системой терминов родства, в которых фиксируются линия родства (отцовская или материнская), тип родства (родственники по крови или закону), а также возраст. Они свидетельствуют о Мы-идентичности представителей рассматриваемых культур, для которых семейные отношения являются большой ценностью, и о важности определения места каждого члена общества в социальной системе. Выявленные особенности показали, что возрастные различия имеют большее значение в индийском обществе, чем в сирийском, хотя уважение к старшим является одной из важнейших ценностей обеих культур. Полученные результаты в очередной раз подтверждают важность междисциплинарного подхода к анализу языка, что, в свою очередь, дает новые данные для других гуманитарных наук. **Ключевые слова:** *социокогнитивная категория, термины родства, лингвокультурная идентичность, сирийский диалект арабского языка, язык хинди*

Для цитирования:

Suryanarayan N., Khalil A. Kinship terms as indicators of identity and social reality: A case study of Syrian Arabic and Hindi. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25. № 1. P. 125–146. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-125-146

1. Introduction

Kinship is deemed as the relationship among society members based on lineage and by marriage. The former relations are called *consanguineal* and the latter ones are termed *affinal* (Stone 2014: 8). Rác et al. (2020) define kinship systems as social and cognitive categories used by interlocutors of a specific language to distinguish, group and speak about their relatives. Kinship terminology systems are

recognised as systems of linguistic forms, available in a given language; they are designed for naming relatives (Trask 2007:128). Similarly, Passmore & Jordan (2020) define kinship terminologies as semantic systems of language that designate the kinship relationships among speech community members.

Both the use and distribution of kinship terms depend on the role that society assigns to each kinship term. Malone (2004: 203), for example, states that the roles of kinship terms are a component of social grammar that makes the interlocutors' communicative behaviours predictable and meaningful. In other words, categories of kinship terminology differ from one lingua-culture to another. Godelier (2012) states that all speech communities identify categories of kinship terminology in order to specify how people are related to one another. To put it differently, such categories are linguistically expressed by means of kinship terms, that is, words designed for addressing relatives or speaking about them.

The patterns of such categories vary from culture to culture though they exhibit prevalent typological convergence. Kinship terminologies with cultural norms regarding kin are core aspects of social diversity (Godelier 2012). Similarly, the categorisation of kinship is molded by the social structure organisation, specifically, inheritance types, lineage, marriage and residence (Jones 2010) (cf. Rácz et al. 2020). In addition, kinship systems are the bedrock of all human societies as they exhibit both cultural meanings and cultural values, i.e., the use of kinship terms is influenced by culture and relationships in family and society. According to Holmes (2013: 349), they explicate the complexities of language-culture relationship and reflect significant cultural relationships. For instance, a given kinship system may display how important the extended family is and the rights and obligations of family members toward one another (ibid.).

Moreover, kinship systems are linguistic systems that reveal how the speakers of different languages perceive their social life. Sharifian (2017) points out that any linguistic system exists in its speakers' minds and it is arranged among them in a way by which mutual understandings occur. In daily encounters, the linguistic behaviour of interlocutors reflects to a great extent their cultural conceptualisations. Gaby (2017), who investigates the relationship between cultural conceptualisations and lexical categories, asserts that understanding the cultural context enhances the analysis of kinship terms.

On a similar note, Wierzbicka (2013), in her work "Kinship and Social Cognition in Australian Languages: Kayardild and Pitjantjatjar", deems that words including kinship terms are significant as their meanings reveal the interlocutors' ways of thinking and they shape their understanding of reality including the social and cognitive one. In addition, Wierzbicka (2016), referring to kinship terms, indicates that lexical semantics of kinship terms is significant for cultural anthropology since their meanings offer very reliable guides to how the speakers of a specific language conceptualise their social relationships.

The present paper assays to highlight cultural specificities of the Syrian Arabic and Hindi kinship systems. It also sets out to elucidate how individuals of these

lingua-cultures perceive their cognitive and social reality. It is worth mentioning that our paper is a part of an ongoing research project that investigates how cultural differences, socio-cultural context and cultural values exert an influence on address forms and communicative ethno-styles (Khalil & Larina 2018, Khalil, Larina & Suryanarayan 2018, Larina, Suryanarayan & Yuryeva 2019).

2. Kinship terminology and socio-cognitive reality across cultures

Many scholars have analysed kinship systems from different perspectives, taking into consideration the semantics of kinship terms, different cultural variables and social settings, etc. (e.g. Gaby 2017, Godelier 2012, Kronenfeld 2009, Larina & Suryanarayan 2013, Passmore & Jordan 2020, Sharifian 2017, Suryanarayan & Larina 2012, Trask 2007, Wierzbicka 1992, 2010, 2013, 2016, to mention a few). The results of these scholars' Works show that there are different social categories reflecting cultural norms, beliefs, values, social contexts and how individuals of a specific speech community perceive their reality.

Culture is seen as a tool that helps people act according to socially acceptable values, and prototypical practice (Triandis & Gelfand 2012). The importance of cultural values is ascribed to the fact that they are influential in dictating the communicative behavior of interlocutors and are embedded in the language system (e.g. Besemeres & Wierzbicka 2007, Bogdanova 2017, Bromhead & Ye 2020, Gladkova & Larina 2018a,b, Larina 2015, Lewis 2019, Sharifian, Farzad 2017 and many others). People of different cultures construct their own socio-cultural reality in the form of different categories.

The choice of kinship terms depends on the categories of social organisation. Social categories are culture specific and culturally influenced. Socio-cultural context influences the categorisation process, resulting in different meanings of social categories in different cultures. Hughson (2009: 123) defines social categorisation as a basic cognitive tool used by human beings to define themselves and the world as well. Kinship terms are a good embodiment of this definition. In some cultures, kinship categories (consanguineal, affinal or fictive¹) are frequently used to address an adult, who is status-superior to avoid the disrespect brought by using first names (see e.g. Yoon 2007, Ahn 2017). This can be illustrated through an example from the Korean culture where *Eomeoni* (mother) is used to address one's mother, one's friend's mother, or a female adult to show respect, in addition, *Samchon* (paternal uncle) might be employed to substitute *abeoji* (father) to express solidarity (Ahn 2017).

In cultures that are characterised by long vertical and short horizontal distance, such as the Indian and Chinese cultures, kinship terms are frequently used in a fictive manner. In China, for instance, men, who are older than one's father, are addressed as *Bóbo* (father's elder brother) and the addressee, who is younger than the father is called *Shūshu* (father's younger brother) though the addressee is

---

¹Using kinship terms to address or refer to those who do not belong to the family.

not the paternal uncle of the speaker (Geng 2015). In India also it is not uncommon for speakers to make use of kinship terms to address strangers (Larina & Suryanarayan 2013). The most widely used terms are *Uncle/ Aunty* (which are now an integral part of the Indian English communicative culture) to address much older people and *Behen* (sister), *Didi* (elder sister), *Bhaiya* (brother) to address people who are a bit older (Khalil, Larina & Suryanaryan 2018: 4).

Likewise, cultural specificities of kinship terms reflect the peculiarities of social categorisation and the differences in the socio-cultural relationships in society. For instance, the Arabic terms *Ammi* (my paternal aunt) and *Ammati* (my paternal aunt) are often used to unflatteringly address or refer to a distinct group of people who are somewhat marginalised (Khalil & Larina 2018: 303). This furnishes us with evidence of the culture-specific fictive use of kinship terms.

When age is paramount to a speech community, kinship system reflects it clearly. Geng (2015) asserts that the Chinese get confused when encountered by ambiguous English terms, such as *Brother, Sister, Son, Daughter, Grandfather, Grandmother, Uncle*, and so on since in Chinese such terms define the exact relationship in their culture and also indicate age differences. Simply put, if a person says, '*This is my sister*' only, the Chinese people would ask if the sister is younger or older because the term *Sister* has two concepts, either younger or older in the Chinese culture while the English *Sister* means both older and younger without distinguishing the age difference.

Correspondingly, Yoon (2007: 121–122) provides an illustrative example using the interaction between her two sons who are brought up in a Korean family that lives in Australia. Her younger son, Emmanuel, switches from the Korean language to the English language when he wants to be equal to his older brother by addressing him as John and switches from English to Korean by addressing John as *hyeng* (older brother) when he wishes to appeal to his brother's good will to show respect. The two brothers choose the language based on the way they need to relate to one another in a given situation.

3. Data and methodology

As has been stated above, the present paper explores Syrian Arabic and Hindi kinship terms and aims to reveal their specificities through their construction in the language system. Both Syrian Arabic and Hindi consist of a big range of kinship terms, and almost all relationships, close family and others are identified through a specific term. For a start, the data of the study were drawn from dictionaries which enumerate these kinship terms. Additionally, the method of observation and open-ended questionnaires with the participation of 70 respondents each of Syrian Arabic and Hindi were also used. Our respondents were mainly representatives of the educated middle class aged from twenty to eighty-five. They were asked to indicate if their language has a term to name a specific relation.

Since the terms under study fall into two categories, blood (consanguineal) and non-blood (affinal) relatives, the collected data have been divided into two sections.

Each section has further been divided into four sub parts for the sake of convenience of understanding.

These sub parts are divided according to seniority and have been given the following headings: Part 1 – Senior generation (grandfather, grandmother), Part 2 – older generation (father, mother, uncles, aunts), Part 3 – Younger generation (sons, daughters, siblings, cousins, spouses of children), Part 4 – Junior generation (grandchildren, nephews and nieces)). We have named the terms and expanded on their meaning, functions, and specific features and also illustrated them through tables.

4. Data analysis

4.1. Kinship terms in Syrian Arabic

Social life and identity in Syria are family-centered. The Syrian family is an extended type of family and comprises those who are related to each other by either lineage (blood relations) or marriage (non-blood relations). Kinship in Syria can be grouped as consanguineal kinship (blood relations) and affinal ones (non-blood or by marriage). Hence, the Syrian Arabic kinship system exemplifies the use of Sudanese terminology which is entirely descriptive and maintains a separate designation for almost every distinct relative based on their relation to the speaker and their gender.

It is worth mentioning that the Syrian Arabic kinship terms listed in the study were collected from the point of view of the speaker adding the lexical suffix *-i*, and *-o* (used for first person singular possessive) as it is difficult for some terms to stand by themselves without reference to an individual. For example, *Sid* (grandfather) cannot be used to indicate a grandfather without the first person singular possessive suffix *-i* and *-o* (the term, therefore, manifests as *Sidi*). Moreover, most of the Syrian Arabic kinship terms listed have more than one variation as they represent different phonetic inflections of such terms.

4.1.1. Consanguineal kinship terms in Syrian Arabic

Although the Syrian Arabic kinship system distinguishes between relatives from father’s and mother’s sides, it has no distinctions when it comes to grandmothers and grandfathers. In other words, *Sidi*, *Jeddi* and *Jeddo* (my grandfather) refer to both father’s father and mother’s father and *Sitti*, *Jeddit* and *Teitei* (my grandmother) indicate father’s mother and mother’s mother (see Table 1).

Table 1

Consanguineal kinship term in Syrian Arabic: Senior generation (grandparents)

Relation	Consanguineal kinship term
Grandfather	Sidi/Jeddi/Jeddo
Grandmother	Sitti, Jeddit or Teitei

Except for grandparents in addition to the gender distinction, the Syrian kinship system distinguishes between matrilineal and patrilineal relatives, i.e. relatives from mother's and father's sides. This means that there are distinct terms assigned to father, mother, uncles, aunts and their children. Good examples include *Baba*, *Abi* or *Yaba* (my father) and *Mama*, *Emmi* or *Ummi* (my mother). Kinship terms for parents' brothers and sisters include *Ammi/Ammo* (my paternal uncle), *Khali/Khalo* (my maternal uncle), *Amti/Amti* (my paternal aunt) and *Khalti/Khalto* (my maternal aunt).

The Syrian family is a hieratical entity where older family members occupy a higher status than those who are younger. However, as our analysis has shown, when it comes to aunts and uncles, it does not really matter whether they are older or younger than one's parents, e.g. a paternal uncle is addressed and referred to as *Ammi/Ammo* (my paternal uncle) whether he is older or younger than one's parents. Therefore, we did not include such terms in our table; for example, father's younger brother versus father's older brother as they have the same kinship term. To put it differently, there are no specific kinship terms to indicate whether the uncles and aunts are older or younger than one's parents. Table 2 exhibits in detail the Syrian consanguineal kinship terms assigned to members of the older generation, namely fathers, mothers and parents' brothers and sisters.

Table 2

Consanguineal kinship terms in Syrian Arabic: Older generation (parents, uncles and aunts)

Relation	Consanguineal kinship term
Father	Baba, Abi or Yaba
Mother	Mama, Emmi or Ummi
Father's brother (paternal uncle)	Ammi/Ammo
Mother's brother (maternal uncle)	Khali/Khalo
Father's sister (paternal aunt)	Amti/Amti
Mother's sister (maternal aunt)	Khalti/Khalto

Taking a quick look at table 2, one can observe that the Syrian kinship system distinguishes between relatives based on gender and their lineage, that is, paternal and maternal relatives. These differences can be observed in other kinship terms. As a result, the Syrian kinship system includes eight different terms for cousins based on gender (male and female) and lineage (maternal or paternal) characteristics. To put it differently, the English term 'cousin' may confuse the Syrians because according to their understanding 'cousin' should be defined as male or female and patrilineal or matrilineal. The cousin category consists of paternal cousins and maternal ones. Paternal cousins are *Ibn ammi/ammo* (my paternal uncle's son), *Ibn amti/amto* (my paternal aunt's son), *Bent ammi/ammo* (my paternal uncle's daughter) and *Bent amti/amto* (my paternal aunt's daughter). Maternal cousins are *Ibn khali/khalo* (my maternal uncle's son), *Ibn*

khalti/khalto (my maternal aunt's son), *Bent khali/khalo* (my maternal uncle's daughter) and *Bent khalti/khalto* (my maternal aunt's daughter) (see table 3).

Table 3

**Consanguineal kinship terms in Syrian Arabic: Younger generation
(sons, daughters, siblings, cousins)**

Relation	Consanguineal kinship term
Son	Ibni
Daughter	Benti
Brother	Akhi/Akhoi
Sister	Ukhti/ Ekhti
Father's brother's son (paternal uncle's son)	Ibn ammi/ammo
Father's sister's son (paternal aunt's son)	Ibn amti/amto
Father's brother's daughter (paternal uncle's daughter)	Bent ammi/ammo
Father's sister's daughter (paternal aunt's daughter)	Bent amti/amto
Mother's brother's son (maternal uncle's son)	Ibn khali/khalo
Mother's sister's son (maternal aunt's son)	Ibn khalti/khalto
Mother's brother's daughter (maternal uncle's daughter)	Bent khali/khalto
Mother's sister's daughter (maternal aunt's daughter)	Bent khalti/khalto

As has been mentioned above, though age is a very significant social factor for the Syrians, i.e., the older people are, the more respect they get, the Syrian kinship system does not reflect it in the case of siblings and cousins. For example, terms such as *Akhi/Akhoi* (my brother) and *Ekhti/Ukhti* (my sister) have no reference to age and can be used to address both older and younger brother and sister. The same principle applies to cousins unless one of them (the addressee) is the same age of the speaker's parents though it is very rare². Therefore, older/younger siblings and cousins are not included in table 3 that displays kinship terms assigned to members of the younger generation, i.e., sons, daughters, siblings and cousins in Syria.

Due to the fact of being entirely descriptive, there are four types of grandchildren distinguished in the Syrian Arabic kinship system indicating gender and lineage differences. They are *Ibn ibni* (my son's son), *Ibn benti* (my daughter's son), *Bent ibni* (my son's daughter) and *Bent benti* (my daughter's daughter). However, the system also contains two terms that correspond to the English terms *grandson* and *granddaughter* – *Hafidi* (my grandson), and *Hafidti* (my granddaughter).

Furthermore, this system distinguishes between two types of nephews and two types of nieces which also indicates gender and lineage. They are *Ibn akhi/ akhoi* (my brother's son), *Ibn ukhti/ ekhti* (my sister's son), *Bent akhi/ akhoi* (my brother's daughter) and *Bent ukhti/ekhti* (my sister's daughter). Table 4 displays the Syrian kinship terms assigned to junior generation, that is, grandchildren, nephews and nieces.

² If a paternal male cousin is of the same age of his cousin's father, the older cousin in this case, though it is very rare, would be addressed as *Ammi/Ammo* (my paternal uncle).

Table 4

Consanguineal kinship terms in Syrian Arabic: Junior generation (grandchildren, nephews, nieces)

Relationship	Consanguineal kinship term
Son's son	Ibn ibni
Daughter's son	Ibn benti
Son's daughter	Bent ibni
Daughter's daughter	Bent benti
Brother's daughter	Bent akhi/akhoi
Sister's daughter	Bent ekhti/ukhti
Brother's son	Ibn akhi/akhoi
Sister's son	Ibn ekhti/ukhti

4.1.2. Affinal kinship terms in Syrian Arabic

We have mentioned earlier that the Syrian Arabic kinship system makes a differentiation between relatives, namely, blood or consanguineal and non-blood or affinal relatives. Affinal kinship terms reserved for parents-in-law are *Hamayi* (my father-in-law) and *Hamati* (my mother-in-law) regardless of whether they are the parents of the husband or the wife.

Spouses of uncles and aunts have their own affinal kinship terms. These kinship terms comprise *Mart ammi/ammo* (my paternal uncle's wife) for father's brother's wife, *Jouz amti/amto* (my paternal aunt's husband) for father's sister's husband, *Mart khali/khalo* (my maternal uncle's wife) for mother's brother's wife and *Jouz khalti/khalto* (my maternal aunt's husband) for mother's sister's husband.

It is interesting to mention that other distant affines such as uncles and aunts of spouses have distinct affinal kinship terms as well. Instances of these affines include those who belong to husband's and wife's sides. Affines from the husband's side include *Am jouzi* (my husband's paternal uncle) for husband's father's brother, *Ammet jouzi* (my husband's paternal aunt) for husband's father's sister, *Khal jouzi* (my husband's maternal uncle) for husband's mother's brother and *Khalet jouzi* (my husband's maternal aunt) for husband's mother's sister. On the other hand, affines from the wife's side include *Am marti* (my wife's paternal uncle) for wife's father's brother, *Ammet marti* (my wife's paternal aunt) for wife's father's sister, *Khal marti* (my wife's maternal uncle) for wife's mother's brother and *Khalet marti* (my wife's maternal aunt) for wife's mother's sister. Table 5 shows affinal kinship terms indicating older generation affines.

Table 5

Affinal kinship term in Syrian Arabic: Older generation (parents-in-law, uncles/aunts-in-law)

Relation	Affinal kinship term
Father-in-law	Hamayi
Mother-in-law	Hamati
Father's brother's wife	Mart ammi/ammo
Father's sister's husband	Jouz amti/amto
Mother's brother's wife	Mart khali/khalo
Mother's sister's husband	Jouz khalti/khalto
Husband's father's brother	Am jouzi

Relation	Affinal kinship term
Husband's father's sister	Ammet jouzi
Husband's mother's brother	Khal jouzi
Husband's mother's sister	Khalet jouzi
Wife's father's brother	Am marti
Wife's father's sister	Ammet marti
Wife's mother's brother	Khal marti
Wife's mother's sister	Khalet marti

It is worth noting that consanguineal kinship terms can be used fictively to refer to or to address the affines in Syria. For example, *Ammi/Ammo* (my paternal uncle) for fathers-in-law, *both Amti/Amti* (my paternal aunt) and *Khalti/Khalto* (my maternal aunt) for mothers-in-law. Moreover, consanguineal kinship terms can be used to address or refer to spouses of uncles and aunts. Such terms comprise *Amti/Amti* (my paternal aunt) for father's brother's wife, *Ammi/Ammo* (my paternal uncle) for father's sister's husband, *Khalti/Khalto* (my maternal aunt) for mother's brother's wife and *Ammi/Ammo* (my paternal uncle) for mother's sister husband.

In addition, other affines are addressed or referred to similarly. Affines from the husband's side, for example, include *Ammi/Ammo* (my paternal uncle) for husband's father's brother, *Amti/Amti* (my paternal aunt) for husband's father's sister, *Ammi/Ammo* (my paternal uncle) or *Khali/Khalo* for husband's mother's brother and *Khalti/Khalto* (my maternal aunt) or *Amti/Amti* (my paternal aunt) for husband's mother's sister. Other affines from the wife's side include *Ammi/Ammo* (my paternal uncle) for wife's father's brother, *Amti/Amti* (my paternal aunt) for wife's father's sister, *Ammi/Ammo* (paternal uncle) or *Khali/Khalo* (my wife's maternal uncle) for wife's mother's brother and *Amti/Amti* (my paternal aunt) or *Khalti/Khalto* (my maternal aunt) for wife's mother's sister.

The Syrian repertoire of kinship terms contains affinal kinship terms for sons, daughters, brothers and sisters-in-law. Such affinal kinship terms comprise *Ukht/Ekht jouzi* (my husband's sister), *Akhu jouzi* (my husband's brother), *Mart Akhu jouzi* (my husband's brother wife), *Akhu marti* (my wife's brother), *Ukht/Ekht marti* (my wife's sister), *Jouz ukhti/ekhti* (my sister's husband), *Mart akhi/akhoi* (my brother's wife), *Mart akhu marti* (my wife's brother's wife), *Jouz ukht/ekht marti* (my wife's sister's husband) and *Jouz ukht/ekht jouzi* (my husband's sister's husband). Older brothers and sisters-in-law were not included in our table, as the Syrian kinship system does not indicate age differences. Table 6 exhibits affinal kinship terms that indicate younger generation.

Table 6

Affinal kinship terms in Syrian Arabic: Younger generation (brothers/sisters-in-law)

Relation	Affinal kinship term
Husband's sister	Ukht/Ekht jouzi
Husband's brother	Akhu jouzi
Husband's brother's wife	Mart akhu jouzi
Wife's brother	Akhu marti

Relation	Affinal kinship term
Wife's sister	Ukht/Ekht marti
Sister's husband	Jouz ukhti/ekhti
Brother's wife	Mart akhi/akhoi
Wife's brother's wife	Mart akhu marti
Wife's sister's husband	Jouz ukht/ekht marti
Husband's sister's husband	Jouz ukht/ekht jouzi

It is important to note that there are some general terms for the above-mentioned category that include *Silfi* (my spouse's brother), *Silfti* (my spouse's sister), *Adili* (my spouse's sister's husband), *Sehri* (affinal male of my generation or younger, e.g., my sister's husband, my sibling's daughter's husband, my daughter's husband and my parent's sibling's daughter's husband).

The Syrian kinship system also has distinct kinship terms to indicate affines such as the spouses of children. These terms include *Mart ibni* and *Kenti* (my son's wife) for daughters-in-law and *Jouz benti* (my daughter's husband) for sons-in-law.

Table 7

Affinal kinship terms in Syrian Arabic for spouses of children

Relation	Affinal kinship term
Son's wife	Mart ibni Kenti
Daughter's husband	Jouz benti

4.2. Kinship terms in Hindi

Just like in Syria, social life and identity in India are also family centered. India is a multilingual, multicultural country and consists of twenty-eight states and eight union territories. The Indian Constitution recognises 22 languages officially, though there are many more. Hindi is the official language of many states and is spoken by the people of the northern and central belt. By and large, the family system in all parts of India is extended, and relationships are formed through either blood relations or marriage (non-blood relations). This relationship is maintained through the specific terms that are used to define the relationship with the speaker.

4.2.1. Consanguineal kinship terms in Hindi

The Hindi language has distinct terms assigned for grandparents, father, mother, uncles and aunts. Some English terms have also crept into the daily usage since English is widely spoken in India because of its history of British colonialism. However, in order to study these terms more as a system we are confining ourselves to Hindi terms only. The Indian kinship system distinguishes between matrilineal and patrilineal relatives as in the case for the terms for grandfather and grandmother. Father's father is *Dada* or *Dadu*, mother's father is *Nana* or *Nanu*. Grandmother also has different terms in Hindi depending on the lineage. They are *Dadi* (father's mother) and *Nani* (mother's mother).

It is especially important to mention the use of the honorific *ji* in the kinship system. *Ji, Jee-* it is not a kinship term but is used as a marker of respect when addressing people of the older generation or even younger ones, if there is a need to convey respect (see Table 1). At times, some kinship terms cannot be used without this honorific, so it becomes a part of the kinship term. For example: *nana ji, dada ji, mata ji, babu ji, pita ji*.

Table 8

Consanguineal kinship term in Hindi: Senior generation (grandparents)

Relation	Consanguineal kinship term
Father's father	Dada, Dadu (ji)
Mother's father	Nana, Nanu (ji)
Father's mother	Dadi (ji)
Mother's mother	Nani (ji)

The Hindi terms for father vary from *Pita (ji), Abba, Abbu, Baba, Babu (ji)*, for mother – *Maa, Maa(ji), Ammi, Amma, Mata (ji)*. The brothers and sisters of the parents also have different words – *Taya* and *Chacha* (paternal uncle), *Mama* (maternal uncle), *Bhua, Phupi, Kaki* (paternal aunt) and *Masi* (maternal aunt) (see Table 9).

The Indian family follows a strict hieratical entity where older family members occupy a higher status than those who are younger. This is particularly marked by the presence of different words to indicate father's older brother *Taya, Tau* and younger brother *Chacha, Chachu*. However, it is interesting to note that no such distinct words exist to indicate mother's older or younger brother, or father's and mother's older or younger sister. If there is a necessity to indicate the difference, the speaker must resort to using the adjectives for younger (*Chote*) and older (*Bade*) respectively: *Mama* (mother's brother), *Bade mama* (mother's older brother), *Chote mama* (younger brother – may or may not be younger than the mother, but is younger than the brother).

Table 9

Consanguineal kinship terms in Hindi: Older generation (parents, uncles and aunts)

Relation	Consanguineal kinship term
Father	Pita (ji), Abba, Abbu, Baba, Babu (ji)
Mother	Mata, Amma, Ammi, Maa (ji)
Father's older brother (older paternal uncle)	Taya, Tau (ji)
Father's younger brother (younger paternal uncle)	Chacha, Chachu, Khaka (ji)
Mother's brother (maternal uncle)	Mama, Mamu (ji)
Father's sister (paternal aunt)	Bhua, Phupi, Kaki(ji)
Mother's sister (maternal aunt)	Masi (ji)

Hindi language has several terms to denote brothers and sisters (siblings), and age is a determining factor, so the terms are differentiated according to older brother or older sister. *Behen* (sister), *Didi* (older sister), *Bhaiya* (brother), *Bhai saab, Dada*

(older brother) (see Table 6). Sometimes the term *Chota bhai* is used to indicate younger brother and the term *Choti behen* is used to indicate younger sister if it is necessary.

There is no direct word for 'cousin' in Hindi, rather phrases like uncle's/aunt's son/daughter, are used to regard a cousin when there is a need to be specific, if not, then simply they are regarded as just *Bhai/Behan* (brother/sister). One may mention here that many families still live in the joint family structure, so cousins occupy an important place in each other's lives. There is almost no distinction at times between real brothers/ sisters and cousins. Therefore, they are easily referred to as just *Bhai/ Behen/ Didi/ Bhaisaab*. Table 10, however, is indicative of the specific terms that exist in the language to show the specific lineage of the cousin. This explanatory adjective is formed from the root word indicating the main relation. Example: *Chachera bhai* – cousin, father's brother's son. *Chachera* is formed from the word *Chacha* meaning father's younger brother. The table is illustrative of the various terms indicating relations at the level of the generation of the sons, daughters, brothers, sisters, and cousins.

Table 10

Consanguineal kinship terms in Hindi: Younger generation (sons, daughters, siblings and cousins)

Relationship	Consanguineal kinship term
Son	Beta, Putr
Daughter	Beti, Putri
Brother	Bhaiya
Older brother	Bhai saab, Dada
Sister	Behan
Older sister	Didi, Behan ji
Father's brother's son (cousin)	Chachera bhai
Father's brother's daughter (cousin)	Chacheri behan
Father's sister's son (cousin)	Phuphera bhai
Father's sister's daughter (cousin)	Phupheri behan
Mother's brother's son (cousin)	Mamera bhai
Mother's brother's daughter (cousin)	Mameri behan
Mother's sister's son (cousin)	Mausera bhai
Mother's sister's daughter (cousin)	Mauseri behan

The Hindi language clearly demarcates kinship terms for grandchildren which consider the gender factor as well. However, if age needs to be indicated, then the adjectives *chota/ choti* (younger) or *bada/ badi* (older) need to be added. *Pota* (grandson), *Bada pota* (older grandson).

It should be mentioned that there are separate terms for the children of the son and daughter: son's son – *pota*, daughter's son – *nati/ nawasa*. Similarly, we can see different terms indicating nieces and nephews. (see Table 11).

Table 11

Consanguineal kinship terms in Hindi: Junior generation (grandchildren, nephews and nieces)

Relationship	Consanguineal kinship term
Son's son	Pota
Daughter's son	Nati, Nawasa or Dohata
Son's daughter	Poti
Daughter's daughter	Natin, Nawasi or Dohati
Brother's daughter	Bhatiji,
Sister's daughter	Bhanji
Brother's son	Bhatija,
Sister's son	Bhanja

4.2.2. Affinal kinship terms in Hindi

As in the Syrian Arabic kinship system, affinal or non-blood relatives occupy an important place in the kinship system in Hindi as well and have specific terms for each relation. Whereas parents-in-law of the husband and wife are marked by the same term: *Sasur* (father-in-law of husband and wife), *Saas* (mother-in-law), the other relatives – daughter-in-law, son-in-law, spouses of aunts and uncles, etc. have their own specific affinal kinship terms. These kinship terms are indicative of a clear system coming down from generations and can best be illustrated through a table.

Table 12

Affinal kinship terms in Hindi: Older generation (parents-in-law, uncles/aunts-in-law)

Relation	Affinal kinship term
Father-in-law (for the wife and husband)	Sasur
Mother-in-law (for the wife and husband)	Saas Saasu ma
Father's older brother's wife	Tai (ji)
Father's younger brother's wife	Chachi (ji)
Father's sister's husband	Phupha Phuphad (ji)
Mother's brother's wife (Maternal uncle's wife)	Mami, (ji)
Mother's sister's husband (Maternal aunt's husband)	Mausa (ji)
Husband's father's older brother (Husband's paternal uncle)	Taya, Tau (ji)
Husband's father's younger brother (Husband's paternal uncle)	Chacha, chachu (ji)
Husband's father's sister (Husband's paternal aunt)	Bhua (ji)
Husband's mother's brother (Husband's maternal uncle)	Mama, mamu
Husband's mother's sister (Husband's maternal aunt)	Mausi, masi (ji)
Wife's father's older brother (Wife's paternal uncles)	Taya, Tau (ji)
Wife's father's younger brother	Chacha, chachu (ji)
Wife's father's sister (Wife's paternal aunt)	Bhua (ji)
Wife's mother's brother (Wife's maternal brother)	Mama, mamu
Wife's mother's sister (Wife's maternal aunt)	Masi

The above table indicates the specific terms for each relation. However, unlike the Syrian family system where the name for the husband's side of relations differ

from those of the wife's, the Hindi terms for them are the same (are not lexically distinguished). Husband's father's sister and wife's father's sister are both called *Bhua*. *Mama* or *Mamu* is used for husband's maternal brother and wife's maternal brother. Similarly, *Masi* is a husband's mother's sister and wife's mother's sister. In other words, in some cases relatives of a husband and wife are not distinguished lexically.

However, other affinal kinship terms change according to the relationship. They differ in lineage and age distinguishing older and younger brothers and sisters of husband and wife, e.g. *Jeth* (husband's older brother), *Jethani* (husband's older brother's wife), *Bhai saab* (wife's older brother), *Saala* (wife's younger brother), etc. (see Table 13). Brother's and sister's spouses also have their terms. It is interesting to note that in this case it is not their age but the age of one's brother or sister that is relevant e.g. *Bhabhi (ji)* (elder brother's wife), *Bhayo* (younger brother's wife), *Jija (ji)* (elder sister's husband), *Behnoi* (younger sisters' husband), etc. (see Table 13 for more details).

Table 13

Affinal kinship term in Hindi: Younger generation (brothers/sisters-in-law)

Relation	Affinal kinship term
Husband's sister	Nanad
Husband's older brother	Jeth
Husband's older brother's wife	Jethani
Husband's younger brother	Devar
Husbands younger brother's wife	Devarani
Wife's older brother	Bhai saab
Wife's younger brother	Saala
Wife's sister	Saali
Elder Sister's husband	Jija (ji)
Younger sisters' husband	behnoi
Elder brother's wife	Bhabhi (ji)
Younger brother' wife	Bhayo
Wife's brother's wife	Sehlaj
Wife's sister's husband	Saand or Humzulf
Husband's sister's husband	Nandoi

Son's wife and daughter's husband have the terms: *Bahu* and *Damad* or *Jamai* (Table 14). Parents of the son's wife and daughter's husband also have their specific terms. However, in this paper we have limited ourselves to those mentioned from Table 1 to 14.

Table 14

Affinal kinship terms in Hindi for spouses of children

Relation	Affinal kinship term
Son's wife (daughter-in-law)	Bahu
Daughter's husband (son-in-law)	Damad or Jamai

The above tables display an exhaustive list of all the terms that exist in the language structure in Hindi to clearly mark each relationship.

5. Discussion

The analysis of Arabic and Hindi kinship terms reveals that both languages have an elaborate system of such terms which indicate/specify each relationship. This may be explained by the fact that social life and identity in Syria and India are family-centered. Both Arabic and Hindi speaking families belong to the extended type of families. Besides parents and children, they comprise many other relatives and consist of those who are related to each other by either blood (consanguineal relations) or marriage (affinal relations).

The Syrian and Hindi kinship systems have distinct terms for paternal and maternal uncles, aunts and their children (see Tables 2, 3, 9 and 10). However, these systems do not always coincide. The Hindi kinship system distinguishes between paternal and maternal grandfathers and grandmothers while the Syrian kinship system lacks this distinction. To put it differently, in Syria, grandfathers, no matter whether they are father's father or mother's father, have the same kinship term, *Sidi/Jeddi/Jeddo* while in Hindi father's father is *dada* or *dadu* and mother's father is *nana* or *nanu*. It is interesting to note that lineage differences in both Syrian Arabic and Hindi can be observed on different levels. These differences are reflected on not only patrilineal and matrilineal lines but also on the daughter's, and son's, sister's and brothers' lineage. In both Syrian Arabic and Hindi, there are eight different terms for cousins, two terms for nephews and two terms for nieces (see Tables 3, 4, 10 and 11).

Though the age factor is important and showing respect to the elderly is one of the most important cultural values in both cultures, the Syrian kinship system is entirely age neutral, i.e., it does not reflect age difference, e.g., paternal uncles in Syria are addressed or referred to as *Ammi/Ammo* (my paternal uncle) whether they are older or younger than one's father, and the same applies to other kinship terms. On the opposite end of the spectrum, the Hindi kinship system seems to be very strict in terms of differentiating seniority levels and explicitly using the terms containing age differences in their semantics. Hindi has several terms denoting brothers, sisters, uncles and other relatives indicating age differences: *Behen* (sister), *Didi* (older sister), *Bhaiya* (brother), *Bhai saab* or *Dada* (older brother), *Taya* or *Tau* (father's older brother), *Chacha*, *Chachu*, *Khaka* (father's younger brother), *Jeth* (husband's older brother), *Devar* (husband's younger brother), *Jethani* (husband's older brother's wife), *Devarani* (husband's younger brother's wife), etc. If there is no a specific term, an adjective *Bade* (older) or *Choti* (younger) is added, e.g. *Choti behen* (younger sister). Moreover, as was mentioned earlier, kinship terms are usually accompanied by the particle *ji*, *jee* which can also be considered their suffix, for conveying respect. Although it can be used in relation to everyone, for those who are older, it is obligatory.

As has been stated by scholars, the terms indicating older age are used to express “honorific politeness” (Leech & Larina 2014: 28) which are socially constrained and dependent on convention (ibid. 28–29). In other words, the Hindi kinship system demonstrates the tradition of observing the family hierarchy and expressing respect for the elder family members, which is deeply rooted in Indian society. However, at the same time, our findings let us assume that age differences between male relatives seem to be more important than between female relatives. E.g., if for paternal uncle there are two terms *Taya*, *Tau (ji)* (father’s older brother) and *Chacha*, *chachu*, *Khaka (ji)* (father’s younger brother), for paternal aunt there is only one term *Bhua* (father’s sister).

The Syrian family is also hierarchical and showing respect to older family members is obligatory. Nevertheless, this respect is shown by the use of age neutral kinship terms. For instance, the use of *Ammi/Ammo* (my paternal uncle) conveys both respect and closeness without any age indicating linguistic forms. It is worth mentioning that the suffix *-i* or *-o* (my) embedded in lexemes implies closeness and might be seen as an expression of politeness in Syrian Arabic.

As our findings show, affinal relatives are also an important part of the Syrian and Hindi speaking family relations. There are distinct terms for almost each relation in their kinship systems. While parents-in-law of the husband and wife’s sides are marked by the same term in Syrian and Hindi, other relatives, such as daughters-in-law, sons-in-law, spouses of aunts and uncles, etc., have their own specific affinal kinship terms. These kinship terms are indicative of a clear system of kinship coming down from generations.

It is worth noting that consanguineal kinship terms can be used fictively to refer to or to address the affines in Syria. We attribute this practice to different reasons. Firstly, since acquaintances or even relatives who belong to the same generation of one’s parents are addressed by kinship terms (e.g. maternal aunt), it is normal to find consanguineal kinship terms to address or refer to affinal relatives in order to show more closeness and respect. Secondly, it is normal for cousins to get married in Syria, i.e. parents-in-law can be also the actual uncles and aunts of sons and daughters-in-law. For example, *Ammi/Ammo* (my paternal uncle) can be used for fathers-in-law and both *Amt/Amtu* (my paternal aunt) and *Khalti/Khaltu* (my maternal aunt) for mothers-in-law.

To some extent the Syrian Arabic kinship system seems to be more detailed than the Hindi system, at least concerning the terms indicating the husband’s and wife’s side of relations. Here are some examples to confirm this idea. While there are two terms in Syrian Arabic *Khalet Jouzi* for husband’s mother’s sister and *Khalet Marti* for wife’s mother’s sister, in Hindi there is one term *Masi* for both relatives. The same applies to the Syrian terms *Ammet Jouzi* for husband’s father’s sister and *Ammet marti* for wife’s father’s sister whereas the Hindi kinship system has one term only, *Bhua*, for husband’s father’s sister and wife’s father’s sister.

In this study we limited ourselves to the analysis of kinship terms denoting relatives. However, it is worth mentioning that the semantics of these terms is much

broader as they also denote people beyond the family circle. As indicated in dictionaries as well as by scholars (see, e.g., Mehrotra 1985: 43), the terms below are polysemantic, e.g. *Bhai sahab* (or *sahib*), *Bhaiya* can indicate elder brother, friend's elder brother, wife's elder brother, and elder man (of the society); *Didi* relates to elder sister, female teacher, elderly woman (of the society); *Kkaaka/Chachaa* to father's younger brother (uncle), father's friend, friend's father, and elderly man (of the society); *Kaakii/Chaachii* to father's younger brother's wife (aunty), friend's mother, father's friend's wife, and elderly woman (of the society), etc.

The same can be seen in Syrian Arabic, where kinship terms have extended their meanings and included those who are not family members, e.g., *Akhi* means, my brother, a male friend, brother's friend (male), male neighbor of the same age, and also male stranger of the same age; *Ukhti/Ekhti* means my sister, sister's friend (female), female friend, female neighbour of the same age and also female stranger of the same age; *Ammi/Ammo* (my paternal uncle) and *Khali/Khalo* (my maternal uncle) also mean a male of the same age of one's parents or older such as a parents' friend, neighbour, stranger, etc.; *Amti/Amti* (my paternal aunt) and *Khalti/Khalti* (my maternal aunt) can denote a female of the same age of one's parents or older such as a parents' friend, neighbour, stranger, etc.

We suppose that this phenomenon is rooted in the collectivist nature of the cultures under study where people are identified as members of a group rather than independent individuals. Being representatives of WE-culture and having WE-identity (Larina & Ozyumenko 2016, Larina et al 2017), they look at others as members of their big family.

The results have shown that kinship terms reflect identity, social position, gender, and represent the relationships reflected in the whole family or speech community (cf. Godelier 2012, Holmes 2013, Jones, 2010 and Rácz et al., 2020).

Concluding remarks

This study explores kinship term systems in the Syrian Arabic and Hindi languages. The findings have shown that both languages have an elaborate system of kinship terms which specify each relationship distinguishing between matrilineal and patrilineal relatives, consanguineal (blood) and affinal (non-blood) relatives. This indicates a collectivist type of culture (Hofstede 1984, 1991), with an extended family and high value assigned to close family relations. Therefore, such cultures need to identify the type of their relations. This fact also indicates that Syria and India are high-context cultures in terms of Hall (1976), which are relation-oriented and make a great distinction between insiders and outsiders. In the Indian culture, it appears to be crucial to specify also age differences, indicating a person with a higher status. Thus, the findings confirm the idea that “culture is one of the key determinants of sociolinguistic systems (i.e. systems of interpersonal communication within societies)” (Smakman 2019: 210).

The results of the present study have also confirmed that Syrian Arabic and Hindi belong to the largest terminology system, namely, the Sudanese kinship

system in which a separate designation for almost each relative is maintained³. Such types of systems are typical of cultures with status-oriented cultures (Ember & Ember 2011).

Our contrastive analysis has revealed both similarities and differences in the two language systems and shown that categories of kinship terminology have culture specific features based on cultural values and organisation of a society. They illustrate that kinship systems exhibit how the speakers of different languages perceive their social life and conceptualise their reality (Sharifian 2017, Wierzbicka 2013). The results confirm the idea that kinship terms are a component of “social grammar” (Malone 2004: 203). They exhibit both cultural meanings and cultural values, and are part of lingua-cultural identity.

Furthermore, the present paper illustrates the value of culture as a means in terms of examining the semantic structure of lexical categories of a given language. This approach might represent an implied manner by which culture influences not only language use, i.e. pragmatics, but also the word meaning, i.e. semantics (Gladkova & Larina 2018a, Wierzbicka 1992).

We have limited ourselves to an analysis of two systems of kinship terms. Exploring how these terms are used in communication could be the further prospects of our research.

© Neelakshi Suryanarayan and Amr Khalil, 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

REFERENCES

- Ahn, Hyejeong. 2017. Seoul uncle: Cultural conceptualisations behind the use of address terms in Korean. *Cultural Linguistics*. 411–431. DOI: 10.1007/978-981-10-4056-6_19
- Besemeres, Mary & Anna Wierzbicka (eds.). 2007. *Translating lives: Living with two languages* and cultures. Univ. of Queensland Press.
- Bogdanova, Ludmila. 2017. The reflection of evaluation and values in Russian language dictionaries. *Russian Journal of Linguistics* 21 (4). 729–748. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-729-748
- Bromhead, Helen & Zhengdao Ye (eds.). 2020. *Meaning, Life and Culture: In Conversation with Anna Wierzbicka*. Canberra: Australian National University Press.
- Ember, Carol R. & Melvin Ember. 2011. *Cultural Anthropology*. 13th edn. Boston: Pearson Education, Inc.
- Gaby, Alice. 2017. Kinship semantics: Culture in the lexicon. In Farzad Sharifian (ed.), *Advances in cultural linguistics*, 173–188. Singapore: Springer.
- Geng, Chunling. 2015. Comparison between Chinese address terms and English address Terms. *Higher Education of Social Science* 9. 1–4.

---

³ Fischer, Michael D. Representing Anthropological Knowledge: Calculating Kinship, Analyzing and Understanding Cultural Codes. URL: <http://era.anthropology.ac.uk/Kinship/>

- Gladkova, Anna & Tatiana Larina. 2018a. Anna Wierzbicka, Words and The World. *Russian Journal of Linguistics* 22 (3). 499–520. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-499-520
- Gladkova, Anna & Tatiana Larina. 2018b. Anna Wierzbicka, language, culture and communication. *Russian Journal of Linguistics* 22 (4). 717–748. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-717-748
- Godelier, Maurice. 2012. *The metamorphoses of kinship*. Verso Books.
- Hall, Edward. 1976. *Beyond culture*. New York: Anchor.
- Holmes, Janet. 2013. *An Introduction to Sociolinguistics*, 4th edn. Routledge.
- Hofstede, Geert H. 1984. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills CA: Sage Publications.
- Hofstede, Geert H. 1991. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. London: McGraw-Hill Book Company (UK) Limited.
- Hughson, Jo-anne. 2009. *Diversity and Changing Values in Address: Spanish Address Pronoun Usage in an Intercultural Immigrant Context*. Peterlang: Frankfurt am Mein.
- Jones, Doug. 2010. Human kinship, from conceptual structure to grammar. *Behavioral and Brain Sciences* 33 (5). 367–381. DOI: 10.1017/S0140525X10000890
- Khalil, Amr & Tatiana Larina. 2018. Arabic forms of address: Sociolinguistic overview. *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences* EpSBS, Vol. XXXIX – WUT 2018: Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects. Future Academy Publ. 229–309. DOI: 10.15405/epsbs.2018.04.02.44
- Khalil, Amr, Tatiana Larina & Neelakshi Suryanarayan. 2018. Sociocultural competence in understanding forms of address: Case study of kinship terms in different cultural contexts. *EDULEARN18 Proceedings. 10th International Conference on Education and New Learning Technologies*. Palma de Mallorca. 3038–3045. DOI: 10.21125/edulearn.2018.0799
- Kronenfeld, David. 2009. *Fanti Kinship and the Analysis of Kinship Terminologies*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press.
- Larina, Tatiana & Vladimir Ozyumenko. 2016. Ethnic identity in language and communication. *Cuadernos de Rusística Española* 12. 57–68.
- Larina, Tatiana, Vladimir Ozyumenko & Svetlana Kurteš. 2017. I-identity vs we-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives. *Lodz Papers in Pragmatics* 13 (1). 195–215.
- Larina, Tatiana & Neelakshi Suryanarayan. 2013. *Madam or aunty ji*: Address forms in British and Indian English as a reflection of culture and cognition. In Monika Reif, Justina A. Robinson & Martin Putz (eds.), *Variation in Language and Language Use*, 190–217. Frankfurt am Mein: Peter Lang.
- Larina, Tatiana. 2015. Culture-specific communicative styles as a framework for interpreting linguistic and cultural idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics* 7 (5). Special issue: Communicative Styles and Genres. 195–215.
- Larina, Tatiana, Neelakshi Suryanarayan & Julia Yuryeva. 2019. Socio-cultural context, address forms and communicative styles: A case study of British and Indian Englishes. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* 18 (3). 39–51.
- Leech, Geoffrey & Tatiana Larina. 2014. Politeness: West and East. *Russian Journal of Linguistics* (4). 9–34.
- Lewis, Richard D. 2019. The cultural imperative: Global trends in the 21st century. *Training, Language and Culture* 3 (3). 8–20. DOI: 10.29366/2019tlc.3.3.1
- Malone, Martin. 2004. Structure and Affect: The Influence of Social Structure on Affective Meaning in American Kinship. *Social Psychology Quarterly* 67. 203–216.

- Mehrotra, Raja R. 1985. *Sociolinguistics in Hindi context*. New Delhi: Oxford and IBH Publishing Company. 39–79.
- Passmore, Sam & Fiona M. Jordan. 2020. No universals in the cultural evolution of kinship terminology. *Evolutionary Human Sciences* 2. 1–23. DOI: 10.1017/ehs.2020.41
- Rácz, Peter, Sam Passmore & Fonia M. Jordan. 2020. Social practice and shared history, not social scale, structure cross-cultural complexity in kinship systems. *Topics in Cognitive Science* 12 (2). 744–765. DOI: 10.1111/tops.12430
- Sharifian, Farzad. 2017. *Cultural Linguistics: Cultural Conceptualizations and Language*. John Benjamins Publishing Company.
- Smakman, Dick. 2019. Cultural bias and Sociolinguistics. *Russian Journal of Linguistics* 23 (1). 9–22. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-9-22
- Stone, Linda. 2014. *Kinship and Gender*. 4th edn. Westview Press.
- Suryanarayan, Neelakshi & Larina Tatiana. 2012. English and Hindi address forms in a bilingual context. *Cognitive Psycholinguistics: Bilingualism, Cognition and Communication: 35-th International LAUD Symposium*. LAUD Linguistic Agency, University of Duisburg – Essen, Germany. 199–220.
- Trask, Robert Lawrence. 2007. *Language and linguistics: The key concepts*. Taylor & Francis.
- Triandis, Harry C. & Michele J. Gelfand. 2012. *A theory of individualism and collectivism*. In P. A. M. Van Lange, A. W. Kruglanski & E. T. Higgins (eds.), *Handbook of theories of social psychology*, 498–520. Sage Publications Ltd. DOI: 10.4135/9781446249222.n51
- Wierzbicka, Anna. 1992. *Semantics, culture, and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna. 2010. Lexical universals of kinship and social cognition. *Behavioral and Brain Sciences* 33. 403–404. DOI: 10.1017/S0140525X10001433
- Wierzbicka, Anna. 2013. Kinship and social cognition in Australian languages: Kayardild and Pitjantjatjara. *Australian Journal of Linguistics* 33. 302–321. DOI: 10.1080/07268602.2013.846458
- Wierzbicka, Anna. 2016. Back to “Mother” and “Father”: Overcoming the Eurocentrism of kinship studies through eight lexical universals. *Current Anthropology* 57. 408–429. DOI: 10.1086/687360
- Yoon, Kyung-Joo. 2007. My experience of living in a different culture: The life of a Korean migrant in Australia. In Besemeres, Mary & Anna Wierzbicka (eds.), *Translating lives: Living with two languages and cultures*, 114–127. Univ. of Queensland Press.

Article history:

Received: 28 December 2020

Accepted: 22 February 2021

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 28 декабря 2020

Дата принятия к печати: 22 февраля 2021

Bionotes:

Neelakshi SURYANARAYAN is Professor of Russian Language and Literature at the University of Delhi, Department of Slavonic and Finno-Ugrian Studies. Her research interests include language, culture and cognition, intercultural communication, cross-cultural pragmatics, address forms in different cultural contexts.

Contact information:

Delhi University

North Campus, Delhi, 110007

e-mail: nsuryanarayan@sfus.du.ac.in; s.neelakshi@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6657-2533

Amr KHALIL is a postgraduate student at Peoples' Friendship University of Russia. His research interests include language, culture and communication, intercultural communication, (im)politeness theory, identity and address forms.

Contact information:

RUDN University

10/12 Miklukho-Maklaya, Moscow, Russia, 117198

e-mail: 1042185145@pfur.ru, windfall.roc13@hotmail.com

ORCID: 0000-0001-7012-8809

Сведения об авторах:

Нилакши СУРЬЯНАРАЯН – профессор кафедры славянских и финно-угорских языков Делийского университета. Ее исследовательские интересы включают взаимодействие языка, культуры и сознания, межкультурную коммуникацию, кросс-культурную прагматику, а также формы обращения в разных культурных контекстах.

Контактная информация:

Delhi University

North Campus, Delhi, 110007

e-mail: nsuryanarayan@sfus.du.ac.in; s.neelakshi@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6657-2533

Амр ХАЛИЛЬ – аспирант Российского университета дружбы народов. Его исследовательские интересы включают взаимосвязь языка, культуры и коммуникации, межкультурную коммуникацию, теорию (не)вежливости, идентичность, формы обращения.

Контактная информация:

Российский университет дружбы народов

Москва, 117198, ул. Миклухо-Маклая, 10/12

e-mail: 1042185145@pfur.ru, windfall.roc13@hotmail.com

ORCID: 0000-0001-7012-8809

DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-147-164

Research article

Linguistic creativity and discourse profiles of English language children's novels

Maria I. KIOSE

Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia

Abstract

Contemporary discourse studies face the necessity to develop the methods of contrastive sub-discourse analysis which apply numeric and comparable data to diversify and describe sub-discourse types. The aim of the research is to propose a method of discourse profiling serving the purpose, and to further test the method in the contrastive study of linguistic creativity in different types of English language children's novels. The category of linguistic creativity being the leading form of language poesis receives parametric description on all language representation levels (in written form) and provides the discourse values for contrastive analysis. These values are explored in the fragments of non-autobiographic and autobiographic adventure novel sub-discourse types authored by J.C. George, F. Gibson, J.D. Ullman, and G. Durrell (a total amount of 120.000 signs) annotated manually for 52 linguistic creativity parameters on phonological, morphological, word-formation, lexical, syntactic, and graphic levels. The working hypothesis is that the linguistic creativity parametric activity distributions represent the sub-discourse profiles and may serve to contrast sub-discourse types by means of their vectors' contingency values. The analysis in individual parameter activity and in parameter groups activity demonstrated significant variance in sub-discourse construal, with autobiographic sub-discourse of G. Durrell manifesting several higher activity values in word-formation (occasional compounding), lexical use (the use of professional language, lexical tropes, allusive names, higher register style) and syntactic use (the use of parallel structures and syntactic intensifiers). In terms of morphological activity, the parameter values tend to be lower (morphological category shifts), the same stands true of some syntactic (the use of elliptical structures) and lexical parameters (the use of lower register types and proper names). The sub-discourse profiles demonstrate several common features, evidently typical of the discourse type itself, and the features differentiating non-autobiographic and autobiographic discourse subtypes. Vector correlation analysis revealed lower correlation values for autobiographic sub-discourse, which proves its specificity and testifies to the discourse profiling method applicability.

Keywords: *linguistic creativity, discourse profiles, children's novels, Gerald Durrell, vector analysis*

For citation:

Kiose, Maria I. 2021. Linguistic creativity and discourse profiles of English language children's novels. *Russian Journal of Linguistics* 25 (1). 147–164. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-147-164

Лингвокреативность и дискурсивные профили художественной повести в англоязычной детской литературе

М.И. КИОСЕ

Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия

Аннотация

Для современной лингвистики дискурса актуальной является проблема отсутствия методов контрастивного анализа субдискурсов, применение которых позволило бы оперировать числовыми и сопоставимыми данными при их разграничении и описании. Цель исследования состоит в разработке метода дискурсивного профилирования, который тестируется при проведении контрастивного анализа лингвистической креативности в разных типах дискурса детской англоязычной повести; при этом лингвистическая креативность как ведущая форма языкового поэзиса изучается через параметрический анализ ее языковых маркеров на всех уровнях языковой репрезентации письменной формы дискурса. Материалом исследования выступают образцы неавтобиографического и автобиографического субдискурсов детской англоязычной приключенческой повести Дж. Джорджа, Ф. Гибсона, Дж. Ульмана и Дж. Даррелла общим объемом 120 тыс. знаков, которые подверглись аннотированию по 52 параметрам лингвистической креативности (с использованием процедуры ручного аннотирования) на фонологическом, морфологическом, словообразовательном, лексическом, синтаксическом и графическом уровнях. Гипотеза исследования заключается в том, что распределение частоты, или активности параметров дискурс-структурирующей категории лингвокреативности может быть использовано для проведения контрастивного анализа субдискурсов при установлении степени сопряженности их многомерных векторов лингвокреативности. Результаты анализа активности индивидуальных параметров и их групп позволили определить ряд значимых отличий в субдискурсах: автобиографический дискурс Д. Даррелла демонстрирует повышенную активность параметров на словообразовательном уровне (использование словосложений), лексическом уровне (использование терминологии, стилистических тропов, аллюзивных имен, переключений регистров), синтаксическом уровне (использование параллельных структур и интенсификаторов). Сниженная активность обнаружена у некоторых морфологических параметров (категориальные трансформации), синтаксических параметров (использование эллиптических конструкций) и лексических параметров (переключение на разговорный регистр, использование имен собственных). Наглядно представленные профили субдискурсов демонстрируют как отличительные, так и схожие проявления лингвокреативности в рассматриваемых дискурсах. Проведенный анализ корреляций векторов лингвокреативности субдискурсов показал сниженный коэффициент сопряженности в отношении автобиографического фрагмента, что свидетельствует в пользу результативности метода дискурсивного профилирования как способного разграничивать субдискурсы.

Ключевые слова: лингвистическая креативность, дискурсивные профили, детская повесть, Джеральд Даррелл, векторный анализ

Для цитирования:

Kiose M.I. Linguistic creativity and discourse profiles of English language children's novels. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25. № 1. P. 147–164. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-147-164

1. Introduction

Contrastive discourse analysis (Neff et al. 2004, Tannen et al. 2015) has become a powerful method to explore the discourse production specificity with the studies centered around the discourse construal schemes (Gernbacher 1996, Van Dijk 1997), pragmatic categories (Aijmer & Lewis 2017), rhetorical functions (Mann & Thompson 1988, Gylling-Jørgensen 2013), and discourse markers (Taboada et al. 2012). Its results can serve educational purposes (Péry-Woodley 1990, Maxwell-Reid 2013), intercultural communication skills formation (Gordon & Chen 1991, Neff et al. 2004), social and cultural adaptation of discourse types (Silva & Grillo 2019). However, while the analysis of construal schemes, pragmatic and cultural functions leads to differentiating the discourse types, these methods fail to differentiate the discourse subtypes, as the features under observation may not follow any regular patterns or may occur occasionally. To develop the procedure of discourse subtypes differentiation, we need to explore the discourse markers of the category, which is common for the discourse in general, but which is subject to the slightest variations of the discourse construal. In this case the discourse markers distribution will reflect the sub-discourse construal differences.

One of the discourse categories that might suffice to explore the sub-discourse types is the category of linguistic creativity, which is expressed in the forms of language poesis in fiction and non-fiction texts. Among the many theories of linguistic creativity in discourse production, cf. among others (Sligh et al. 2005, Zawada 2006, Demjankov 2008, Iriskhanova 2009, Agres et al. 2015, Steels 2016, Swann & Deumert 2018, Simpson 2019, Sokolova 2019, Feschenko 2020), we addressed the ones which specify the linguistic means of creativity (Swann et al. 2011, Jones 2012, Carter 2016, Gridina 2018). In general, it is possible to trace two basic approaches to linguistic creativity means analysis, that is eliciting elementary particles (discourse markers, mostly stylistic means), and eliciting various shifts and modifications (code shifts and transfer). The first approach can be illustrated by the work of R. Carter; for example in (Carter 2016) the researcher compiles a list of discourse markers of linguistic creativity for written texts mostly expressed at the lexical level. The second approach is developed by T. Gridina in (Gridina 2018), who explores different modification schemes which can be traced in a definite discourse type. To detect the minor differences in differentiating sub-discourse types, we consider both approaches to compile a list of potentially significant parameters expressed in discourse markers and shifts which might display variance in the sub-discourses contrasted.

To proceed with the contrastive study, we develop the method of vector analysis in application to discourse profiles construal. The notion of discourse profiles suggested in construction grammar and structure building frameworks (Ariel 2004), developmental studies (Sherratt 2007, Singer 2013) and since recently in multimodal studies (Iriskhanova & Cienki 2018) is developed here to assess the relative activity of discourse parameters in the process of discourse production. Discourse and sub-discourse profiles are treated as the vector models of discourse

displaying the parametric activity distribution. Vector analysis which is an instrument in vector semantics (Mikolov et al. 2013, Paradis et al. 2015, Perek 2016), can be applied to discourse profile construal as it contributes to deducing the dependences of parametric activity in their correlation schemes and the degree of prototypicality of the discourses contrasted. The cosine of the angles between the two or several vectors representing the parametric activity values will indicate the similarity degree of the discourse profiles under observation. Higher correlation values will point out the discourse profiles with similar parametric activity distribution. Thus, detecting the general or common schemes of parametric activity distribution helps to list the more prototypical texts, i.e. the texts most typical of the discourse observed. The texts which display higher variance of parameter activity and lower correlation values with common parameter distribution schemes will be more marginal or less prototypic. Finally, we can range the discourses on the prototypicality scale in accordance with the correlation values their discourse profiles demonstrate. It means that vector analysis of discourse profiles is also an instrument to differentiate various discourses and sub-discourses and to give statistical evidence of their proximity.

The necessary requirements for such analysis are that the discourse parameters must be common for the discourses or sub-discourses contrasted and that to construe the model, the parameter activity ratio must be considered. In this study, the linguistic creativity parameters will serve to construe the discourse profiles through vector analysis. Discourse linguistic creativity vector is the linguistic parameters activity distribution within the discourse which construes the discourse profile. To test the method, we select the discourse subtypes demonstrating more and less prototypical features. The research data will be the samples of children's classical adventure novel of the 1950s in the English language literature included in the shortlists of best children's literature winning the Newbery awards. The choice of the book titles was controlled by the research task of exploring their discourse prototypicality, that is why their general discourse features had to display homogeneous nature. As an example of a potentially less prototypical book title we selected the world-famous Gerald Durrell's novel "My family and other animals" written at the same period which is known to demonstrate specificity in terms of its autobiographic character. We will find out whether this specificity makes it less prototypical than the more typical adventure stories of this period also written by men-writers, also featuring nature descriptions, also presenting the main character of a boy confronting some life problems in the natural surroundings. We will address these types of discourse as adventure novel sub-discourses and define the degree of their prototypicality in the contrastive analysis. To proceed, we will apply the method of linguistic creativity parameters elicitation and annotation in discourse developed in (Zykova & Kiose 2020). Then, sub-discourse parametric activity distribution will be assessed, and sub-discourse profiles construed. Their correlation patterns will serve to deduce the prototypicality of sub-discourse types.

2. Research methods and procedure

To conduct the discourse contrastive analysis with the aim of disclosing more and less prototypical sub-discourse profiles, we had to use the data which possesses the uniformity in genre, style, authorship, and issue period contrasting it with the data demonstrating some distinct variance, so that the two data samples will nevertheless present two variants of one discourse type, or its two sub-discourse types. The discourse type addressed was the English language adventure novels with its two sub-discourses, fiction narrative type which is non-autobiographic, and autobiographical type. To assess the prototypical discourse profile, we had to address several representatives of the sub-discourse type of fiction narrative and further on contrast the prototypicality results with the hypothetically less prototypical autobiographical narrative. The research data is the children's adventure novels selected from the list of Newbery award book titles for young adults.

To assess the prototypical discourse profiles, we had to select similar narration formats to avoid diversity. Thus, we addressed the novels issued at the same period (the second half of the 1950s) to avoid the diversity in discourse creation time. Next, we selected only natural surroundings as the basic scene and event frame to avoid the diversity in description formats. We also ensured that it was similarly the first-person narration of the main character (a boy of 12–14) and that the book was written by a male writer native speaker of English, and that the contrasting fragments might be of the same length. With these requirements, we selected three adventure novels “My Side of the Mountain” by Jean Craighead George (published in 1959), “Old Yeller” by Fred Gibson (published in 1956), and “Banner in the Sky” by James Ramsey Ullman (published in 1955). Out of these three novels we selected three fragments (chapters) of approximately 20,000 signs each (18,389, 20,062, 16,733, correspondingly). Parametric manual coding (annotation) procedure was then carried out and the prototypical discourse profile was construed.

To assess the prototypicality variation, we selected the autobiographical adventure novel “My Family and Other Animals” written by Gerald Durrell in 1956. It is also a boy's first-person narration about his adventures mostly in the natural surroundings, but the narrator here is the author himself. The fragment under consideration is 21,677 signs long (one chapter), equal in size with each of the three previously given fragments.

The study follows the research scheme comprising three steps: the linguistic creativity parameter system adaptation, manual coding, and statistical analysis procedure. We finally deduce the linguistic creativity vector values, which help construe the discourse profiles and contrast them. At the first step we compile the list of linguistic creativity parameters with the linguistic markers outlined, among others, in (Jones 2012, Carter 2016, Bergs 2019, Musolff 2019), which might serve to differentiate the sub-discourse types. In (Zykova & Kiose 2020) the list of 52 linguistic creativity parameters was developed to differentiate the Russian

language cinematic and fiction literature discourse. The list of parameters involved the ones which demonstrate stylistic specificity and code-switching of various types with these features being significant for discourse differentiation in terms of linguistic creativity potential. Due to multimodal character of discourse representation (Ponton 2016), the parametric activity was assessed at all the levels representing linguistic creativity in the discourse written form including phonological, morphological, word-formation, lexical, syntactic, and graphic parameters (Carter 2016). The results have sufficed to detect the differences in level activity and the activity of single parameters and their groups. At the same time, several similar features were also disclosed. In (Kiose 2020) this list of parameters was tested on Russian language fiction literature sub-discourse types, and vector instrument for discourse profiles assessment was introduced. Here we will specify the parameters for the English language discourse analysis as well as test the method of discourse profiling and vector analysis to deduce more and less prototypical discourse profiles. To do this, we apply the parameter adaptation procedure for the sub-discourse contrastive analysis in the English language.

The original parameter list (developed for the Russian language linguistic creativity assessment) involved the parameters of phonological, morphological, word-formation, lexical, syntactic, and graphic levels of linguistic creativity representation in application to the written discourse form under observation. The list of phonological parameters was adopted for the English language data with no changes made. In terms of phonological parameters, we assessed phonetic ellipsis, onomatopoeia (sound imitation), phonetic accent, sound repetition, phonetic occasionalism, metric, rhythm, rhyme, and phonetic error. The samples (1-3) show the examples of phonological parameters of linguistic creativity:

- (1) *He would raise one hand in lazy salute, and across the still, blue water you could hear the plaintive **squeak** of the oar as it twisted, and the soft **clop** as it dug into the sea* (G. Durrell).
- (2) *When his enemy was backed into the corner, George would dodge and twist round him with the agility of a wasp, **stabbing, thrusting, guarding*** (G. Durrell).
- (3) *He **snorted, started** to run, then just **stood** there and **stared** at me* (F. Gibson).

In sample (1) *squeak* and *clop* employ the sound imitation techniques. Sample (2) is the illustration of a rhythm pattern in *stabbing, thrusting, guarding, it demonstrates* three subsequently used two-syllable words with the first-syllable stress pattern. In sample (3) we see the sound repetition in *snorted, started, stood, stared*. The list of graphic parameters has not undergone any changes, either. The list involved modifications of letters and with punctuation marks, modification with word spelling, graphic accent, and graphic errors. In (4–5) we give examples of the graphic parameters use:

(4) “He should be getting some sort of grounding in things like mathematics and **French... and his spelling’s appalling**” (G. Durrell).

(5) *The next day I told Bill **good-by**, and as I strode, warm and fed, onto the road, he called to me, “I’ll see you tonight”* (J. George).

In sample (4) elision marks stand for pauses in speech. Sample (5) contains an example of a spelling error in *good-by* instead of *good-bye* used to mark colloquial speech.

The lists of parameters for other language levels had to be slightly adapted to the English language typological structure and the discourse specificity. The list of morphological parameters which comprised the parameters of morphological categorial shifts, such as different part of speech shifts, was left the same although we had to consider the role of conversion in English and the necessity to preliminarily detect the direction of conversion shift in each example. We also had to consider grammaticalization and lexicalization when we assessed the morphological categorial shifts which made the number of categorial shifts in the English language examples much higher than in the Russian language data. In the list of word-formation parameters we had to neglect the opposition of novel and entrenched word building patterns, since compounding (being the main word building pattern) is much more typical in English than in Russian and its novelty degree is hard to be detected. The list of morphological parameters involved affixation demonstrating evaluation semantics, compounding, conversion, contraction and shortenings, word building error, and paradigmatic attraction. Samples (6–9) demonstrate some of the morphological and word-formation parameters use.

(6) *Rudi’s eyes moved over the **ice-walls**: almost vertical, smooth as glass. “Have you an ax?” he asked* (J.R. Ullman).

(7) “*Well, if you insist on stuffing him full of **useless** information, I suppose George would have a shot at teaching him,*” said Larry (G. Durrell).

(8) *The water keeps the leaf wet, and although the top dries up and **burns** down to the water level, that’s as far as the **burning** goes* (J. George)

(9) “**Lucky** I fell on the other side,” he grinned (J.R. Ullman).

In sample (6) there is a compound word *ice-walls*, in sample (7) – the negative affix-less in *useless*; in sample (8) we notice the use of paradigmatic attraction in *burns* and *burning*; in sample (9) there is a word building mistake in *lucky* where the adjective is used instead of an adverb in oral speech. In the lists of lexical and syntactic parameters we had to introduce several slight changes. In terms of lexical parameters, we annotated the register shifts, dialectal shifts, professional language shifts (use of terms), language shifts, semiotic system shifts (here – the use of numeric values and animal language), emotives, neologisms, lexical paradigmatic means (synonyms, antonyms, homonyms, etc.), polysemy, tropes, proper names, lexical errors, phraseology, phraseological errors, and allusion. We also followed the need to specify the register shifts to higher and lower registers which, as we previously indicated, might serve to demarcate the sub-discourse types in the

discourse under observation. Samples (10–11) show the use of higher and lower register shifts in the novels:

(10) *Then came the final moment, the upward and outward flick that would catch his opponent's weapon and twist it harmlessly to one side, the swift withdrawal, followed by the long, straight lunge that drove the point of his foil right through the **adversary's** heart* (G. Durrell).

(11) *"Well, Larry's so **bloody** unreasonable."* (G. Durrell).

In sample (10) the use of a formal word *adversary* instead of a more neutral *enemy* or *opponent* is marked as a higher register shift, whereas in (11) the use of *bloody* in *bloody unreasonable* is marked as a lower register shift. In the list of syntactic parameters, we had to specify the inversion parameter and marked as inversion any noun phrase or verb phrase group patterns with reverse word order. In samples (12–15) we give some examples of syntactic parameters and their discourse markers.

(12) ***Too many leaves had fallen and turned to loam, too many plants had grown up and died down** over the old home site* (J. George).

(13) *"Oh, no, Miss Turner, I want **to go live there**"* (J. George).

(14) *Scarcely **had we settled** into the strawberry-pink villa before Mother decided that I was running wild, and that it was necessary for me to have some sort of education* (G. Durrell).

(15) *"Nothing broken-no," said the voice. "Just shaken up some. And cold."* (J.R. Ullman)

In (12) we notice the use of the anaphor in *Too many leaves had fallen and turned to loam* and *too many plants had grown up and died down*. In (13) there is a syntactic error in the use of *I want to go live there* instead of *I want to go and live there*. In sample (14) there is the subject and auxiliary verb inversion in the emphatic construction *Scarcely had we settled*. Sample (15) provides several examples of elliptical sentences.

At the second step we use parameter codes in order to manually annotate the fragments selected for their further statistical study. To annotate the samples, we developed the following scheme which later underwent automatic statistical analysis in the program HETEROSTAT (Kiose & Efremov 2020) which assessed the parameters activity and calculated the correlation indices for the parameters. To demonstrate the annotation procedure, we will give an example of the annotation on a small fragment of F. Gibson's novel:

#269 I remember like yesterday how he strayed in <413> out of nowhere <302, 413, 410> to our log cabin on Birdsong Creek <302, 411, 601>. #270 He made me <413> so mad <406, 510> at first <413> that I wanted to kill him <406>.

Here the #numbers correspond to the sentence number in the collected textual data. The in-sentence numbers stand for the parameter codes, where the parameters of the same level start with the same number, where 300-type parameters stand for word building parameters, 400-type parameters are lexical parameters, 500-type are

syntactic parameters, and 600-type are the graphic ones. Here the parameter codes are the following: 302 is compounding, 406 is emotive, 410 is stylistic trope, 411 is proper name use, 413 is phraseology, 510 is syntactic intensifier.

At the third step, the coded texts were statistically processed for single and group parameter activity and for parameters correlation. The parameter activity ratio was calculated which allowed us to regard parameter values as the vector coordinates and conduct the correlation analysis between the parameter values of the four texts. We expected to find lower correlation indices of G. Durrell sub-discourse parameter values with the hypothetically more prototypical three text fragments parameter values, which in their turn were supposed to demonstrate higher correlation indices between the three sub-discourses. At the same time, to visualize the parametric activity results, we construed the sub-discourse profiles on the basis of the vector models of the sub-discourses. The models show the differences between the sub-discourse profiles as well as their similarities. In section 3 we will proceed to the results of the statistical parametrization analysis, prototypicality analysis through multiple correlation, and variance analysis.

3. Research Results

First, we will address the general statistical data on the four text fragments of the hypothetically more prototypical adventure novels by Jean Craighead George, Fred Gibson, and James Ramsey Ullman, contrasting them with the data of the hypothetically less prototypical sub-discourse of Gerald Durrell’s autobiographical novel. The general statistical data involves the number of words, sentences and general parameter activity results which are given in Table 1.

Table 1

General statistics on the four discourse fragments

Discourse fragments	Number of signs	Number of words	Number of sentences	General parameter activity
Jean Craighead George’s “My side of the mountain”	18,389	3,571	262	1389
Fred Gibson’s “Old Yeller”	20,062	4,014	282	1896
James Ramsey Ullman’s “Banner in the Sky”	16,733	3,191	390	1169
Gerald Durrell’s “My Family and other animals”	21,677	3,789	173	1665

In Table 2 we give the data on the four sub-discourse types and the parameter activity in absolute values and the ratio values (in relation to the general parameter activity).

The relative values of parameters demonstrating the linguistic creativity vectors underwent the correlation analysis to test the degree of contingency between the four samples parameter activity. The T-test analysis was carried out in JAMOVI program. We preliminary assessed the data degree of normality (Shapiro-Wilk test

of normality), which showed there was no violation of the assumption of normality (with p-values ranging from .02 to .035). The one-sample T-test demonstrated the following results for four samples: for Jean Craighead George’s “My side of the mountain” Student’s t was 3.01 (p = .03), for Fred Gibson’s “Old Yeller” Student’s t was 2.5 (p=.05), for James Ramsey Ullman’s “Banner in the Sky” Student’s t was 2.83 (p = .03), for Gerald Durrell’s “My Family and other animals” Student’s t was 2.27 (p = .07). Thus, the autobiographic sample of G. Durrell also demonstrated higher variance in parameter activity distribution as opposed to the four non-autobiographic samples.

Table 2

Linguistic creativity parameter values

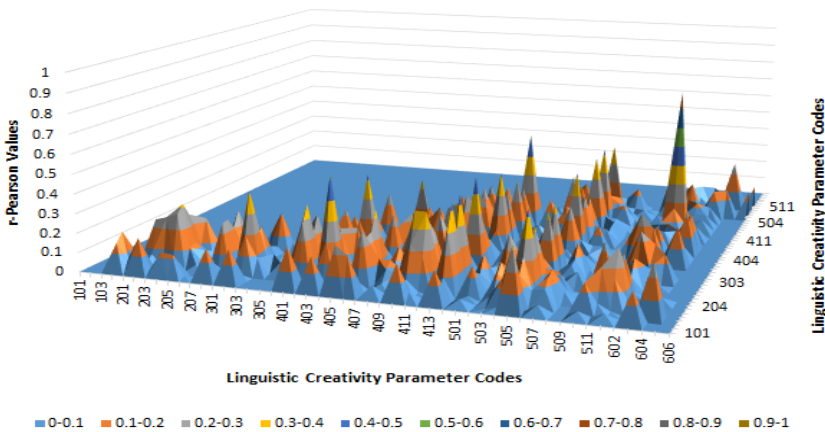
Parameter language levels	Phonological		Morphological		Word-formation		Lexical		Syntactic		Graphic	
	Absolute	Ratio	Absolute	Ratio	Absolute	Ratio	Absolute	Ratio	Absolute	Ratio	Absolute	Ratio
Jean Craighead George’s “My side of the mountain”	25	.018	381	.274	94	.068	516	.371	346	.249	27	.069
Fred Gibson’s “Old Yeller”	32	.017	622	.328	107	.056	778	.41	257	.136	100	.053
James Ramsey Ullman’s “Banner in the Sky”	23	.02	343	.293	66	.056	361	.309	342	.293	34	.03
Gerald Durrell’s “My Family and other animals”	51	.031	301	.181	129	.077	828	.497	338	.203	18	.011

Then we proceeded to testing the parameter values at different language levels to detect at which language levels the linguistic creativity parameters demonstrated higher variance. The one-sample T-test disclosed that the highest variance was observed at graphic (Student’s t is 3.2 at p = .04), syntactic (Student’s t is 6.56 at p = .007), phonological (Student’s t is 6.66 at p = .007), and morphological (Student’s t is 8.57 at p = .003) levels; whereas for word-formation and lexical levels the variance was lower (Student’s t is 12.59 at p = .001 and Student’s t is 10.08 at p = .002, correspondingly). We can therefore conclude that linguistic creativity parameter values distribution is contingent on the sub-discourse type, which in our case was clearly demonstrated by means of graphic, syntactic, phonological, and morphological parameter variance. However, we need to point out that with the similar parameter activity at word-formation and lexical levels the number of sentences in autobiographic discourse is twice smaller.

Now we will turn to parameter activity correlation values in the four samples. In HETEROSTAT program we calculated the binary correlation for all the parameters in the samples. In Fig. 1 we show the diagrams of parameter correlation values in non-autobiographic sub-discourse and autobiographic sub-discourse.

The results obtained prove that group parameter activity in autobiographic discourse type is much higher, which results from higher density of linguistic creativity markers used in twice smaller sentence number. We see higher correlation values in terms of all language levels, but the most significant (with the significant r-Pearson values exceeding .25 with the $k = 102$ and $p < 0.01$) were the following: parallel structures and professional language (terms) (.67), parallel structures and stylistic tropes (.63), as well as professional language and stylistic tropes on their own (.61), embedded structures and punctuation novelty (.71), compounds and categorial modifications of nouns (.58), compounds and professional language (.64), idioms and grammaticalization of verbs (.6), evaluative affixation and emotives (.52). Among the significant correlation pairs for non-autobiographic discourse type, we can name capitalization and personal names (.78), professional language and categorial modifications of nouns (.52), idioms and stylistic tropes (0.52). All in all, the results suffice to conclude that G. Durrell’s sample is far more sophisticated in terms of linguistic creativity use with the density of linguistic creativity markers and their specific choice.

Group Linguistic Creativity Parameter Activity in Non-Autobiographic Discourse

Group Linguistic Creativity Parameter Activity in Autobiographic Discourse

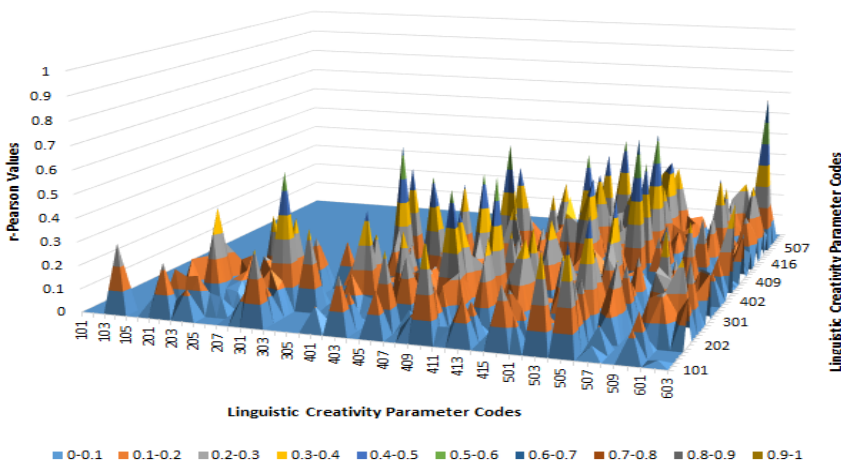
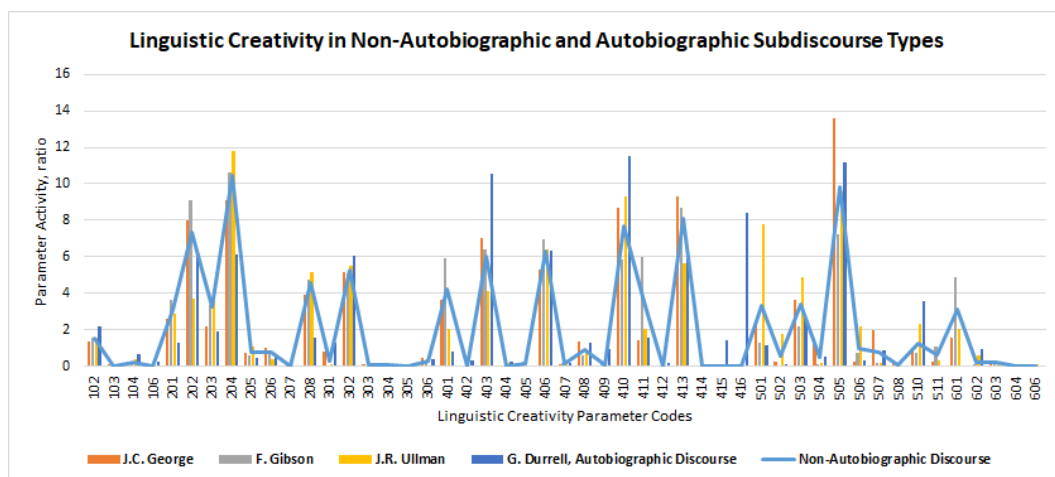

Figure 1. Group (Paired) linguistic creativity parameter activity in contrasting sub-discourse types

We now proceed to eliciting the parameters of the two discourse types which demonstrate significant variance in their activity. To minimize the effect of the total parameter activity within the samples, we will consider the relative parameter values in each sample. We will use the first three samples representing the same sub-discourse type (non-autobiographic) to deduce the mean values of linguistic creativity parameters for the non-autobiographic discourse type, whereas G. Durrell’s sample (autobiographic) parameter activity values will serve as a contrasting type of values. In Fig. 2 we present the diagram of linguistic creativity parameters relative values in 4 samples, three non-autobiographic samples and their mean values in non-autobiographic discourse in total, and G. Durrell autobiographic sample.

Figure 2. Relative values of linguistic creativity parameters in the contrasting sub-discourse types

The diagram shows that some parameters in autobiographic sub-discourse can be singled out, as their relative values in some cases exceed and in some are significantly lower than the mean values in non-autobiographic sub-discourse. The parameters with the values exceeding the mean values are professional language (code 403 – 10.57 vs 5.99), stylistic tropes (code 410 – 11.53 vs 7.66), formal register shifts (code 416 – 8.4 vs 0), parallel structures (code 505 – 11.7 vs 9.8) and interjections (code 510 – 3.54 vs 1.24). Among the parameters demonstrating lower values are adjective categorial shifts (code 201 – 1.26 vs 3.12), pronoun categorial shifts (code 203 – 1.92 vs 3.23), grammaticalization of the verb (code 204 – 6.13 vs 10.44), categorial shifts of auxiliaries (code 208 – 1.56 vs 4.58), colloquial register shifts (code 401 – 0.78 vs 4.2), use of personal names (code 411 – 1.56 vs 3.53), ellipsis (code 501 – 1.14 vs 3.3), appeal (code 506 – 0.3 vs 0.99), capitalization (code 601 – 0.06 vs 3.12).

4. Discussion

The general statistics on the four discourse fragments given in Table 1 show that with the same number of signs the four fragments vary in the number of words used, which means that this indicator does not suffice to differentiate the

sub-discourse types. At the same time, the number of sentences has a more demonstrative character, with the lowest number of sentences in the novel by G. Durrell, which means that the sentence length in the novel is 1.8 times higher than in the adventure novels of a non-autobiographic type in general. General parameter activity does not demonstrate any specificity, but if we consider the fact that the number of sentences is almost two times lower, it means that the linguistic creativity potential of each sentence is almost two times higher, which cannot be neglected. The sentence parametric activity indices are 6.72, 5.3, 3.0, and 9.62, correspondingly. Here, the average sentence parametric activity for non-autobiographic narration is 5.0, whereas for autobiographic narration it is almost two times higher. It may comply with average parameter activity being the same within the same number of signs in the samples, but if we consider that, for instance, one sentence will contain not one but two metaphors, not one but two allusions, code-shifts, or sound imitations, it becomes obvious that it makes a sentence more “condensed” in terms of the information conveyed, thus requiring more cognitive effort on the part of the reader.

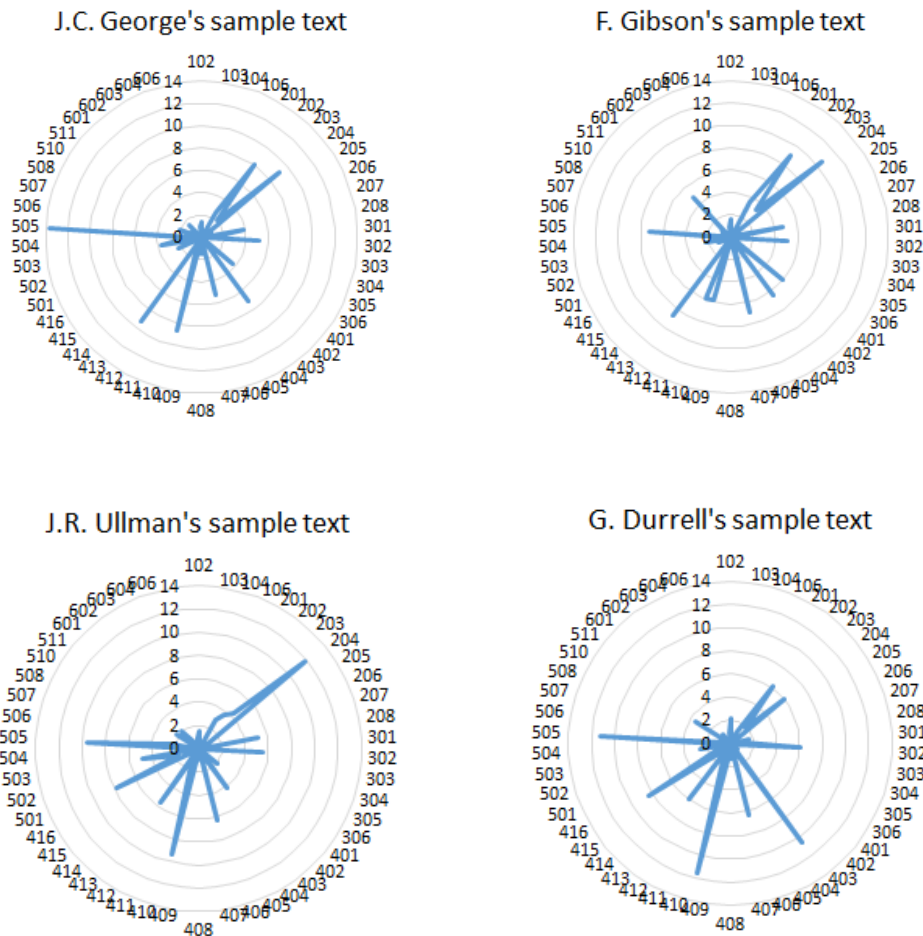
In terms of linguistic creativity parameter values in Table 2, in the phonological, morphological, word-formation, lexical, and graphic levels, the parameter activity of the autobiographical novel demonstrates specificity in some cases being significantly higher and in some lower than the parameter values within the range of non-autobiographical novel samples. If we contrast the average parameter ratio of the three non-autobiographical novels and compare it with the parameter ratio of the autobiographical one, we will come to the following results: in the autobiographical novel the activity of phonological parameters is 1.69 times higher, the activity of word-formation parameters is 1.28 times higher, the activity of lexical parameters is 1.37 times higher; whereas for morphological parameters it is 1.65 times lower, and for the graphic parameters it is 4.6 times lower. Thus, the parameter activity distribution demonstrates specificity being sub-discourse dependent. It also suffices to remind that higher phonological, word-formation and lexical parameter activity is observed in the two-time smaller sentences number, which makes it a highly significant result.

To illustrate the distribution of single parameters activity, we address the diagrams of the discourse profiles of four samples (see Fig. 3).

The discourse profiles demonstrate the redistribution of parameter activity in the sub-discourse samples contrasted. While the three samples of non-autobiographic discourse have higher values of morphological linguistic creativity parameters (200-codes), the autobiographic discourse does not demonstrate it. The latter also shows prevalence of professional language, ambiguity, and trope language, which may serve to single out this discourse type (several 400-codes).

The single parameter activity values obtained may be viewed as the vector coordinates of linguistic creativity vectors in the contrasting discourse types. Each vector is then represented by the relative values of the linguistic creativity parameter frequency within the samples under observation. Unfortunately, as the multiple vector coordinates are also subject to linguistic typological nature (and not

only to the discourse nature), the sub-discourse vectors demonstrate high correlation patterns. For this reason, correlation analysis applying all parameters' values does not suffice to distinguish between the discourse subtypes, although as we have shown, it is the linguistic creativity level activity and not the single parameters which may serve to detect significant variance in their distribution. The results of one-sample T-test have sufficed to conclude that the autobiographic sample by G. Durrell demonstrated higher variance in parameter level activity distribution, as opposed to the four non-autobiographic samples. At the same time, the results of r-Pearson parameter values correlation show that this sample is also far more sophisticated in terms of linguistic creativity use with the density of linguistic creativity markers and their specific choice.

Figure 3. Discourse profiles of the four sample texts (J.C. George's, F. Gibson's, J.R. Ullman's non-autobiographic type, and G. Durrell's autobiographic type)

5. Conclusion

The study has proved the efficiency of vector methodology (Mikolov et al. 2013, Paradis et al. 2015, Perek 2016) in application to contrastive sub-discourse

analysis and the study of linguistic creativity as a discourse (Carter 2016). To proceed with the study, we used parametrization methods to identify the frequency and correlation patterns of the linguistic creativity parameters in contrasting discourse types, that is the non-autobiographic and autobiographic discourse subtypes of adventure novels. General and analytical statistical methods served to detect the parameter activity on all the linguistic creativity representation levels (in the discourse written form) and their correlation patterns. With the data obtained, we have arrived at the relevant conclusions about the prevalence of several single parameter activity as well as paired parameter activity. The study has shown that G. Durrell's autobiographic discourse exhibits higher values of professional language, stylistic tropes, formal register shifts, parallel structures and interjections; in terms of correlation patterns these are parallel structures and professional language, parallel structures and stylistic tropes, professional language and stylistic tropes, embedded structures and punctuation novelty, compounds and categorial modifications of nouns, compounds and professional language, idioms and grammaticalization of verbs, evaluative affixation and emotives.

Applying the relative parameter values of the discourse samples, we have developed the notion of discourse profiles suggested earlier in construction grammar (Ariel 2004), developmental and multimodal studies (Singer 2013, Iriskhanova & Cienki 2018). In our study, discourse profiles are viewed as multi-dimensional constructs visualizing the relative discourse activity of parameter values representing the category of linguistic creativity. The discourse profiles illustrating the results of vector analysis help analyze the variability of linguistic creativity parameter values distribution across the discourse types. The contrasted profiles of non-autobiographic and autobiographic discourse types help infer the relative activity of linguistic creativity representation levels and single parameter activity in relation to the discourse types. These results have sufficed to determine the variance in the distribution patterns of parameter activity in the contrasting discourse types, with autobiographic discourse showing weaker correlation with the distribution values of non-autobiographic discourse. Thus, vector analysis can serve to distinguish between discourse subtypes, at least in terms of the category of linguistic creativity.

To sum up, the method of discourse profiling has proved its efficiency in differentiating autobiographic and non-autobiographic discourse types, which means that it can be applied for contrastive sub-discourse analysis, probably to explore other discourse categories (rather than the category of linguistic creativity) with the aim of revealing the discourse specificity.

© Maria I. Kiose, 2021

 creative commons

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Acknowledgements

The research is sponsored by the Russian Science Foundation, grant № 19-18-00040 and is carried out in the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

REFERENCES

- Agres, Kathleen, Stephen McGregor, Matthew Purver & Geraint Wiggins. 2015. Conceptualizing creativity: from distributional semantics to conceptual spaces. *Proceedings of the 6th International Conference on Computational Creativity*, 118–125.
- Aijmer, Karin & Diana Lewis (eds.). 2017. *Contrastive Analysis of Discourse-pragmatic Aspects of Linguistic Genres*. Berlin: Springer.
- Ariel, Mira. 2004. Accessibility marking: discourse functions, discourse profiles, and processing cues. *Accessibility in Text and Discourse Processing: A Special Issue of Discourse Processing* 37 (2). 91–116. DOI: 10.1207/s15326950dp3702_2
- Bergs, Alexander. 2019. What, if anything, is linguistic creativity? *Gestalt Theory* 41 (2). 173–183. DOI: 10.2478/gth-2019-0017
- Carter, Ronald. 2016. *Language and Creativity. The Art of Common Talk*. 2nd edn. New York: Routledge.
- Demjankov, Valeriy Z. 2008. Yazykovoe tvorchestvo i rechevaya kreativnost' [Language art and speech creativity]. *Yazyk kak mediator mezhdu znaniem i iskusstvom [Language as Mediator Between Knowledge and Art]*. 11–19. Moscow: Azbukovnik.
- Feschenko, Vladimir V. 2020. Ot lingvoestetiki k lingvoevristike: slovtvorchestvo v hudozhestvennom i nauchnom diskursah [From linguistic aesthetics to linguistic heuristics: verbal creativity in literary and academic discourses]. *Critique and Semiotics* 1. 92–113.
- Gernsbacher, Morton A. 1996. The structure-building framework: what it is, what it might also be, and why. In Bybruce K. Britton & Arthur C. Graesser (eds.), *Models of Understanding Text*, 289–311. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates.
- Gordon, Taylor & Tingguang Chen. 1991. Linguistic, cultural, and subcultural issues in contrastive discourse analysis: Anglo-American and Chinese scientific texts. *Applied Linguistics* 12 (3). 319–336.
- Gridina, Tatiana A. 2018. Smyslovaya perspektiva slova v igrovom hudozhestvennom tekste [Sense perspective of a word in fiction texts]. In Tatiana A. Gridina (eds.), *Lingvistika Kreativa [Linguistics of Creative-4]*. 270–281. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
- Gylling-Jørgensen, Morten. 2013. *The Structure of Discourse: A Corpus-Based Cross-Linguistic Study*, PhD Series. Frederiksberg: Copenhagen Business School (CBS).
- Iriskhanova, Olga K. 2009. O ponyatii kreativnosti i ego roli v metayazyke lingvisticheskikh opisanij [On the notion of creativity and its role in the metalanguage of linguistic description]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka [Cognitive Studies of Language]* 5. 157–171.
- Iriskhanova, Olga K. & Alan Cienki. 2018. The semiotics of gestures in cognitive linguistics: contribution and challenges. *Issues of Cognitive Linguistics* 4. 25–36. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-4-25-36
- Jones, Rodney. 2012. *Discourse and Creativity*. London: Routledge.
- Kiose, Maria I. 2020. Vektornye modeli lingvokreativnosti kak instrument ocenki variativnosti diskursa [Vector models of linguistic creativity and their applicability in discourse diversity assessment]. In Irina V. Zykova & Victoria V. Krasnykh (eds.), *Yazyk, Kultura,*

- Tvorchestvo: Mirovye Praktiki Izucheniya* [Language, Culture and Creativity: World Practices in Studies], 113–129. Moscow: Gnozis.
- Kiose, Maria I. & Andrej A. Efremov. HETEROSTAT. Program for discourse parameters variance calculation. Registered 21.09.2020. Registered Number 2020661240.
- Mann, William C. & Sandra A. Thompson. 1988. Rhetorical structure theory: toward a functional theory of text organization. *Text* 8 (3). 243–281.
- Maxwell-Reid, Corinne. 2013. The challenges of contrastive discourse analysis: reflecting on a study into the influence of English on students' written Spanish on a bilingual education program in Spain. *Written Communication* 28 (4). 417–435. DOI: 10.1177/0741088311421890
- Mikolov, Tomas, Kai Chen, Greg Corrado & Jeffrey Dean. 2013. Efficient estimation of word representations in vector space. *Proceedings of ICLR Workshop*, 430–443.
- Musolff, Andreas. 2019. Creativity in metaphor interpretation. *Russian Journal of Linguistics* 23 (1). 23–39. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-23-39
- Neff, Joanne, Emma Dafouz, Mercedes Díez Prados, Rosa Prieto, Craig Chaudron. 2004. Contrastive discourse analysis: argumentative text in English and Spanish. In Carol L. Moder & Aida Martinovic-Zic (eds.), *Discourse Across Languages and Cultures*, 267–283. Amsterdam: John Benjamins.
- Paradis, Carita, Simone Löhndorf, Joost van de Weijer & Caroline Willners. 2015. Semantic profiles of antonymic adjectives in discourse. *Linguistics* 53 (1). 153–191. DOI: 10.1515/ling-2014-0035
- Perek, Florent. 2016. Using distributional semantics to study syntactic productivity in diachrony. A case study. *Linguistics* 54 (1). 149–188. DOI: 10.1515/ling-2015-0043
- Péry-Woodley, Marie-Paule. 1990. Contrasting discourses: contrastive analysis and a discourse approach to writing. *Language Teaching* 23 (3). 143–151.
- Ponton, Douglas M. 2016. Movements and meanings: towards an integrated approach to political discourse analysis. *Russian Journal of Linguistics* 20 (4), 122–139.
- Sherratt, Sue. 2007. Multi-level discourse analysis: a feasible approach. *Aphasiology* 21 (3–4). 375–393. DOI: 10.1080/02687030600911435
- Silva, Beatriz A. A. & Sheila V. C. Grillo. 2019. New paths for science: a contrastive discourse analysis of modifications in popularizing science through digital media Bakhtiniana. *Revista de Estudos do Discurso* 14 (1). 51–73.
- Simpson, Paul (eds.). 2019. *Style, Rhetoric and Creativity in Language*. Amsterdam: John Benjamins.
- Singer, Murray. 2013. Profiles of discourse recognition. *Discourse Processes* 50 (6). 407–429. DOI: 10.1080/0163853X.2013.822297
- Sligh, Allison C., Frances A. Connors & Beverly Roskos-Ewoldsen. 2005. Relation of creativity to fluid and crystallized intelligence. *Journal of Creative Behavior* 39. 123–136.
- Sokolova, Olga. 2019. *Ot Avangarda k Neoavangardu: Yazyk, Sub"ektivnost', Kul'turnye Perenosy* [From Avant-garde to Neo Avant-garde. Language, subjectivity, and Cultural Transfer]. Moscow: Kulturnaya Revolutsia.
- Steels, Luc. 2016. Meaning and Creativity in Language. In Mirko D. Esposti, Eduardo G. Altmann, François-David Pachet (eds.), *Creativity and Universality in Language*, 197–208. Berlin: Springer.
- Swann, Joan, Rob Pope & Ronald Carter (eds.). 2011. *Creativity in Language and Literature. The State of the Art*. Melbourne: Red Globe Press.
- Swann, Joan & Ana Deumert. 2018. Sociolinguistics and language creativity. *Language Sciences* 65. 1–8. DOI: 10.1016/j.langsci.2017.06.002
- Taboada, Maite, Susana D. Suárez & Elsa G. Alvarez. 2012. *Contrastive Discourse Analysis: Functional and Corpus Perspectives*. Sheffield: Equinox Publishing Limited.

- Tannen, Deborah, Heidi E. Hamilton & Deborah Schiffrin (eds.). 2015. *The Handbook of Discourse Analysis* 1. Chichester, UK: John Wiley & Sons.
- Van Dijk, Teun A. 1997. *Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multi-disciplinary Introduction*. London: SAGE Publications.
- Zawada, Britta. 2006. Linguistic creativity from a cognitive perspective. *Southern African Linguistics and Applied Language Studies* 24 (2). 235–254. DOI: 10.2989/16073610609486419
- Zykova, Irina. 2020. Verbal sources of cinematic metaphors: From cinematic performativity to linguistic creativity. *Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow* 5 (1). 499–532.
- Zykova, Irina V. & Maria I. Kiose. 2020. Parametrizaciya lingvisticheskoj kreativnosti v mezhdiskursivnom aspekte: kinodiskurs vs. diskurs detskoj literatury [Linguistic creativity parametrization in contrasting discourse types: cinematic discourse vs. discourse of children's literature]. *Voprosy Kognitivnoj Lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics]* 2. 26–40. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-2-26-40

Article history:

Received: 31 July 2020

Accepted: 22 January 2021

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 31 июля 2020

Дата принятия к печати: 22 января 2021

Bionote:

Maria I. KIOSE is Doctor habil. of Philology, Associate Professor, Leading Researcher of the Centre for Socio-Cognitive Studies of Moscow State Linguistic University. Her research interests embrace cognitive semantics, indirect naming in text, referential semantics, oculographic and corpus-based research of text inference and generation process.

Contact information:

Moscow State Linguistic University

38 Ostozhenka, Moscow, 119034, Russia

e-mail: maria_kiose@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7215-0604

Сведения об авторе:

Мария Ивановна КИОСЕ – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета. В сферу ее научных интересов входят: когнитивная семантика, не прямое наименование в тексте, референциальная семантика, окулографические и корпусные методы анализа восприятия и порождения текста.

Контактная информация:

Московский государственный лингвистический университет

Россия, 119034, Москва, ул. Остоженка, 38

e-mail: maria_kiose@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7215-0604

DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-165-193

Research article

Lexico-semantic relativity and versatility in translation and intercultural communication

Victor V. KABAKCHI¹ and Zoya G. PROSHINA²

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russia

² Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Abstract

The aim of the article is to discuss translation regularities in correlations of words that denote culture-related phenomena that exist in many cultures or that are specific to certain cultures and languages. The focus is on Russian and English culturonyms. The authors dwell on the principle of functional dualism that claims that language can equally address internal and external cultures. This principle is developed in the new linguistic discipline termed “interlinguoculturology” (Kabakchi 1998, Kabakchi & Beloglazova 2020). Nonetheless, under the impact of the World Englishes paradigm, the article points to blurring the concept of “external culture” – Russian bilinguals, speaking or writing in Russian English, use this variety for expressing their own culture; the same is true for other world Englishes that have branched from the prototypical British English model. Despite the polemical relations of the two research schools, which are close and yet different in some of their tenets, there is much in common in their semantic and pragmatic research of how varieties of English adapt and domesticate culturonyms, in particular binary words belonging to two languages and often associated with each other in translation. The paper discusses examples of binary polyonyms (“universal” culturonyms) whose meaning depends on the context of the situation and, therefore, is differently received in diverse cultures; binary analogues whose equivalent selection is based on scrutinizing the dictionary entry and on the knowledge of the cultural background, and binary interonyms that partly help translators and partly interfere with their work, being deceptive cognates differing in their referential or connotational meanings. The article concludes that the interpretation of culture-bound words in foreign-culture-oriented texts depends on various pragmatic and semantic processes and is grounded in a word semantic flexibility and its matter-of-course adaptation in a cultural and language environment.

Keywords: *culture-bound word, translation correlation, equivalence, adequacy, intercultural communication, adaptation, semantics, pragmatics*

For citation:

Kabakchi, Victor V. & Zoya G. Proshina. 2021. Lexico-semantic relativity and versatility in translation and intercultural communication. *Russian Journal of Linguistics* 25 (1). 165–193. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-165-193

Лексико-семантическая относительность и адаптивность в переводе и межкультурной коммуникации

В.В. КАБАКЧИ¹, З.Г. ПРОШИНА²

¹ Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Аннотация

Цель работы – рассмотреть переводческие закономерности корреляции слов, представляющих денотаты, бытующие во многих культурах и составляющие своеобразие отдельных культур и языков. В фокусе внимания – русско-английские культуронимы. Рассматривается принцип функционального дуализма языка, утверждающий обращенность языка к внутренним и внешним культурам и разрабатываемый в достаточно новой лингвистической дисциплине под названием «интерлингвокультурология» (Кабакчи 1998, Кабакчи, Белоглазова 2020). Вместе с тем под давлением идей контактной вариантологии английского языка (World Englishes paradigm) отмечается размывание понятия «внешней культуры», поскольку русские билингвы, говорящие или пишущие на русском варианте английского языка, используют этот вариант для передачи своей собственной культуры; то же самое касается и всех других вариантов английского, отпочковавшихся от своей прототипической британской модели. Несмотря на полемический характер соотношения двух близких, но, тем не менее, различающихся школ, есть много общего в их исследовании семантико-прагматических процессов освоения вариантами английского языка культуронимов, и в частности бинаров, то есть межъязыковых пар, ассоциируемых друг с другом в процессе перевода. В работе рассматриваются примеры бинаров-полионимов, значение которых привязано к контексту ситуации, и потому они по-разному воспринимаются по отношению к разным культурам; бинаров-аналогов, выбор эквивалентов которых зависит от внимательного изучения не только словарных дефиниций, но и овладения соответствующим культурным фоном; бинаров-интеронимов, часть которых помогают переводчику, в то время как другая часть являются ложными когнатами, поскольку они отличаются либо своими референциальными, либо коннотативными значениями. В заключение делается вывод о том, что интерпретация культуронимов подвержена разным прагматическим и семантическим процессам и обусловлена семантической гибкостью слова и его неизбежной адаптацией в культурно-языковой среде.

Ключевые слова: культуроним, переводческая корреляция, эквивалентность, адекватность, межкультурное общение, адаптация, семантика, прагматика

Для цитирования:

Кабакчи В.В., Прошина З.Г. Лексико-семантическая относительность и адаптивность в переводе и межкультурной коммуникации. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25. № 1. С. 165–193. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-165-193

1. Введение

В последней четверти XX в. наступила эпоха «глобанглизации» (Кабакчи, Юзефович 2007: 115) с доминированием английского языка.

В центре внимания многих лингвистов оказались многочисленные варианты английского языка в различных уголках земного шара, получившие казавшееся сначала аграмматичным название *world Englishes* (первое упоминание в научном дискурсе – в статье Б. Качру (Kachru 1980), впоследствии оно утвердилось в соответствующем имени журнала, выпускаемого издательством Wiley-Blackwell и ставшего рупором новой теоретической парадигмы, называемой в России контактной вариантологией английского языка (Прошина 2008, 2017).

Трампизм США середины второго десятилетия XXI в. резко изменил ситуацию в мире, который из монополярного превратился в многополярный, и сейчас уже пророческими кажутся слова, прозвучавшие на токийском симпозиуме в третьей четверти XX в.: «Возможно, в следующие два столетия самой большой проблемой человечества станет сохранение вариативности культур и даже оптимальная степень изоляции перед угрозой невероятного давления мировой “суперкультуры”, выстроенной на научном основании»¹ (“It may be that the greatest problem of the human race in the next two hundred years will be the preservation of variety of culture and even of the optimum degree of isolation, in the face of the enormous pressures of the science-based world ‘superculture’”) (Boulding 1976: i).

Контактная вариантология, как показало время, имеет много общего с возникшей в нашей стране теорией интерлингвокультурологии (Кабакчи 1998, 2011, Кабакчи, Белоглазова 2020), обе концепции оказались востребованными. Однако есть между двумя парадигмами и весомые отличия (Прошина 2018), придавшие полемичность данной статье.

Целью данной работы стало стремление показать некоторые закономерности сопоставительной лингвокультурологии, лексикологии и переводоведения в объединенных рамках двух вышеназванных парадигм, что имеет особую значимость для практики перевода и межкультурной коммуникации.

2. Функциональный дуализм языка: его первичная и вторичная культурная ориентация

Распадались империи, для народов мира стала ясна необходимость использовать английский язык (и другие ведущие языки международного общения) в приложении к своим культурам для выхода на более широкую аудиторию. Актуальной стала ориентация этих языков на иноязычную культуру. Самым востребованным оказалось использование в этой функции английского языка как языка глобального общения (Crystal 1997), или *lingua franca* (Seidlhofer 2011).

Распался и Советский Союз, ослабли позиции русского языка, о русской культуре стали говорить и писать на глобальном лингва франка, что вызвало интерес к теории и практике англоязычного описания русской культуры

---

¹ Здесь и далее переводы З.Г. Прошиной.

(Russian-Culture-Oriented English, RCOE), ставшего основным объектом изучения интерлингвокультурологии и привлекавшего внимание исследователей русского варианта английского языка в рамках контактной вариантологии (Proshina & Eddy 2016).

Лингвисты прошлого гипертрофировали уникальность языка. Так, по мнению В. Гумбольдта, «...каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» (Гумбольдт 1984: 80). Ему вторит и Л. Витгенштейн: «Тот факт, что мир есть мой мир, проявляется в том, что границы языка (единственного языка, который понимаю я) означают границы моего мира» (Витгенштейн 1958: 81).

Между тем, в условиях многоязычного мира ни один язык, тем более политически активного народа, не может замыкаться на своей («внутренней», *internal*), культуре, но вынужден обращаться и к иноязычным («внешним», *external*) (Кабакчи 1998) культурам земного сообщества. Иными словами, мы имеем дело с «функциональным дуализмом языка» (Кабакчи 2005), с его двусторонней культурной направленностью: в зависимости от коммуникативной ситуации язык переключается с мира внутренней культуры на зарубежный мир внешних культур. Естественно, исторически всем своим развитием язык ориентирован на свою, внутреннюю, культуру.

3. Словарь и его культурная ориентация

Окружающий нас мир – это миллионы разнообразных объектов, одушевленных и неодушевленных, связей между ними и процессов. Они закрепляются в языке, в первую очередь, благодаря словам. «Значений в некотором континууме выделяется столько, сколько подразделений в нем существенны для человеческой практики. И значения эти настолько дискретны, насколько существенна и отработана в опыте дискретизация соответствующего участка денотативной сферы» (Никитин 1996: 207).

В поле зрения образованного человека, по мнению лингвистов, находится лишь часть словарного запаса языка², при этом отечественные ученые утверждают, что среднестатистический человек имеет в своем лексиконе порядка 50 тыс. слов (Панов 2007), а зарубежные исследователи настаивают на еще меньшей цифре: «...вряд ли большинство людей, говорящих на английском языке, знают более 20–30 000 слов – примерно такое количество слов доступно большинству людей на любом языке» (“...it is not likely that most English speakers know more than 20–30,000, or about the number of words available to most human beings in any language”) (Haugen 1966: 22). Этот сравнительно незначительный набор наименований элементов окружающего нас

---

² Второе издание *Oxford English Dictionary* (1989) содержит 291 500 лемм (<https://public.oed.com/history/oed-editions/> (дата обращения: 06.07.2020)), а вместе с ежеквартальными дополнениями в нем уже 616 000 слов.

мира фактически (судя по языковой практике) оказывается достаточным для его описания.

Слова делятся на классы, каждый из которых выполняет определенную коммуникативную функцию. Для наименования элементов окружающей действительности в первую очередь используется имя существительное. Описание культуры невозможно без использования наименований элементов культуры. Вместе с тем значительная часть словарного состава нейтральна по отношению к культурной ориентации текста. В первую очередь к таким словам следует отнести служебные части речи (предлоги, союзы, артикли). В эту группу также входят те знаменательные части речи, которые не являются наименованиями специфических культурных элементов и могут в равной степени участвовать при описании самых различных культур народов мира – местоимения, наречия, числительные, большая часть прилагательных, глаголов и значительная часть имен существительных. Это, например, английские слова *back, large, they, nine, to dance, cold, happiness*.

Наименования элементов культуры мы называем «культуронимами» (Кабакчи 1998), которые делим на полионимы и идиокulturонимы. К «полионимам» относятся имена существительные и субстантивные словосочетания, выступающие в качестве обозначения таких элементов окружающего нас мира, которые представлены во всех или в большей части существующих в настоящее время культурах народов мира (например, *телевизор, жилье, мир*). Это универсальные культуронимы, которые появляются в различных культурах в результате центростремительных процессов развития земной цивилизации.

Идиокulturонимы представляют собой специфические наименования элементов культур. В интерлингвокультурологии данный класс слов далее делится на *идионимы* – исходные, «свои», наименования специфических элементов внутренних культур и *ксенонимы* – иноязычные, «чужие» идиокulturонимы, переводные варианты идионимов. Идионимы – это результат первичной вербализации культурного континуума, в то время как ксенонимы – результат его вторичной вербализации. Сравним две группы культуронимов с привлечением русского и английского языка. I. Идионимы: (1) русский язык *царь, казак, степь, старовер*; (2) английский язык *lord, House of Commons, Church of England, pub*. II. Ксенонимы: (1) русский язык *лорд, палата общин, Англиканская церковь, паб*; (2) английский язык *tsar, Cossack, steppe, Old Believer*.

Однако в контактной вариантологии, признающей факт дифференциации плюрицентрического английского языка на варианты, принадлежащие не британской (первичной), а своим культурам, это деление идиокulturонимов вызывает много вопросов, главный из которых следующий: как можно считать, что английский язык более поздних вариантов выражает не их родную, а первичную (британскую) культуру, если он вобрал в себя контактирующие элементы коренного населения, ставшие неотъемлемой частью вокабуляра данного варианта, но чуждого для британской культуры? Не является ли

такое деление культуронимов проявлением «нейтив-спикеризма» (Holliday 2006)? Ведь сегодня английский язык принадлежит не только британцам и представляет собой не только национальные, но и региональные варианты. Для британцев американское слово *cowboy*, австралийское *kangaroo* не являются элементами их культуры и, соответственно, не могут считаться идионимами, в то время как для англоязычных американцев и англоязычных австралийцев это, конечно, элементы их родной (внутренней) культуры. Точно так и для англоязычных индийцев слова *sari*, *masala chai*, *pandit* и др. – это слова их родной культуры и для многих индийцев – слова даже родного языка³, потому они не могут считаться ксенонимами для индийского варианта английского языка. Аналогично, те, кто используют английский язык как свой «функционально-родной вариант» (Kachru 1998, Smith 2008/2016), то есть приобретенный, но освоенный до высокой степени языковой компетентности, считают его вторичным средством выражения их родной культуры, но не «чужим», поэтому возникает сомнение в том, что для русского варианта английского языка слова *tsar*, *Cossack*, *steppe*, *Old Believer* являются «чужими» номинациями, или ксенонимами.

4. Дилемма доступности и адекватности

Даже если не делать деления идиокультуронимов на «своих» и «чужих», многие исследования подтверждают специфику использования языка в ориентации не только на свою, но и на культуру других стран: «Использование *неродного языка* в контекстах родной культуры для обозначения новых тем, характеров и ситуаций сродни переформулированию семантического и семиотического потенциала языка, что заставляет его выражать значение того, что не является частью его традиционного ‘значения’» (“Using a *non-native language* in native contexts to portray new themes, characters, and situations is like redefining the semantic and semiotic potential of a language, making language mean something which is not part of its traditional ‘meaning’”) (Kachru 1992: 316–317).

Основной проблемой англоязычного описания русской культуры оказалось достижение разумного компромисса точности текста и его доступности. Точность описания, как показали исследования, достигается (в том числе) путем непосредственного введения в текст транслитерированных русизмов (Кабакчи 1996, 1998, Кабакчи, Юзефович 2007). Переполнение текста иноязычного описания непонятными заимствованиями делает его труднодоступным для непосвященных: “Not *Do svidania* but *Proshchai* – this is a final parting – never again shall I see these hills” (Pray 2019: 11). Сравните аналогичное

---

³ Согласно данным переписи 2011 г., в Индии около 260,000 чел. считают английский своим первым языком (<https://censusindia.gov.in/2011Census/Language-2011/Statement-1.pdf>; дата обращения 03.07.2020), вторым языком его признают 83 миллиона индийцев (<https://www.livemint.com/news/india/in-india-who-speaks-in-english-and-where-1557814101428.html>; дата обращения 03.07.2020).

впечатление от русского текста, изобилующего английским заимствованиями в устаревшей и кажущейся сегодня искаженной форме:

За кофеем Александр Иванович [Герцен] читал «Теймс», делал свои замечания и сообщал нам разные новости. ... Во втором часу в столовой был приготовлен завтрак (**lunch**), который состоял из двух блюд: почти всегда из холодного мяса и еще чего-нибудь из остатков вчерашнего обеда. На столе стояли кружка **pal al** (должно быть, **pale ale** – светлого пива. – *Авт.*) и бутылка красного вина или хереса. Герцен очень любил **pal al** и пил его ежедневно (Романюк 2009: 135).

Конечно, можно минимизировать присутствие в тексте заимствований, но это снижает точность описания. Достаточно сравнить оригинальное предложение с его упрощенным вариантом:

The young Peter had a wet-nurse (*kormilitsa*), nurse (*mama*), and nanny (*niania*) (Hughes 1998: 195). => The young Peter had a wet-nurse, nurse, and nanny.

При опущении русских реалий текст стал предельно простым, потеряв, однако, свою точность. В первом случае специалист или, по крайней мере, любознательный читатель, может восстановить оригинальное написание слов и перейти к русскоязычным источникам. Упрощенный вариант дает лишь приблизительное представление об описываемой культуре.

В последнем примере мы убедились, что упрощение текста достигается ценой значительной потери точности. По словам В.П. Беркова, «...в целом при переводе всегда происходит потеря информации, и поэтому, сравнивая два разных эквивалента для одного и того же слова другого языка, мы должны определенным образом оценивать степень потери информации в каждом из них» (Берков 1977: 49).

Анализ текстов показывает, что в подавляющем большинстве случаев они заполнены «полионимической» лексикой, знакомой читателю. Достаточно взглянуть на следующий отрывок оригинального текста:

Dr. Pnin nimbly walked into the passage, voiced a query, received a quiet answer, and returned with his son Timofei, a thirteen-year-old *gimnazist* (classical school pupil) in his *gimnazichesky* uniform – black blouse, black pants, shiny black belt (I attended a more liberal school where we wore what we liked).

Do I really remember his crew cut, his puffy pale face, his red ears? Yes, distinctly. I even remember the way he imperceptibly removed his shoulder from under the proud paternal hand, while the proud paternal voice was saying: ‘This boy has just got a Five (A+) in the Algebra examination’ (Nabokov 1990: 130).

Налицо целый ряд реалий: имя героя романа (Timofei, Pnin); русизм *gimnazist* параллельно поясняется, а в случае русизма *gimnazichesky* автор полагает, что читатель поймет это прилагательное, особенно с учетом

существования слова ‘gymnasium’, у которого уже появляется и новое значение: (1) a room or building equipped for gymnastics; (2) a school in Germany or Scandinavia that prepares pupils for university entrance (OEED). Однако подавляющая часть слов знакомы англоязычному читателю и воспринимаются в хорошо известном им значении (black blouse, black pants, shiny black belt, a liberal school). Следует также обратить внимание на пояснение оценки «5» с помощью американского аналога: a Five (A+).

Полионимическая лексика, которая является действием центростремительных процессов развития земной цивилизации, характеризуется гибкостью и способностью адаптироваться в соответствии с коммуникативной ситуацией. «...Нельзя указать с полной определенностью, сколько значений у слова и какие это значения, так, чтобы наперед задать все возможные речевые актуализации слова», – справедливо утверждал М. В. Никитин (Никитин 1983: 23–24). В данном случае лингвист лишь поддерживает традиционную точку зрения: «Случаи полного совпадения лексических единиц разных языков во всем объеме их референциального значения относительно редки» (Бархударов 1975: 75). В этом случае зарубежные переводоведы говорят о *дирекциональной* (directional) эквивалентности, противопоставленной *естественной* (natural) эквивалентности в том, что первая представляет собой асимметричные и контекстуально зависимые отношения в исходном и переводном текстах и не всегда допускает эквивалентную обратимость перевода в другую сторону, в то время как вторая существует еще до начала процесса перевода и имеет достаточно жесткий эквивалент (Рум 2010: 7, 26). Впрочем, как отмечает Энтони Пим, естественная эквивалентность – скорее идеальное соотношение исходного и переводного слова и редко встречается в реальной переводческой ситуации.

5. Принцип языковой экономии и бинары как лексические межъязыковые пары

Межкультурная коммуникация происходит в условиях билингвизма или даже мультилингвизма, а это во многих отношениях определяется фактором экономии языковых средств, на что указывал уже Г. Пауль: «В целом для языковой деятельности характерна определенная тенденция к бережливости» (Пауль 1960: 372). По словам Андре Мартине, в ходе общения люди предпочитают путь наименьшего сопротивления (Мартине 1963: 532). А. Мартине описал экономию речевых усилий, которую О.С. Ахманова (1966: 152) назвала лингвистическим законом на фонетическом уровне, но в действительности этот закон проявляется на всех уровнях языковой структуры, в том числе лексико-семантическом, тем более в речевой деятельности и, конечно, в переводе.

Описание иноязычной культуры – это поиск оптимального варианта перевода русского культуронима. При этом осуществляется сопоставление культуронимов на межъязыковом уровне. Языковая практика отбирает

наиболее популярные (хотя далеко не всегда адекватные) варианты перевода, а лексикографы закрепляют это в двуязычных словарях в виде пар переводческого соответствия, которые мы называем «бинарами» («бинарные лексические межъязыковые пары», *bilingual cultural substitutes*) (Кабакчи, Белоглазова 2020: 26), т.е. *межъязыковые пары лексических единиц, которые регулярно в ходе межкультурных контактов в процессе перевода механически ассоциируются друг с другом*. Однако словарные соответствия никоим образом нельзя рассматривать как межъязыковую эквивалентность.

В практике межкультурных контактов бинары могут быть как в достаточной степени адекватными (назовем их «рабочими») вариантами перевода культуронимов, так и теми подводными камнями (типа «ложных друзей переводчика»), на которые так часто натывается специалист. По мнению Г. Пауля: «Когда значение какого-либо иностранного слова совпадает со значением слова их родного языка, но лишь частично, мы часто склонны приписывать иностранному слову полный объем значения, которым обладает родное слово. Как известно, эта ошибка является одной из самых распространенных при упражнениях в переводе» (Пауль 1960: 470–471).

Характеризуя поиск переводческих соответствий, составляющий «семантическую инженерию перевода» (Бурак 2010: 141), А.Л. Бурак выделил несколько уровней переводных коррелятов: 1) близкие соответствия (эквиваленты) (*close approximations*): *монтажка* – *a tire iron*; 2) практические соответствия (*adequate approximation, near equivalents*): *кинуть кого-то* – *to stiff sb*; 3) функционально-коммуникативные аналоги/соответствия (*functional-communicative analogues*): *авось* – *blind trust in sheer luck / divine providence / faith in serendipity*; 4) толкования, или описания-дефиниции (*translation by paraphrase (interpretations or translation through definitions)*): *голубой огонёк* – *a popular New Year's Eve TV show*; 5) переводы-кальки (*loan translations, calques*): *новые русские* – *new Russians*; 6) переводы-транскрипции / транслитерации: *Дума* – *the Duma*, *крыша* – *krisha*; 7) беспереводные заимствования, иначе называемые трансплантации: *VISA, Windows* (Бурак 2010: 141–142).

Существуют различные типы бинаров, которые, в зависимости от конкретной ситуации общения, в большей или меньшей степени влияют на восприятие текста описания иноязычной культуры. Эти бинары могут быть двух типов: *гетерогенные*, т.е. не имеющие общей этимологии (*улица / street*) и *гомогенные*, восходящие к общему иноязычному источнику (*армия / army*).

6. Гетерогенные бинары

6.1. Гетерогенные бинары-полионимы с близкими значениями

Рассмотрим предложение: It appears that he climbed into a **window** over in the **house** and got **upstairs**, but was discovered before he stole anything.

С точки зрения культурной ориентации это предложение представляется космополитичным, поскольку ничто в нем не указывает на какую-либо

конкретную культуру. Культуронимы ‘window’ и ‘house’ можно рассматривать как полионимы. Вместе с тем очевидно, что эти культуронимы будут изменять свое значение, оказавшись в конкретном культурно ориентированном контексте. Слово ‘window’ обозначает элемент стены дома, который имеет разную форму и разные размеры в зависимости от страны и климата. Слово ‘house’ также обозначает разные виды зданий, отличающихся по форме, высотности, функциям – оно может относиться как к жилым помещениям, так и официальным и функциональным сооружениям. Существительное ‘upstairs’ в ассоциации с домом может относиться ко второму этажу типичного американского дома, где обычно расположены спальни, тогда встает вопрос: что вор делал в спальне? Это же слово может относиться к чердаку обычного русского деревенского дома, что придает еще больше интриги описываемой ситуации: на чердаке хранились какие-то сокровища? Для адекватного восприятия текста необходимо знание культуры и исторической эпохи. В зависимости от ситуации общения полионимы ‘window’, ‘house’ и ‘upstairs’ наполняются различным содержанием, адаптируя его в ориентации на эту ситуацию.

Теперь несколько изменим это предложение и посмотрим, как оно звучит в оригинале: *It appears that he climbed into a window over in Churin’s house and got upstairs, but was discovered before he stole anything* (Pray 2019: 45). Это строчка из собрания писем американки Элеоноры Прэй, долгие годы прожившей в дореволюционном Владивостоке. Введение в предложения собственного имени Churin сразу многое скажет человеку, знакомому с историей Дальнего Востока: компания Чурина была известна своими большими торговыми домами не только во Владивостоке, Хабаровске и других городах Восточной Сибири и Дальнего Востока, но и в Китае (одним из символов Харбина до настоящего времени является *Qiulin lieba* – Чуринский хлеб⁴). Поскольку действие разворачивается во Владивостоке, то становится ясно, что через окно вор проник в универмаг, как мы бы назвали его сейчас, и поднялся на верхний этаж, где и был пойман. Следовательно, только контекст ситуации наполняет конкретным содержанием полионимы, которые, подобно семантическим хамелеонам, приспособляются к ситуации, реализуя свое лексическое значение.

Таким образом, мы видим, что универсальный характер языка, позволяющий нам обращаться к любой тематике, основан на необычайной гибкости семантики лексических единиц, которыми, в принципе, в пределах довольно ограниченного запаса словарного состава располагает обычный человек. Однако именно эта гибкость и таит в себе опасность искаженного восприятия исходной информации.

---

⁴ См., например, статью в газете “China Daily”. URL: https://www.chinadaily.com.cn/food/2015-03/26/content_19917551.htm (дата обращения: 07.02.2020).

6.2. Гетерогенные бинары-аналоги с выборочными эквивалентами

Переводческая практика сводит в межъязыковые пары далеко не равнозначные культуронимы и закрепляет это двуязычными словарями.

(1) Например: деревня/village

Популярная сказка П.П. Ершова «Конёк-Горбунок» открывается в хорошем англоязычном переводе словами: “Past the woods and mountains steep, / Past the rolling waters deep, / You will find a **hamlet** pleasant / Where once dwelt an aged peasant” (Yershov 1988: URL). В оригинале «Жил старик в одном селе». «Село» – это большой населенный пункт, почему же переводчик предпочел не обычное словарное соответствие, ‘village’, а слово ‘hamlet’? Обратимся к словарям и непосредственно к практике:

hamlet: a very small village; e.g.: Both lived in Coahoma, a hamlet of about 1,200 residents 10 miles to the east of Big Spring [LDCE].

Как видим, масштабы определения величины населенного пункта не российские. С одной стороны, hamlet – это, судя по словарю, очень маленькая деревня (a very small village), но, с другой стороны, если верить примеру, в ней может проживать около 1200 жителей. Другие британские словари (OALD, CIDE) добавляют: usually without a church – обычно без церкви.

Обратимся теперь к слову village:

village: “a group of houses and associated buildings, larger than a hamlet and smaller than a town, esp. in a rural area” (OEED).

Wikipedia даже приводит примерные цифры населения, которые уж никак не соответствуют нашим представлениям о российской деревне: “A village is a clustered human settlement or community, larger than a hamlet but smaller than a town, with a population ranging from a few hundred to a few thousand” (Wikipedia: village). Т.е. ‘village’ для английского языка – это маленький, но все-таки город. Показательно, что Хедрик Смит в своей книге о брежневском Советском Союзе в приложении к нашей деревне использует именно слово ‘hamlet’: The snowbound **hamlets** with their weatherbeaten, smoking peasant *izbas*, floated past like unconnected islands, seemingly uninhabited in the sea of snow (Smith 1976: 409).

(2) обед/dinner

Значительные искажения в восприятии англоязычного описания русской культуры вносит эта пара фактических аналогов, а не эквивалентов⁵. В английском языке слово ‘dinner’, как и ‘to dine’, описывает прием пищи нередко вне дома и ближе к вечеру: ‘the main meal of the day, eaten in the middle of the day or the evening’ (LDCE). Иностранцы, описывая Россию, обычно это подчеркивают: Most people had gone home: the Russians normally dined at two

---

⁵ Здесь мы приближаемся к пониманию терминов ‘эквивалент’ и ‘аналог’ в рецкеровском толковании постоянного равнозначного соответствия и вариантного соответствия (Рецкер 2004).

but it was not unusual for Bobrov to be in his office this late, since he often dined in the fashionable English quarters, where they liked to eat at five. (Rutherford 1992: 534). Cf.: The delegation has decided to have **dinner** at seven o'clock – American style ... (Wilson 1961: 55).

(3) стакан/glass

В случае данной пары бинаров мы имеем дело с видо-родовыми отношениями. Стакан – это стеклянный сосуд без ручки, близкий по форме к цилиндру или усеченному конусу; конкретный сосуд для питья без привязки к какой-либо индивидуальной жидкости. Дизайн легендарного граненого стакана советского образца часто приписывают советскому скульптору Вере Игнатьевне Мухиной.

Между тем ‘a glass’ – это, согласно OED, ‘a drinking vessel’, причем назначение и форма этого «сосуда для питья» в отсутствие уточняющего определения весьма неопределенны. Форма сосуда меняется в зависимости от напитка, для которого он предназначается, и узнается по соответствующему словосочетанию: a drinking vessel made of glass: *a beer, brandy, sherry, whisky, etc. glass*, e.g., ‘a wineglass’ [OALD]. В случае пива словарь CIDE поясняет: “If you are served beer in a **straight glass**, you are given it in a glass with no handle.” Иными словами, ‘glass’ в приложении к русской традиции может быть «бокал», «рюмка», «стопка», «стакан» ...

Поскольку на Западе насаждается стереотип русского алкоголизма, в текстах часто встречается сочетание “a glass of vodka”. При этом объем сосуда представляется очень большим: His eye lighted on the **glass** of vodka from the night before (Lear 1986: 124).

Искажение восприятия описания русской культуры отчетливо видно в следующем примере. Журналист петербургской газеты экспатриантов рассматривает меню, в котором указано, что вместе с супом подается “a glass of vodka”, и это приводит его в ужас. Между тем, сам журналист, увидев то, что принес официант, описывает это фразой “a shot of vodka”: [Our soups] came with a shot of vodka (or as the English version of the menu frighteningly had it, a glass) (SPbTimes 22.09.2000).

Таких примеров в русско-английских словарях великое множество, и их использование неизбежно приводит к неверному представлению русской культуры. Вот лишь несколько примеров таких неадекватных замен в тексте романа *Fathers and Sons*: губерния ~ province; имение ~ estate; лампада ~ lamp; изба ~ cottage (Turgenev 1965).

Подобные неточности в переводе не могли остаться незамеченными. В частности, на несуразность приравнивания английского слова «porridge» к русскому идиому «каша» обратил внимание Кевин Маккой, который назвал это явление «синдромом *kasha*» (McCaughey 2005):

“...*kasha* is translated in virtually every textbook as ‘porridge’. So porridge is the word used by today’s English speakers when referring to a particular Russian dish that has little to do with the English/Scottish breakfast food”.⁶ (McCaughey 2005: 457)

Прекрасный знаток русской кухни Л. Чемберлен уже писала об этом значительно раньше:

“[The English word ‘porridge’] is no good for translating *kasha*. It deters those who do not share my early morning tastes and suggests sticky mush, whereas *kasha* covers almost all ways of cooking all grains in water, milk, stock and cream to a variety of consistencies ranging from dry (like rice) to set (like Italian *polenta*) to a thick purée”. (Chamberlain 1983: 174)

7. Гомогенные бинары-интеронимы

Межъязыковые лексико-семантические бинары, близкие не только по значению, но и по форме, естественным образом ассоциируются друг с другом, и на первый взгляд представляется, что именно они в первую очередь объединяются в бинары. Они имеют общее происхождение и существуют во многих языках, а потому называются интернационализмами. Согласно авторитетному «Лингвистическому энциклопедическому словарю» (ЛЭС), интернационализмы – это «слова, совпадающие по своей внешней форме (с учетом закономерных соответствий звуков и графических единиц в конкретных языках), с полно или частично совпадающим смыслом, выражающие понятия международного характера из области науки и техники, политики, культуры, искусства и функционирующие в разных, прежде всего неродственных (не менее чем в трех) языках. ... Удельный вес интернационализмов в ряде языков достаточно велик (например в активном словаре русского, английского, немецкого, французского языков их более 10%)» (Бельчиков 1990: 197).

Русский язык удивительно толерантен к иноязычным заимствованиям из западноевропейских языков и накопил в своем арсенале их значительное количество. В последние десятилетия многие слова, попадающие в русский язык, приходят из английского – например, словарь англицизмов А.И. Дьякова (2014) включает около 20 000 слов, большая часть из которых представляет собой слова интернационального хождения. Через английский язык в русский попало некоторое количество слов и восточноазиатского происхождения – такой путь заимствования называется опосредованным, а сами заимствования – опосредованными заимствованиями (Прошина 2020). Ряд таких слов имеет дискуссионную двойную форму, поскольку заимствование происходило письменным и устным путем: *суси* (устный путь заимствования) / *суши* (письменный путь, опосредованный английским языком – *sushi*); *сасими/сашими*; ср. тж. устаревшее *гэйся* – современное *гейша*.

---

⁶ В трехтомном НБРАС под ред. П.Н. Макурова, М.С. Мюллера и В.Ю.Петрова: **каша** – *kasha* (dish of cooked grain or oats); porridge; (cooked) cereal; pap, gruel.

Интернационализмы русского происхождения есть и в английском языке, собственно благодаря глобальному характеру которого слова русского языка нередко распространяются и закрепляются в других языках – например, *интеллигенция/intelligentsia*, *тундра/tundra*, *степь/steppe*, *водка/vodka*.

Вместе с тем термин «интернационализм» имеет настолько широкое применение как термин социально-политический, что использовать его и как термин лингвистический для обозначения лексического типа слова представляется нецелесообразным. Поэтому мы предпочитаем воспользоваться термином, который предложен Сवादостом: «интероним» (Сवादост 1968: 48).

Видимое сходство интеронимов далеко не всегда гарантирует их межъязыковую эквивалентность. Лингвистам хорошо известно, что иноязычное слово, попав в новый язык, начинает подвергаться ассимиляции, приобретает новые значения.

Следует выделить несколько типов бинаров-интеронимов.

Бликие интеронимы, типа *университет/university*

Это «классические» интеронимы, имеющие общее происхождение и совпадающие в своих основных значениях. Они, действительно, существенно помогают в межкультурном общении. Примерами таких интеронимов являются *армия*, *глобализация*, *демаркация*, *дискриминация*, *идеология*, *кризис*, *модернизация*, *рационализация*, *революция*, *рецессия*, *социалистический*, *функция*, *экскаватор*, *эскалатор*, *эскалация* и многие другие.

В культурах с латинским алфавитом интеронимы могут иметь орфографические и произносительные различия, сравните: *армия* – *army* [англ.] – *armée* [фр.] – *Armee* [нем.]; *фотография* – *photography* [англ.] – *photographie* [фр.] – *fotografia* [исп.] – *Photographie* [нем.].

Через латинизацию восточных слов в западноевропейских языках стали появляться также интеронимы китайского, японского и корейского происхождения: *feng shui* (англ., фр.) – *Feng Shui* (нем.) – *фэн-шуй*; *karate* – *karaté* (фр.) – *Karate* (нем.) – *каратэ*, *kimchi* (англ., фр.) – *Kimchi* (нем.) – *кимчи*. Однако некоторые из них, трансформировав значение в русском дискурсе, проявляют новое значение и в английском, как это, например, произошло со словом *кимоно*: в русском бытовом дискурсе оно стало обозначать «свободный халат с цельнокроенным рукавом»: “Aunt Galya appeared in my doorway almost every night, holding her faded silk robe over her large breasts. Her robe used to be a **kimono**, but she had holes on one side and sewn buttons on the other” (Vapnyar 2003: 128). “I’d never seen this pot before. Aunt Galya must have borrowed it from a neighbor, along with the green apron that was tied over her ‘**kimono**’” (р. 133). Попав в иноязычный дискурс, слово переориентировало свое значение с экзотического на бытовое, используя отдаленное сходство объекта с формой своего первичного денотата.

Идеологические интеронимы типа *демократия/democracy*

Известно, что именно вокруг интеронимов типа *демократия/democracy*, *либерал/liberal*, *национальный/national*, etc. ведутся самые горячие споры,

поскольку эти слова неоднозначно понимаются сторонниками различных идеологий и тем самым приобретают разные коннотации (Кабакчи 1990, Едличко 2009): e.g., *Demokratizatsiya* – another troublesome word because it does not mean the same thing as its English equivalent – democratization (Canadian Tribune 29.02.1988). Неслучайно подобные интеронимы нередко берут в кавычки, тем самым давая понять читателю, что автор дистанцируется от толкования данного слова в трактовке оппонентов: e.g., After 1957 the terms “revisionism” and “dogmatism” became an integral part of Communist discourse. They were applied in a variety of meanings (Encyclopedia Britannica 2001). Странная эта штука – “Западная демократия” и борьба за человеческие права... (Агни 2011: URL).

Локалоиды типа (*такси*) *taksi/taxi*

Локалоидами называются заимствованные слова, вернувшиеся в исходный язык в написании, отражающем произношение принявшего их языка (Кабакчи 1998: 63). Такого рода интеронимы отличаются своей орфографией, поскольку коррелируют в языках с разными системами письма: *бизнес* – *biznes* – *business*.

Локалоид может облегчать запоминание иностранного слова, а значит и сам межкультурный контакт: You will be greeted by eager gypsy cab drivers shouting “*Taksi! Taksi!*” (Fodor 1999: 109). К такого типа интеронимам прибегают в официальных документах для точности обратного перевода и понимания в исходной культуре, например при передаче адреса, станции и т.д.: *Lomonosovskiy Prospekt, Metro Universitet*.

Локалоиды могут указывать на своеобразие значения этого слова в иноязычной культуре: The country was flooded with western culture, turning Russians into “*biznesmen*” overnight (Guardian 07 Feb 2003). К локалоиду порой прибегают из идеологических соображений, намекая на то, что похожее по форме слово фактически имеет совсем другое значение: Now the crime Lenin called speculation was known as *biznes*... (Meier 2004: 66).

Локалоиды охотно используют западные русологи (бывшие «кремлинологи»), демонстрируя знание профессионального жаргона. В следующем предложении примером является русизм “*apparat*”, даже не выделяемый кавычками: They had been Party members in high standing. Rimma had worked in the local *apparat* (Meier 2004: 375).

Во всех подобных случаях в распоряжении неподготовленного читателя имеется лишь общий интернациональный компонент, что оставляет значительное поле для свободных интерпретаций. Локалоид адаптируется в соответствии с культурно-образовательным фондом адресата.

Интеронимы – «ложные друзья» типа *магазин/magazine*

Нельзя, конечно, не упомянуть и так называемых «ложных друзей переводчика». Повышенный интерес к этому переводческому явлению наблюдался в 1960-х гг., и в СССР был связан в первую очередь с работами В.В. Акуленко. В частности, можно назвать *Англо-русский и русско-*

английский словарь “ложных друзей переводчика”, созданный под его руководством в 1969 г., куда вошла и его статья о «ложных друзьях» (Акуленко 1969). К ложным когнатам (*deceptive cognates*) (Newmark 1988), как иногда называют «ложных друзей переводчика», вернулись в самое последнее время в связи с небывалым масштабом изучения английского языка в качестве второго или иностранного, что неизбежно сталкивает изучающих язык и с проблемой «ложных друзей». Эти слова уже стали включать в учебные словари, например, *Cambridge International Dictionary of English*.

По семантической и формальной связи в двух языках ложные друзья переводчиков делят на межъязыковые синонимы, межъязыковые омонимы и межъязыковые паронимы (Прошина 2019: 178). Межъязыковые синонимы могут иметь одну (или более) общую семему в семантических структурах своих слов, но при этом расходиться в других своих значениях – например, *амбиция/ambition*: английское *ambition* имеет значение ‘determination to be successful, rich, powerful, etc.; a desire to achieve something’ (LDCE); в то время как русское слово *амбиция* еще недавно определялось словарем Ожегова как слово с исключительно отрицательной коннотацией «1) Обостренное самолюбие, а также спесивость, чванство; 2) Обычно *мн.* Претензии, притязания на что-либо» (ТСРЯ 2000). Однако в последнее время в русском языке у слова *амбиция* стало появляться значение, близкое английскому *ambition* – например, Википедия дает дефиницию слова «честолюбие» через синонимичное «амбиция»:

Под честолюбием (или амбициями) понимается закрепленное в характере стремление человека достичь успехов в соответствии с личными целями в таких сферах жизни, как личная производительность, успех, признание, влияние, лидерство, знания или власть (Википедия 2020: Честолюбие).

Это же значение русского слова закрепляется и как психологический термин: «Амбиции – это степень человеческого честолюбия, его устремленность на достижение целей, желание получать внешние знаки почета и уважения, достоинство и гордость индивидуума. Другими словами, это степень размаха субъекта на достижение жизненных благ, профессиональной и межличностной реализации» (Психология и психиатрия 2020). Таким образом, одно из значений двух слов сегодня совпадает, а два других – нет.

Непринятие во внимание различий в семантических структурах коррелирующих лексем двух языков приводит зачастую к легкому опознанию того, что человек говорит/пишет на неродном для себя языке – в контактной вариантологии считается, что в данном случае проявляется мезолектное использование варианта языка (Прошина 2017). Например, для русских, пользующихся английским языком, достаточно частотно употребление слов *science, scientific* как эквивалентов словам *наука, научный*, даже когда речь идет о гуманитарных науках, в то время как эти слова должны соотноситься с естественными науками (Виссон 2003: 167) – «scientific-practical conference

in language issues” и т.п. Соответственно, у наших зарубежных коллег недоумение вызывают наши научные степени *Candidate/Doctor of Science*, когда речь идет о гуманитариях.

Иногда выбор интеронима затрудняется узусом, закрепившим разные эквиваленты в различных речевых сообществах. Например, коллокации *педагогический университет/институт* вполне мог бы соответствовать английский эквивалент *pedagogical university/institute*, поскольку слово “pedagogical” имеет значение “related to the methods and theory of teaching” (CED). Именно так обычно переводят наименования соответствующих вузов России. Однако иногда названия российских педуниверситетов встречаются в переводе как *teacher training university*, по аналогии с некоторыми зарубежными учреждениями и программами: *He was teaching psychology in Moscow State Teacher Training University...* (Fleer & Oers 2018: xxi). В Китае же стабильным эквивалентом для англоязычного обозначения педуниверситета стало наименование *normal university* – еще один «ложный друг переводчика»: например, “With the rapid changes in Chinese society, young people are under greater pressure than ever before,” said Lin Guirui, director of the psychological counseling center at Beijing’s Capital Normal University (Stevenson et al. 2005: 289).

Вторая группа – межъязыковые омонимы – как и омонимы в рамках одного языка, это слова, близкие по форме, но совсем не имеющие общих значений – например, англ. *profane* / рус. *профан*, где *profane* характеризуется следующими значениями: “adj 1) showing a lack of respect for God or holy things; 2) related to ordinary life, not religion or holy things” (LDCE), т.е. 1) богохульский и 2) мирской. Русское существительное *профан* – значит «человек, совершенно не сведущий в какой-либо области» (ТСРЯ). На современном этапе значения полностью расходятся.

Третья группа имеет несколько расходящиеся формы и отличающиеся значения похожих слов в двух языках – это межъязыковые паронимы: *econoptical/экономический* и, наоборот, *econoptic/экономичный*. Слово *econoptical* значит “using money, time, goods etc carefully and without wasting any” (LDCE), а потому является эквивалентом русского слова *экономичный*, в то время как *econoptic* означает “relating to trade, industry, and the management of money – economy” (LDCE), т.е. его переводным эквивалентом должно быть слово *экономический*, т.е. «имеющий отношение к производству, торговле, денежной сфере и т.п.» (ТСРЯ). Как известно из практики изучения языка, межъязыковые паронимы представляют одну из самых сложных проблем перевода.

Жертвами подобных «ложных друзей» нередко становятся западные русисты, не понимающие тонких различий между подобными бинарами, например, *анекдот/anecdote*⁷: If a Russian asks you whether you know any

⁷ В английском языке сохранилось то значение слова «анекдот», которое присутствовало в русском языке в первой половине XIX в. Так, история о трех картах в «Пиковой даме» Пушкина рассматривается как «анекдот». В этом же значении мы встречаем это слово и у Достоевского.

anecdotes, what they really want to know is whether you know any Russian anecdotes (SPbTimes 21.11.2013).

Между тем те, кто хорошо знакомы с русским языком и его культурой, не попадают в ловушку. Ср.: Nikita Khrushchev and Leonid Brezhnev were the butt of many popular jokes – referred to by Russians as *anekdoty* (SPbTimes 24.03.2000). Как видим, в данном случае автор правильно переводит русский идиомный слове joke, а локалоид *anekdoty* приводит лишь для объяснения, что в России в таком значении используют знакомое читателю слово “anecdote”.

8. Адаптация значения слова

Билингвизм ситуации общения, давление принципа языковой экономии, требующий установления двуязычной симметрии, вынуждают автора приписывать интеронимам то, что в английском языке для них нехарактерно, считать, что иностранное слово имеет полный объем значения, которым обладает родное слово, если оно хотя бы частично совпадает по значению с иностранным.

Так, английское слово *academic* (n/adj) указывает на человека или объект из академического мира высшего образования:

academic *n* (1587) a teacher in a college or university; *adj* relating to education, especially of college or university level [LDCE].

Поэтому в приведенном ниже примере речь идет не об академике, а о политике Борисе Березовском, который из преподавателя превратился в олигарха: He was a fast-talking academic turned tycoon (Jack 2005: vii).

Вместе с тем в дискурсе о русской культуре слово вынуждено модифицировать свое значение, чему, возможно, способствует уже существующая коллокация ‘academic theatre’ с несколько иным значением в британском английском – ‘студенческий театр’. В английском языке, ориентированном на русскую культуру, слово ‘academic’ стало означать ‘*in reference to artistic companies an honorary title*’. Говоря о российском театре, например, американский журналист прямо указывает, что театру присвоили звание академического: Today it is an Academic Theater with 82 actors and a staff of 250–300 (Davidow 1977: 85).

В следующем примере это уже чисто профессиональный жаргон «русолога-кремниолога», благодаря которому семантика слова «apparatus» адаптируется до значения советского термина «(партийный) аппарат»: Lukuyanov's low profile within the state **apparatus** has allowed the Kremlin to discretely test the reaction ... (SPbTimes 03.07.2014).

Правда, в последние десятилетия советской власти английское слово фактически приобрело второе значение, ср.:

apparatus – (1) [uncountable] the set of tools and machines that you use for a particular scientific, medical, or technical purpose; SYN equipment; (2) [countable] the way in which a lot of people are organized to work together to do a job or control

a company or country [LDCE]. Например, The national administrative apparatus must not, however, be considered solely as an agent of change (Laszio & Kurtzman 1981: 70).

В следующем примере английское слово **deficit**, которое обычно используется исключительно как финансовый термин (“the difference between the amount of something that you have and the higher amount that you need” LDCE), под влиянием профессионального языка кремлинологов приобретает советское значение “shortage of goods”: ...the late Soviet period was a time of deficit... (Kelly 2016: 09).

Так проявляется не только семантическая, но и, в первую очередь, культурная (прагматическая) адаптация текста, речи, а затем и языка к реальности – изучение подобного рода тенденций представляет собой один из новых трендов многих наук, в том числе переводоведения (Sdobnikov 2019). Сегодня это актуально не только для английского языка в его приложении к русской и другим культурам. Процессы, которые мы описали в данной статье, характерны для всех плюрицентричных языков: немецкого, испанского, французского и даже русского⁸.

9. Факторы, влияющие на восприятие текста

Поскольку, как было показано выше, культурная переориентация словарного состава связана со значительным варьированием восприятия текста, описывающего иноязычную культуру, и индивидуальной адаптацией семантики словарных единиц, возникает необходимость оценки адекватности восприятия такого текста. К факторам, определяющим эту адекватность, следует отнести следующее:

- (1) знакомство читателя с описываемой культурой;
- (2) общую эрудицию читателя;
- (3) стереотип описываемой культуры, поддерживаемый официальными западными СМИ.

Все эти факторы влияют на смысловую интерпретацию слова и текста, которая рассматривается «не только в терминах трансформации языковых значений и концептуальных структур, но и более широко – как фактор формирования картины мира членов языкового коллектива» (Вишнякова 2018: 17).

Авторы западных текстов на английском языке, ориентированном на русскую культуру, своими комментариями определяют содержание идеологических интеронимов. В частности, в приведенном ниже примере это касается советского «Блокнота агитатора». Советизм «агитатор» для противников советской идеологии вообще был бранным словом: *The Agitator's Notebook*, whose title bespoke its political engaged role, started to celebrate the local past (Kelly 2014: 05).

---

⁸ Вопрос о вариантности русского языка остается очень дискуссионным и требует особого внимания со стороны социолингвистов – см. статью «Национальные варианты русского языка» [ССЛТ 2006: 146].

Сразу отметим, что знание русской культуры в англоязычном мире весьма низкое. Наиболее значительное влияние оказывает негативный стереотип русской культуры, культивируемый средствами массовой информации, в соответствии с которым Россия – это варварская и агрессивная азиатская страна.

Попробуем подойти к текстам с учетом этих факторов. В приведенном ниже отрывке журналист США Хендрик Смит⁹ описывает свое пребывание в Якутии в 1970-х гг.:

H. Smith in Yakutia

It was a greedy, confident Siberian wintriness, devouring the hardy folk who labored along the sidewalks and chasing indoors those whose energies it had already eaten away. The day before, in one café, I had seen people banging through the door steadily, taking refuge over piping hot tea and lingering as long as possible in the stale communal warmth. I watched one worker chug-a-lug a half-tumbler of brandy like a dose of antifreeze before having another go at the elements. Outside, people had surrendered any semblance of fashion to the all-consuming struggle to keep warm (Smith 1976: 400-401).

Определяющим фактором восприятия западным читателем этого отрывка будет негативный стереотип русской, тем более, советской, культуры, в частности штамп, сложившийся в отношении слова «Сибирь»¹⁰. Вот данные авторитетного словаря OED:

Siberia: Used as a type of a cold, inhospitable place, or a place of exile, banishment, or imprisonment. Also *fig.* (OED2 Online 2013: Siberia 1841).

Это значение постоянно обыгрывается в западных текстах и фильмах. Например, в популярном фильме *Scent of a Woman* отставной армейский офицер (Al Pacino), заказывая столик в ресторане, предупреждает: “And I don’t mean Siberia.”

А вот еще один пример из статьи Оксфордского словаря: In 1830 Andrew Jackson [ordered] that all the Indian tribes be removed to the west of the Mississippi, to the ‘Siberia’ of the Far West. (*Listener* (1972) 21 Dec. 857/3; цит. по: OED2 Online 2013: Siberia n.).

Этот стереотип накладывает свой отпечаток на восприятие читателем всего, что пишется о России. В тексте Х. Смита полионим «people» слишком широк по значению, чтобы понять его однозначно и беспристрастно в приложении к России; восприятие культуронима ‘hardy folk’, так же, как и в случае ‘worker’ и ряда других культуронимов, будет сильно зависеть от культурного

---

⁹ Хендрик Смит (род. 9 июля 1933) был корреспондентом и редактором газеты *The New York Times*, с 1971 по 1974 гг. возглавлял московское бюро этой газеты. Именно тогда он написал свою известную работу *The Russia* о Советском Союзе брежневской эпохи. Это произведение стало учебником для сотен советологов и побило рекорды продаж, став непревзойденным американским бестселлером.

¹⁰ Об этноцентричной стереотипизации в дефинициях явлений русской культуры в учебных словарях английского языка см. статью (Ловцевич, Соколов 2020).

кругозора читателя и того влияния, которое на него оказывает стереотип русской культуры.

Аналогичная ситуация и в случае культуронимов ‘sidewalk’ и ‘café’. Обобщенно схематизированное представление о них, зафиксированное в словарях, таково:

sidewalk: a hard surface or path at the side of a street for people to walk on (LDCE);

café: a small restaurant where you can buy drinks and simple meals (LDCE).

Возникающая в представлении читателя картина также зависит от его эрудиции с поправкой на стереотип русской культуры. Режиссеру, которому бы понадобилось перенести эту сцену на экран, нужно было бы представить также упомянутую Х. Смитом “communal warmth” якутского кафе 1970-х гг. и детали чаепития (“*piping hot tea*”). Не меньше проблем возникло бы и при воссоздании одежды участников данной мизансцены, которые “*surrendered any semblance of fashion*”. Что касается “*brandy*” = “*a strong alcoholic drink made from wine*” (LDCE), то в англоязычных текстах это слово обычно заменяет французское “*cognac*”, а значит потребовались бы специальные консультации, чтобы выяснить, что на самом деле пили в Якутии рабочие в период «развитого социализма».

Результат подобного воспроизведения англоязычного описания русской культуры нередко бывает печальным, и это мы прекрасно знаем по западным экранизациям русской классики.

10. Заключение: «Кривое зеркало» межкультурной коммуникации

Сказанное позволяет нам сделать вывод, что восприятие иноязычного описания культуры в значительной степени подвержено субъективным факторам семантической адаптации словарного состава языка описания в процессе его переориентации на иноязычную культуру в сочетании со стереотипом данной культуры, поддерживаемым обществом и индивидуальности адресата информации. Предстоит еще осуществить изучение сочетания многообразных факторов, которые влияют на адресата, приступающего к изучению англоязычного описания русской (или любой иной) культуры. Интерпретация слов, даже, казалось бы, присутствующих в исходной и принимающей культурах, подвержена разным прагматическим и семантическим процессам. Бесспорным остается факт неизбежной адаптации слова в новой для него культурно-языковой среде. Лингвистам, переводчикам, пользователям языка придется внимательно следить за проявлениями такой адаптации, как и за динамикой изменения языка, ибо, как верно утверждает Линн Виссон, «<и>спользование любого новшества в языке во многом зависит от тона и точного стилистического контекста. Неправильное употребление иностранного слова может привести к курьезам, недопониманию и недоразумениям, а иногда даже к обидам, или вызвать смех у слушателей» (Виссон 2010: 18). Культурно-прагматическая адаптация, являющаяся результатом столкновения «двух противоположных векторов – культурной унификации, с одной

стороны, и **своеобразного** культурного национализма, с другой» (Павловская 2020: 9) приводит к непониманию и даже межкультурным конфликтам. Именно на решение такого рода проблем направлены усилия исследователей интерлингвокультурологии и контактной вариантологии, новых дисциплин, развивающихся в междисциплинарном направлении.

© Victor V. Kabakchi and Zoya G. Proshina, 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Акуленко В.В. О «ложных друзьях переводчика» // Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика» / Сост. В.В. Акуленко, С.Ю. Комиссарчик, Р.В. Погорелова, В.Л. Юхт; под общ. рук. В.В. Акуленко. М.: Советская энциклопедия, 1969. С. 371–384. [Akulenko, Valerii V. 1969. O “lozhnykh druz'yakh perevodchika” (On ‘translator’s false friends’). In V.V. Akulenko (ed.), S.Yu. Komissarchik, R.V. Pogorelova, V.L. Yukht. *Anglo-russkii i russko-angliiskii slovar' “lozhnykh druzei perevodchika” (English-Russian and Russian-English Dictionary of “Translator’s False Friends”)*, 371–384. Moscow: Sovetskaya Ehntsiklopediya].
- Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с. [Barkhudarov, Leonid S. 1975. *Yazyk i perevod: Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda (Language and Translation: Issues of General and Specific Translation Studies)*. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya].
- Бельчиков Ю.А. Интернационализмы // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская Энциклопедия, 1990. С. 197. [Bel'chikov, Yurii A. 1990. Internatsionalizmy (Internationalisms). In Victoriya N. Yartseva (ed.). *Lingvisticheskii ehntsiklopedicheskii slovar' (Linguistic Encyclopedic Dictionary)*, 197. Moscow: Sovetskaya Ehntsiklopediya].
- Берков В.П. Слово в двуязычном словаре. Таллин: Валгус, 1977. 140 с. [Berkov, Valerii P. 1977. *Slovo v dvuyazychnom slovare (A Word in a Bilingual Dictionary)*. Tallin: Valgus.]
- Бурак А.Л. Translating Culture. Перевод и межкультурная коммуникация-1 Слова. М.: Р. Валент, 2010. 216 с. [Burak, Alexander L. 2010. *Translating Culture. Perevod i mezhkul'turnaya kommunikatsiya-1 Slova (Translation and Intercultural Communication-1. Words)*. Moscow: R. Valent].
- Виссон Л. Русские проблемы в английской речи: Слова и фразы в контексте двух культур. = Where Russians Go Wrong in Spoken English: Words and Expressions in the Context of Two Cultures / Пер. с англ. М.: Р. Валент, 2003. 192 с. [Visson, Lynn. 2003. *Where Russians Go Wrong in Spoken English: Words and Expressions in the Context of Two Cultures*. Moscow: R. Valent].
- Виссон Л. Слова-хамелеоны и метаморфозы в современном английском языке. М.: Р. Валент, 2010. 160 с. [Visson, Lynn. 2010. *Chameleon Words and Metamorphoses in Modern English*. Moscow: R. Valent].
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 133 с. [Wittgenstein, Ludwig. 1958. *Logiko-filosofskii traktat (Tractatus Logico-Philosophicus)*. Moscow: Foreign Literature Publ.].

- Вишнякова О.Д. Язык как инструмент смысловой интерпретации (на материале современного английского языка) // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 17–27. [Vishnyakova, Olga D. 2018. *Yazyk kak instrument smyslovoi interpretatsii: na materiale sovremennogo angliiskogo yazyka* (Language as an instrument of sense interpretation: based on Modern English). *Moscow University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication* 1. 17–27].
- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с. [Humboldt, Wilhelm von. 1984. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* (Selected Works in Linguistics). Moscow: Progress].
- Едличко А.И. Семантика политических интерлексем в статике и динамике: на материале русского, немецкого и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2009. 226 с. [Edlichko, Angela I. 2009. *Semantika politicheskikh interleksem v statike i dinamike: na materiale russkogo, nemetskogo i angliiskogo yazykov* (Semantics of Political Interlexemes in Statics and Dynamics: Based on Russian, German and English). PhD dissertation. Moscow: Lomonosov Moscow State University].
- Кабакчи В.В. Семантика политического термина // Лексическая, категориальная и функциональная семантика / И.К.Архипов, К.А.Гузеева, Н.Н.Кириллова (ред.). Л.: ЛГПИ, 1990. С. 38–44. [Kabakchi, Victor V. 1990. *Semantika politicheskogo termina* (Political term semantics). In I.K. Arkhipov, K.A. Guzeyeva, N.N. Kirillova (eds.), *Leksicheskaya, kategorial'naya i funktsional'naya semantika* (Lexical, Categorical, and Functional Semantics) Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute].
- Кабакчи В.В. *Rossija?* (опыт интерлингвистического анализа) // Проблемы истории, филологии, культуры. Межвузовский сборник, вып. 3. / РАН Институт археологии, Магнитогорский государственный педагогический институт. М., 1996. С. 316–322. [Kabakchi, Victor V. *Rossija?* (opyt interlingvisticheskogo analiza) (Interlinguistic analysis). In *Problemy istorii, filologii, kul'tury* (Problems of History, Philology, and Culture) 3. Archeology Institute, Russian Academy of Sciences, and Magnitogorsk State Pedagogical Institute. 316–322].
- Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. СПб.: Изд-во РГПУ имени А. И. Герцена, 1998. 232 с. [Kabakchi, Victor V. 1998. *Osnovy angloyazychnoi mezhkul'turnoi kommunikatsii* (Fundamentals of the English Language Intercultural Communication). St. Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University].
- Кабакчи В.В. Функциональный дуализм языка и языковая конвергенция (опыт моделирования языковой картины земной цивилизации) // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Ч. 2: Текст и перевод в когнитивном аспекте. Сб. статей к юбилею профессора Н.А. Кобриной. / Отв. ред. Н. А. Абиева, Е. А. Беличенко. СПб.: Тригон, 2005. С. 164–175. [Kabakchi, Victor V. 2005. *Funktsional'nyi dualizm yazyka i yazykovaya konvergentsiya: opyt modelirovaniya yazykovoi kartiny zemnoi tsivilizatsii* (Language functional dualism and language convergence: Modeling language world view of the terrestrial civilization). In N. A. Abieva, E. A. Belichenko (eds.). *Kognitivnaya lingvistika: mental'nye osnovy i yazykovaya realizatsiya* (Cognitive Linguistics: Mental Fundamentals and Language Actualization). Part 2: *Tekst i perevod v kognitivnom aspekte* (Text and Translation in the Cognitive Aspect). Collection dedicated to Prof. N.A. Kobrina. Saint Petersburg: Trigon].
- Кабакчи В.В. Введение в интерлингвокультурологию // Язык и межкультурная коммуникация: материалы Второй Международной науч.-практ. конф., Великий Новгород, 19–20 мая 2011 г.: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. О. А. Александрова, Е. Ф. Жукова. Новгород: Изд-во НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2011. С. 11–19. [Kabakchi,

- Victor V. 2011. Vvedenie v interlingvokul'turologiyu (Introduction to Interlinguoculturology). In O.A. Aleksandrova, E.F. Zhukova (eds.). *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (Language and Intercultural Communication) Proceedings of the Second International Conference, Velikii Novgorod, 19–20 May 2011*. In 2 vol., vol. 1. Novgorod: Yaloslav Mudryi Novgorod State University].
- Кабакчи В.В., Белоглазова Е.В. Введение в интерлингвокультурологию. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Юрайт, 2020. 250 с. [Kabakchi, Victor V. & Elena V. Beloglazova. 2020. *Vvedenie v interlingvokul'turologiyu (Introduction to Interlinguoculturology)*. 2nd edn., revised. Moscow: Yurait].
- Кабакчи В.В., Юзефович Н.Г. Транслитерация русизмов в англоязычном описании русской культуры (к столетию поисков системы транслитерации русизмов) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2007. № 3 (15). С. 115–124. [Kabakchi, Victor V. & Natalia G. Yuzefovich. 2007. *Transliteratsiya rusizmov v angloyazychnom opisaniі russkoі kul'tury: k stoletiyu poiskov sistemy transliteratsii rusizmov (Transliteration of Russianisms in the English language description of the Russian culture: Dedicated to the hundredth anniversary of the search for Russian loan transliteration)*. *The Humanities and Social Sciences in the Far East* 15 (3). 115–124].
- Мартинет А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып.3 / Сост. и ред. В. А. Звегинцев. М.: Прогресс, 1963. С. 366–566. [Martinet, André. 1963. *Osnovy obshchei lingvistiki (Fundamentals of General Linguistics)*. In V. A. Zvegintsev (ed.), *Novoe v lingvistike (New in Linguistics)*, 366–566. Part 3. Moscow: Progress].
- Никитин М.В. Лексическое значение слова: Структура и комбинаторика. М.: Высшая школа 1983. 127 с. [Nikitin, Mikhail V. 1983. *Leksicheskoe znachenie slova: Struktura i kombinatorika (Lexical Meaning of a Word: Structure and Combinations)*. Moscow: Vysshaya shkola].
- Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Науч. Центр проблем диалога, 1996. 760 с. [Nikitin, Mikhail V. 1996. *Kurs lingvisticheskoi semantiki (Course in Linguistic Semantics)*. Saint Petersburg: Research Center for Dialogue].
- Павловская А.В. Глобальное vs региональное: к вопросу о проблемах межкультурной коммуникации в глобальном мире // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 9–21. [Pavlovskaya, Anna V. 2020. *Global'noe vs regional'noe: K voprosu o problemakh mezhkul'turnoi kommunikatsii v global'nom mire (On challenges of intercultural communication in the global world)*. *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication* 1. 9–21].
- Панов Е.Н. Язык человека и сигнальные системы животных: Обзор материалов круглого стола «Коммуникация человека и животных: взгляд лингвиста и биолога» / Институт проблем экологии и эволюции РАН. 2007. [Panov, Evgenii N. 2007. *Yazyk cheloveka i signal'nye sistemy zhiivotnykh: Obzor materialov kruglogo stola «Kommunikatsiya cheloveka i zhiivotnykh: vzglyad lingvista i biologa» (Human language and signal systems of animals: Review of the Round Table “Communication of human beings and animals: view of a linguist and a biologist”)*. Institute of Ecology and Evolution, Russian Academy of Sciences]. URL: <https://evolbiol.ru/document/1270> (accessed 03.07.2020).
- Пауль Г. Принципы истории языка. / Пер. с нем. Под ред. А. А. Холодовича. М.: Иностранная литература, 1960. 499 с. [Paul, Hermann. 1960. *Printsipy istorii yazyka (Principles of the History of Language)*. Moscow: Foreign Literature Publ.].
- Прошина З.Г. Контактная вариантология английского языка – основа для опосредованного перевода // Язык. Культура. Общение: Сборник научных трудов в честь юбилея заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова С.Г. Тер-Минасовой. / Отв.

- ред. Г.Г. Молчанова. М.: Гнозис, 2008. С. 198–207. [Proshina, Zoya G. 2008. Kontaktnaya variantologiya angliiskogo yazyka – osnova dlya oposredovannogo perevoda (The World Englishes paradigm as a basis for intermediary translation). In Galina G. Molchanova (ed.), *Yazyk. Kul'tura. Obshchenie: Sbornik nauchnykh trudov v chest' yubileya zaslužennogo professora MGU imeni M.V. Lomonosova S.G. Ter-Minasovoi (Language. Culture. Communication: Collection of research articles dedicated to LMSU Honorary Professor Svetlana G. Ter-Minasova)*, 198–207. Moscow: Gnozis].
- Прошина З.Г. Контактная вариантология английского языка. Проблемы теории. *World Englishes Paradigm*. М.: Флинта: Наука, 2017. 208 с. [Proshina, Zoya G. 2017. *Kontaktnaya variantologiya angliiskogo yazyka. Problemy teorii. (World Englishes Paradigm. Theoretical Issues.)* Moscow: Flinta: Nauka].
- Прошина З.Г. Интерлингвокультурология и контактная вариантология английского языка // Лингвистика в эпоху глобанглизации: Сб. статей к юбилею В.В. Кабакчи. / Под ред. Е.В. Белоглазовой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 86–93. [Proshina, Zoya G. 2018. Interlingvokul'turologiya i kontaktnaya variantologiya angliiskogo yazyka (Interlinguoculturology and the World Englishes Paradigm). In Elena V. Beloglazova (ed.) *Lingvistika v ehpokhu globanglizatsii: Sbornik statei k yubileyu V.V. Kabakchi (Linguistics in the epoch of globanglization: Collection of articles dedicated to Victor V. Kabakchi)*, 86–93. Saint Petersburg: SPb State University of Economics].
- Прошина З.Г. Теория перевода. 4-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019. 320 с. [Proshina, Zoya G. 2019. *Teoriya perevoda (Translation Theory)*. 4th edn, revised. Moscow: Yurait].
- Прошина З.Г. Межкультурная коммуникация: Английский язык и культура народов Восточной Азии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2020. 399 с. [Proshina, Zoya G. 2020. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: Angliiskii yazyk i kul'tura narodov Vostochnoi Azii. (Intercultural Communication: English and Culture of East Asia)*. 2nd edn., revised. Moscow: Yurait].
- Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. М.: Р. Валент, 2004. 240 с. [Retsker, Yakov I. 2004. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika: Ocherki lingvisticheskoi teorii perevoda (Translation Theory and Practice: Essays on the Linguistic Theory of Translation)*. Moscow: R. Valent].
- Свадост Э.П. Как возникает всеобщий язык? / АН СССР, Ин-т философии. М.: Наука, 1968. 287 с. [Svadost, Ehrmar P. 1968. *Kak voznikaet vseobshchii yazyk? (How does a worldwide language emerge?)* Moscow: Nauka].
- Boulding, Kenneth E. 1976. Foreword. In John C. Condon & Mitsuko Saito. *Communicating Across Cultures for What? A Symposium on humane responsibility in intercultural communication*, i-iii. Tokyo: Simul Press.
- Crystal, David. 1997. *English as a Global Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Haugen, Einar. 1966. *Language Conflict and Language Planning: The Case of Modern Norwegian*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Holliday, Adrian. 2006. Native Speakerism. *ELT Journal* 60 (4). 385–387.
- Kachru, Braj B. 1980. The new Englishes and old dictionaries: Directions in lexicographical research on non-native varieties of English. In L. Zgusta (ed.), *Theory and Method in Lexicography: Western and non-Western perspectives*, 71–101. Columbia, SC: Hornbeam Press.
- Kachru, Braj B. 1992. Meaning in deviation: Toward Understanding Non-Native English Texts. In Braj B. Kachru (ed.), *The Other Tongue: English Across Cultures*. 2nd edn, 301-326. Urbana & Chicago: University of Illinois Press.
- Kachru, Braj B. 1998. English is an Asian language. *Links and Letters* 5. 89-108.

- Lovtsevich, Galina N. & Alexander A. Sokolov. 2020. World Englishes and learner lexicography: View from the Expanding Circle. *The Russian Journal of Linguistics* 24 (3). 703–721.
- McCaughey, Kevin. 2005. The *kasha* syndrome: English language teaching in Russia. *World Englishes* 24 (4). 455–459.
- Newmark, Peter. 1988. *A Textbook of Translation*. New York a.o.: Prentice Hall.
- Proshina, Zoya G. & Anna A. Eddy (eds.). 2016. *Russian English: History, Functions, and Features*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pym, Anthony. 2010. *Exploring Translation Theories*. London & New York: Routledge.
- Sdobnikov, Vadim V. 2019. Translation Studies today: Old problems and new challenges. *Russian Journal of Linguistics* 23 (2). 295–327.
- Seidlhofer, Barbara. 2011. *Understanding English as a Lingua Franca*. Oxford: Oxford University Press.
- Smith, Larry E. 2008. Familiar issues from a World Englishes perspective. In Zoya Proshina (ed.), *Культурно-языковые контакты*. Вып. 10 Владивосток: Изд-во ДВГУ. С. 67–73. [*Kul'turno-yazykovye kontakty* Вып. 10. (Culture and Language Contacts. Part 10), 67-73. Vladivostok: Far Eastern Univ. Press]. Reprint: *Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования: Языки и специальность*. 2016. № 1. С. 14–18. [*Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: Education Issues: Languages and Speciality* 1. 2016, 14–18].

Словари / Dictionaries

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская Энциклопедия, 1966. 607 с. [Akhmanova, Olga S. 1966. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* (Dictionary of Linguistic Terms). Moscow: Sovetskaya Ehntsiklopediya].
- АРИРАСЛДП – Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика» / Сост. В.В. Акуленко, С.Ю. Комиссарчик, Р.В. Погорелова, В.Л. Юхт; под общим рук. В.В. Акуленко. М.: Советская энциклопедия, 1969. 384 с. [V.V. Akulenko (ed.), S.Yu. Komissarchik, R.V. Pogorelova & V.L. Yukht. 1969. *Anglo-russkii i russko-angliiskii slovar' "lozhnykh druzei perevodchika"* (English-Russian and Russian-English Dictionary of "Translator's False Friends"). Moscow: Sovetskaya Ehntsiklopediya].
- Дьяков А.И. Словарь англицизмов русского языка. Новосибирск, 2014. URL: <http://anglicismdictionary.ru/> (дата вхождения 17 июня 2020). [D'yakov, Anatolii I. 2014. *Slovar' anglitsizmov russkogo yazyka* (Dictionary of Anglicisms in the Russian Language). Novosibirsk. URL: <http://anglicismdictionary.ru/> (accessed 17 June 2020)].
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская Энциклопедия, 1990. 685 с. [Victoria N. Yartseva (ed.). 1990. *Lingvisticheskii ehntsiklopedicheskii slovar'* (Linguistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Sovetskaya Ehntsiklopediya]
- НБРАС – Новый большой русско-английский словарь. В 3х томах. / Под общим рук. П.Н. Макурова, М.С. Мюллера, В.Ю. Петрова. М.: Лингвистика, 1997. [Makurov P.N., M.S. Myuller, & V.Yu. Petrov. 1997. *Novyi bol'shoi russko-angliiskii slovar'* (New Great Russian-English Dictionary). In 3 volumes. Moscow: Lingvistika].
- ССЛТ – Словарь социолингвистических терминов / Под ред. В.Ю. Михальченко. М.: РАН. ИЯ. Российская академия лингвистических наук. 2006. 312 с. [V. Yu. Mikhali'chenko (ed.). 2006. *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* (Dictionary of Sociolinguistic Terms). Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Linguistic Studies].

- ТСРЯ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: Азбуковник, 2000. 944 с. [Ozhegov, Sergei I. & Natalia Yu. Shvedova. 2000. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* (*Dictionary of the Russian Language*). 4th edn. Moscow: Azbukovnik].
- CED – Cambridge English Dictionary. 2020. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь> (13.07.2020).
- CIDE – Cambridge International Dictionary of English. 1995. Cambridge: Cambridge University Press.
- LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. 4th edn. London: Pearson Education, 2006. URL: <https://www.ldoceonline.com>
- OALD – Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 1992. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>
- OED2 Online 2013 – Oxford English Dictionary Online. Oxford: Oxford University Press, 2013. URL: <http://oxforddictionaries.com/>
- OEED – Oxford Encyclopedic English Dictionary / J.M.Hawkins, R.Allen (eds.). Oxford: Clarendon Press, 1991.

Источники примеров

- Агни Лев. Демократия Запада. // Проза.ру. 2011. [Agni Lev. Demokratiya Zapada. (Democracy of the West)] URL: <https://proza.ru/2011/03/20/259> (дата обращения: 10.07.2020).
- Википедия. 2020. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Честолюбие> (дата обращения 10.07.2020)
- Психология и психиатрия. 2020. [Psikhologiya i psikhiatriya (Psychology and psychiatrics)] URL: <https://psihomed.com/ambitsii/> (дата обращения 10.07.2020).
- Романов С.К. Русский Лондон. М.: АСТ: Астрель, 2009. 480 с. [Romanov, S.K. 2009. *Russkii London. (Russian London)*. Moscow: AST: Astrel'].
- Canadian Tribune. 1988. 29.02.
- Chamberlain, Lesley. *The Food and Cooking of Russia*. Harmondsworth: Penguin, 1983.
- Davidow, Mike. *People's Theater: From the Box Office to the Stage*. Moscow: Progress, 1977.
- Encyclopædia Britannica* 2001. Standard edn. CD-ROM.
- Fleer, Marilyn & Bert van Oers. 2018. *International Handbook of Early Childhood Education*. Dordrecht: Springer.
- Fodor's Moscow and St. Petersburg*. 4th edn. Fodor's Travel Publications, 1999.
- (*The Guardian*, 07 Feb. 2003.
- Hughes, Lindsey. 1998. *Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven: Yale University Press.
- Jack, Andrew. 2005. *Inside Putin's Russia: Can There Be Reform without Democracy?* Oxford: Oxford University Press.
- Kelly, Catriona. 2016. *St Petersburg: Shadows of the Past*. New Haven: Yale University Press.
- Laszio, Ervin & Joel Kurtzman (eds.). 1981. *Political and Institutional Issues of New International Economic Order*. New York: Pergamon Press.
- Lear, John. 1986. *Death in Leningrad*. London: Pluto Press.
- Meier, Andrew. 2004. *Black Earth. Russia After the Fall*. Harper Perennial, UK.
- Nabokov V. 1990. *Selected Prose and Verse*. Moscow: Raduga.
- Pray, Eleanor Lord. 2019. *Selected Letters. 1907-1917*. Edited, with introductions and notes by Birgitta Ingemanson. Vladivostok: Rubezh.
- Rutherford, Edward. 1992 *Russka*. London: Arrow Books, UK.

- Smith, Hendrick. 1976. *The Russians*. London: Sphere Books, 1976.
SPbTimes – *Saint Petersburg Times*. 2000; 2013; 2014.
Stevenson, Krista, Dicker Mike, Song Li, Zhang Jin, Jia Xuerui, Fu Li & Liu Aihua. 2005. *Highlights of Chinese Culture*. Beijing: Hitpress.
Turgenev, Ivan S. 1965. *Fathers and Sons*. Trans. R. Edmonds. Harmondsworth: Penguin.
Vapnyar, Lara. 2003. *There Are Jews in My House: Stories*. New York: Anchor Books.
Yershov, Pavel. 1988. *The Little Humpbacked Horse*. Tr. by Louis Zelikoff. Moscow: Raduga, 1988. Available at: <http://lib.ru/LITRA/ERSHOW/horse.txt> (accessed 07 July 2020).
Wikipedia: village 2020, URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Village> (accessed 16 July 2020)
Wilson, Mitchell. 1961. *Meeting at a Far Meridian*. New York: Doubleday.

Article history:

Received: 19 July 2020

Accepted: 22 December 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 19 июля 2020

Дата принятия к печати: 22 декабря 2020

Bionotes:

Viktor V. KABAKCHI, Dr. habil., Professor at the Translation Department of the Herzen State Pedagogical University of Russia (Herzen University). He is engaged in the field of the Russian-Culture-Oriented English. He is the founder of an innovative branch of linguistics – “interlinguaculturology” and the author of about 200 publications published in Russia, UK, USA, Cyprus and Germany. He has compiled *The Dictionary of Russia* (2,500 cultural terms, 2002). Professor V. Kabakchi’s followers have successfully carried out research in the field of English-language descriptions of the Spanish-speaking culture of the United States, the culture of Ghana, and the Republic of Tuva, as well as a fundamental study of the features of the English-language description of various aspects of Russian culture, including Russian Orthodoxy.

Contact information:

48-50-52, Nab. Moika river, St. Peterburg, 196653, Russia

e-mail: vkabakchi@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2164-7017

Zoya G. PROSHINA is Professor in the Faculty of Foreign Languages and Area Studies at Lomonosov Moscow State University, Russia, and was Professor in the Department of Linguistics and Intercultural Communication Studies at Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. She was President of the International Association for World Englishes (2011–2012). She authored about 300 works. Her research interests are language contacts, world Englishes, sociolinguistics and translation studies.

Contact information:

1, bld. 13, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russia

e-mail: proshinazoya@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0570-2349

Сведения об авторах:

Виктор Владимирович КАБАКЧИ – доктор филологических наук, профессор кафедры перевода Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; работает в области англоязычного описания русской культуры. Основал инновационное направление в лингвистике – *интерлингвокультурологию*, изучающую иноязычное описание культуры. Автор около 200 опубликованных работ (СССР–Россия, США, Великобритания, Кипр), среди которых монографии, учебные пособия, словарь “The Dictionary of Russia” (2002) и многочисленные статьи. Ученики его школы успешно осуществили исследования в области англоязычного описания испаноязычной культуры США, культуры Ганы и Республики Тува, англоязычного описания различных аспектов русской культуры, включая Русское Православие.

Контактная информация:

Россия, Санкт-Петербург, 196653, Наб. реки Мойки, 48-50-52

e-mail: vkabakchi@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2164-7017

Зоя Григорьевна ПРОШИНА – доктор филологических наук, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Была Президентом Международной ассоциации исследователей вариантов английского языка (2011–2012). Является автором около 300 научных работ: книг, словарей, статей. Ее научные интересы лежат в области языковых контактов, вариантов английского языка, социолингвистики, переводоведения.

Контактная информация:

МГУ имени М.В. Ломоносова, Факультет иностранных языков и регионоведения

Россия, Москва, 119991, Ленинские горы, 1, стр. 13

e-mail: proshinazoya@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0570-2349

DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220

Research article

The dynamics of political correctness, inclusive language and freedom of speech

Olga A. LEONTOVICH

Volgograd State Socio-Pedagogical University

Volgograd, Russia

Tianjin Foreign Studies University

Tianjin, China

Abstract

The study aims to research the historical dynamics of the notions ‘political correctness’, ‘inclusive language’ and ‘freedom of speech’, as well as to reveal the mechanisms and new tendencies of their realization in public discourse. The sources of practical material are represented by: a) 126 journal and Internet articles; b) 12 speeches of famous US and British politicians, scholars and celebrities reflecting the notions under study. The leading methods include critical discourse analysis, definition and contextual analyses. The research indicates that during its long and contradictory history, the term ‘political correctness’ had both positive and negative connotations. When the negative attitude started to prevail, it was replaced by the notions ‘inclusion’ and ‘inclusive language’ based on similar mechanisms: ban on the use of offensive terms denoting different aspects of people’s identity; avoidance of stereotypes and false semantic associations; abundant use of euphemisms, etc. The paper reveals the new trends in the English language (non-binary expression of gender; changes in the conceptualization of race, age and disability) and social practices meeting the requirements of inclusive communication. Whereas political correctness and inclusive language aim to protect vulnerable social groups and improve the social climate, they produce certain undesirable tendencies: breach between social groups caused by inefficient communication; reverse racism; complex relationship of political correctness with science, literature and education; its speculative use; and restrictions on freedom of speech. The study also sheds light on the problems of politically correct intercultural communication caused by the non-stop language change, differences in social norms, values, grammatical structures, semantics, and cultural associations.

Keywords: *political correctness, inclusive language, freedom of speech, public discourse, communicative practices, intercultural communication, English language*

For citation:

Leontovich, Olga A. 2021. The dynamics of political correctness, inclusive language and freedom of speech. *Russian Journal of Linguistics* 25 (1). 194–220. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220

Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий

О.А. ЛЕОНТОВИЧ

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Волгоград, Россия

Тяньцзиньский университет иностранных языков

Тяньцзинь, КНР

Аннотация

Цель данного исследования, проведенного на материале английского языка, – рассмотреть историческую динамику понятий «политическая корректность», «инклюзивный язык» и «свобода слова», а также выявить механизмы и новейшие тенденции их реализации в социуме. Источники практического материала – 126 публицистических статей и 12 речей известных американских и британских политиков, ученых и деятелей культуры, так или иначе связанных с исследуемыми понятиями. В качестве ведущего научного метода выступает критический дискурс-анализ, в качестве вспомогательных – дефиниционный и контекстуальный анализ. Исследование показало, что на протяжении своей долгой и противоречивой истории понятие политической корректности имело как положительные, так и отрицательные коннотации. Пришедшее ему на смену понятие инклюзивного языка основано на сходных механизмах: исключении инвектив, относящихся к различным аспектам личностной идентичности; отказе от слов с нежелательными коннотациями и ассоциациями; избегании стереотипов; эвфемии; ложных семантических связей. Выявлены новые языковые тенденции (небинарный подход к отражению гендера; изменения в концептуализации расы, обозначении возраста и физического состояния личности) и коммуникативные практики, отвечающие требованиям инклюзивности. Хотя политическая корректность и инклюзивный язык направлены на защиту социально уязвимых групп населения и улучшение общественного климата, с ними связан ряд парадоксальных тенденций, вызывающих тревогу: глубокий водораздел между социальными группами, обусловленный неспособностью договориться о терминах и нормах коммуникации; развитие обратной дискриминации против белого населения; сложные отношения политической корректности с наукой, литературой и образованием; ограничение свободы слова. Обозначены сложности политически корректной межкультурной коммуникации, связанные с непрекращающейся эволюцией языка, различиями в культурных нормах и ценностных ориентациях, грамматическом оформлении и семантике языковых единиц, их ассоциативных связях.

Ключевые слова: *политическая корректность, инклюзивный язык, свобода слова, публичный дискурс, коммуникативные практики, межкультурная коммуникация, английский язык*

Для цитирования:

Леонтович О.А. Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25. № 1. С. 194–220. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220

1. Введение

Политические события в США 2020 г. и их отголоски в Западной Европе оказывают неизбежное влияние на характер дискурса в массмедиа, образовании, на рабочих местах и в бытовом общении. В связи с этим переосмыслению подвергаются такие понятия, как «политическая корректность» (ПК),

«инклюзивный язык» и «свобода слова», динамика и соотношение которых являются объектом данного исследования. Волею обстоятельств вышеозначенные понятия уже не в первый раз оказываются в центре политических дебатов и во многом определяют общественный климат в англоязычных странах, чем и обусловлена актуальность настоящей статьи.

Исследование, которое находится на стыке лингвокультурологии, социолингвистики и теории дискурса, проводится на материале американского и британского вариантов английского языка. Источниками практического материала послужили 126 публицистических статей и интернет-публикаций, в которых обсуждаются проблемы политической корректности и инклюзивного языка, а также 12 речей известных американских и британских политиков, ученых и деятелей культуры, так или иначе связанных с этими понятиями. В качестве ведущего научного метода выступает критический дискурс-анализ (Fairclough 2003a, Blommaert 2005, Larina et al. 2019/2020, Weiss & Wodak 2007, Леонтович 2011: 105–106), в качестве вспомогательных – дефиниционный и контекстуальный анализ.

Освещаемое в статье исследование направлено на решение следующих задач: 1) дать определение понятию политической корректности и изучить его историческую динамику; 2) проанализировать соотношение понятий «политическая корректность» и «инклюзивный язык»; 3) вскрыть механизмы языкового выражения, связанные с вышеуказанными понятиями, выявить их сходства и различия; 4) отследить новые тенденции в развитии языка и коммуникативные практики, отвечающие требованиям инклюзивности; 5) рассмотреть, каким образом политическая корректность и инклюзивность соотносятся со свободой слова; 6) исследовать реализацию понятия ПК в контексте межкультурной коммуникации.

2. Теоретические основы исследования

Проблема политической корректности не раз привлекала внимание зарубежных и отечественных ученых, причем в определенные временные периоды наблюдались всплески интереса к этой теме. Согласно данным цифровой базы американских газет и журналов *ProQuest*, до 90-х годов XX в. термин «политическая корректность» редко использовался в прессе. Но уже в 1990 г. он появился в печати более 700 раз, в 1991 г. – более 2500 раз, в 1992 г. – более 2800 раз. На рубеже XX–XXI вв. было опубликовано значительное количество научных работ, посвященных ПК (Ayim 1998, Fairclough 2003b, Hall 1994, Kimball 1998, Kuran 1995, Ruth 1992, Иванова 2002, Палажченко 2004, Рубина 2011, Савватеева 2008, Цурикова 2001, Швейцер 1996). К началу предвыборной кампании Д. Трампа 2016 г. отношение к ПК стало одним из ключевых противоречий между республиканцами и демократами (Cov 2016, Brotman 2015, Hamilton 2015, Schwartz 2016). Накануне и во время событий 2020 г. тема вновь стала объектом пристального внимания исследователей (Fox 2018, Morgan 2020, Murray 2019, Sparrow 2018).

Ученые рассматривают политическую корректность с разных ракурсов. Д. Моллер определяет ее как попытку установить нормы речи и – шире – поведения для защиты социальных групп, которые считаются уязвимыми, маргинальными или исторически притесняемыми, сформировать дискурс, свободный от речевых проявлений, которые содержат в себе опасность оскорбления, произвола, поругания, снижения самооценки представителей этих групп и их сторонников (Moller 2020). Н. Фэрклаф, в свою очередь, пишет о ПК как «культурной политике» и политических разногласиях, в центре которых оказываются различные репрезентации, ценности и понятия об идентичности. Поскольку обе стороны конфликта полагают, что изменение культуры должно происходить вместе с изменением языка, эти разногласия, утверждает он, имеют непосредственное отношение к характеру дискурса. Активные приверженцы ПК стремятся добиться институционализации антирасистского и антисексистского языка. При этом иллокутивная сила высказываний активистов весьма вариативна (просьба, убеждение, требование), однако в любом случае речь идет о стремлении изменить индивидуальное поведение и язык. Они убеждены в том, что преобразование дискурса приведет к изменениям в социальных практиках через «процессы диалектической интернализации». Например, пишет Н. Фэрклаф, если называть человека «партнером», а не «любовником» или «сожителем», это приведет к изменению восприятия внебрачных связей и отношения к ним окружающих, а, следовательно, и к смене ценностных ориентиров (Fairclough 2003b).

Нельзя также обойти вниманием чрезвычайно интересную книгу Дж. Хьюза *Political Correctness: A History of Semantics and Culture* [«Политическая корректность: история семантики и культуры»] (Hughes 2009), в которой рассматриваются различные версии происхождения понятия политической корректности и его дефиниции, связь этого понятия с идеологией, этническим разнообразием и колониальным прошлым США, религией, осмыслением гендера, преступностью, наркоманией и т.д. Исследуются различные аспекты языковой семантики, в т.ч. эвфемизация и табу, использование слов в институциональном дискурсе и за его пределами, влияние ПК на литературу и искусство. Что общего, пишет Дж. Хьюз, между председателем Мао, foie gras, романом «1984» Дж. Орвелла, маккартизмом, анекдотами про СПИД и «Симпсонами»? На первый взгляд, ничего. Но если задуматься, все эти явления имеют отношение к трудноопределимому понятию ПК, которое существует в многообразных формах. Объекты особого внимания и осуждения сторонников ПК, утверждает Хьюз, – оскорбительный язык, предвзятое отношение и обидное поведение. ПК стала попыткой очищения языка, связанной с понятиями «мультикультурализм», «позитивная дискриминация» и «либеральная ортодоксия». Дж. Хьюз также поясняет, что неслучайно включил в название книги термин «семантика» – воздействие ПК на язык в наибольшей степени связано с изменением словарных значений и целых семантических полей. Он называет это *семантическим проектированием* [semantic

engineering], тесно связанным с переозначиванием. Как и ряд других ученых, Дж. Хьюз сравнивает эти изменения с «новоязом» в книге Дж. Орвелла «1984» (Там же).

Заслуживает внимания и точка зрения, высказанная российской исследовательницей В.В. Майба (2016), о наличии «идеологием политкорректности», которые, с ее точки зрения, играют роль регулятивов, задающих систему оценок, принципов и установок, и оказывают влияние на коммуникативные действия носителей данной идеологии. В языке, утверждает она, идеологемы политической корректности выполняют функцию метаконцептов, позволяющих оценить языковые единицы с точки зрения их соответствия либо несоответствия принципам и установкам ПК. В качестве центральной в этой системе выступает сама номинация *political correctness*, содержащая в себе «важнейшие оценки и установки данного движения». В.В. Майба представляет идеологемы политической корректности в виде оппозиций *equality*/равноправие – *discrimination*/дискриминация, *tolerance*/терпимость – *intolerance*/ненависть, *respect*/уважение – *humiliation*/унижение и т.д. Также, по мнению автора, язык политкорректности дает дифференцированную картину отклонений от правильного поведения: *ableism*, *sexism*, *lookism*, *xenophobia* и др. (Майба 2016).

Несмотря на наличие большого количества публикаций, проблема ПК остается недостаточно изученной. Исследование темы осложнено целым рядом причин, к которым относятся: 1) огромное количество определений политической корректности и горячие споры вокруг нее, поляризация общества и, соответственно, исследователей по отношению к соотносимым с ней понятиям; 2) постоянная динамика политически корректного языка: то, что вчера казалось приемлемым, перестает быть таковым; слова, считавшиеся образцом политической корректности, начинают расцениваться как недопустимые, противоречащие новым нравственным нормам; 3) требования к политически корректному дискурсу, накладывающие отпечаток на то, какие проблемы ученые решаются либо опасаются исследовать; их научно обоснованные подходы и честное мнение могут яростно отвергаться академическим окружением и, как мы покажем ниже, влиять на их судьбу.

3. Анализ и результаты исследования

3.1. Сущность понятия «политическая корректность»: движение от положительного к отрицательному

Рассмотренный нами теоретический и практический материал показывает, что у понятия «политическая корректность» долгая и противоречивая история, на протяжении которой оно имело как положительные, так и отрицательные коннотации. К. Гибсон, журналистка американской газеты “*The Washington Post*”, описавшая этапы его развития (Gibson 2016), указывает, что термин использовался как в буквальном значении – с гордостью, для воплощения позитивной идеи, так и для выражения иронии, негодования, оскорбления, политического несогласия. Он начал активно применяться

американскими коммунистами в 30-х–40-х годах XX в. для обозначения «правильного» языка и ортодоксальных политических взглядов. Многие ученые, например, Дж. Хьюз (Hughes 2009), также связывают историю развития ПК с китайской «культурной революцией», диктатом Мао и его знаменитой речью 1957 г., название которой было переведено на английский язык как: “*On the Correct Handling of Contradictions among the People*” (Weigel 2016). Постепенно словосочетание стало приобретать иронический оттенок при описании слепой верности партии, слишком правильных взглядов, невзирая на степень их полезности и справедливости. В 60-е годы XX в. фразу вновь взяли на вооружение «левые» и активисты, уже с положительной коннотацией. Именно в таком значении в 1964 г. это выражение употребил в одном из своих выступлений американский президент Линдон Джонсон, подчеркивая, что закон о гражданских правах и медицинская помощь пожилым людям не только политически правильны, но и обоснованы с моральной точки зрения. В аналогичном ключе фраза использовалась в 80-е годы XX в.:

(1) *If both Democrats and Republicans believe the deficit is the key issue for the 1986 elections, then voting for a balanced budget is the politically correct thing to do* (*The New York Times*. Приводится по: Gibson 2016).

[Если как демократы, так и республиканцы полагают, что дефицит – это главная проблема выборов 1986 года, то голосование за сбалансированный бюджет – это политически корректный шаг].

Влияние ПК на общественную жизнь не ограничивалось различиями в коннотациях самого термина – оно имело более значительные последствия и было закреплено на законодательном уровне. В 60–70-х гг. XX в. в результате движения за гражданские права были введены запреты на официальное употребление ряда этнонимов, например, *Negro, colored* (Швейцер 1996: 12). Были созданы списки других слов, употребление которых считалось нежелательным или недопустимым. Действие ПК распространялось на такие социальные понятия, как раса, этнос, гендер, религиозные верования, сексуальная ориентация, физическое состояние, материальная обеспеченность, и было направлено на то, чтобы не оскорбить людей по этим аспектам идентичности (Леонтович 2005: 255–256).

К концу 80-х – началу 90-х гг. «политическая корректность» стала камнем преткновения между либералами и консерваторами. В 1991 г., обращаясь к студентам Мичиганского университета, президент Дж. Буш заявил:

(2) *The notion of political correctness has ignited controversy across the land. And although the movement arises from the laudable desire to sweep away the debris of racism and sexism and hatred, it replaces old prejudice with new ones* (приводится по: Gibson 2016).

[Понятие политической корректности всколыхнуло волну противоречий по всей стране. И хотя движение поднялось из-за похвального желания избавиться от остатков расизма, сексизма и ненависти, оно заменяет старые предрассудки новыми].

Приведенные примеры иллюстрируют внутреннюю противоречивость понятия ПК: на одном полюсе – выражение идеалов справедливости, на другом – оскорбительное отношение к политическим противникам по широкому спектру проблем – см., например, публикацию К. Чау “*‘Politically correct’: The phrase has gone from wisdom to weapon*” [«Политическая корректность: мудрая фраза превращается в оружие»] (Chou 2016), само название которой отражает кардинальное изменение в значении термина.

В последние годы президентства Б. Обамы политическая корректность, или, точнее, антикорректность, как пишет М. Вигел (Weigel 2016), вновь пережила подъем. Само определение ПК и отношение к ней оказались в центре противоречий между правыми и левыми, демократами и республиканцами. Негативное использование понятия ПК характерно для республиканца Д. Трампа, президентская кампания которого, в противовес Х. Клинтон, была во многом построена на отказе от политической корректности:

(3) *I think the big problem this country has is being politically correct <...> I don't, frankly, have time for total political correctness. And to be honest with you, this country doesn't have time, either* (приводится по: Chou 2016).

[Думаю, что большая проблема этой страны – политическая корректность <...> У меня, по правде говоря, нет времени быть абсолютно политически корректным. И, если честно, у страны тоже нет на это времени].

Для Трампа, пишет С. Бротман, нормой политической корректности стала политическая некорректность (Brotman 2016). Как отметил ведущий популярного американского шоу “*Politically Incorrect*” Билл Мар, «Трамп говорит все, что приходит ему в голову <...>, а народу это нравится. Целое поколение американцев задыхалось от политической корректности и слишком осторожных политиков – они этим сыты по горло» (Maher, 2016). С точки зрения К. Чау, в устах консервативно настроенных американцев выражение «политическая корректность» стало эквивалентом политической трусости и сверхсенситивности к использованию языка (Chou 2016). Во время опроса 2016 г. почти 60% американцев высказали мнение, что в стране произошел перекося в сторону ПК и что понятие утратило свое первоначальное значение (Brotman 2016. См. также: Mounk 2018). С другой стороны, демократы и их сторонники заявляли, что отказ от политической корректности равносителен отказу от демократических идеалов (Hamilton 2015).

Таким образом, можно утверждать, что динамика отношения к политической корректности в западном мире, в особенности в США, включала: осознание определенной частью населения необходимости соблюдать соответствующие нормы; яростное сопротивление другой, менее прогрессивной его части; введение законов, связанных с политически корректным языком; перегибы, породившие чрезмерные, порою абсурдные требования к языку и поведению в обществе (Леонтович, Якушева 2014: 122). Борьба не

закончена, она продолжается, во многом определяя политический климат и характер дискурса.

3.2. Инклюзивный язык

Когда отрицательные коннотации понятия ПК стали превалировать, на смену ему пришли понятия инклюзивности и инклюзивного языка. Анализ научных источников, публицистических статей и интернет-сайтов позволяет заключить, что инклюзивность определяется как коммуникативная практика (как на институциональном, так и бытовом уровне), направленная на принятие и равенство социальных групп индивидуумов, различающихся по признакам расы, этноса, социального статуса, религиозных верований, гендера, семейного положения, возраста, социоэкономического положения и т.д. (см. например: *What is diversity...*). Об инклюзивном языке также пишут как о языке, который никого не дискриминирует.

Отметим, что если с лингвистической точки зрения цель политической корректности – воспрепятствовать *исключению* определенных категорий населения из дискурса и социальных практик (“*a desire to eliminate exclusion of various identity groups based on language usage*”) (Roper 2008), то понятие инклюзивности (от англ. *inclusion*), как показывает сам термин, направлено на их *включение* в дискурс. Из этого следует вывод, что мы имеем дело со сменой векторности в коммуникации.

Некоторые исследователи честно признают, что инклюзивный язык есть разновидность политической корректности, другие проponentы инклюзивного языка пытаются всячески откеститься от ПК ввиду ее непопулярности. В основе обоих понятий лежит избегание маргинализации, неверной интерпретации, нанесения обиды и стереотипизации. Как можно видеть, суть их предельно близка, хотя, согласно определению инклюзивности, предложенному С. Роупер, ключевым семантическим компонентом этого термина является чувство принадлежности (*sense of belonging*) (Roper 2008).

Заметим, что в российских научных исследованиях понятие инклюзивности, или инклюзии, предельно сузилось и в основном употребляется применительно к людям с ограниченными возможностями. Мы рассматриваем это понятие в широком значении – по отношению к разным социальным группам.

3.3. Механизмы формирования инклюзивных значений

Проведенный нами анализ языкового материала показывает, что механизмы формирования политически корректных значений и смыслов и принципы инклюзивной коммуникации сходны и сводятся к следующему.

1. Исключение инвектив, относящихся к различным аспектам идентичности (*nigger, Injun, cripple* и др.). Инвективная лексика ориентирована на оскорбление людей по таким признакам, как гендер, раса, возраст и т.д., которые заведомо делают их уязвимыми, и рассчитана на то, чтобы задеть человека за живое. Слово *nigger* в настоящее время считается настолько

неприемлемым, что рекомендуется не использовать его вообще, даже в качестве языкового примера; вместо этого используется эвфемизм *n-word*. Аналогично, табуированным стало слово *retarded* [умственно неполноценный], которое заменяют на *r-word*.

2. Отказ от слов, которые изначально не считались неприемлемыми, но с годами на них наслоились нежелательные коннотации и ассоциации. Так, например, произошло с английским словом *Negro*, заимствованным из испанского, где оно обозначает то же, что и *Black* в английском; однако *Black* (наряду с *Afro-American*) считается политически корректным и абсолютно приемлемым обозначением людей негроидной расы, в то время как термин *Negro* стал табуированным. В свое время Мартин Лютер Кинг называл себя *Negro* и с гордостью провозглашал: “*The New Negro is not afraid*” [«Новый негр не боится»]. После его гибели в 1968 г. слово стало постепенно выходить из употребления. Линдон Джонсон был последним президентом, который публично его использовал. В настоящее время оно стало считаться совершенно политически некорректным, а также почти перестало употребляться как самоназвание в именах организаций, хотя до сих пор существует, например, *The National Council of Negro Women* [Национальный совет негритянских женщин].

К числу входящих в эту категорию лексем американские исследователи (например, Haney López, 2014, Syrett 2020) также причисляют следующие: *thug* [убийца, головорез, хулиган] – слово, которое ранее использовалось вне зависимости от расы, но со временем стало по большей части применяться к чернокожему населению США; *urban* и *inner city* [центральная часть города, которая в результате переезда белого населения в пригороды в 50–60-х гг. XX в. стала ассоциироваться с жителями гетто, склонностью к безделью и преступностью]; *middle class* [средний класс] – ассоциируется с белыми и противопоставляется людям иных рас и жителям гетто; *welfare queen* [букв. «королева, живущая за счет благотворительности»] – словосочетание, в котором реализуется сразу три стереотипа – расовый, гендерный и имущественный. Раздаются призывы избегать выражений, содержащих слова *master* и *slave* (букв. «хозяин» и «раб»; например: *master bedroom* [главная спальня]; *master and slave* в компьютерной терминологии); *black* и *white* (в значениях «плохой» и «хороший»): *black list* [черный список]; *black sheep* [паршивая овца]; *black day* [черный день]; *white collar* [белый воротничок]; *whiter than white* [букв. «белее белого» – о безупречно честном человеке]. Не рекомендуется использовать глагол *to gyp* [воровать, мошенничать] из-за его семантической ассоциации с цыганами.

Из языка также уходят устойчивые идиоматические выражения, этимологически связанные с историческими явлениями, в частности рабством, бедностью, гендерными стереотипами и т.д.: *sell down the river* [предавать]; *cake walk* [кекуок, танец, исполнявшийся рабами на плантациях]; *peanut gallery* [галёрка, самые дешевые места в театре]; *that's so gay!* [отвратительно,

неприятно, скучно]; *man up* [призыв вести себя мужественно (ср. «будь мужиком!»)]. В 2019 г. министр иностранных дел Великобритании подвергся жесткой критике, когда употребил последнее выражение, призвав Бориса Джонсона не трусить и принять участие в дебатах.

Многие фразы спекулятивно используются как инструменты манипуляции в политической борьбе: *black-on-black crime* [преступность черных против черных]; *radical Islam* [радикальный ислам] и *islamophobia* [исламофобия] (возражение вызывает использование этих лексем по отношению ко всем мусульманам); *illegal immigrant* [нелегальный иммигрант] (в основном применяется к выходцам из Латинской Америки, хотя нелегальные иммигранты могут приезжать из разных стран). И. Хейни Лопес пишет, что речь идет об использовании «кодированного языка» (Haney López 2014), то есть фактически о том, что политически некорректными являются имплицитные составляющие языкового значения.

3. Избегание стереотипизации в дискурсе. По мнению сторонников ПК, ряд слов и выражений способствует возникновению либо увековечению стереотипов. Например, полагает И. Хейни Лопес, слова *bossy*, *sassy*, *uppity* используются для негативной характеристики женщин, которые умеют постоять за себя, но никогда не будут употребляться при описании мужчин. В частности, объектом такой стереотипизации стала «первая леди» Мишель Обама (Там же).

Существует мнение, что стереотипизации также могут способствовать грамматические конструкции. Сторонники ПК утверждают, что фраза *The boy kissed the girl* [Мальчик поцеловал девочку] нехороша, так как представляет женщину в роли объекта, подчиненного мужчине, и тем самым закрепляет гендерные роли. Не одобряются также фразы, выражающие «позитивные стереотипы»: *Women are more polite than men* [Женщины вежливее мужчин]; *Asians tend to score well on standardized tests* [Азиаты хорошо сдают стандартизированные тесты]) и снисходительные похвалы: *You speak such good English* [Ты так хорошо говоришь по-английски].

4. Сужение, расширение или изменение семантики слова, возникновение у него новых значений. Механизм семантических преобразований заключается в том, что исходное слово или словосочетание трактуется в неожиданном ракурсе, на первый план выводятся семы, которые прежде не являлись значимыми. Например, слово *gay*, которое первоначально использовалось только в значении «веселый, беззаботный», в конце XIX – начале XX вв. стало использоваться по отношению к гомосексуалистам. В данном случае речь идет о формировании новых смыслов на основе их контекстуализации. В случае широкого резонанса смыслы закрепляются в виде устойчивых коннотаций и ассоциаций и со временем становятся неотъемлемой частью языкового значения.

Изменение семантики хорошо прослеживается на примере концептуализации понятия «раса». В российских учебниках традиционно пишут о

европеоидной, негроидной, монголоидной и других расах. В англоязычном мире уже отказались от этого деления. Во время переписи населения 2010 г. в США использовалась следующая классификация: *White, Black or African American, American Indian and Alaska Native, Asian, Native Hawaiian and Other Pacific Islander, some other race*. В 2019 г. уже высказывалось мнение, что раса не обеспечивает точной репрезентации биологической вариативности человечества, в связи с чем западную концепцию расы следует понимать как классификацию, возникшую на основе «европейского колониализма, угнетения и дискриминации» (AAPA statement... 2019).

Ярким проявлением динамики мировосприятия и вытекающей отсюда «войны слов» являются понятия *sex* [пол] и *gender* [гендер]: первое используется применительно к биологической, а второе – к социальной идентичности личности. Трактовка этих понятий в стремительно меняющемся социальном контексте тесно связана со звучащими в западном мире призывами отказаться от бинарного подхода (*man vs. woman, male vs. female*). Предлагаемый сегодня спектр гендерной вариативности намного превышает возможности языка, в связи с чем в последнее время наблюдается взрывной рост терминов. Р. Голдман (Goldman 2014) составила список из 58 терминов, обозначающих разные оттенки гендера, в том числе: *agender, cisgender, non-binary, gender-queer, gender expansive, gender non-conforming, gender awesome, gender fluid* и т.д.

5. Эвфемия. Механизм ее действия с точки зрения семантики – это фактически вынесение «за скобки» эксплицитного выражения всех сенситивных компонентов значения либо их экспликация в максимально смягченной форме, например: *homeless – outdoor urban dweller, prostitute – sex worker, immigrant – newcomer, illegal immigrant – undocumented worker, unemployed – economically inactive, worst – least best*.

При ближайшем рассмотрении можно увидеть, что попытка скрыть истинное значение выражения за эвфемистической конструкцией приводит к нарушению логических связей между составляющими ее лексемами. Так, например, Дж. Хьюз разбирает словосочетание *political correctness* и приходит к выводу, что оно содержит внутреннее противоречие, поскольку нет «правильной политической позиции» – за пределами тоталитарных государств семантика этого словосочетания по определению диверсифицирована и предполагает спектр значений для представителей разных партий и политических групп. Аналогично, выражение *industrial action* в значении *strike* [забастовка] не имеет ничего общего с *industrial* и *action*. Более того, отмечает Хьюз, это неправильное название, поскольку забастовка – это фактически отсутствие какого-либо действия. Он также обращает внимание на тенденцию к созданию адъективных эвфемистических конструкций, часто странных с точки зрения семантики и языкового оформления: *politically correct, physically challenged, visually impaired, differently abled* (Hughes 2014).

6. Ложные семантические связи. В 1999 г. сотрудник мэрии Вашингтона Дэвид Хауэрд вызвал гнев коллег, когда использовал в речи слово *niggardly*

[скупой, прижимистый], созвучное табуированному слову *nigger*, и в результате был вынужден уволиться со службы, хотя этимологически эти слова друг с другом не связаны (World Wide Words...). *Microsoft* не зарегистрировал пользователя, живущего в маленьком американском городке *Fort Gay*, посчитав слово *gay* оскорбительным, несмотря на то, что многие люди так себя идентифицируют. Не помогло даже вмешательство мэра этого городка, пытавшегося объяснить, что слово используется в своем первоначальном значении (Karlson 2006).

Выше мы описали некоторые языковые механизмы, сходные для политической корректности и инклюзивного языка. Причины употребления соответствующих языковых значений в дискурсе также представляют интерес. Мы можем наблюдать: а) сознательное употребление политически некорректных вербальных и невербальных знаков с целью уязвить, обидеть собеседника либо заявить о своих политических взглядах, выразить свою политическую позицию; б) бессознательное употребление политически некорректных единиц без понимания их неприемлемости или неуместности, обусловленное недостаточным уровнем языковой и/или культурной компетентности; в) целенаправленное порождение политически некорректных смыслов, имеющее целью продвинуть определенную идеологию и закрепиться в лингвокультурном фонде народа.

3.4. Новые тенденции в языковом использовании в связи с инклюзивностью

Как уже отмечалось выше, изменения происходят так быстро, что за ними трудно уследить: то, что считалось приемлемым вчера, может уже не рассматриваться как таковое сегодня. Кроме того, могут наблюдаться расхождения в разных англоговорящих странах. В результате исследования мы выявили следующие закономерности, актуальные на момент написания статьи.

Общий принцип политически корректного коммуникативного поведения сводится к неиспользованию слов и выражений, а также невербальных действий, подчеркивающих определенные аспекты личностной идентичности (Леонтович 2005: 253–254). Динамика значений тесно связана с изменением отношения к понятию «норма», в том числе языковая. Раньше семантической «нормой», от которой велся отсчет, считались белые гетеросексуальные мужчины англосаксонского происхождения среднего возраста, среднего класса, отсюда немаркированное использование этих характеристик в речи (обобщенное использование местоимения *he*, существительного *man* и его производных *mankind*, *chairman*, *manmade* по отношению как к мужчинам, так и женщинам и т.д.) и, соответственно, эксплицитное обозначение в речи «отклонений от нормы» (*female surgeon*, *Black student*, *unusually tall Asian*, *elderly lady*). Ярким проявлением отношения к норме также являлись номинации гетеросексуалов (*straight*) и сексуальных меньшинств (*bent*, *queer*).

По нашим наблюдениям, наибольшее количество языковых изменений касается гендера, хотя пока не все они приняты языковым сообществом.

Прежде всего, это, как уже указывалось выше, выступления против бинарности в восприятии гендера, то есть сведения всех категорий людей к мужчинам и женщинам. Инклюзивность требует, чтобы нормативно использовались существительные и прилагательные, универсальные для разных проявлений идентичности, например: *humanity* вместо *mankind*; *human resources* вместо *manpower*, *maintenance/utility hole* вместо *manhole*, *Member of Congress* вместо *Congressman*.

Сторонники этого подхода также настаивают, чтобы существительные *man/woman* и прилагательные *male/female* использовались только тогда, когда говорящий или пишущий абсолютно уверен, что личность именно так себя идентифицирует. В противных случаях предлагается использовать лексемы с обобщенным значением, такие как *people*, *individuals*, *students* и т.д. либо формулу: *man, woman or gender non-binary*.

Небинарный подход также касается местоимений. Как известно, ранее обобщающим для всех родов являлось местоимение *he* (например, *teacher... he*). В результате борьбы женщин за свои права в качестве компенсации стало использоваться обобщающее *she*. Так, еще недавно в Великобритании на сайте Национальной службы здравоохранения (*NHS*) в рекомендациях для беременных женщин и молодых мам слово *baby* заменялось местоимением *she*. Приведем также пример с американского онлайн-форума, посвященного проблемам образования:

(4) *The child must learn many aspects of grammar from her specific linguistic environment.*

[Ребенок должен воспринимать многие аспекты грамматики из своего конкретного языкового окружения].

В настоящее время рекомендуется использовать местоимения *he/she* и, соответственно, *his, him, her*, только если вы точно знаете, что именно они соответствуют самоидентификации личности. Также не рекомендуется применять на письме обобщающие формы *(s)he* и *s/he*. На смену пришли гендерно-нейтральные местоимения *they, their, themselves/themself*, которые употребляются по отношению к объекту не только во множественном, но и в единственном числе:

(5) *Having skin-to skin contact with your baby will help to keep them warm.*

[Контакт с кожей ребенка поможет ИХ согреть].

(6) *I may bring a friend, their name is Robin.*

[Я, может быть, приведу друга/подругу, ИХ зовут Робин].

(7) *I spoke to the manager and they said they'd get back to me.*

[Я поговорил с менеджером – ОНИ сказали, что со мной свяжутся].

(8) *I think someone left their bag behind.*

[Думаю, кто-то забыл ИХ рюкзак].

В некоторых американских и британских компаниях и учебных заведениях внедряются бейджики: *Hello! My name is... My pronoun is...*

Предполагается, что человек укажет на бейджике местоимения, с которыми он себя ассоциирует. Аналогичным образом, предпочтительные местоимения (*preferred pronouns*) добавляются к подписи в электронной почте. Впрочем, некоторые сторонники инклюзивного языка считают термин *preferred pronoun* неправильным, утверждая, что гендер не является объектом предпочтения. Кроме того, лица, называющие себя *gender fluid people* могут менять местоимения в зависимости от того, к какому гендеру они себя относят в тот или иной момент времени. Таким образом, вокруг этих языковых употреблений продолжается ожесточенная борьба.

Предлагаются также альтернативные гендерно-нейтральные местоимения:

He/She – *Zie, Sie, Ey, Ve, Tey, E*

Him/Her – *Zim, Sie, Em, Ver, Ter, Em*

His/Her – *Zir, Hir, Eir, Vis, Tem, Eir*

His/Hers – *Zis, Hirs, Eirs, Vers, Ters, Eirs*

Himself/Herself – *Zieself, Hirsself, Eirself, Verself, Terself, Emself.*

Они не столь широко признаются языковым сообществом – люди высказывают мнение: «Лучше уж я привыкну к использованию *they* по отношению к единственному числу, чем буду учить совершенно новый язык».

Наблюдается также отказ от использования обращений *Ladies and gentlemen* и *Sir/Madam*; их советуют заменять на: *esteemed guests; friends and colleagues; everyone* и др. Предложенное еще в 1901 г. обращение *Ms*, не указывающее на семейное положение женщины, получило распространение в 70-х гг. XX в. В 2017 г. словарь *Merriam Webster* зафиксировал новое гендерно-нейтральное обращение *Mx*, произносимое как [miks]. Еще дальше пошел британский банк *HSBC*, предлагающий клиентам, в дополнение к традиционным, выбор обращений: *Mre (mystery), Ind (individual), M, Mx, Sai, Msc, Msr* и *Myr*.

Создаются также новые слова. Например, помимо *uncle and aunt*, предлагаются гендерно-нейтральные *auncle, untie, titi, zaza* и *nini*, а помимо *niece* и *nephew* – *nibling, chibling* и *sibkid*.

Еще одной чрезвычайно актуальной темой является расовая принадлежность. Ее обсуждение в значительной степени обострилось летом 2020 г., когда на первый план вышли политические события, связанные с движением *Black Live Matter*. Сторонники этого движения отвергают попытки противопоставить его названию такие лозунги как: *White Lives Matter, Blue Lives Matter* (в защиту полицейских) и, наконец, *All Lives Matter*, заявляя, что те, кто их предлагает, не понимают сути проблемы: *All lives can't matter until black lives matter*.

Появляются новые урбанонимы. Например, 5 июня 2020 г. мэр Вашингтона объявил, что часть улицы рядом с Белым домом названа *Black Lives Matter Plaza*. Движение также озаменовано возникновением новых словосочетаний и терминов, таких как *Unapologetically Black* и *BIPOC* [Black,

Indigenous, and People of Color], выражающих вызов по отношению к белому цвету кожи и «белому превосходству» [*White supremacy*].

Семантика гендера и расы заслонила собой другие аспекты идентичности (возраст, физическое состояние и т.д.), хотя они тоже в определенной степени представлены. Дискриминация по признаку возраста обозначается термином *ageism/agism* и может существовать в разных формах, например: *adulthoodism, adulthoodcentrism, gerontocracy* и др. Выражение *older person* считается более приемлемым, нежели *elderly* или *senior*.

Для обозначения людей с ограниченными возможностями в основном используется слово *disabled*. Как и по другим аспектам инклюзивного языка, идут жаркие споры относительно предпочтительных форм языкового выражения. Одним из лингвистических подходов является так называемый *people-first language / person-first language (PFL)*, когда на первое место ставится человек, а затем – его заболевание, что выражается формулой: *a person with disability; a person with diabetes*. Ему противопоставлен *identity-first language*, приверженцы которого полагают, что социальная модель более четко выражается словами *disabled; diabetic*. При обозначении объектов для инвалидов предпочтительно использовать слово *accessible* (а не *disabled*), например: *accessible parking spaces/rooms/lifts/toilets*. Выражается разное отношение к словосочетанию *special needs*: одни полагают, что это вежливый эвфемизм, другие считают его инструментом скрытой дискриминации (см., например: *My needs are not special*, 2016). Не рекомендуется использовать прилагательное *lame* в значении «неудачный, слабый, неубедительный» (например, *lame excuse*).

Тематика дискурса в рамках инклюзивности также предполагает отказ от обсуждения тем, связанных с человеческой внешностью, которые трактуются как форма дискриминации (*body shaming, fat shaming, sizeism, lookism* и др.).

3.5. Появление новых коммуникативных практик

За языком и осмыслением языковых значений следуют коммуникативные действия, оказывающие огромное влияние на такие аспекты жизни государства, как сбор статистических данных, образование, здравоохранение, система социальной помощи, правосудие и спорт. Рассмотрим некоторые обнаруженные нами примеры новых коммуникативных практик.

Внимание к языку как инструменту выражения тактичного и уважительного отношения к окружающим можно расценивать как безусловно положительное явление. По словам М. Ханна, речь идет о «тщательно откалиброванном языке», требующем высокого уровня лингвистической компетентности (Hannah 2016). Такой подход влечет за собой разработку и внедрение на рабочих местах, в учебных заведениях, больницах, социальных службах, местах общественного пользования и т.д. инструкций по применению инклюзивного языка, выступающего как средство эффективного общения с разными категориями людей. Нормы инклюзивности вводятся в британских и американских

школах и детсадах, где детей с раннего возраста приучают к толерантности и деликатности в общении, например: “*We do not speak about skin colour*” [«Мы не обсуждаем цвет кожи»]. В результате детское внимание не зафиксировано на таких параметрах идентичности, как раса, этническая принадлежность, физическое состояние сверстников и учителей. Либералы активно призывают учителей к разработке специальных курсов, посвященных инклюзивности. Однако родители весьма настороженно относятся к такого рода курсам: из-за поляризации общества они не уверены, чему именно будут учить их детей и не будет ли содержание занятий вступать в противоречие с их семейными ценностями.

В противовес вечеринкам, на которых будущие родители сообщают родственникам и друзьям пол ожидаемого ребенка [‘gender reveal’ parties], в последнее десятилетие появилась практика «гендерно-креативного» [‘gender-creative’] воспитания детей, которых называют ‘*theybies*’ – без сообщения окружающим либо акцентирования их пола, чтобы они сами впоследствии смогли определиться со своей гендерной принадлежностью. В США, Великобритании и других западных странах вводятся документы, где пол может быть обозначен как X либо вообще отсутствовать, а родители указаны как *Parent 1, Parent 2*. Л. Гарсиа (Garcia 2018), которая описывает себя как “*queer kindergarten teacher*”, выступает с программой преподавания в детском саду и начальной школе:

(9) “*Everyone gets to choose if they are a girl or a boy or both or neither or something else, and no one else gets to choose for them*” (Garcia 2018).

[Каждый сам выбирает, кем быть – мальчиком, девочкой, или ни тем, ни другим, или еще кем-то, и никто не должен делать выбор за них].

В американском штате Мэн предложили отменить деление туалетов на мужские и женские после того, как трансгендерного мальчика не пустили в туалет к девочкам. “*Think about the last part: after denying HIM access to the GIRL’s bathroom*” [«Только задумайтесь над последней частью фразы: отказали ЕМУ в доступе в туалет для ДЕВОЧЕК»], – говорится в комментарии (Karlson, 2006). Это было написано в 2006 г., сейчас написали бы: “*Denying THEM access <...>*” [отказали ИМ в доступе]. Знаменитая британская торговая сеть *Marks&Spencer* разрешает мужчинам пользоваться женскими раздевалками, если они скажут, что идентифицируют себя как женщины.

Х. Шварц (Schwartz 2016) полагает, что изменения, происходящие в обществе под влиянием ПК, имеют далеко идущие последствия: происходит трансформация самовосприятия и усиление роли «первобытной» сущности человека. Изменяется подход к категоризации мира, поиску в нем своего места и системе межличностных взаимоотношений, что иллюстрируют следующие примеры.

(10) В 2019 г. русская коллега побывала в США на свадебной церемонии, на которой девушка вышла замуж (или женилась?) сама на себе. Церемония сопровождалась брачными клятвами.

(11) В августе 2020 г. был переименован музей в Сан-Диего, существующий с 1915 г. Старое название “*Museum of Man*” было изменено на “*Museum of Us*”. Споры вокруг названия продолжались с 1990 г. Некоторые женщины отказывались заходить в музей, так как считали его «памятником патриархату» (The Sun. 04.08.2020).

Процессы также включают смену семиотических знаков на невербальном уровне. В 2012 г. Оксфордский университет переписал свой (очень строгий!) дресс-код. Теперь женщины могут посещать официальные мероприятия в костюмах и бабочках, а мужчины – в юбках и колготках, что удовлетворяет требованиям трансгендерных студентов. Полиция одного из графств Уэльса (*Dyfed Powys*) ввела для своих сотрудников гендерно-нейтральные формы в стиле «унисекс».

3.6. Парадоксы политической корректности и инклюзивности

Хотя политическая корректность и инклюзивный язык направлены на защиту социально уязвимых групп населения и улучшение общественного климата, с ними связан ряд парадоксов, вызывающих тревогу.

1. Голоса за политическую корректность, – пишет Дж. Хьюз, – громче всего звучат не в тоталитарных государствах, а в свободном западном мире, особенно в США, где свобода слова является конституционным правом (Hughes 2014). Последние политические события в США и Западной Европе также подтверждают это утверждение.

2. Несмотря на то, что цель ПК – тактичное, позитивное общение, стремление не обидеть окружающих, попытки ее повсеместного внедрения вызывают глубокие противоречия, волны ненависти и насилия. Исследователи, анализирующие соответствующие коммуникативные практики, приходят к выводу, что ПК стала «палкой о двух концах», поскольку вызывает неловкость, недоверие и трения во взаимоотношениях (Ely et al. 2006). Возникает глубокий водораздел между разными социальными группами, который, очевидно, можно в значительной степени объяснить плохой коммуникацией, неспособностью договориться о терминах и нормах коммуникации.

3. Хотя речь идет об инклюзивности, некоторые группы населения, напротив, исключаются из коммуникативных практик. Так, например, организация *Black Lives Matter Denmark* провела в Копенгагене демонстрацию с участием 15 тыс. человек, на которой впереди могли идти только чернокожие участники; белым также было запрещено выкрикивать некоторые лозунги. В 2019 г. в объявлении об одной из научных конференций, явно позиционирующей себя как инклюзивная, было сказано, что принять в ней участие могут только те, кто идентифицирует себя как женщины (*trans, binary and cis*), независимо от их академической должности, образовательного уровня, физического состояния, этнической и классовой принадлежности.

4. С одной стороны, рекомендуется не упоминать без необходимости расу, гендер, возраст и другие параметры идентичности; с другой – если они

не упоминаются, говорящего или пишущего могут обвинить в том, что определенные группы населения «невидимы», то есть им не уделяется должного внимания.

5. Благородная борьба против дискриминации чернокожего населения приводит к развитию «реверсивного расизма», или обратной дискриминации, направленной против белых [anti-white racism]. Выше уже говорилось о лозунге *White Lives matter*, который не признается сторонниками *BLM*. В США звучат высказывания типа: “*The problem in this country are whites*” [«Проблема в этой стране – белые»]. В Великобритании семидесятилетний телеведущий Джон Сноу был вынужден извиняться после того, как, комментируя митинги против Брексита, произнес фразу:

(12) “*I have never seen so many white people in one place, it’s an extraordinary story*” [«Никогда не видел столько белых в одном месте, это поразительно»].

Во время проведенного в 2015 г. в США опроса 43% респондентов заявили, что дискриминация белых становится столь же серьезной проблемой, как дискриминация чернокожих (Ross 2015).

6. Эвфемизмы превращаются в свою противоположность – обретают нежелательные коннотации, поскольку обозначают какие-либо неприятные явления (см. например, историю употребления слов *invalid*, *handicapped*, *disabled*; неоднозначное отношение к лексемам *queer*, *lesbian*, *gay*).

7. По первоначальному замыслу, инклюзивный язык должен более точно отражать социальное разнообразие в картине мира. Однако во многих случаях идет противоположный процесс, поскольку упоминание различных социальных групп может быть расценено как политически некорректное. Так, например, Т. Сандеева утверждает, что американские школьные учебники скучны, не креативны и отличаются поверхностностью; в них представлена идеализированная жизнь, далекая от действительности, где отсутствует любого рода неравенство. Использование слов *old* или *elderly* рассматривается как проявление дискриминации по возрасту; женщину нельзя показывать как домохозяйку [*caregiver*], так как это гендерный стереотип; в одной из школ запретили старую и всеми любимую детскую книжку “*The Little Engine that Could*” («Паровозик, который мог», 1930 г.), так как паровозик там мужского рода (Sundeyeva 2010). Сейчас все громче звучат призывы переписать учебники истории, чтобы отразить в них более значительную роль чернокожих и представителей разных сексуальных меньшинств.

8. У политической корректности сложные отношения с наукой, литературой и искусством. Ученые отказываются исследовать «опасные» темы, например, сопоставление мужчин и женщин; проблемы, связанные с матерями-одиночками, бездомными, ожирением, алкоголем и наркотиками; высказываться за оценку ученых по их заслугам, а не исходя из принципа равенства, так как могут быть обвинены в политической некорректности, подвержены остракизму со стороны коллег, уволены из университета (Краусс

2020, Berezow 2016). Ограничивается круг тем, обсуждаемых в медицинском дискурсе (Daniels, 2017). В 2020 г. на сайте *CNN* появилась информация, где вместо слова *women* было использовано словосочетание “*individuals with a cervix*” [«индивидуумы с шейкой матки»] (Cresco 2020), что вызвало бурные обсуждения в СМИ. В январе 2020 г. Британская медицинская ассоциация рекомендовала своему персоналу обращаться к будущим матерям “*pregnant people*”, а не “*women*”.

Ученые, придерживающиеся традиционных взглядов, обеспокоены тем, что «политически корректные» преподаватели университетов лишают студентов возможности ознакомиться со взглядами величайших ученых прошлого – «мертвых белых мужчин», таких как Аристотель и Фрейд, – и взамен включают в программы труды современных женщин и представителей этнических и сексуальных меньшинств не в силу их значимости, а в угоду мультикультурализму и прочим политическим веяниям.

Из школьных и университетских программ и библиотек изымаются книги, такие как «Гекльбери Финн» Марка Твена и «Убить пересмешника» Харпер Ли, несмотря на то, что на этих произведениях воспитывалась нетерпимость к расовой дискриминации не только у многих поколений американцев, но и жителей других стран. Причина тому – употребление в этих книгах слова *nigger*. В издании «Гекльбери Финна» 2011 г. это слово было заменено на *slave*, а *injun* – на *Indian*. «Как только вы это делаете, – пишет П. Мессент, – книга перестает быть произведением, написанным Твеном» (Messent 2011). Театры отказываются ставить некоторые пьесы Шекспира, чтобы не быть обвиненными в антисемитизме («Венецианский купец»), расизме («Отелло»), сексизме («Укрощение строптивой»).

9. ПК может использоваться в спекулятивных целях, поскольку каждая категория людей при желании может представить себя как ущемленная. Например, во время проведения кампании в защиту женщин Национальный студенческий союз США запретил выкрики и аплодисменты, так как это могло вызвать беспокойство среди нервных студентов. В одном из колледжей Кембриджа из меню были изъяты блюда под названием “*Jamaican Stew*” и “*Tunisian Rice*”, так как иностранные студенты пожаловались, что вкус этих блюд не вполне «правильный» и расценили это как «акт микроагрессии».

3.7. Политическая корректность и свобода слова

Несмотря на то, что ПК ориентирована на защиту дискриминируемых социальных групп, она устанавливает запреты, которые вступают в конфликт с правом человека на свободное выражение своих мыслей. Один из эпиграфов, который Дж. Хьюз использовал в уже цитированной выше монографии (Hughes 2014), размышляя о свободе слова, – это высказывание русского писателя Е.И. Замятина: «Настоящая литература может быть только там, где ее делают не исполнительные и благонадежные чиновники, а безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики...».

Анализируя понятие цензуры, Д. Лессинг назвала ПК «самой мощной тиранией умов в так называемом свободном мире» (Lessing 2001, p. ix). Дж. Хьюз, в свою очередь, приводит слова К. Хитченса, написанные в 1994 г., о том, что «впервые в американской истории те, кто призывает к расширению прав, одновременно призывают к ограничению свободы слова» (приводится по: Hughes 2014). Об актуальности проблемы в наше время свидетельствует выход в свет ряда монографий, авторы которых также выступают в защиту свободы слова (Fox 2018, Morgan 2020, Murray 2019, Sparrow 2018).

В 2019 г. Дж.К. Роулинг, автор знаменитого «Гарри Поттера», вызвала бурю негодования, написав в своем твиттере: “*Trans women are women. Trans men are men. Non-binary people are non-binary*” [«Транс-женщины – это женщины. Транс-мужчины – это мужчины. Небинарные персоны – небинарные»]. «Левые» использовали по отношению к ней инвективу: *TERF – Trans Exclusionary Radical Feminist* и попытались подвергнуть ее бойкоту, который в английском языке обозначается выражениями *cancelling / being or getting cancelled. Cancel culture* – это новый вид коммуникативной практики, предполагающий бойкотирование знаменитостей, отказ обращать внимание на их творчество за выражение политически некорректных взглядов. В современной российской прессе и Википедии этот термин переводится как «культура отмены», однако представляется, что перевод неточен, что подтвердил проведенный нами опрос в большой онлайн-группе переводчиков. Респонденты предлагают следующие трактовки термина: «практика бойкота, исключения, вычеркивания, игнорирования, остракизм, травля».

7 июля 2020 г. в журнале *Harper’s Magazine* было напечатано открытое письмо под названием *A Letter on Justice and Open Debate* [Письмо о справедливости и открытой полемике], которое подписали более 150 известных общественных деятелей, писателей, ученых (Дж.К. Роулинг, Н. Хомский и др.). В числе прочего, в письме говорится о том, что в обществе превалирует нетерпимость к чужому мнению и отказ от открытого выражения своих взглядов в угоду политическому конформизму. Постоянно сужаются рамки того, за чем не последует акт возмездия. «Демократическая инклюзивность, – пишут авторы, – может быть достигнута, только если мы поднимем голос против нетерпимого климата, установившегося с обеих сторон» (*A Letter on Justice... 2020*). Этот и другие приведенные выше примеры указывают на противоречие между политической корректностью и свободой слова.

3.8. Политическая корректность в контексте межкультурной коммуникации

Непрерывающаяся эволюция языка, связанная с политической корректностью и инклюзивностью, создает сложности для дипломатов, представителей международных организаций, переводчиков, преподавателей иностранных языков, путешественников и студентов. Трудности обусловлены различиями в культурных нормах и ценностных ориентациях, грамматическом оформлении и семантике высказываний, их ассоциативных связях и т.д.

Например, можно утверждать, что в русском языке нет адекватного перевода для слова *Black*. Сложности возникали даже при написании данной статьи. Теоретически слово *негр* в русском языке нейтрально. Однако в настоящее время начинает ощущаться влияние английского языка, особенно среди образованной молодежи – все чаще это слово воспринимается как политически некорректное. Возникла интересная ситуация – влияние извне привело к появлению языковой лакуны. Русское слово *черный*, применяемое по отношению к людям, отрицательно маркировано еще сильнее, чем *негр*, что удалось выяснить при опросе большого количества русскоязычных студентов; кроме того, в России оно часто используется как инвектива по отношению к кавказцам. Избегая слов «негр» и «негритянский», русские затрудняются найти им замену. Существуют слова *темнокожий*, *африканец*, *афроамериканец*, *представитель негроидной расы* и т.д., однако ни одно из них не является универсальным: *африканец* обозначает только жителей Африки; *афроамериканец* исключает представителей негроидной расы, проживающих за пределами Америки; слово *темнокожий* также не вполне удовлетворительно, так как темнокожими могут быть не только представители негроидной расы, но и, например, латиноамериканцы или индусы. В данной статье использовано слово *чернокожий*, так как оно, на наш взгляд, наиболее близко по своей семантике слову *Black* и не отмечено негативными коннотациями.

Сложность составляет и расхождение между языками по линии наличия/отсутствия грамматического рода, обуславливающее различную концептуализацию гендера. Носители языков, где есть грамматический род, считают описанные выше дебаты вокруг рода существительных безумием, поскольку род изначально «назначен» существительному, в том числе и неодушевленному, и согласующимся с ним частям речи, в то время как для носителей английского языка это может быть сознательным выбором. Думается, что именно это обстоятельство обусловило коммуникативный сбой, описанный Василием Аксеновым в книге «В поисках грустного бэби» (2000), когда он сравнил цензуру с истеричной дамой и был обвинен американскими феминистками в мужском шовинизме. На самом деле к созданию метафоры его, по-видимому, подтолкнуло то, что слово «цензура» в русском языке женского рода. Проблемы с грамматическим родом также четко прослеживаются на примере ребенка-билингва, который говорит о девочке-однокласснице: *У меня есть друг, его зовут Файена*.

Потенциальной проблемой при переводе с английского языка на русский может стать склонение фамилий – как известно, некоторые из них, в особенности иностранные, склоняются в мужском роде и не склоняются в женском. А что делать, если человек с такой фамилией не идентифицирует себя ни как мужчина, ни как женщина?

Кроме того, сложность понимания и употребления эвфемистических конструкций со стороны русского коммуниканта обусловлена тем, что наш язык

не сильно обременен нормами политической корректности. Причины такого положения дел – это отсутствие в России соответствующих законов и инструкций, равно как и несформированность данного понятия в сознании большинства носителей русского языка.

4. Выводы и заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) на протяжении своей почти столетней истории понятие политической корректности эволюционировало, сопровождаясь как положительными, так и отрицательными коннотациями; в настоящее время отношение к ней оказалось в центре противоречий между правыми и левыми политическими силами, демократами и республиканцами;

2) пришедшая на смену ПК языковая инклюзивность основана на сходных с ней языковых механизмах: исключении инвектив, относящихся к различным аспектам личностной идентичности; отказе от слов, которые в процессе использования обрели нежелательные коннотации и ассоциации; избегании стереотипизации; изменении семантики слов; эвфемии; ложных семантических связях;

3) новые языковые явления, связанные с ПК и инклюзивностью, включают небинарный подход к отражению гендера, изменения в концептуализации расы, возраста и физического состояния личности;

4) применение принципов ПК приводит к возникновению новых коммуникативных практик, оказывающих большое влияние на различные аспекты социальной жизни;

5) хотя политическая корректность и инклюзивный язык направлены на защиту социально уязвимых групп населения и улучшение общественного климата, с ними связан ряд нежелательных тенденций, таких как противоречия между различными социальными группами; развитие обратной дискриминации против белых; сложные отношения политической корректности с наукой, литературой и образованием; использование ПК в спекулятивных целях; ограничение свободы слова;

6) развитие политически корректной межкультурной коммуникации осложнено непрекращающейся эволюцией языка, расхождением в культурных нормах и ценностных ориентациях, различиями в грамматическом оформлении и семантике языковых единиц, культурно-специфическими ассоциативными связями.

Описанные в статье явления – это реальность сегодняшнего дня. Проблема политической корректности многогранна и представляет большой интерес с лингвокультурологической, эпистемологической и социолингвистической точек зрения. Усвоение норм инклюзивности – это не просто смена языка, это смена мировоззрения, переосмысление представлений о нравственности, интериоризация иных ценностных ориентиров. Однако можно утверждать, что в современных англоязычных обществах вопрос о формировании

норм политической корректности без перегибов и ограничения свободы слова остается открытым, а, следовательно, поднятые в статье вопросы еще долго будут оставаться актуальными. Перспективы дальнейшего исследования также заключаются в углубленном анализе норм политической корректности, используемых в межкультурном взаимодействии в сферах дипломатии, спорта, образования, культуры и т.д.

© Olga A. Leontovich, 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Иванова О.Ф. Политкорректность в России // Вестник Евразии. 2002. С. 62–71 [Ivanova, Olimpiada F. 2002. Politkorrektnost' v Rossii (Political correctness in Russia). *Vestnik Evrazii* 62–71].
- Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с. [Leontovich, Olga A. 2011. *Metody kommunikativnyh issledovanij* (Methods of communication research). Moscow: Gnozis. 224 p.]
- Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М.: Гнозис, 2005. 341 с. [Leontovich, Olga A. 2005. *Russkie i amerikancy: paradoksy mezhkul'turnogo obshhenija* (Russians and Americans: paradoxes of intercultural communication). Moscow: Gnozis. 341 p.]
- Леонтович О.А., Якушева Е.В. Понимание – начало согласия: межкультурная семейная коммуникация. М.: Гнозис, 2014. 224 с. [Leontovich, Olga A., Yakusheva, Ekaterina V. 2014. *Ponimanie – nachalo soglasija: mezhkul'turnaja semejnaja kommunikacija* (Understanding as the beginning of agreement). Moscow: Gnozis. 224 p.]
- Майба В.В. Политическая корректность как лингвоидеологическое явление и ее рецепция в русской лингвокультуре. Ростов-на-Дону: РГУПС, 2016. 107 с. [Majba, Vita V. 2016. *Politicheskaja korrektnost' kak lingvoideologicheskoe javlenie i ee reserpcija v russkoj lingvokul'ture* (Political correctness as a lingua-ideological phenomenon and its reception in Russian culture). Rostov-na-Donu: RGUPS. 107 p.]
- Палажченко М.Ю. К вопросу о политической корректности, настоящей и мнимой, и политике двойных стандартов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. М., 2004. №1. С. 81–89 [Palazhchenko, Marina Ju. 2004. *K voprosu o politicheskoi korrektnosti, nastojashhej i mnimoi, i politike dvojnyh standartov* (The problem of political correctness, real and imaginary). *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 19, Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* 1. 81–89].
- Рубина Н.Б. Эфемизм и политическая корректность в современном английском языке // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2011. №4. С. 35–40 [Rubina, Nonna B. 2011. *Jefemizm i politicheskaja korrektnost' v sovremennom anglijskom jazyke* (Euphemism and political correctness in modern English). *Vestnik RUDN* 4. 35–40].
- Савватеева Л.В. Метаязык коммуникации: лингвистическая политкорректность и социальная толерантность // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 10 (66). С. 27–32 [Savvateeva, Ljubov' V. 2008. *Metajazyk*

- kommunikaciji: lingvističeskaja politkorrektnost' i social'naja tolerantnost' (Metalinguage of communication: linguistic political correctness and social tolerance). *Vestnik Tambovskogo universiteta* 10 (66). 27–32].
- Цурикова Л.В. Политическая корректность как социокультурный и прагмалингвистический феномен // Эссе о социальной власти языка / Под ред. Л.И.Гришаевой. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. С. 94–103 [Curikova, Ljubov' V. 2001. Politicheseskaja korrektnost' kak sociokul'turnyj i pragmalingvističeskij fenomen (Political correctness as a sociocultural and pragmalinguistic phenomenon). In L.I. Grishaeva (eds.), *Jesse o social'noj vlasti jazyka* (Essay on social power of language). 94–103. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet].
- Швейцер А. Д. Некоторые проблемы языковой политики в США // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. 1996. № 2. С. 11–16 [Shvejcer, Alexandr D. 1996. Nekotorye problemy jazykovoju politiki v SShA (Some problems of linguistic policy in the USA). *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language* 2. 11–16].
- Ayim, Maryann. 1998. Just how correct is political correctness? A critique of the opposition's arguments. *Argumentation* 12. 445–80.
- Berezow, Alex. 2016. Political correctness prevents advancement of science. *American Council of Science and Health*. URL: <https://www.acsh.org/news/2016/08/11/political-correctness-prevents-advancement-of-science> (accessed 12 August, 2020).
- Blommaert, Jan. 2005. *Discourse. A Critical Introduction*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Daniels, Anthony. Medical correctness. *The New Criterion*. Vol. 35. № 5. (January, 2017): 29.
- Fairclough, Norman. 2003a. *Analysing discourse*. New York, Routledge.
- Fairclough Norman. 2003b. Political correctness: The politics of culture and language. *Discourse and Society* 14 (1). 17–28. DOI: 10.1177/0957926503014001927
- Fox, Claire. 2018. *I find that offensive*. Biteback Publishing.
- Haney López, Ian. 2014. *Dog whistle politics: How coded racial appeals have reinvented racism and wrecked the middle class*. Oxford University Press, USA.
- Hall, Stuart. 1994. Some “politically incorrect” pathways through PC. In S. Dunant (eds.), *The War of the Words: The Political Correctness Debate*. 164–184. London: Virago Press.
- Hughes, Geoffrey. 2009. *Political correctness: A history of semantics and culture*. Wiley-Blackwell.
- Kimball, Roger. 1998. *Tenured radicals: How politics corrupted our higher education*. New York: Harper Collins.
- Kuran, Timur. 1995. *Private truths, public lies*. Cambridge: Harvard University Press.
- Larina, Tatiana, Vladimir Ozyumenko & Douglas Mark Ponton. 2019/2020. Persuasion strategies in media discourse about Russia: Linguistic ambiguity and uncertainty. *Lodz Papers in Pragmatics* 15 (1). 3–22. DOI: 10.1515/lpp-2019-0002
- Lessing, Doris. 2001. Censorship and the climate of opinion. Foreword in *Censorship: A World Encyclopedia*. vii – x. Fitzroy Dearborn Publishers.
- Moller, Dan. 2020. Dilemmas of political correctness. *Journal of Practical Ethics*. URL: <http://www.jpe.ox.ac.uk/papers/dilemmas-of-political-correctness/> (accessed 11 August, 2020).
- Morgan, Piers. 2020. *Wake up*. HarperCollins Publishers.
- Murray, Douglas. 2019. *The madness of crowds*. Bloomsbury.
- Perry, Ruth. 1992. A short history of the term ‘politically correct’. In Patricia Aufderheide (ed.), *Beyond PC: Toward a politics of understanding*. Graywolf Press.
- Roper, Cynthia. Political correctness. In: *Encyclopaedia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/topic/political-correctness> (Accessed 5 July, 2020).

- Schwartz, Howard S. 2016. *Political correctness and the destruction of social order*. Springer International Publishing AG.
- Sparrow, Jeff. 2018. *Trigger warnings*. Scribe Publications.
- Weiss, Gilbert & Ruth Wodak (eds.). 2007. *Critical discourse analysis: theory and interdisciplinarity*. London, Basingstoke, New York: Palgrave, Macmillan.

Источники практического материала / Sources of Practical Material

- Аксенов В. В поисках грустного бэби. М.: Изографус; ЭКСМО-Пресс, 2000. 560 с. [Aksyonov, Vasily. 2000. *V poiskakh grustnogo bebi* (In Search of Melancholy Baby). Moscow: Izografus; EKSMO-Press.].
- Краусс Л. The Wall Street Journal (США): Развращающее влияние идеологии на науку 18.07.2020 [Krauss, Lawrence. *Razvrashhajushhee vlijanie ideologii na nauku* (The corrupting influence of ideology on science) (in Russ.)]. URL: <https://inosmi.ru/social/20200718/247776659.html> (accessed: 20 July, 2020).
- ААРА Statement on Race & Racism. URL: <https://physanth.org/about/position-statements/aaara-statement-race-and-racism-2019/> (accessed: 23 July, 2020).
- A letter on justice and open debate. 2020. Harpers'. URL: <https://harpers.org/a-letter-on-justice-and-open-debate/> (accessed: 12 August, 2020).
- Chow, Kat. 2016. 'Politically correct': The phrase has gone from wisdom to weapon. Code Switch. URL: <https://www.npr.org/sections/codeswitch/2016/12/14/505324427/politically-correct-the-phrase-has-gone-from-wisdom-to-weapon> (accessed: 15 June, 2020).
- Crespo, Gisela. 2020. American Cancer Society now recommends cervical cancer screening start at 25, not 21. *CNN*. URL: <https://edition.cnn.com/2020/07/30/health/new-cervical-cancer-screening-recommendations-wellness/index.html#:~:text=%28CNN%29%20Individuals%20with%20a%20cervix%20are%20now%20recommended,guideline%20rel eased%20Thursday%20by%20the%20American%20Cancer%20Society> (accessed: 17 August, 2020).
- Garcia, Laleña. 2018. Mirrors and Windows. Black Lives Matter at NYC Schools. URL: <https://blmedu.wordpress.com/2018/01/31/mirrors-and-windows-by-lalena-garcia/> (accessed: 14 July, 2020).
- Gibson, Caitlin. 2016. How 'politically correct' went from compliment to insult. *Washington Post*. URL: https://www.washingtonpost.com/lifestyle/style/how-politically-correct-went-from-compliment-to-insult/2016/01/13/b1cf5918-b61a-11e5-a76a-0b5145e8679a_story.html?utm_term=.19da582509e3 (accessed: 3 July, 2020).
- Goldman, Russell. 2014. Here's a list of 58 gender options for Facebook users. URL: <https://abcnews.go.com/blogs/headlines/2014/02/heres-a-list-of-58-gender-options-for-facebook-users> (accessed: 18 June, 2020).
- Hamilton C. 2015. Political correctness: its origins and the backlash against it. *The Conversation*. URL: <https://theconversation.com/political-correctness-its-origins-and-the-backlash-against-it-46862> (accessed: 23 July, 2020).
- Hannah, Mark. 2016. Political correctness is an absolute must. *Time*. URL: <https://time.com/4405217/trump-political-correctness-obama/> (accessed: 8 July, 2020).
- Inclusive language. 2020. Graduate Writing Center, Seattle University. URL: <https://www.seattleu.edu/education/graduate-writing-center/style--language/inclusive-language/#:~:text=What%20is%20inclusive%20language%3F,as%20part%20of%20a%20group.> (accessed: 5 June, 2020).
- Karlson, Jay. 2006. 10 ridiculous cases of political correctness. URL: <http://listverse.com/2010/10/26/10-ridiculous-cases-of-political-correctness/> (accessed: 24 May, 2020).

- Lopez, German. 2016. The sneaky language today's politicians use to get away with racism and sexism. *Vox*. URL: <https://www.vox.com/2016/2/1/10889138/coded-language-thug-bossy> (accessed 18 May, 2020).
- Maher, Bill. 2016. Bill Maher pens blistering essay on Hillary as “Charlie Brown”, Trump and Why Bernie Sanders, socialist, can win. *The Hollywood Reporter*. URL: <https://www.hollywoodreporter.com/features/bill-maher-pens-blistering-essay-hillary-as-charlie-brown-trump-why-bernie-sanders-socialist-can-win-863493> (accessed: 19 July, 2020).
- Messent, Peter. 2011. Censoring Mark Twain's ‘n-words’ is unacceptable. *The Guardian*.
- Mounk, Yascha. 2018. Americans strongly dislike PC culture. *The Atlantic*.
“My needs are not special”. URL: <https://hellomichelleswan.com/my-needs-are-not-special/> (accessed: 6 August, 2020).
- O'Connor A.M. 2019. Should you be using gender-neutral language with your kids? *She KNOWS*. URL: <https://www.sheknows.com/parenting/articles/2115116/gender-neutral-parenting-terms/> (accessed: 15 June, 2020).
- Ross, Janell. 2015. White Americans long for the 1950s, when they didn't face so much discrimination. *The Washington Post*.
- Sundeyeveva, Tatyana. 2010. Political correctness gone too far? *Kcmamu. Russian American News and Views*. URL: <http://kstati.net/political-correctness-gone-too-far/> (accessed: 1 August, 2020).
- Syrett, Kristen. 2020. The language of racism: Why it's time to get rid of master bedroom, cake walk, grandfather clause. URL: <https://www.wbur.org/hereandnow/2020/07/23/language-racism-enslavement> (Accessed 15 May, 2020).
- Weigel, Moira. 2016. Political correctness: how the right invented a phantom enemy. *The Guardian*.
- What is diversity & inclusion? Global Diversity Practice. URL: <https://globaldiversitypractice.com/what-is-diversity-inclusion/> (accessed: 15 June, 2020).
- World Wide Words. Investigating the English language across the globe: Niggardly. URL: <https://www.worldwidewords.org/qa/qa-nig1.htm> (accessed: 15 June, 2020).

Электронные ресурсы / Internet Resources

- Brotman, Stuart. 2016. For Trump, being politically incorrect is now ‘PC’. URL: <https://thehill.com/blogs/pundits-blog/presidential-campaign/288840-trumps-politically-correct-paradox> (accessed: 17 June, 2020).
- Ely, Robin J., Debra Meyerson, Martin N. Davidson. 2006. Rethinking political correctness. *Harvard Business Review*. <https://hbr.org/2006/09/rethinking-political-correctness> (accessed: 1 June, 2020).
- Roper, Cynthia. 2013. Political correctness. *Encyclopaedia Britannica* URL: <https://www.britannica.com/topic/political-correctness> (accessed: 5 July, 2020).

Article history:

Received: 18 August 2020

Accepted: 18 December 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18 августа 2020

Дата принятия к печати: 18 декабря 2020

Bionote:

Olga A. LEONTOVICH, Doctor habil., is Professor and Chair of the Department of Intercultural Communication and Translation at Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia) and Professor of Tianjin Foreign Studies University (Tianjin, China). She has authored over 220 publications. Her research interests embrace communication studies, discourse analysis, cultural anthropology, sociolinguistics and intercultural communication.

Contact information:

Volgograd State Socio-Pedagogical University

27 Lenin Prospect, Volgograd, 400066, Russia

e-mail: olgaleo@list.ru

ORCID: 0000-0002-0972-4609

Сведения об авторе:

Ольга Аркадьевна ЛЕОНТОВИЧ – доктор филологических наук, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации Волгоградского государственного социально-педагогического университета (ВГСПУ); профессор Тяньцзиньского университета иностранных языков (г. Тяньцзинь, КНР). Автор более 220 публикаций. Основные сферы научных интересов – теория коммуникации, дискурс-анализ, лингвокультурология, социолингвистика, межкультурная коммуникация.

Контактная информация:

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Россия, 400066, г. Волгоград, пр. Ленина, 27

e-mail: olgaleo@list.ru

ORCID: 0000-0002-0972-4609

DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-221-249

Research article

Immediate recall as a secondary text: Referential parameters, pragmatics and propositions

Anna A. PETROVA and Marina I. SOLNYSHKINA

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan, Russia

Abstract

Since the process of recalling combines comprehension and speech production, it is viewed as an extremely complex though understudied linguo-cognitive phenomenon. Recalls as secondary texts or text derivatives are also considered to be a good material to explore cognitive aspects of secondary texts production, information conversion procedures and types of transformations of primary texts. The notion of ‘secondary texts’ also implies multiplicity, as an original text may be retranslated into numerous secondary texts different in quality and degree of completeness. The purpose of the study is to model the propositional secondary retold texts and to identify the specifics of the recipients’ interpretation of the main event in the text. It is aimed at discriminating the differences between the primary expository text and its 134 immediate recalls produced by 15-year old native Russian speakers. In order to reveal the specifics of the propositional content of a primary expository text and its recalls, their recipients used the following methodological operations: the description and interpretation of the semantic roles of the first and second arguments aligned to predicates on the basis of the verbs’ semantic properties; the employment of the psycholinguistic model of the utterances generation; the characteristic of memory as a complex of cognitive and mnemonic processes; the definition of cognitive-semantic discourse structures; and the understanding of a proposition as a stable component of an utterance independent of the surface grammar. The comparison of the original text and its recalls with the use of innovative “denotative maps” enabled us to define successful and unsuccessful expression of propositional structures and the main idea of the original text. The classification of texts includes four groups based on the number of the reproduced propositions and types (weak or successful) of the reflection of the primary text denotative card. The authors designed and successfully implemented an innovative 11 stage-algorithm of revealing patterns of a printed text comprehension and its immediate recalls including the primary visual perception of the text, its primary interpretation, reading, encoding, reflection, preparation for an oral presentation, desobjectivation (distribution of semantic roles), interpretation, reflection, oral implementation and text. The work fills in certain gaps in the research, such as the specifics of immediate recalls production, identification of changes in propositional structures of immediate recalls, and expanding the corpus of semantic roles similar to Frame Net. The findings can be successfully applied in natural language processing and linguistic didactics.

Keywords: *immediate recalls, recipient, denotative map, proposition, natural language processing*

For citation:

Petrova, Anna A. & Marina I. Solnyshkina. 2021. Immediate recall as a secondary text: Referential parameters, pragmatics and propositions. *Russian Journal of Linguistics* 25 (1). 221–249. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-221-249

Неподготовленный устный пересказ как вторичный текст: референциально прагматические и пропозициональные характеристики

А.А. ПЕТРОВА, М.И. СОЛНЫШКИНА

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия

Аннотация

Пересказ, или текст-дериват, объединяя в себе восприятие и порождение речи, является малоизученным и чрезвычайно сложным лингвокогнитивным феноменом, позволяющим обратиться к когнитивным особенностям порождения вторичных текстов, способам преобразования информации, а также к типам трансформаций первичного текста. Вторичность является общим свойством любых текстов-дериватов и представляет собой признак, по которому тексты-дериваты различаются между собой. Из этого следует, что от одного первичного текста может быть образовано множество вторичных текстов, представляющих с разным качеством и степенью полноты первичный текст. Предлагаемая работа посвящена изучению соотношения первичного письменного текста и его деривата – вторичного устного текста-пересказа. Цель работы состоит в моделировании пропозиционального содержания вторичных текстов-пересказов и выявлении специфики интерпретации главного события текста его реципиентами. В качестве материала использованы учебный текст-оригинал и 134 текста-пересказа, выполненных носителями русского языка. Для выявления специфики пропозиционального содержания вторичных текстов-пересказов и интерпретации главного события текста его реципиентами были использованы следующие методологические операции: описание семантических ролей и интерпретация первого и второго аргументов с позиций семантики предиката; применение концепции психолингвистической модели порождения высказывания; характеристика функционирования памяти как сложного познавательного и мнемического процесса, определение когнитивно-семантических структур актуального дискурса, понимание пропозиции как стабильного компонента, не зависящего от состава поверхностной структуры высказывания. Тексты оригинала и пересказов сравнивались на основе разработанных денотативных карт в зависимости от успешности передачи пропозициональных структур и основной идеи текста-оригинала. Классификация текстов включает четыре группы пересказов в зависимости от количества воспроизведенных пропозиций и типов (слабое/успешное) отображений денотативной карты первичного текста. Новаторским является предлагаемый авторами алгоритм изучения этапов и закономерностей смыслового восприятия письменного текста и его устного воспроизведения, включающий 11 этапов: первичное визуальное восприятие, первичная интерпретация, чтение, кодирование, рефлексия, подготовка к устному изложению, распределенное понимание, интерпретация, рефлексия, устная реализация, текст. Работа заполняет ряд исследовательских ниш, таких как специфика порождения вторичных текстов, выявление метаморфоз пропозициональных структур неподготовленных пересказов, расширение эмпирической базы корпусных исследований в области составления словарей семантических ролей типа FrameNet, и может найти практическое применение в автоматической обработке текстов и лингводидактике.

Ключевые слова: *неподготовленный текст, реципиент, денотативная карта, пропозиция, обработка естественно-языковых текстов*

Для цитирования:

Петрова А.А., Солнышкина М.И. Неподготовленный устный пересказ как вторичный текст: референциально прагматические и пропозициональные характеристики. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25. № 1. С. 221–249. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-221-249

1. Введение

Тема работы связана с изучением процесса порождения вторичных устных текстов, трактуемого в настоящем исследовании как создание одного текста на базе другого. Вторичными являются тексты, порождаемые в результате различных мнемических и ментальных фаз аналитико-синтетической обработки исходных первичных текстов. В качестве рабочей выступила гипотеза о том, что в процессе устного пересказа письменного текста, т.е. создания вторичного текста, наблюдается ряд когнитивных процессов, способствующих полной или частичной реструктуризации пропозиций первичного текста. При этом продукт устного пересказа обнаруживает семантические добавления, упрощения или смещения, находящие отражение как в глубинных связях актантно-предикатных составляющих пропозиций, так и в самом количестве пропозиций.

Цель работы состоит в моделировании пропозиционального содержания вторичных текстов-пересказов и выявлении специфики интерпретации главного события текста его реципиентами.

Реализация данной цели предполагает решение следующих задач: 1) моделирование денотативной структуры письменного исходного учебного текста и аналогичных структур устных вторичных текстов-пересказов; 2) моделирование глобальных пропозиций (макропропозиций), репрезентирующих макроситуации, и пропозиций, репрезентирующих микроситуации исходного и вторичных текстов; 3) сопоставление макропропозиций и пропозиций исходного и вторичных текстов; 4) выявление вариантов несоответствий (утрата или добавление атомарных пропозиций, трансформация элементов пропозиций, трансформация эксплицитных макропропозиций, фиксация замещающих и замещаемых пропозиций) пропозициональных структур письменного исходного учебного текста пропозициональным структурам устного текста-репродуктива.

«Несоответствия» могут проявляться в следующем: а) дискретизация устной речи осуществляется благодаря сознательной (мыслительной) деятельности человека, в процессе которой непрерывная устная речь сегментируется и соотносится с лингвистическими и содержательными представлениями; б) содержательная информация в устной речи образуется непрерывно, часто без постоянного контроля со стороны говорящего, и отличается неорганизованностью в деталях, незавершенностью и непостоянством, которые компенсируются акцентно-интонационным переструктурированием, авторкоррекцией, интервалами в звучании, переинтерпретациями и оговорками;

в) письменная речь, напротив, пространственно-линейно организована, кодифицирована и нормирована, подвержена предварительному обдумыванию, планированию и коррекции, логична построена; г) устный пересказ как феномен устной речи подвержен ее закономерностям (Земская 2004).

2. Восприятие первичных текстов и порождение вторичных текстов как объекты исследований разных областей знания

Проблема порождения вторичных текстов сопряжена с проблемой порождения речи, восходит к генеративной грамматике Н. Хомского (Chomsky 1969, Chomsky 1986) и, благодаря многолетним теоретическим и практическим изысканиям, приобретает новый ракурс и смысл. В настоящее время изучается реальный механизм протекания речевой деятельности как процесса, связанного с восприятием речи (оформленной в виде письменного текста или озвученной вслух) и созданием речевого высказывания (в письменной или устной форме), т.е. от его истоков в мыслительной деятельности человека до завершающих стадий оформления мысли в слове и передачи ее в целом тексте.

Этапам и закономерностям восприятия текста, а также видам его пересказа (письменным или устным) посвящено большое количество исследований из разных, часто смежных областей знания: психологии, психолингвистики, лингвистики, когнитологии, герменевтики (Богин 2001, Голев 1989, Дейк, Кинч 1988, Дейк 1989, Дридзе 2000, Жинкин 1982, Земская 2004, Зимняя 2001, Исенбаева 2009, Ключев 2002, Леонтьев 2005, Леонтьев 2007, Мустайоки 2006, Новиков 1983, Петрова, Солнышкина 2019, Сахарный 1989, Chomsky 1969, Chomsky 1986, Fillmore 1968, Fillmore 1977, Fillmore 1982, Friederici 1995, Lyashevskaya, Kashkin 2015, Mustajoki 2012, Petrova, Rebrina 2016 и др.).

Отправной точной преимущественного большинства вышеуказанных исследований является обращение к когнитивным процессам реципиентов, таким как интерпретация, понимание и осмысление процессов референции, концептуализации и категоризации реальных и мыслимых объектов, предикативности и пропозициональности, запоминания и извлечения из памяти, в том числе в онтогенетическом плане (см. Petrova, Rebrina 2016), объективизации замысла в процессе формирования и формулирования мысли посредством языка.

Тем не менее, выделяя общий терминологический аппарат, следует признать, что подходы к проблемам восприятия текста у выделенных областей знания различны, и связано это в большей степени с отношением к языку, с включением языка в объект исследования восприятия текста. Так, одна часть исследователей склоняется к герменевтическому подходу, к моделям восприятия текста (Богин 2001, Дридзе 2000, Шелестюк 2010), в то время как другая часть работает в рамках психолингвистического направления изучения восприятия текста (Жинкин 1982, Зимняя 2001, Леонтьев 2005, Леонтьев 2007).

Как отмечают ученые, занимающиеся проблемами герменевтики, герменевтику трудно излагать в герменевтических терминах, но попытки объяснить ее в прагматическом ключе применительно к проблемам порождения текста, первичности и вторичности текстов приводят к мысли о ее близости психолингвистическим феноменам, таким как «связность и цельность текста» (Сахарный 1989: 121). При этом синтагматическая природа связности, заложенная в определенных способах и средствах, реализует в сукцессивной структуре текста его симультанную цельность. Такое соотношение связности = сукцессивности и цельности = симультанности приводит Л.В. Сахарного (Сахарный 1989) к идее о существовании в языковой способности человека «номиоцентрической» (симультанной = цельной с минимумом специальных средств связанности) и «предикатоцентрической» (сукцессивной, обеспечивающей построение развернутых связных текстов) грамматик. Последняя «обладает достаточно мощным аппаратом специальных средств связности (преимущественно средств трансформационных преобразований) для организации текста» (Сахарный 1989: 146). В аспекте нашего исследования значимым, полагаем, является то, что именно данные грамматики участвуют в пропозициональном структурировании первичных и вторичных текстов по принципу процедур свертывания (макропропозиции: Дейк, Кинч 1988, Дейк 1989) и развертывания (главные и субпропозиции: Мустайоки 2006, Fillmore 1968, Fillmore 1977, Fillmore 1982, Lyashevskay, Kashkin 2015) семантических вех текста. Такой подход позволяет выделить в макропропозиции ее цельность и симультанность, а в пропозициях – связность и сукцессивность. Существенным в аспекте изучения динамики порождения вторичного текста в процессе понимания исходного текста является использование содержания понятия номинации, которое сопряжено с понятием текста. В основе образования номинации и текста лежит один и тот же механизм – предикирование. «Оба представляют собой и процесс, и результат речевой деятельности, однако, номинация в большей степени результативна, а текст – в большей степени процессуален, следовательно, номинация тяготеет к свертыванию, тогда как текст – к развертыванию. При всем различии текста и номинации они предполагают друг друга» (Исенбаева 2009: 60).

В психолингвистике «текст трактуется не как «жесткая» двусторонняя единица с четко зафиксированными планом выражения и планом содержания, а как особым образом организованная форма, связанная с содержанием, от предельно обобщенного, фиксирующего некоторое содержание, до разных по степени детализации возможных интерпретаций этого содержания» (Сахарный 1989: 123).

При оценке восприятия, понимания первичных текстов и их интерпретации, а также при оценке порождения вторичных текстов мы придерживаемся интегративного подхода, базирующегося на единой теории психических процессов: восприятие невозможно без памяти, запоминание невозможно без

восприятия, а внимание невозможно без мышления, которое, по Л.С. Выготскому (Выготский 1982: 307), «совершается» в слове и, таким образом, связано с лингвистикой.

Согласно лингвистике текста и деривационной текстологии, формированию замысла текста-деривата предшествует осмысление другого («чужого») текста, которое ориентируется на последующее выражение осмысленного в соответствии с жанром первичного текста-оригинала. Вторичность, являясь общим свойством любых текстов-дериватов, представляет собой одновременно признак, по которому тексты-дериваты различаются между собой. Из этого следует, что от одного первичного текста может быть образовано множество вторичных текстов, представляющих с разным качеством и степенью полноты первичный текст (см. Петрова, Солнышкина 2019: 278). Этот аспект проявляется наиболее ярко, если в отношения вступают первичный письменный текст и его дериват – вторичный устный текст-пересказ. Следует отметить, что основная масса работ в области восприятия и порождения речи исследует письменную форму вторичного текста (сочинения, рефераты, резюме) и лишь единицы изучают устные ретрансляты (Куканова 2008, Грудева, Губушкина 2020).

Именно данной проблеме посвящено настоящее исследование, результаты которого позволят уточнить понимание вторичных текстов, порожденных в рамках сценария неподготовленного пересказа, выявить метаморфозы их пропозициональных структур, расширить эмпирическую базу корпусных исследований в области составления словарей семантических ролей и конструкций, синтаксических словарей типа FrameNet-ориентированных ресурсов (Framenet), а также найти практическое применение в автоматической обработке текстов и лингводидактике.

Концепция работы базируется на следующих положениях.

1) В ряде научных направлений, изучающих семантическую структуру предложения, прослеживается стремление описать компоненты семантической структуры: предикаты, актаны, сирконстанты (А. Мустайоки, Е.В. Падучева, Н.Ю. Шведова и др.); описать только объективное содержание предложений (пропозиции), выявить типы пропозиций (Т.Б. Алисова, Т.П. Ломтев, О.И. Москальская и др.); описать не только объективное, но и субъективное содержание предложения: диктум и модус (Н.Д. Арутюнова, Т.В. Шмелева и др.). Обобщив наблюдения в рамках данных направлений, мы используем инвентарь семантических ролей, разработанных для русского языка Е.В. Кашкиным и О.Н. Ляшевской (Кашкин, Ляшевская 2013: 334) при создании системы FrameBank, и исходим из следующих принципов: интерпретация первого и второго аргумента с позиций семантики предиката; построение объема роли с учетом прототипа и периферии; существование двоянных ролей и их расщепление.

2) При анализе порождения устного текста-пересказа мы исходим из психолингвистической модели порождения высказывания И.А. Зимней (Зимняя

2001). Данная модель не противоречит другим моделям (А.А. Леонтьев, Т.В. Ахутина), но уточняет их. По концепции И.А. Зимней, формирующий уровень речепроизводства, осуществляемый фазами смыслообразования и формулирования, одновременно актуализирует механизм выбора слов, механизм временной развертки и артикуляционную программу; последняя объективирует замысел в процессе формирования и формулирования мысли посредством языка.

3) Устная реализация неподготовленного текста-пересказа связана с функционированием памяти как сложного познавательного или мнемического процесса, включающего запоминание, сохранение, воспроизведение и забывание и сопровождающегося мнемическими переживаниями (В.И. Еременко, В.В. Нуркова, К.Н. Василевская). При этом «мнемические переживания взаимосвязаны с характеристиками мнемической продукции, даны субъекту в сознании, могут быть отрефлексированы и выражены в интерактивном поведении реципиента, они могут характеризоваться уровнем тревожности, наличием или отсутствием чувства уверенности, степенью когнитивной переработки материала, наличием или отсутствием эмоционального компонента, активностью поиска информации в памяти» (Еременко 2007: 8, 17, Elosúa, García-Madruga, Vila, Gómez-Veiga & Gil 2013).

4) Характер когнитивно-семантических структур актуального дискурса и их взаимодействие детерминированы общей прагматикой текста и целеполаганием (Арутюнова 1973, Арутюнова 1982, Гусаренко 2015, Гусаренко 2016, Гусаренко 2017, Ключев 2002, Падучева 2010). При построении модели актуального дискурса основополагающим является положение о том, что пропозиция есть стабильный, неизбежно присутствующий компонент, не зависящий от состава поверхностной структуры высказывания, образуемый при когнитивной обработке высказывания. Из этого следует, что «для более глубокого понимания процедур оперативной обработки речевых произведений необходимо в первую очередь рассматривать взаимодействие пропозиции с другими когнитивно-семантическими структурами, участвующими в когнитивной обработке высказывания» (Гусаренко 2015: 163).

3. Материал и методология

Итак, основными в исследовании выступали следующие методологические операции: описание семантических ролей и интерпретация первого и второго аргументов с позиций семантики предиката; применение концепции психолингвистической модели порождения высказывания; характеристика функционирования памяти как сложного познавательного и мнемического процесса, определение когнитивно-семантических структур актуального дискурса, представление пропозиции как стабильного компонента, не зависящего от состава поверхностной структуры высказывания.

Условия проведения эксперимента. 134 реципиентам, 15-летним учащимся 9-х классов общеобразовательных школ, носителям русского языка,

был предложен учебный текст для ознакомительного чтения с бумажного носителя. Источником текста послужил учебник Л.Н. Боголюбова «Обществознание. 10 класс» (Боголюбов 2009). Время чтения не ограничивалось, но не превысило 4 мин. Объем текста составил 252 слова.

В ходе предварительного этапа исследования было осуществлено психолого-лингвистическое тестирование респондентов, включающее следующие тесты: субтест на общую осведомленность, тест Векслера (WISC)¹, тест на тревожность² и тест на владение русским языком (McCarthy, McNamara, Solnyshkina, Tarasova & Kupriyanov 2019). По результатам тестирования была сформирована группа из 134 респондентов с приблизительно одинаковым уровнем осведомленности (12–17 баллов), тревожности (17–25), владения русским языком (4–6). Такая схема отбора респондентов обеспечила присутствие в выборке представителей типической группы изучаемой генеральной совокупности респондентов – школьников 9-го класса.

Для обозначения устного текста пересказа мы применяем в качестве синонимов следующие термины: вторичный текст, текст-пересказ, текст-реконструкция, репродуктив, ретранслят, репродукт, дериват (деривационная текстология: как образование текста (Т-2) от текста (Т-1)). При этом вторичный текст взаимодействует с первичным текстом по принципу первичности/вторичности, исходности/производности, простоты/сложности (Голев 1989).

На первом этапе исследования при определении количества и состава пропозиций первичного текста была предпринята попытка интегрировать несколько научных подходов и методик, а именно дискурсивный подход (Дейк 1989), метод семантического анализа, основными понятиями которого являются «пропозиция» и «база текста», денотативный анализ (Бабенко, Казарин 2005, Дейк, Кинч 1988, Дейк 1989, Новиков 1983), а также анализ семантической структуры высказываний в текстах-пересказах. Результатом интеграции стала пропозициональная модель денотативной структуры текста, основанная на вычленении внутренней структуры пропозиции, детерминируемой числом и характером составляющих ее элементов, т.е. актантов (субъект, объект, адресат, инструмент) и сирконстантов (обстоятельств: локатив (место); темпоратив (время)) (Мустайоки 2006, Fillmore 1968, Fillmore 1977, Fillmore 1982, Lyashevskaya, Kashkin 2015). При этом обязательным для понимания, по мнению Т.А. ван Дейка, является «создание носителем языка семантического представления дискурса в форме базы текста, состоящей из локально и глобально связанной последовательности пропозиций» (Дейк 1989: 73). Пропозиция в рамках данного подхода рассматривается как семантический инвариант, стабильное семантическое ядро и представляет «интеллектуальную модель ситуации» (Шмелева 1983: 43). Иными словами, пропозиция – это

---

¹ Тест интеллекта Векслера / детский вариант (6,5–16,5 лет) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dbglab.ru/slovar-dannykh/221/> (дата обращения: 24.01.2021).

² Интегративный тест тревожности [Электронный ресурс]. URL: https://psylab.info/Интегративный_тест_тревожности (дата обращения: 24.01.2021).

языковой аналог ситуации, вербализованная модель ситуации как факта экстралингвистической реальности. В состав пропозиции входят актанты, способные к референции (субъект, объект, предикат).

Описание текста-оригинала (а также и каждого текста-ретранслята на третьем этапе исследования) осуществлялось при помощи денотативных карт, представляющих систему денотатных признаков текста, в состав которой входят три группы компонентов: 1) опорные элементы текста или смысловые вехи, подтемы, доминанты повествования; 2) элементы текста, подчиненные доминантам повествования и связанные с ними; 3) предикатные связи – предметные отношения между денотатами. Основным денотатам текста соответствуют подтемы и субподтемы, связанные между собой предметными отношениями: подтемы «замещают достаточно широкое содержание и выступают в качестве основного предмета соответствующего фрагмента», субподтемы «относятся к подтеме и образуют следующий уровень связей» (Новиков 1983: 137–138). На поверхностном уровне денотаты выражены именами, а отношения между ними – предикатными знаками.

Семантические роли в пропозициональных схемах обозначались при помощи следующих условных знаков: А (X) – Деятель, А – Актант, Ag – Агенс, Cir (temp) – Сирконстанта времени, Cir (loc) – Сирконстанта места, Obj – Объект, G – Цель, S – Источник, Th – Тема, Dat – Датив, Ben – Бенефактив, Obl – Прочие, Rec – Реципиент, Act – Актор, N – Нейтрал; модификатор: Caus – Каузация; спецификатор: Neg – Отрицание; типы предикатов: Ac – Действие, Ex – Существование, Ch – Характеристика, Id – Идентификация и Классификация.

На втором этапе исследования аудиозаписи устных пересказов были транскрибированы по правилам устной разговорной речи, а затем с помощью выбранных методик анализа был зафиксирован состав пропозиций устных вторичных текстов.

На третьем этапе вторичные устные тексты, сопоставлялись с первичным текстом и определялась специфика устных интерпретаций содержания первичного письменного текста. При этом вслед за С.В. Гусаренко мы исходили из того, что «в ходе дискурсивной деятельности неизбежны семантические потери, которые являются следствием энтропийных процессов, сопутствующих функционированию актуального дискурса» (Гусаренко 2006: 101). Когнитивные действия, с одной стороны, «соотносят высказывание с внеязыковой реальностью, то есть представляют собой референциальные акты, с другой – формируют собственно лингвистический смысл высказывания, то есть являются пропозициональными актами» (Гусаренко 2006: 103). С учетом того, что «вторичный текст продуцируется в форме устного пересказа и обладает всеми характеристиками устной монологической речи (линейность и «одноразовость» презентации высказывания), а также данными об ограничениях на запоминание и обработку информации (processing constraints) человеческой памятью» (Дейк, Кинч 1988: 174), мы также полагаем, что в процессе усвоения дискурсивного образования неизбежно теряется его смысловая целостность, вплоть до почти полной утраты первоначальной структуры

и содержания, и остается только то, что Т.А. ван Дейк назвал макроструктурами дискурса – теми смысловыми образованиями, которые остаются после прочтения текста или усвоения разговора и существенно отличаются от первоначальных форм и первоначального содержания (Дейк 1989)³.

4. Денотативная карта исходного текста

Единицей исследования вторичного устного текста является синтагма. Из всех речевых единиц она единственная функционирует в обеих формах речи – устной и письменной. При переходе устной (внутренней) речи в графическую синтагма, меняя свою материальную форму, сохраняет речепорождающую функцию. Фразы при этом трансформируются в предложения (Филатова 2019: 322). Синтагма как ситуативная единица индивидуального сознания реализуется в однословной и составной формах. Однословная синтагма коррелирует с основной единицей языка – словом, которое является строительным материалом предложения. Слово – константная единица общественного сознания; его значение задано для всех носителей языка и закреплено словарями (Филатова 2019: 319). При анализе первичного письменного текста на предмет его пропозициональных составляющих основной единицей выступает слово, способное реализоваться в предикатно-актантной структуре предложения.

Пропозиции текста-оригинала. Оригинал текста «О лидерстве» насчитывает 82 пропозиции, большая часть которых является логическими пропозициями, фиксирующими результат умственных операций; объем текста – 252 слова.

В соответствии с принципом выделения ключевых слов, или «смысловых вех» (воспроизводство в тексте в функции ремы высказываний, связанность с другими подчиненными элементами текста), в терминологии А.И. Новикова (Новиков 1983), а также с правилами выведения макропропозиций (опущение, построение), приведенными Ван Дейком и У. Кинчем (Дейк, Кинч 1988: 153–211), мы зафиксировали макроструктуры первичного текста.

Текст может быть разделен на три смысловых блока со следующими макропропозициями: а) блок 1, 108 слов. «*Изучение лидерства. Выделение двух фундаментальных лидерских ролей. Действия инструментального лидера. Действия экспрессивного лидера*»; б) блок 2, 59 слов. «*Выделение психологом Л.И. Уманским и его учениками новых типов лидеров*»; в) блок 3, 85 слов. «*Процессы лидерства. Формальный лидер и неформальный лидер*». Указанные смысловые вехи в нашем понимании представлены в каждом изученном тексте-ретрансляте.

Как уже указывалось, при сопоставлении денотативных карт текста-оригинала и текстов-ретранслятов выделялись смысловые вехи, элементы

---

³ Возможно, макроструктуры на уровне языковой реализации смысла в максимально свернутом виде представляют собой некие ключевые слова или их набор. По этому поводу см. также (Грудева, Губушкина 2020).

текста, подчиненные доминантам повествования, а также предикатные связи. Дополнительно указывался тип связей между элементами текста – референтный или референцированный. Референтный тип выявлен в случаях, если имеет место соотношение с конкретным референтом, а референцированный – с референтной группой или через референтную среду. В последнем случае читателю необходимо провести ряд когнитивных и логических операций, позволяющих установить связи между кореферентными наименованиями.

Мы сравним более подробно первый блок текста-оригинала (35 пропозиций) с аналогичным блоком в каждом из 134 устных текстов-ретранслятов. Особенности денотативных карт вторичных текстов в первом, втором и третьем блоках текста-оригинала аналогичны и различаются исключительно семантическими классами предикатов.

Устные пересказы разделились на четыре группы по успешности передачи пропозициональных структур и в целом основной идеи текста-оригинала: группа 1 с наименьшим количеством пропозиций и ложным отображением денотативной карты текста; группа 2 с меньшим количеством пропозиций и слабым отображением денотативной карты текста; группа 3 с большим количеством пропозиций и адекватным отображением денотативной карты текста; группа 4 с адекватным или превышающим количеством пропозиций и успешным отображением денотативной карты текста.

Рассмотрим денотативную карту первого блока текста-оригинала.

Начальное предложение «Изучение лидерства ведется около ста лет» представляет собой две пропозиции «некто изучает что-то», «нечто длится какое-то время», где присутствует семантически предполагаемый, но лексически не обозначенный А (X) – деятель – актанта (A) – агенса (Ag). Пропозиции синтаксически могут быть представлены следующим образом: Ag (X) Pr (X) A, A Pr Cir (temp). В тексте предложения фиксируются следующие элементы: денотаты первого порядка, предикация идеи, предикаты первого порядка; доминантная единица, лексема «лидерство», находящаяся в сильных позициях, в начале и в конце текста, и представляющая собой рему, может замещаться лексемой «лидер», сочетанием лексем «лидерские роли» и идентифицирует главный объект текста. По типу данное высказывание является референцированным.

Второе предложение – «В середине 50-х гг. XX в. были выделены две фундаментальные лидерские роли – роль инструментального (делового, целевого) лидера и роль лидера социально-эмоционального (экспрессивного)». Как видим, оно включает в себя пропозиции Cir Ag (X) Pr A «кто-то выделил что-то» и A Pr (X) A conj A «что-то является/есть что-то» и объективирует именную структурную схему с конъюнкцией. Аналогично первому предложению фиксируются денотаты первого порядка, предикация идеи, предикаты первого порядка. При этом доминантные единицы, лексема «лидер» и сочетание «лидерские роли», находящиеся в сильных позициях, т.е. в начале и в конце текста, представляют собой рему; восходят к лексеме

«лидерство», идентифицируют главный объект текста; тип высказывания – референцированное. Как видим, глагол «выделен» употреблен в форме пассивного залога от глагола «выделять»; семантизируется как глагол, отображающий ситуацию поиска объекта⁴. Совмещенная семантическая модель для глагола «выделять» следующая. Типовая семантика: Живое существо ищет, находит в результате поиска что-л. скрытое, утерянное. Базовая модель: Субъект – предикат поиска – объект. Основные предикаты: искать, находить. Совмещенная семантическая модель: Модель «Субъект – предикат поиска и интеллектуальной деятельности – объект»: Человек обнаруживает что-л. в результате размышлений. МСС⁵: N1Vf; Inf; Vpl 3 ♦ ОРП: N4, где МСС – минимальные структурные схемы; ОРП – основные, наиболее частотные расширители предиката. Предикаты: находить что-то, изобретать что-то, открывать что-то.

Третье предложение «Первая роль включает действия, направленные на организацию группы для достижения цели деятельности, решение поставленной перед группой задачи» пропозиционально представлено как А Pr (включает) А; А (X) Prs (действует); А (X) Prs (направляет) conj (организует) А; А (X) Prs (ставит цель = планирует что-то) conj (достигает) А (X) (субпропозиция); А (X) Prs (решает) А; А (X) Prs (поставил) А. Зафиксированы предикаты второго порядка, денотаты второго уровня; субподтемы подчинены подтеме, доминантам текста. В предложении имеют место референцированные связи, поскольку конкретный референт отсутствует, а предмет высказывания соотносится с более или менее широким кругом референтов, таких как «роль, группа».

Четвертое предложение «Инструментальный лидер – лидер, обладающий наибольшими знаниями и компетентностью, необходимыми для решения групповых задач и достижения целей» реализует следующие пропозициональные схемы: А Pr (0) А; А Prs (обладает) А; А Prs (знает) А; А Prs (решает) А; А Prs (достигает) А. Фиксируются денотаты первого порядка, предикация идеи, а также предикаты первого порядка. Доминантная единица – лексема «лидер» находится в сильных позициях, в начале и в конце текста, представляет собой рему и может замещаться сочетанием лексем «лидерские роли», идентифицирует главный объект текста. Тип высказывания определяем как референтное, поскольку текст указывает на конкретного референта – лидера. Для пропозиций, лежащих в основе предложений типа «Инструментальный лидер – лидер», типичны именные предикаты характеризующей семантики. Предикатам данного типа свойственна относительная независимость от времени: их «...потенциальная атемпоральность проявляется в способности к употреблению в общих суждениях» (Булыгина 1982: 14).

⁴ Экспериментальный синтаксический словарь / под ред. Л.Г. Бабенко. URL: <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2847> (дата обращения: 04.08.2020).

⁵ N1 – сущ. в имен. пад., Vf – личная форма глагола, Inf – инфинитив, Vpl 3 – глагол в форме 3 л. множ. числа, N4 – сущ. в косв. пад. По этому поводу см. также (Lang, Schneider, Schwinn, Suchowolec & Wöllstein 2020).

Пятое предложение «Вторая роль представляет действия, относящиеся в основном к межличностным отношениям и регулирующие их» насчитывает следующие пропозиции: А (X) Prs (действует); А Pr (представляет) А; А Pr (относятся) А; А (X) Prs (относится) А (X); А Pr (регулируют) А. В пятом предложении фиксируются предикаты второго порядка, денотаты второго уровня (субподтемы, подчинены подтеме, доминантам текста). Тип высказывания – референцированное.

Шестое предложение «Экспрессивный лидер – лидер, влияющий на эмоциональную атмосферу группы, благодаря способности выражать интересы, мнения, настроения группы, уменьшать напряжение в ней»: А Pr (0) А; А Pr (влияет) А; А Pr (имеет) А; А Pr (выражает) А; А Pr (уменьшает) А; А (X) Prs (напрягать) А (X). В данном предложении фиксируются денотаты первого порядка, предикация идеи, предикаты первого порядка. Доминантная единица – лексема «лидер», как и в четвертом предложении, находится в сильных позициях: в начале и в конце текста, представляет собой рему, объективируя таким образом референциальную связность текста, она может замещаться сочетанием лексем «лидерские роли»; тип высказывания – референтное.

В седьмом предложении «Его отличает способность откликаться на переживания других, понимать эти переживания, находить время для сочувствующей беседы» реализованы следующие пропозициональные схемы: А Pr (имеет) А; А Pr (откликается) А; А Prs (переживает); А Pr (понимает) А; А Pr (находит) А; А Prs (сочувствует) А (X); А Prs (беседует) А (X). Зафиксированы предикаты второго порядка, денотаты второго уровня (субподтемы), вступающие во множественные пересекающиеся связи с главным денотатом «лидер»; тип высказывания – референцированное.

Как видим, в пяти из семи предложений имеется референцированный тип высказываний и только в двух – референтный, что указывает на сложность текста и необходимость читателю осуществлять дополнительные когнитивные операции (о сложности текста см.: Hausendorf, Kesselheim, Kato & Breitholz 2017, Kendeou, van den Broek, White & Lynch 2007, McCarthy, McNamara, Solnyshkina, Tarasova & Kupriyanov 2019, McNamara 2001, McNamara, Kintsch, Songer & Kintsch 1996, McNamara & Magliano 2009, Solovyev, Solnyshkina, Gafiyatova, McNamara & Ivanov 2019, Solovyev, Solnyshkina & Ivanov 2019).

5. Пропозициональные структуры и референциальные характеристики неподготовленных устных пересказов

Рассмотрим образцы четырех вышеуказанных текстов-ретранслятов: 1) пересказ респондента К9004⁶ с наименьшим количеством пропозиций и

---

⁶ Подробно об осуществлении исследования и респондентах см. на сайте: https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/F2118867644/Otchet.RNF.2019_18_18_00436.pdf?p_random=543719.

ложным отображением денотативной карты текста; 2) пересказ респондента К9089 с меньшим количеством пропозиций и слабым отображением денотативной карты текста; 3) пересказ респондента К9074 с большим количеством пропозиций и адекватным отображением денотативной карты текста; 4) пересказ респондента К9126 с адекватным или превышающим количеством пропозиций и успешным отображением денотативной карты текста.

5.1. Пересказ респондентов из группы с наименьшим количеством пропозиций и ложным отображением денотативной карты текста

Начало пересказа: *лидерство / подразумевает собой / (...)⁷ два качества (...)* // *там (... 3 сек.) может быть экспрессивный лидер это / который / лидер / который переживает со своей / со своими (...)* *подчиненными // а те эмоции / и инструментальный лидер / лидер / который обладает большим количеством знаний (...)* // *и (... 5 сек.) он (...)*. Конец пересказа первого блока текста-оригинала.

Первая фраза пересказа фиксирует попытки операции построения, применяемой для создания макропропозиций (Дейк, Кинч 1988), при которой несколько значимых замещаемых пропозиций двух начальных предложений первичного текста должны заместиться на одну замещающую в пересказе на основании более общего значения последней. Здесь мы обнаруживаем явление другого порядка: модель «субъект – предикат поиска и интеллектуальной деятельности – объект: человек обнаруживает что-л. в результате размышлений» заменяется на модель «субъект – предикат воображения / предположения – объект: человек предполагает что-л., имеет догадки о чем-л.»; при этом реструктурируются не только предикаты, но и предикатные группы. Так, оба предиката (*выделять* → *подразумевать*) в актантно-предикатных структурах базовых моделей предполагают наличие субъекта, агенса – человека, а не абстрактного понятия «лидерство» (актанта), не способного к какому-либо виду деятельности, тем более ментального плана. Согласно «Русскому семантическому словарю» (Русский... 2007: 238) глагол «подразумевать» имеет значение «предполагать в мыслях кого-что-н., иметь в виду, не высказывая». «Экспериментальный синтаксический словарь» семантизирует глагол «предполагать» как глагол, входящий в класс предложений, отображающих ситуацию поиска объекта, а именно предложений, отображающих ситуацию воображения и предположения. Типовая семантика: *Человек* мысленно представляет что-л., воспринимает в мыслях, мечтах, фантазии, предполагая, догадываясь, воображая что-л. Базовая модель: *Субъект* – предикат воображения / предположения – объект. Основные предикаты: *воображать, предполагать, представлять. Человек* предполагает что-л., имеет догадки

---

⁷ Многоточие в скобках (... 3 сек.) обозначает паузы, цифра – длительность пауз в секундах; / – конец синтагмы; // – окончание фразы.

о чем-л. MCC: N1Vf; Inf; Vpl 3 ♦ ОПП: N2; N4; (о) N6⁸. Базовая модель глагола «подразумевать» по Framebank⁹ также: «Я подразумеваю под этим следующее: *Snom V Sacc под + Sins*».

В актантно-предикатной группе меняется также и объект предположения *роль* → *качество*. При этом гиперонимического сдвига, а также эквивалентной замены, интерпретации, сжатия (или компрессии) здесь не наблюдается. Фактически данная пропозиция является ложной, с утраченными, невысвеченными сирконстантами времени.

В ретрансляте фиксируется также операция построения, то есть замены нескольких значимых пропозиций источника на одну в пересказе на основании общего значения: *способность откликаться на переживания других, понимать эти переживания* → *который переживает со своей / со своими (...)* *подчиненными*.

Данный вариант пересказа для первого блока первичного текста насчитывает семь пропозиций, из которых две – неразвернутые, номинализированные, с элиминацией предикатно-актантной структуры и скрытой конъюнкцией: «*a те эмоции /; и (... 5 сек.) он (...)*». Согласно теории разговорной речи здесь наблюдаются также расчлененные парцелированные конструкции «*экспрессивный лидер это / который / лидер/*», «*лидер / лидер / который*» с многочисленными незаполненными паузами, одно- и двусловными синтагмами, именительным темы и элементами автокоррекции «*со своей / со своими*».

5.2. Пересказ из группы с меньшим количеством пропозиций и слабым отображением денотативной карты текста

Приводим полный транскрипт всего текста-репродуктива, который отображает один блок текста-оригинала и попытки пересказа всего текста.

Начало пересказа: *a (...)* *изучение (...)* *a лидерских отношений / ведется э уже несколько лет // a (...)* *в середине двадцатого века / выделили два э (... 3 сек.) / выделили два э (... 3 сек.) э две лидерских роли // э (...)* *первая это э (...)* *роль э (...)* *инструментального / a вторая э это роль со-социально э-эмоционального // не э первая роль вк э (... 8 сек.) не (... 8 сек.) не a первый (...)* *счас первая роль (... 11 сек.) э ... (... 3 сек.) a первой э роль э изучают э (...)* *межличностные отношения / a во второй a э (... 5 сек.) социально-деловые // э (...)*. Конец всего пересказа.

В устном ретрансляте наблюдается изменение пациенса и модификаторов пропозиции, сирконстантов времени: а) по принципу гиперонимической замены и расширения значения понятия, не искажающее, впрочем, основное содержание: *около ста лет* → *несколько лет*; *в середине 50-х гг. XX в.* → *в середине двадцатого века*; б) по принципу гипонимической замены

⁸ Экспериментальный синтаксический словарь.

⁹ FrameNets In Other Languages. URL: https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/framenets_in_other_languages (accessed 15 June 2020).

пациенса: *Изучение лидерства ведется около ста лет → изучение (...) а лидерских отношений / ведется э уже несколько лет.* Следует заметить, что реципиент, безусловно, обладает определенными фоновыми знаниями по вопросу о лидерстве. Так, из психологии известно, что основой лидерства является специфический тип отношений управления, или лидерский тип. Лидерство отождествляется с наличием связанных с психикой человека отношений между лидером и его последователями. В этом случае можно признать, что замещаемая и замещающая пропозиции по предикатно-актантной структуре и семантическому наполнению практически идентичны.

В этом варианте пересказа фиксируются также две пропозиции со скрыто присутствующими актантами, именными предикатами характеризующей семантики, структурной схемой которых является «Ni соор Ni(X)» при нулевой связке. Невысвеченный актант «лидер» легко реконструируется из предыдущего контекста: *первая это э (...) роль э (...) инструментального / а вторая э это роль со-социально э-эмоционального/.* Вторая пропозициональная структура «выделили два э (... 3 сек.) / выделили два э (... 3 сек.)» не является пропозицией, поскольку не изменяет фактического положения вещей, ощущается как десемантизированная хезитационная конструкция, свойственная разговорной речи. С одной стороны, это тавтологические конструкции «выделили два э (... 3 сек.) / выделили два э (... 3 сек.) э», повторяющие предикат основной пропозиции «некто выделил что-то когда-то» с элементами автокоррекции «выделили два э (... 3 сек.) э две лидерских роли/». С другой стороны, тавтологический повтор позволяет нам реконструировать когнитивный поиск семантической связи в пропозициональной структуре с невыраженным агенсом *Cir A(X) Pr A*. С точки зрения разговорной речи это также расчлененная структура.

Другие элементы пересказа: а) *ne (... 8 сек.)* – вокально-консонантный комплекс представляет собой начальные сочетания звуков; с точки зрения закономерностей построения цепи сигналов является информативным звуко-комплексом, в котором каждая последующая единица предсказывается предыдущими и, таким образом, может быть легко реконструирована (*ne* = *первая роль*; *вк* = *включает*). Можно предположить линейный поиск и извлечение из памяти элементов пропозициональной структуры (субъектов, объектов и их связей), попытку их семантизации и вербализации; б) *счас* – элемент мнемического переживания, своего рода слово-паразит, асемантическая единица речи, не несущая информационной нагрузки и не выполняющая дополнительных функций, имеющих отношение к информационному содержанию речи. Характерные черты этих слов или сочетаний – избыточность, немотивированность, несовпадение со словарным значением, повышенная частотность в тексте, интонационное выделение, неучастие в предложении, сочетание с паузами, вызванными затруднением в речи.

Данный вариант пересказа насчитывает девять пропозиций, из которых одна – со скрытым предикатом, одна пропозиция не развернута со скрытыми актантами и предикатом.

Консонантно-вокальный комплекс «*вк* (CC), *не* (CV), *не* (CV)¹⁰» представляет собой поиск слов, элемент извлечения из памяти конструкторов и структур высказывания, поиск связей семантических сетей: «что-то включает что-то, образует элемент его структуры». Когнитивный поиск связей манифестируется через многочисленные паузы и усеченные структуры лексических единиц высказывания, лексико-семантическая реконструкция которых позволяет гопотетически выстроить следующую синтаксему, не озвученную во внешней речи: «Первая роль включает». Иными словами, фонологические сочетания CC, CV «семантизируют» и предвосхищают появление конкретной лексико-семантической группы. Можно предположить, что консонантно-вокальные комплексы «*вк*, *не*, *не*» фиксируют моторно (моторикой, артикуляцией, артикуляторно) работу внутренней речи. Пропозиция без агенса – деятеля заменяется на пропозицию «некто изучает что-то», и данная пропозиция оформляется элементами синтаксического синтаксиса во внешней речи.

Сравнивая два пересказа, мы констатируем, что в варианте пересказа из группы с меньшим количеством пропозиций и слабым отображением денотативной карты текста реципиент логически верно осуществляет референцию – соотнесение референта с предметным (абстрактным) миром. Это позволяет ему сначала выделить типы лидеров, а потом их роли и функции, поскольку последние не могут выполнять действия, так как не являются деятелями. Таким образом, выделенные выше пропозиции для первого блока текста-оригинала заменяются в тексте-ретрансляте событийными пропозициями с обозначенными деятелями (A) и предикатами действия (Pr), выраженными глаголами активного, а не страдательного залога и передающими глубинную структуру SPO¹¹, усвоенную в процессе речевого онтогенеза.

Семантические и референциальные сложности первичного текста, скрытость референта обусловили неверную референцию, трудности в нахождении и ретрансляции референта во вторичном тексте из группы с наименьшим количеством пропозиций и ложным отображением денотативной карты текста. Попытка заменить референт «лидер» на референт «роли» привела к невозможности выстраивания семантической сети в семантической памяти реципиента и созданию ложных семантических связей, не соответствующих заложенным в первичном тексте. Так, первая роль не связана с межличностными отношениями, а вторая – с социально-деловыми, кроме того, в первичном тексте отсутствует само понятие социально-деловых отношений (*а первой э роль э изучают э (...) межличностные отношения / а во второй а э (... 5 сек.) социально-деловые//*).

¹⁰ «C» обозначает согласные фонемы (от англ. consonant), «V» обозначает гласные фонемы (от англ. vowel).

¹¹ SPO – Subject, Predicate, Object, модель типа предложения с порядком слов «подлежащее, сказуемое, дополнение».

5.3. Пересказ из группы с большим количеством пропозиций и адекватным отображением денотативной карты текста

Начало пересказа: *изучение феномена лидерство ведется около ста лет // в пятидесятых годах двадцатого века / а было выделено а (...) два типа э лидерских ролей // первая / это (...) а (...) лидер инструментальный / и второе / это лидер экспрессивный // первая роль заключается в том / что (...) а (...) лидер обладает наибольшими знаниями / и знаца¹² организацией (...) э социальной группы // а (...) вторая роль лидера / (...) экспрессивная а (...) / заключается в э (...) / с так сказать / в моральной поддержке участников группы // а.* Конец пересказа одного блока текста-оригинала.

Пересказ насчитывает 11 пропозиций. В нем осуществлены операции трансформации исходных замещаемых пропозиций и опущения отдельных элементов актантно-предикатного узла; то, что было выражено в первичном тексте 12 пропозициями, сократилось во вторичном тексте до 3: «*первая роль заключается в том / что (...) а (...) лидер обладает наибольшими знаниями / и знаца организацией (...) э социальной группы*», где «роль имеет своей сутью то, что», «лидер знает» и «лидер организует». Аналогичное наблюдается при описании действий экспрессивного лидера: 16 пропозиций трансформировались в 5. Пересказ производит впечатление определенной макроструктуры, полученной в результате операций сворачивания исходных пропозиций, и представляет собой краткую форму пересказа текста с высвечиванием определенных смысловых вех, таких как «*Изучение лидерства. Выделение двух фундаментальных лидерских ролей. Действия инструментального лидера. Действия экспрессивного лидера*». С точки зрения пропозициональной структуры вторичный текст обнаруживает следующее: 1) расширение пропозициональной структуры за счет актантов с абстрактным значением, восходящим к гиперонимическим отношениям, добавление актантов: *изучение лидерства* → *изучение феномена лидерство*; 2) расширение пропозициональной структуры с включением модификаторов актантов для пациенса: *были выделены две фундаментальные лидерские роли* → *было выделено а (...) два типа э лидерских ролей*; 3) пропозиция с невыраженным абстрактным субъектом «*заключается в э (...) / с так сказать / в моральной поддержке участников группы*» контекстно связывается с доминантной группой «*вторая роль лидера* → *лидер*» и имеет усеченную структуру (X) +V в + Sloc; 4) попытка замены субъекта-агенса на абстрактный субъект-тему «*первая роль включает*

---

¹² Согласно правилам транскрибирования записей устной речи GAT 2 (URL: <http://www.gespraechsforschung-ozs.de/heft2009/px-gat2.pdf>, accessed 4 August 2020), принятым нами в качестве основы для создания транскриптов записей устных пересказов школьников и не имеющим аналогов в практике исследования устных записей русской разговорной речи, словоупотребление «*знаца*», как и его сочетание «*знаца организацией*», не является грамматической или стилистической ошибкой, но является единицей документа, в данном случае транскрипта, не подлежащего дальнейшему корректированию. Транскрипт призван фиксировать дословно и точно то, что озвучено в устной речи.

действия → *первая роль заключается в том*». Так, согласно словарю, значение глагола «включать» трактуется как «поместить, ввести, внести в состав, в число кого-чего-н.» (Русский... 2007: 217) и по Framebank имеет предикатную структуру *Snom* → *агнс* → *Субъект* → *лицо* → *включать, включить* → *Предикат* → *Sacc* → *пациенс* → *Объект* → *в + Sacc* → *конечная точка – множество* → *Периферия*. Значение глагола «закключаться» – «состоять в чем-н., иметь своей сутью что-н.» (Русский... 2007: 90) и по Framebank имеет предикатную структуру *Snom V в + S loc*: *Snom* → *тема* → *Субъект* → *абстрактный* → *закключаться* → *Предикат* → *в + Sloc* → *место* → *Периферия* → *текст*. В пересказе фиксируется также постпозитивное расположение определительного прилагательного, иначе – конструкция, типичная для устной формы коммуникации: в нашем случае – постпозитивное определение ремы: *это (...) а (...) лидер инструментальный / и второе / это лидер экспрессивный; вторая роль лидера / (...) экспрессивная а*. Иными словами, мы наблюдаем в пересказе качества актуализированного синтаксического строя или синтаксиса актуализированного – с расчлененным грамматическим составом предложения, с выдвижением семантически значимых компонентов предложения в актуальные позиции, с нарушением синтагматических цепочек.

5.4. Пересказ из группы с адекватным или превышающим количеством пропозиций и успешным отображением денотативной карты текста

Начало пересказа: *э с существует / э э выделяют / ученые выделяют разные э виды лидерства // э вид лидерства / э уже изучается около ста лет // э изначально выделяли таких лидеров как / э (...) фор э (...) как э и эм эмоциональные / то есть экспрессивные / и э инструментальные // инструментальный лидер / это тот лидер / который наставляет группу на нужный путь // указывает свои э (...) / какие э решения делать принимать / помогать и достижению целей / и (...) других потребностей группы // (...) именно а это / (...) э именная группа э лидера / (...) экспрессивный лидера обл э ой / именно инструментальный лидер / обладает такими качествами как очень сна трудоспособный / и очень э у (...) целеустремленный // они их долг / они считают своим долгом то / чтобы э поставить людей на нужный путь // э экспрессивные лидеры являются лидерами / которые э (...) э в эмоциональном и психологическом плане помогают какой-то группе // они найдут всегда время на какую-то беседу / который нужно / если кому-то надо помочь // они всегда а эмоционально поддерживают лю э группу // э э могут с ними поговорить / э решить их проблемы и так далее //* Конец пересказа одного блока текста-оригинала. Пересказ насчитывает 35 пропозиций.

В данном пересказе осуществлены следующие операции: 1) попытка конкретизировать исходную пропозицию первичного текста путем введения новой пропозиции, нового положения дел, не имеющего места быть в исходном

тексте: *обладает такими качествами как очень сна трудоспособный / и очень э у (...) целеустремленный//; они их долг / они считают своим долгом то / чтобы э поставить людей на нужный путь/; э в эмоциональном и психологическом плане; помогают какой-то группе;* 2) попытка не только передачи информации, но и ее интерпретации и конкретизации, в 65% случаев за счет добавления во вторичном тексте актантно-предикатных узлов, отображающих на семантическом уровне несуществующее положение дел: *могут с ними поговорить / э решить их проблемы, если кому-то надо помочь; который наставляет группу на нужный путь; и (...) других потребностей группы.*

Одним из наиболее распространенных явлений, характеризующих все пересказы, является свободное оперирование сирконстантами пропозиций: они могут выражаться точно, неточно с употреблением слова «около» либо утрачиваться. Так, например, сирконстант времени «*В середине 50-х гг. XX в.*» в данном пересказе был утрачен полностью. Вполне вероятно, что данная информация с точки зрения реципиента не относилась к важным смысловым вехам текста.

Жанр первичного текста влияет на тип устного пересказа таким образом, что в пересказах учебных текстов в 90% случаев осуществляется: 1) замена логических пропозиций на событийные, передающие глубинную структуру SPO, усвоенную в процессе речевого онтогенеза; 2) замена актантов с абстрактным значением на субъекты-агенты – деятелей, активно выполняющих какие-либо действия.

6. Обсуждение результатов

Описание процедуры появления тех или иных единиц вторичного текста является одним из важных моментов в изучении специфики текстов-репродуктивов. В результате реструктуризации пропозициональных структур первичные (письменные) и вторичные (устные) неподготовленные тексты обнаруживают следующее.

1. Частичная реструктуризация пропозиций первичного текста (замещаемые пропозиции) в устном пересказе не нарушает единство его внутреннего (содержательного, смыслового) и внешнего (формально-языкового) плана, определяющего его цельность и связность и являющегося сигналами семантического и смыслового целого. «Денотативная карта» текста, денотативная структура текста, иерархия систем предикатов (предикаты первого порядка (предикация идеи) – макроструктура и макропропозиция), предикаты второго порядка (предикации основного содержания, микропропозиции), представляющие собой замещающие пропозиции) остаются сохраненными. В некоторых случаях наблюдается удержание предикатов третьего и четвертого порядков (предикации полноты содержания). Количество пропозиций сохраняется (16% текстов-ретранслятов), сокращается (75% текстов-ретранслятов) либо увеличивается (9% текстов-ретранслятов). Наблюдаются следующие варианты: трансформация пропозиции образа в несколько субпропозиций,

являющихся результатом ее семантически правильного расчленения; перемещение актантов из субпропозиций в главные пропозиции; введение новых пропозиций, обозначающих новое положение дел и свидетельствующих об этапах интерпретации (вторичная, третичная интерпретация).

2. Полная реструктуризация пропозиций первичного текста в устном пересказе нарушает единство его внутреннего (содержательного, смыслового) и внешнего (формально-языкового) планов, определяющих его цельность и связность. «Денотативная карта» текста, иерархия систем предикатов (предикаты первого порядка (предикация идеи) – макроструктура и макропропозиция), предикаты второго порядка (предикации основного содержания) не сохраняются, частично трансформируются либо утрачиваются. При реактуализации макропропозиции утрачиваются значимые структурные компоненты пропозиции, коммуникативно важные компоненты ремы и вся пропозиция. Предикаты третьего и четвертого порядков (предикации полноты содержания) не фиксируются. Количество пропозиций значительно сокращается. Наблюдается феномен сложного, или многоаспектного, когнитивного диссонанса, реализующегося в комплексе на различных уровнях языковой личности: вербально-семантическом, когнитивном и мотивационно-прагматическом.

3. Таким образом, исходя из анализа материала, мы предлагаем следующую последовательность изучения этапов и закономерностей смыслового восприятия письменного текста и его устного воспроизводства, неподготовленного пересказа, с включением отдельных составляющих процессов восприятия и продукции: (Начало эксперимента / Определение задания) → Первичное визуальное: тактильное восприятие → Первичная интерпретация (текст как письменная фиксация определенной информации на определенном носителе информации) → Чтение / Вторичное визуальное восприятие: индивидуальная техника чтения → Кодирование в памяти (кратковременная память, эпизодическая память): вторичная интерпретация: семантизирующее понимание: когнитивное понимание (референция, денотация, пропозиция-предикация, выделение тема-рематических блоков, макропропозиция-номинализация) → Рефлексия: Первичное искажение → Свертывание: **текст как смысловой сгусток: инвариант** → Подготовка к устному изложению: извлечение из памяти: развертывание: пересказ → Распредмечивающее понимание: реактуализация предикации (макропропозиция-номинализация, реконструкция пропозиций, реконструкция актантов, конструкция субпропозиций, реконструкция тема-рематических блоков) → Третичная интерпретация: осмысление → Рефлексия: прагматическое осмысление: вторичное искажение → устная реализация (автокоррекция, перебивы, тавтологические повторы, усечения словоформ в виде начальных вокально-консонантных комплексов, парцеллированные структуры, именительный темы, аструктурированность, паузы хезитации, десемантизированные хезитационные конструкции, убыстрение или замедление темпа речи) → **текст как вариант**.

Предложенные характеристики «текста-варианта» являются одновременно его неотъемлемыми составляющими, облегчающими школьнику ментальный поиск слов и извлечение их из памяти, создание пропозиционального каркаса, построение тема-рематических блоков и пересказа в целом.

Первичный текст, подвергшийся многочисленным этапам интерпретации и рефлексии, не является содержательно полностью идентичным и прагматически равным вторичному устному тексту, несмотря на то что первичный текст сохраняет свою мотивирующую роль в деривационной структуре вторичного текста. Вторичный текст в таком понимании есть продолжение, развитие, функция исходного текста.

Следует уточнить, что ментальная работа некоторых этапов происходит одновременно и скрыта от исследователя, и лишь теоретические данные и анализ вторичных текстов позволяют реконструировать механизм создания текстов-репродуктивов.

7. Заключение

Оценивать вторичные тексты можно с точки зрения успешности или неуспешности трансфера информации первичного текста; это было бы более справедливым, если бы мы характеризовали вторичный письменный текст, продуманный, многократно логически и грамматически скорректированный в процессе написания. Неподготовленный устный вторичный текст отображает одновременное линейное взаимодействие памяти, языка и моторики при произношении высказывания вслух и, скорее, характеризует способность личности осуществлять связанные устные пересказы.

Анализ семантики единиц вторичного текста, а также их пропозициональных структур показывает, что любая значимая единица вторичного текста мотивирована не только единицами предтекста¹³, но и первичным текстом. Степень мотивированности зависит от действия механизмов замены на семантическом уровне: эквивалентная замена, интерпретация, сжатие, компрессия; их успешность – от фоновых знаний реципиента, его эмоционального настроения, психологических характеристик личности (уровень тревожности), умения и навыков пересказа.

© Anna A. Petrova and Marina I. Solnyshkina, 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

¹³ Предтекстом в данной модели обозначается стадия формирования установки на чтение текста, которая включает, согласно модели, этапы определения задания, первичного визуального: тактильного восприятия, первичной интерпретации.

Финансирование

Эксперимент по пониманию текста и его анализу финансировался грантом Российского научного фонда № 18-18-00436 «Сложность текстов на русском языке». Проектирование и разработка «денотативных карт» выполнены за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

Участие авторов: Солнышкина М.И. – концепция и дизайн исследования; Петрова А.А. – сбор и обработка материалов, анализ полученных данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М.: Прогресс, 1982. С. 5–40. [Arutjunova, Nina D. 1982. *Lingvisticheskie problemy referencii* (Linguistic problems of reference). In *New in Foreign Linguistics*. Vol. 13. 5–40. Moscow: Progress. (In Russ.)].
- Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1973. Т. XXXII. Вып. I. С. 85–95. [Arutjunova, Nina D. 1973. *Ponjatie presuppozicii v lingvistike* (The concept of presupposition in Linguistics). *Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Literature and Language Series XXXII* (I). 85–95. (In Russ.)].
- Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник, практикум. М.: Флинта; Наука, 2005. 496 с. [Babenko, Lyudmila G. & Kazarin, Yurii V. 2005. *Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta. Teorija i praktika: uchebnik, praktikum* (Linguistic analysis of literary text. Theory and practice: textbook, workshop). 496. Moscow: Flinta; Nauka. (In Russ.)].
- Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. Тверь, 2001. 731 с. [Bogin, Georgii I. 2001. *Obretenie sposobnosti ponimat': Vvedenie v filologicheskiju germenevtiku* (Gaining the Ability to Understand: An Introduction to Philological Hermeneutics). 731. Tver'. (In Russ.)].
- Боголюбов Л.Н. Обществознание. 10 класс: учебник для общеобразоват. учреждений: базовый уровень. 5-е изд. М.: Просвещение, 2009. 351 с. [Bogoljubov, Leonid N. 2009. *Obshheetvoznanie. 10 klass: ucheb dlja obshheobrazovat. uchrezhdenij: bazovyj uroven'* (Social Studies. Grade 10: textbook for general education. institutions: basic level). 5th edn. 351. Moscow: Prosveshhenie. (In Russ.)].
- Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1982. С. 7–86. [Bulygina, Tat'yana V. 1982. *K postroeniju tipologii predikatov v russkom jazyke* (Towards the construction of a typology of predicates in Russian). In *Semanticheskie tipy predikatov*. 7–86. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Ван Дейк Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 153–211. [van Dijk, Teun A. & Kintsch, Val'ter. 1988. *Strategii ponimaniya svjaznogo teksta* (Strategies for understanding coherent text). In *New in Foreign Linguistics. Vol. XXIII: Cognitive aspects of language*. 153–211. Moscow: Progress. (In Russ.)].
- Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 312 с. [van Dijk, Teun A. 1989. *Language. Cognition. Communication*. 312. Moscow: Progress. (In Russ.)].

- Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т.2. Проблемы общей психологии / под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982. 504 с. [Vygotskij, Lev S. 1982. *Sobranie sochinenij*: v 6 t. T. 2. *Problemy obshhej psihologii* (Collected works: In 6 volumes. Vol. 2. Problems of General Psychology). V.V. Davydov (ed.). 504. Moscow: Pedagogika. (In Russ.)].
- Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989. 252 с. [Golev, Nikolai D. 1989. *Dinamicheskij aspekt leksicheskoi motivacii* (The dynamic aspect of lexical motivation). 252. Tomsk: Tomskii un-t Publ. (In Russ.)].
- Грудева Е.В., Губушкина А.А. Набор ключевых слов и устный пересказ как вторичные тексты (на материале вторичной речевой деятельности учащихся 6-х классов) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 2 (95). С. 56–72. [Grudeva Elena V. & Gubushkina Anna A. 2020. Set of keywords and oral retelling as secondary texts (by the material of the 6th grade students' secondary speech activities). *Cherepovets State University Bulletin* 2 (95). 56–72. (In Russ.). DOI: 10.23859/1994-0637-2020-2-95-5.
- Гусаренко С.В. Прагматика релевантности в современном русском нарративе (на материале художественных и учебно-научных текстов) // Гуманитарные и юридические исследования. СКФУ. 2016. № 4. С. 220–226. [Gusarenko, Sergei V. 2016. Pragmatics of relevance in modern Russian narrative (on literary and educational scientific texts). *Humanities and Law Studies. NCFU* 4. 220–226. (In Russ.)].
- Гусаренко С.В. Прагматика релевантности в современном русском тексте-описании (на материале художественных и учебно-научных текстов) // Гуманитарные и юридические исследования. СКФУ. 2017. № 4. С. 179–182. [Gusarenko, Sergei V. 2017. Pragmatics of relevance in modern Russian text-description (derived from literary and educational scientific texts). *Humanities and Law Studies. NCFU* 4. 179–182. (In Russ.)].
- Гусаренко С.В. Пропозиция как компонент актуального дискурса // Гуманитарные и юридические исследования. СКФУ. 2015. № 4. С. 159–164. [Gusarenko, Sergei V. 2015. Proposition as a component of actual discourse. *Humanities and Law Studies. NCFU* 4. 159–164. (In Russ.)].
- Гусаренко С.В. Семантические потери в актуальном дискурсе как следствие энтропийных процессов // Вестник Ставропольского государственного университета. 2006. № 45. С. 101–110. [Gusarenko, Sergei V. 2006. Semantic losses in actual discourse as the consequence of entropy processes. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta* 45. 101–110. (In Russ.)].
- Дридзе Т.М. От герменевтики к семиосоциопсихологии: от «творческого» толкования текста к пониманию коммуникативной интенции автора // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: в 2 кн. Кн. 2. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2000. С. 115–137. [Dridze, Tamara M. 2000. Ot hermenevtiki k semiosociopsihologii: ot «tvorcheskogo» tolkovanija teksta k ponimaniju kommunikativnoj intencii avtora (From Hermeneutics to Semiosociopsychology: from the “creative” interpretation of the text to understanding the communicative intention of the author). In *Social Communication and social management in the ecoanthropocentric and semiosociopsychological paradigms*: in 2 Vols. Vol.2. 115–137. Moscow: In-t sociologii RAN Publ. (In Russ.)].
- Еременко В.И. Воспоминание и знание как формы переживания прошлого: автореф. дис. ... канд. псих. наук: 19.00.01. М., 2007. 26 с. [Eremenko, Viktoriya I. 2007. *Vospominanie i znanie kak formu perezhivaniya proshlogo* (Recollection and knowledge as forms of experiencing the past): avtoref. dis. ... kand. psih. nauk: 19.00.01. 26. Moscow. (In Russ.)].

- Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 160 с. [Zhinkin, Nikolai I. 1982. *Rech' kak provodnik informacii* (Speech as a conductor of information). 160. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2004. 239 с. [Zemskaja, Elena A. 2004. *Russkaja razgovornaja rech': lingvisticheski analiz i problemy obuchenija*: uceb. posobie (Russian colloquial speech: Linguistic analysis and learning problems). 239. Moscow: Flinta; Nauka. (In Russ.)].
- Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 432 с. [Zimnjaja, Irina A. 2001. *Lingvopsihologija rechevoj dejatel'nosti* (Linguopsychology of speech activity). 432. Moscow: Moskovskij psihologo-social'nyj institute Publ.; Voronezh: NPO «MODeK». (In Russ.)].
- Исенбаева Г.И. Методология порождения вторичного текста: когнитивный аспект. Орск: Издательство ОГТИ, 2009. 191 с. [Isenbaeva, Galina I. 2009. *Metodologija porozhdenija vtorichnogo teksta: kognitivnyj aspekt* (Secondary Text Generation Methodology: Cognitive Aspect). 191. Orsk: OGTI Publ. (In Russ.)].
- Кашкин Е.В., Ляшевская О.Н. Семантические роли и сеть конструкций в системе FrameBank // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы ежегодной Международной конференции «Диалог»: в 2 т. Т. 1, Вып. 12 (19). М., 2013. С. 325–344. [Kashkin Egor V. & Lyashevskaya Olga N. 2013. Semantic roles and construction net in russian FrameBank. In *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. Papers from the Annual International Conference “Dialogue” 1 (12). 325–344. (In Russ.)].
- Клюев Е.В. Речевая коммуникация: учебное пособие для университетов и институтов. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 320 с. [Kljuev, Evgenii V. 2002. *Rechevaja kommunikacija*: Uchebnoe posobie dlja universitetov i institutov (Speech communication). 320. Moscow: RIPOL KLASSIK. (In Russ.)].
- Куканова В.В. О характере мотивированности неподготовленного текста-пересказа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2008. Вып. 3. Ч. II. С. 73–81. [Kukanova, Viktoriya V. 2008. O haraktere motivirovannosti nepodgotovlennogo teksta-pereskaza (On the nature of the motivation of an unprepared recall). *Vestnik of Saint Petersburg University*. Series 9, 3, II. 73–81. (In Russ.)].
- Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Academia, 2005. 287 с. [Leont'ev, Aleksei A. 2005. *Osnovy psiholingvistiki* (Fundamentals of Psycholinguistics). Moscow: Academia. (In Russ.)].
- Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007. 511 с. [Leont'ev, Dmitrii A. 2007. *Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti* (The psychology of meaning: nature, structure and dynamics of meaningful reality). 511. Moscow: Smysl. (In Russ.)].
- Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006. 512 с. [Mustajoki, Arto. 2006. *Teorija funkcional'nogo sintaksisa: ot semanticheskikh struktur k jazykovym sredstvam* (Functional syntax theory: from semantic structures to linguistic means). 512. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.)].
- Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983. 216 с. [Novikov, Anatolii I. 1983. *Semantika teksta i ejo formalizacija* (Semantics of the text and its formalization). 216. Moscow: Nauka. (In Russ.)].

- Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. 6-е изд. М.: ЛКИ, 2010. 296 с. [Paducheva, Elena V. 2010. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'ju: Referencial'nye aspekty semantiki mestoimenij* (Utterance and its relationship with reality: Referential aspects of pronoun semantics). 6th edn. 296. Moscow: LKI. (In Russ.)].
- Петрова А.А., Солнышкина М.И. Письменная коммуникация: текстовый и лингвистический подходы к теории и эмпирии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2019. Т. 18. № 3. С. 276–281. [Petrova Anna A., Solnyshkina Marina I. 2019. *Pis'mennaja kommunikacija: tekstovuj i lingvisticheskiy podhody k teorii i jempirii* (Writing communication: textual and linguistic approaches to theory and empirism). *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* 18 (3), 276–281. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.23>.
- Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику. Курс лекций. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 184 с. [Saharnyj, Leonid V. 1989. *Vvedenie v psiholingvistiku. Kurs lekcij* (Introduction to Psycholinguistics. Lecture course). Leningrad: Leningr. Un-t Publ. (In Russ.)].
- Филатова Е.В. Русская речь и ее реальные исходные единицы // Russian Language Studies. Русистика. 2019. Vol. 17, No. 3. P. 315–325. [Filatova, Elena V. 2019. Russian speech and its real initial units. *Russian Language Studies* 17 (3), 315–325. (In Russ.)]. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-3-315-325.
- Шелестюк Е.В. Этапы и закономерности смыслового восприятия текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2 (023). С. 85–90. [Shelestiuk, Elena. V. 2010. Laws and stages of text comprehension). *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* 2 (023), 85–90. (In Russ.)].
- Шмелева Т.В. Предложение и ситуация в синтаксической концепции Т.П. Ломтева // Филологические науки. 1983. № 3. С. 42–48. [Shmeleva, Tat'yana V. 1983. *Predlozhenie i situacija v sintaksicheskoj koncepcii T.P. Lomteva* (Sentence and Situation in the syntactic concept of T.P. Lomtev. *Philological Science* 3, 42–48. (In Russ.)].
- Chomsky, Noam. 1969. *Aspects of the Theory of Syntax*. M.I.T. Press.
- Chomsky, Noam. 1986. *Knowledge of Language: its Nature, Origin, and Use*. New York: Praeger.
- Elosúa, M. Rosa, Juan Antonio García-Madruga, José Vila, Isabel Gómez-Veiga & Laura Gil. 2013. Improving reading comprehension: From metacognitive intervention on strategies to the intervention on working memory executive processes. *Universitas Psychologica*. 12(5). 1425–1438. DOI: 10.11144/Javeriana.UPSY12-5.ircm.
- Fillmore, Charles J. 1968. The Case for Case. In Bach E. & Harms (eds.) *Universals in Linguistic Theory*. New York. 1–88.
- Fillmore, Charles J. 1977. The Case for Case Reopened. In Cole P. & J.M. Sadock (eds.) *Grammatical Relations*. New York: Acad. Press. 59–81.
- Fillmore, Charles J. 1982. Frame semantics, Linguistics. *The morning calm: Selected papers from the SICOL-1981*. Seoul: Hanship. 111–137.
- Friederici, Angela D. 1995. The time course of syntactic activation during language processing: A model based on neuropsychological and neurophysiological data. *Brain and Language*, 50 (3), 259–281. DOI: <https://doi.org/10.1006/brln.1995.1048>.
- Gesprächsanalytisches Transkriptionssystem 2 (GAT 2)*. *Gesprächsforschung – Online-Zeitschrift zur verbalen Interaktion*. (2009, Ausgabe 10, Seite 353–402). Retrieved from <http://www.gespraechsforschung-ozs.de/heft2009/px-gat2.pdf>
- Hausendorf, Heiko, Wolfgang Kesselheim, Kato Hiloko & Martina Breitholz. 2017. *Textkommunikation. Ein textlinguistischer Neuansatz zur Theorie und Empirie der Kommunikation mit und durch Schrift*. Berlin; Boston: De Gruyter. (In German).

- Kendeou, Panayiota, Paul van den Broek, Mary Jane White & Julie Lynch. 2007. Preschool and early elementary comprehension: Skill development and strategy interventions. In D.S. McNamara (ed.) *Reading Comprehension Strategies: Theories, Interventions and Technologies*.
- Lang, Christian, Roman Schneider, Horst Schwinn, Karolina Suchowolec & Angelika Wöllstein (Hrsg.). 2020. *Grammatik und Terminologie*. Tübingen: Narr. (In German).
- Lyashevskaya, Ol'ga & Egor Kashkin. 2015. FrameBank: A Database of Russian Lexical Constructions. In Khachay M., Konstantinova N., Panchenko A., Ignatov D. & Labunets V. (eds.) *Analysis of Images, Social Networks and Texts*. AIST 2015. *Communications in Computer and Information Science*, 542. Springer, Cham. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-26123-2_34.
- McCarthy, Kathryn S., Danielle S. McNamara & Marina. I. Solnyshkina, Fanuza Kh. Tarasova & Roman V. Kupriyanov. 2019. The Russian Language Test: Towards Assessing Text Comprehension. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie (Science Journal of Volgograd State University. Linguistics)* 18 (4). 231–247. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.18>.
- McNamara, Danielle S. 2001. Reading both high-coherence and low-coherence texts: Effects of text sequence and prior knowledge. *Canadian Journal of Experimental Psychology* 55 (1), 51–62. DOI: 10.1037/h0087352.
- McNamara, Danielle S., Eileen Kintsch, Nancy Butler Songer & Walter Kintsch. 1996. Are good texts always better? Interactions of text coherence, background knowledge, and levels of understanding in learning from text. *Cognition and Instruction* 14 (1). 1–43.
- McNamara, Danielle S. & Joe P. Magliano. 2009. Towards a comprehensive model of comprehension. In B. Ross (ed.) *The Psychology of Learning and Motivation*. New York, NY: Academic Press, 51, 297–384. DOI: 10.1016/S0079-7421(09)51009-2.
- Mustajoki, Arno. 2012. A Speaker-oriented Multidimensional Approach to Risk and Causes of Miscommunication. *Language and Dialogue* 2 (2). 216–243.
- Petrova, Anna A. & Larisa N. Rebrina 2016. Autobiographical memory: genesis, functioning, discursive implementation. *Xlinguae* 9 (2). 11–36. (In Russ.). DOI: 10.18355/XL.2016.09.02.11-36.
- Solovyev, Valery D., Marina I. Solnyshkina, Elzara V. Gafiyatova, Danielle S. McNamara & Vladimir V. Ivanov. 2019. Sentiment in Academic Texts. *Proceedings of the 24th Conference of Open Innovations Association (FRUCT)*. 408–414. DOI: 10.23919/FRUCT.2019.8711900.
- Solovyev, Valery D., Marina I. Solnyshkina & Vladimir V. Ivanov 2019. Prediction of reading difficulty in Russian academic texts. *Journal of Intelligent & Fuzzy Systems* 36 (5). 4553–4563. DOI: 10.3233/JIFS-179007.

Словари и интернет-ресурсы / Dictionaries and Internet Resources

- Интегративный тест тревожности [Электронный ресурс]. URL: [https://psylab.info/Интегративный_тест_тревожности_\(дата_обращения:_24.01.2021\).](https://psylab.info/Интегративный_тест_тревожности_(дата_обращения:_24.01.2021).) [Integrativnyj test trevozhnosti (Integrative Anxiety Test)]. Retrieved from https://psylab.info/Интегративный_тест_тревожности (accessed 24 January 2021).
- Русский семантический словарь. IV. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: РАН, Ин-т рус. яз., 2007. 952 с. [Russkij semanticheskij slovar'. IV. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij (Russian semantic dictionary. IV. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings). N.Ju. Shvedova (ed.). 2007. Moscow: RAN, In-t rus. jaz. (In Russ.)].

Тест интеллекта Векслера / детский вариант (6,5–16,5 лет) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dbglab.ru/slovar-dannykh/221/> (дата обращения: 24.01.2021). [Test intellekta Vekslera/detskij variant (6,5–16,5 let) (Wexler Intelligence Test / children's version (6.5–16.5 years old))]. Retrieved from <https://www.dbglab.ru/slovar-dannykh/221/> (accessed 24 January 2021).

Экспериментальный синтаксический словарь / под ред. Л.Г. Бабенко [Электронный ресурс] URL: <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2847> (дата обращения: 04.08.2020). [Jeksperimental'nyj sintaksicheskij slovar' (Experimental Syntax Dictionary)]. L.G. Babenko (ed). Retrieved from <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2847> (accessed 4 August 2020).

FRAMEBANK [Электронный ресурс]. Retrieved from https://framenet.icsi.berkeley.edu/frndrupal/framenets_in_other_languages (accessed 15 June 2020).

Article history:

Received: 10 September 2020

Accepted: 22 January 2021

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 сентября 2020

Дата принятия к печати: 22 января 2021

Bionotes:

Anna A. PETROVA is Doctor habil. of Philology, Associate Professor, Leading Research Fellow of the “Intellectual Technologies for Text Management” Research Laboratory at Kazan (Volga Region) Federal University. Her research interests embrace psycholinguistics, sociolinguistics, discourse analysis, ontolinguistics, prosody of speech, multimodality and cognitology.

Contact information:

Kazan (Volga Region) Federal University, 18 Kremlevskaya St., Kazan, Russia, 420008

e-mail: petrova16@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4322-1324

Marina I. SOLNYSHKINA is Doctor habil. of Philology, Professor at the Department of Theory and Practice of Foreign Languages Teaching, Chief Researcher and Head of the “Intellectual Technologies for Text Management” Research Laboratory at Kazan (Volga Region) Federal University. Her research interests include psycholinguistics, cognitive linguistics, discourse analysis, applied linguistics, lexicography and sociolinguistics.

Contact information:

Kazan (Volga Region) Federal University, 18 Kremlevskaya St., Kazan, Russia, 420008

e-mail: mesoln@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1885-3039

Сведения об авторах:

Анна Александровна ПЕТРОВА – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИЛ «Интеллектуальные технологии управления текстами» Казанского (Приволжского) федерального университета. В сферу ее научных интересов входят: психолингвистика, социоллингвистика, анализ дискурса, онтолингвистика, просодия речи, мультимодальность, когнитология.

Контактная информация:

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18
e-mail: petrova16@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4322-1324

Марина Ивановна СОЛНЫШКИНА – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, руководитель и главный научный сотрудник НИЛ «Интеллектуальные технологии управления текстами» Казанского (Приволжского) федерального университета. Сфера ее научных интересов включает психолингвистику, когнитивную лингвистику, анализ дискурса, прикладную лингвистику, лексикографию и социолингвистику.

Контактная информация:

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18
e-mail: mesoln@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1885-3039

DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277

Research article

The use of metaphor power indices for the analysis of speech impact in political public speeches

Yuhua SUN¹, Oleg I. KALININ² and Alexander V. IGNATENKO³

¹ Dalian University of Foreign Languages
Dalian, China

² Military University

Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia

³ Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Moscow, Russia

Abstract

The article examines the metaphor power related to the impact of public political speeches on the audience. The purpose of the study is to identify the potentially hidden speech impact of public discourse in order to understand the intentions of the speech messages' authors. To that end, the aspects of metaphors under analysis include their density in the text, their intensity, functions and positions in the compositional structure of the text. The study tests the method of comprehensive analysis of metaphor power, which is based on the calculation of the corresponding indices MDI (Metaphor density index), MII (Metaphor intensity index), MfTI (Metaphor functional typology index) and MStI (Metaphor structural index). Each index is based on a mathematical formula: MDI reflects the average number of metaphors per a hundred words of the text; MII demonstrates the medium intensity of metaphors (new or conventional metaphors dominating the text); MfTI shows which functions are mainly performed by metaphors in the text; MStI represents the compositional parts of the text where the metaphors are concentrated. The hypothesis about the possibility of using such quantitative methods is tested on the material of three texts of public speeches by the political leaders of Russia, USA and China. The analysis shows that the greatest speech impact is achieved by the speech of the President of China distinguished by the highest metaphor density (4.07), and, the values of MfTI (2.23) MStI (2.51) indicate the intention to restructure the socio-political concepts, as well as to introduce a new content into his country's domestic and foreign policy. This method for identifying the metaphor power can be used to investigate the potential impact of political speeches and can become an important tool for analyzing various aspects of the metaphor use in discourse.

Keywords: *metaphor, speech impact, metaphor power, metaphor density, metaphor function*

For citation:

Sun, Yuhua, Oleg I. Kalinin & Alexander V. Ignatenko. 2021. The use of metaphor power indices for the analysis of speech impact in the political public speeches. *Russian Journal of Linguistics* 25 (1). 250–277. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277

Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков

Ю. СУНЬ¹, О.И. КАЛИНИН², А.В. ИГНАТЕНКО³

¹ Даляньский университет иностранных языков (ДУИЯ)
Далянь, Китай

² Военный университет министерства обороны РФ
Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ)
Москва, Россия

³ Российский университет дружбы народов (РУДН)
Москва, Россия

Аннотация

В статье исследуется проблема взаимосвязи метафоричности текста и речевого воздействия на аудиторию в текстах публичных выступлений политиков. Целью исследования является выявление потенциально скрытого речевого воздействия публичных выступлений для того, чтобы понять интенции авторов речевого сообщения. Для этого проанализирована плотность метафор в тексте, их интенсивность, функции и позиции во внешней композиционной структуре. В исследовании проверяется метод комплексного анализа метафоричности, в основе которого лежит подсчет соответствующих индексов: индекс плотности метафор, индекс интенсивности метафор, индекс функциональной типологии метафор, индекс взаимосвязи метафоричности и структуры текста. В основе каждого индекса лежит математическая формула, которая позволяет наглядно определить (1) среднее количество метафор на сто слов текста; (2) среднюю интенсивность метафор (новые или конвенциональные метафоры доминируют в тексте); (3) функции, которые преимущественно выполняют метафоры в тексте; (4) в каких композиционных частях текста сосредоточены метафоры. Гипотеза о возможности использования подобного метода проверяется на материале трех текстов публичных выступлений политических лидеров России, США и КНР. Проведенный анализ показал, что наибольшим воздействующим потенциалом отмечено выступление Председателя КНР: текст его выступления отличался самой высокой плотностью метафор, они свидетельствуют о стремлении автора убедить аудиторию к реструктуризации передаваемых в тексте общественно-политических концептов, интенции по введению в общественно-политическую жизнь нового содержания внутренней и внешней политики своей страны. Данный метод комплексного анализа выявления метафоричности может использоваться для анализа потенциального речевого воздействия текстов политического дискурса и стать важным инструментом анализа различных аспектов использования метафоры в дискурсе.

Ключевые слова: *метафора, речевое воздействие, политический дискурс, английский, русский, китайский*

Для цитирования:

Сунь Ю., Калинин О.И., Игнатенко А.В. Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25. № 1. С. 250–277. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277

1. Введение

Метафора стала неотъемлемым элементом почти всех видов коммуникации: политической, масс-медийной, даже научной и официально-деловой. Метафорические переносы формируют идеологии («США – плавильный котел», «Москва – третий Рим»), отражают наше отношение к действительности («Вся наша жизнь – игра»), создают образ бренда или страны («Россия – щедрая душа», «США – Новый Свет»). В настоящее время отдельно выделяется дискурсивное направление исследования метафоры, которое подразумевает исследование метафоры в широком экстралингвистическом контексте в разных видах дискурса, что, по мнению Э.В. Будаева и А.П. Чудинова предполагает «ее [политической метафоры] изучение в тесной взаимосвязи с национальными, историческими, личностными, институциональными и иными факторами, от которых в значительной степени зависит ее возникновение, функционирование и восприятие» (Будаев, Чудинов 2006: 79).

Классические исследования метафоры указывают на взаимосвязь метафоричности и речевого воздействия при порождении речевого высказывания, что связано со способностью метафоры структурировать, преобразовывать и создавать новые знания, а также вызывать эмоции и оценки влияния (Charteris-Black 2016, Stee Van 2018). Метафора часто исследуется как одно из средств речевого воздействия, которое имплицитно влияет на реципиента речевого сообщения и на эмоциональном, и на когнитивном уровне. Метафора может быть одним из способов создания «лингвистической неопределенности» (*linguistic ambiguity*), что признается одним из видов воздействия в медиадискурсе (Larina, Ozyumenko, Ponton 2019).

Обзорное исследование В. Оттати и Р. Ренстром (Ottati, Renstrom 2010) демонстрирует, что метафорические высказывания могут активировать в сознании адресата информацию, которая непосредственно относится к теме коммуникации, воздействовать на направление или степень когнитивной обработки, либо влиять на впечатления относительно автора речевого сообщения, что в совокупности приводит к речевому воздействию.

Ряд исследований относительно влияния метафор на принятие решений по социально-политическим вопросам доказывают, что метафоры, формируя образ мышления человека, могут напрямую воздействовать на решение сложных проблем (Thibodeau, Voroditsky 2011). Важным выводом исследования П. Тибодо и Л. Бородицкой стало то, что метафоры влияют на рассуждения людей даже тогда, когда существует набор альтернативных решений для сравнения и выбора. Они подчеркивают, что большинство реципиентов не могли выделить метафору в тексте или не признавали метафору как языковое средство, которое как-либо воздействует на них. Таким образом, метафора признавалась исследователями средством «скрытого воздействия на принятие решений» (Thibodeau, Voroditsky 2013).

Речевое воздействие метафоры во многом обусловлено национальной спецификой, которая отражается в конкретном содержании метафорического

переноса. Метафора, отражая культурные ценности, может переносить их содержание на предмет речи, усиливая эффект речевого воздействия. В частности, З. Ковечеш писал о вариативности метафоры, обусловленной культурой (Kövecses 2015). Л.А. Козлова также выделяет и описывает формы культурной обусловленности метафоры в тексте, полагая, что этнокультурная детерминированность когниции находит наиболее полное отражение в метафоре, поскольку процесс нашего мышления метафоричен в своей основе и базируется на соответствиях в опыте, который является культурно-специфичным (Козлова 2020). Исследования также показывают, что метафоры имеют национально обусловленный характер, выступают одной из характеристик этнической языковой личности, образуя наряду с другими чертами ее речевой портрет (Гурулева 2019).

Особенную актуальность в настоящее время приобрели исследования воздействующего потенциала политических метафор. Метафора, являясь важным и широко используемым выразительным средством, оказывает большое влияние на ход политической коммуникации. Метафора направлена на усиление аргументов говорящего и повышение интереса аудитории. Как указывает А.А. Горностаева в своей рецензии на монографию А. Музолффа, «метафора – это своеобразное зеркало, в котором отражается национальное сознание на определенном этапе развития, независимо от чьих-либо предпочтений, и, следовательно, политическая метафора – это целый набор зеркал, отражающих разные стороны общественной жизни» (Gornostaeva 2019: 244).

Более того, политические метафоры исследуются как своего рода отражение политического развития страны. Система метафор конкретного региона может быть результатом взаимодействия «тенденций к стабильности и инновациям, к сохранению культурной самобытности и взаимодействию с другими культурами» (Аникин, Будаев, Чудинов 2015: 32).

Исследования политической метафоры имеет довольно долгую историю. А.П. Чудинов дал системное описание метафорических проекций, используемых для репрезентации образа России (Чудинов 2001). В своей монографии «Россия в метафорическом зеркале» автор классифицировал все политические метафоры на антропоморфные, природоморфные, социоморфные и артефактные, заложив основу для дескриптивного исследования политических метафор.

Отметим, что исследования политической метафоры в Китае проводятся во многом в русле «Уральской школы политической лингвистики». Так, например Сунь Фуцин (孙福庆 2020) знакомит китайское ученое сообщество с теорией метафорического моделирования, с понятиями, связанными с источником политической метафоры, способом ее функционирования и с категорией «метафорического зеркала». Ч. Цзян и Х. Ян пытаются применить теорию политической метафоры А.П. Чудинова и Э.В. Будаева, прежде всего, в функциональном аспекте, к анализу политических текстов руководителей КНР, ориентированных на зарубежную аудиторию. Авторы используют

в своем методологическом аппарате категорию «политичности» (政治性), подчеркивая внешний характер данной категории по отношению к метафоре: «употребляя метафору в публичных выступлениях, политики наделяют метафору “политичностью”, заставляют ее выполнять особые функции, соответствующие их политическим целям» (Jiang, Yang 2020).

Отдельно следует выделить работы, нацеленные на разработку методов практического исследования роли метафор в политическом дискурсе. Так, А.Н. Баранов и Й. Цинкен в сопоставительном ключе проанализировали системы метафорических дескрипторов для русского и немецкого политического медиадискурсов, выявив отличительные черты метафорической репрезентации политических реформ (Baranov, Zinken 2003). Дж. Чартерис-Блэк предложил использовать корпусный подход для исследования метафоричности политического дискурса (Charteris-Black 2004). В разработанном им методе критического анализа метафоры (Critical Metaphor Analysis) соединяются методы критического дискурс-анализа, корпусной лингвистики и теории концептуальной метафоры. Исследования в этой сфере продолжает монография А. Музолффа (Musolff 2016), в которой автор предлагает рассматривать системы метафор как «кластеры», которые реализуют в политическом дискурсе определенные «сценарии», в которых есть этапы «зарождения, развития и угасания». При этом политические метафорические сценарии одновременно и отражают тенденции политической сферы жизни общества, и формируют их.

Область политической метафорологии относится к довольно разработанным направлениям языкознания, однако и в этой сфере есть ряд малоисследованных аспектов, которые связаны прежде всего с методами анализа метафор в их взаимосвязи с речевым воздействием. Комплексный метод анализа метафоричности в современной лингвистике практически не разработан. В одних работах не учитываются важные аспекты, связанные с метафоричностью, как например, позиция метафоры в тексте (Landtsheer De 2009), в других учитывается только содержательный аспект метафорических переносов (Baranov, Zinken 2003), в-третьих – анализ можно проводить только относительно объединенных общей сферой-источником метафор (Koller 2004).

На наш взгляд, исследование текста посредством анализа метафоричности должно опираться на метафору как на сложносоставное явление, где одновременно необходимо учитывать коммуникативную, когнитивную и лингвистическую составляющие. Опираясь на тезис о том, что метафора есть средство имплицитного речевого воздействия, мы полагаем, что анализ метафоричности может стать инструментом декодирования скрытых авторских интенций.

В данном исследовании мы также будем использовать термин «персуазивность», под которым понимается персуазивный потенциал метафоры, вариабельный в качественном и количественном отношении и актуализируемый в различной степени и в различных формах в зависимости от типов дискурса и на фоне реализации различных речевых стратегий.

Гипотеза исследования состоит в том, что комплексный анализ метафоричности политического текста является одним из способов выявления имплицитного речевого воздействия. При этом комплексный анализ подразумевает выявление плотности метафор в тексте, их интенсивность, позиции в структуре текста и функций, которые метафоры выполняют. Для подтверждения гипотезы нами был разработан метод анализа метафоричности, который состоит в подсчете специальных индексов, связанных с каждым из вышеуказанных аспектов использования метафоры в речевом сообщении: плотность, интенсивность, позиция и функция.

Целью данного исследования является апробация метода анализа метафоричности текста для выявления имплицитных характеристик текста, связанных с речевым воздействием.

2. Обзор литературы и индексы метафоричности

Предлагаемый метод анализа метафоричности базируется на вычислении определенных индексов, связанных с использованием метафор в тексте: индекса плотности метафор (MDI – Metaphor Density Index), индекса интенсивности метафор (MII – Metaphor Intensity Index), индекса функциональной типологии метафор (MfTI – Metaphor Functional Typology Index), индекса внешней структуры и метафоричности (MStI (ex) – Metaphor Structural Index external).

Разработка и применение каждого из этих индексов обоснованы и базируются прежде всего на исследованиях П. Сопори (Sopory 2006) и С. ван Стее (van Stee 2018), где был проведен метаанализ исследований причин, по которым метафоры оказывают персуазивный эффект и, самое главное, тех аспектов использования метафоры, которые связаны с персуазивностью. В этих исследованиях был последовательно проверен ряд гипотез, касающихся взаимосвязи речевого воздействия с количеством метафор, их новизной, позицией в тексте, содержания сферы, содержания сферы-источника, формата метафоры (текст, видео, аудио) и типа метафоры (развернутая или нет). В работах П. Сопори и С. ван Стее в зону статистической значимости попали взаимосвязь персуазивности с новизной (интенсивностью) метафор, позиции в тексте, содержания сферы-источника и формата метафор, частично доказанными считаются гипотезы о влиянии на персуазивность количества метафор и формы.

Материалом данного исследования являются тексты, поэтому вопрос формата метафоры остается за скобками. В предлагаемом методе анализа метафоричности также не будет учитываться лингвистическая форма метафоры, то есть соотнесенность каждого метафорического выражения с типом метафоры. Поэтому в качестве основы для разработки индексов метафоры были положены такие критерии как интенсивность метафоры, позиция в тексте и функции, которые связана с содержанием и персуазивностью

метафорической проекции. Кроме того, мы полагаем важным также принимать во внимание плотность метафор. Далее мы последовательно опишем и обоснуем применение каждого из индексов.

2.1. Индекс плотности метафор (MDI)

Несмотря на то, что в метаанализе П. Сопори (Soropy 2006) гипотеза о взаимосвязи количества метафор подтвердилась частично, такой показатель, как плотность метафор в тексте, нельзя не учитывать при анализе метафоричности и ее взаимосвязи с речевым воздействием.

Ряд исследований, посвященных вопросу количества метафор в речевых сообщениях, подтверждают, что плотность метафор – это значимый критерий, который нельзя игнорировать (Калинин 2020, Landtsheer De 2009, Mio, Scott, Riggio, Levin & Renford Reese 2005). Например, Дж. Мио и коллеги изучают зависимость количества метафор в речи от личных качеств автора речевого сообщения на примере инаугурационных речей 36 американских президентов. Авторы изучили особенности восприятия отрывков из выступлений политических лидеров, доказав, что тексты, содержащие большее количество метафор, воспринимаются как более вдохновляющие и мотивирующие (Mio, Scott, Riggio, Levin & Renford Reese 2005: 293).

К. Хьюси и А. Кац (Hussey, Katz 2006) проанализировали зависимость частотности употребления метафор в онлайн общении от пола и степени знакомства собеседников. Исследователи изучили онлайн диалоги респондентов с друзьями и с незнакомыми людьми. Было выяснено, что мужчины продуцируют больше метафор в обоих случаях, что объясняется их желанием быть убедительнее собеседника, а также их готовностью рисковать понятностью сообщения для достижения большей убедительности (Hussey, Katz 2006: 84).

Предполагается, что плотность метафор в тексте связана с речевым воздействием, однако только при соблюдении принципа воспринимаемой уместности (*perceived aptness*) (Воеунаемс, Бургерс, Конийн, Стеен 2017, Ока, Кусуми 2020). Воспринимаемая уместность определяется как соотносимость метафорически используемых лексических единиц с контекстом, целями речевого сообщения и когнитивными особенностями реципиента сообщения.

Иными словами, использование большого количества метафор будет значимо в плане персуазивности в том случае, если оно будет согласовываться с конкретной речевой ситуацией. Текст или дискурс, перенасыщенный неуместными метафорами, будет вызывать чрезмерное когнитивное напряжение, так как будет сложен для когнитивной и эмоциональной обработки.

В работе О.И. Калинина сравнивались результаты принятия решений после прочтения идентичных по содержанию, но разных по метафорической плотности и уместности метафор текстов (Калинин 2020а). В результате было доказано, что при соблюдении принципа воспринимаемой уместности взаимосвязь между речевым воздействием и метафоричностью состоит в том, что чем выше плотность метафор в тексте, тем более высоким является уровень речевого воздействия.

Индекс плотности метафор, являющийся составной частью метода анализа метафоричности политического текста, основывается на формуле индекса частотности метафор (Metaphor Frequency Index), разработанного К. де Ландтсхеер (Landtsheer De 2009):

$$\text{MDI (Metaphor Density Index)} = \text{nme} * 100 / \text{nwords},$$

где **nme** – количество метафор, а **nwords** – количество слов в тексте. Такой показатель отражает среднее количество метафор на 100 слов текста. Данная формула полностью идентична MFI (Metaphor Frequency Index), однако представляется уместным использовать именно термин «плотность», а не «частотность».

2.2. Индекс интенсивности метафор (МИ)

Вторым индексом метода анализа метафоричности текста является индекс интенсивности метафоры. Под интенсивностью метафоры понимается разница в эмоциональном напряжении, которое вызывают разные типы метафоры. В этом ключе исследователи часто противопоставляют друг другу конвенциональные и авторские метафоры, указывая на отличия когнитивных механизмов, определяющих разные типы метафор (Hartman 2012, Burgers, Konjin, Steenb, Iepsma 2015, Hoeken, Swanepoel, Saal, Jansen 2009, Giora, Fein, Kronrod, Elnatan, Shuval, Zur 2004). Эти отличия наглядно продемонстрированы в рамках теории карьеры метафоры Б. Боудла и Д. Гентнер (Bowdle, Gentner 2005), где утверждается, что, метафора как бы «проживает свою жизнь» от новой авторской, которая основана на сравнении, к конвенциональной, в основе которой лежит процесс категоризации.

Можно заключить, что, так как в основе конвенциональных и новых метафор лежат разные когнитивные механизмы, категоризация и сравнение соответственно, то они по-разному воздействуют на реципиента речевого сообщения. Конвенциональные метафоры оказывают так называемый когнитивный эффект, так как снижают сложность сообщения и повышают качество аргументов автора сообщения, о чем говорится в работах Т. Хартмана (Hartman 2012) и К. Бюргерса (Burgers, Konjin, Steenb, Iepsma 2015). Новые метафоры, в свою очередь, оказывают аффективное, то есть эмоциональное воздействие, увеличивая эмоциональную привлекательность сообщения и воздействуя на воображение получателя сообщения, о чем пишут Х. Хёкен (Hoeken, Swanepoel, Saal, Jansen 2009) и Р. Джигора (Giora, Fein, Kronrod, Elnatan, Shuval, Zur 2004).

Так, интенсивность метафоры является важным показателем анализа метафоричности текста и дискурса. Для ее вычисления полагается уместным использовать индекс интенсивности (МИ) метафоры, разработанный К. де Ландтсхеер (Landtsheer De 2009):

$$\text{МИ} = (1 * \text{w} + 2 * \text{a} + 3 * \text{s}) / \text{nme},$$

где w – количество низкоинтенсивных (стертых, конвенциональных), a – количество метафор средней интенсивности, s – количество высокоинтенсивных (новых, авторских метафор).

Математическая логика представленной выше формулы очевидна: значение индекса будет варьироваться от 1 до 3. Значение индекса, близкое к 1, означает, что большинство метафор в тексте конвенциональные. Это означает, что автор речевого сообщения не стремился оказать эмоциональное воздействие на аудиторию, а, наоборот, использует метафоризацию для упрощения восприятия информации, содержащейся в речевом сообщении. Если же индекс больше 2,5, то очевидно, что автор текста стремился повысить эмоциональную привлекательность текста, так как большое количество новых авторских метафор свидетельствует о высокой эмоциональности и экспрессивности текста и имплицитном эмоционально-экспрессивном воздействии.

Использование индекса интенсивности метафоры сталкивается с проблемой определения интенсивности конкретного метафорического оборота: слабой, средней и сильной интенсивности. На наш взгляд, здесь можно использовать методологию, предложенную К. Аринс (Ahrens 2010). Полагается, что если метафорический оборот включен в словарный состав как устоявшийся, то есть отражен в словаре национального языка, то это конвенциональная метафора с низким уровнем интенсивности. Если метафорический оборот в словарь не включен, но его можно найти в электронном корпусе национального языка, то это метафора среднего уровня интенсивности. Если же метафорического выражения нет ни в словаре, ни в корпусе, то это новая метафора.

2.3. Индекс функциональной типологии метафоры (MFTI)

Содержание метафорического переноса, а именно семантика сферы-источника метафоры, оказывает воздействие на персуазивный потенциал. Тот факт, что содержание влияет на принятие решений, исследуется в рамках нейроэкономики (Kahneman, Tversky 1979, Wagenaar, Keren, Lichtenstein, 1988). Однако в области метафорологии данный вопрос не получил однозначного подтверждения. Большинство работ, посвященных содержанию метафорического переноса, носят ситуативный характер, то есть конкретные метафоры, или иногда системы или кластеры метафорических моделей, описываются как оказывающие воздействие в конкретном дискурсе.

Исследования содержания метафор также часто связаны с разными типами классификации метафор. В отечественном языкознании используются семантические классификации Г.Н. Складневской (Складневская 1987), В.П. Москвина (Москвин 2000) и А.П. Чудинова (Чудинов 2001). Однако детально взаимосвязь между содержанием метафоры и речевым воздействием практически не исследовалась и едва ли не единственным исследованием в этом направлении является индекс содержания метафоры (Metaphor

Content Index), разработанный уже упоминаемой К. де Ландтсхеер (Landtsheer De 2009). Суть метода состоит в том, что разным сферам-источникам присваивается коэффициент от 1 до 6, что, по мнению де Ландтсхеер, отражает воздействующий потенциал содержательно разных метафорических источников. Например, метафорам природы присваивается коэффициент 2, а метафорам спорта – 5, медицинским метафорам – 6. Соответственно, предполагается, что метафоры спорта более персуазивны, чем метафоры природы, но менее персуазивны, чем медицинские метафоры.

Возможность использования подхода К. де Ландтсхеер (Landtsheer De 2009) на практике была проверена в исследовании О.И. Калинина (Калинин 2020b), целью которого была проверка гипотезы о том, что автор речевого сообщения будет использовать более персуазивные по содержанию метафоры (по классификации де Ландтсхеер) для выражения своей позиции. Полученные данные корреляционного анализа свидетельствуют, что методику подсчета индекса содержания метафоры можно использовать, однако она не является одинаково эффективной для всех типов текста (Калинин 2020b).

Представляется, что решение проблемы взаимосвязи содержания метафоры и ее персуазивности лежит в плоскости учета функции метафоры в тексте, которая чаще всего как раз и базируется на содержании метафорического переноса. Наиболее тесно взаимосвязь между содержанием и функцией метафор в тексте прослеживается в классификации Дж. Лакоффа и М. Джонсона (Лакофф, Джонсон 2004).

Авторы разделили метафоры на ориентационные, онтологические и структурные. Ориентационные метафоры отражают наиболее характерные, примарные представления носителей лингвокультуры относительно пространства, тем самым играют описательную функцию. Одним из примеров реализации пространственной метафоры является проекция ХОРОШЕЕ – ВЕРХ по отношению к классовой иерархии: «принадлежность к привилегированным слоям общества, элите – верх» и наоборот «принадлежность к низшему классу – низ» (high status is up; low is down) (Лакофф, Джонсон 2004: 35).

Онтологические метафоры объясняют сложные объекты и явления, идентифицируя их в сознании реципиента речевого сообщения через что-то конкретное. Они играют идентификационную функцию, как бы «объясняют» сложное через простое, способствуя категоризации сложных концептов. Дж. Лакофф и М. Джонсон приводят такие примеры онтологических метафор: ИНФЛЯЦИЯ – это СУЩНОСТЬ, РАЗУМ – это МЕХАНИЗМ. Онтологические метафоры помогают осмыслить события, действия, эмоции и идеи как дискретные, чувственно воспринимаемые объекты и сущности. Наиболее распространенная онтологическая метафора – метафора ПЕРСОНИФИКАЦИИ (Его религия свидетельствует, что...; Факты говорят, что...) (Лакофф, Джонсон 2004).

Структурные метафоры служат целям переосмысления представлений об объекте или явлении, меняя в том числе и точку зрения относительно

предмета метафоризации, соответственно, они несут в себе реструктурирующую функцию, то есть смещают точку зрения на предмет речи, меняя содержания концепта. Например, классический пример СПОР – это ВОЙНА позволят нам осмыслить и структурировать (концептуализировать) в своем сознании спор как военные действия (Лакофф, Джонсон 2004: 98).

Для метода анализа метафоричности текста предлагается индекс функциональной типологии метафоры, который был разработан О.И. Калининым (Калинин 2020b) на основе классификации Дж. Лакоффа и М. Джонсона (Лакофф, Джонсон 2004). Этот индекс отражает среднее значение функций всех метафор в тексте или дискурсе и тем самым может являться одним из способов глубинного анализа метафоричности. Вычисление данного индекса в удобной форме отражает количественное распределение ориентационных, онтологических и структурных метафор.

Формула индекса функциональной типологии метафоры выглядит следующим образом:

$$MfTI = (1*Or+2*O+3*St)/nme,$$

где **Or** – количество ориентационных метафор, **O** – количество онтологических метафор, **St** – количество структурных метафор, **nme** – количество всех метафор в тексте.

Значение индекса, близкое к 3, свидетельствует об интенции автора изменить отношение реципиента относительно предмета речи. Если индекс близок к 2, то большая система метафор играет скорее идентификационную функцию, и автор стремится объяснить что-то адресату речевого сообщения, а если 1 – то почти все метафоры отражают базовые характеристики данной определенной лингвокультуры, и их использование не связано с речевым воздействием.

Использование данного индекса удобно для исследования текстов большого объема или групп текстов, так как предложенная формула представляет собой своего рода статистический анализ систем метафор, а не отдельных случаев метафоризации. Для отдельных текстов, в которых использование метафор носит единичный характер, лучше использовать подсчет разных тип метафор в абсолютных цифрах, то есть просто указывать количество ориентационных, онтологических и структурных метафор, и изучать каждый случай употребления метафоры по отдельности.

2.4. Индекс структурной типологии (MSTI)

Позиция метафоры в тексте является одним из важных факторов, который влияет на персуазивность речевого сообщения, что подтверждается метаанализом, проведенным П. Сопори и С. ван Стее (Sopory 2006, van Stee 2018). В работе П. Сопори была подтверждена гипотеза, что метафоры в начале речевого сообщения (введении) более убедительны, чем в другой позиции. Кроме того, было доказано, что метафоры в конце речевого сообщения (в заключении) более убедительны, чем в основном тексте.

Наиболее полно вопрос позиции метафор исследовался в работах В. Коллер, которая разработала методику кластерного дискурсивного анализа метафор В. Коллер (Koller 2002, Koller 2003, Koller 2004). Одним из этапов анализа метафоры в речевом сообщении по В. Коллер должен быть анализ распределения метафорических выражений в тексте при помощи функции *dispersion plot* в программе-конкордансере типа WordSmith или AntConc. Данная функция позволяет увидеть, в какой части текста (начало, середина, конец) встречается то или иное словосочетание. По мнению автора, на основании анализа распределения метафорических кластеров можно судить о функции метафоры в конкретном тексте (Koller 2003: 119). В начале текста метафора участвует в постановке проблемы, то есть позволяет идентифицировать предмет и содержание текста, в середине текста автор чаще всего прибегает к метафоре для установления «контакта» со своим читателем, метафора используется для подтверждения и усиления авторской позиции. Метафорический перенос, используемый в конце текста, дублирует проблему и ее обоснование, тем самым содержит потенциально оказывает речевое воздействие на собеседника.

На наш взгляд, методика В. Коллер имеет несколько недостатков:

- 1) не описана методика выявления метафорических переносов;
- 2) использование кластерного дискурсивного анализа на практике ориентировано на выявление метафор, объединенных общей сферой-источником или общей сферой-целью;
- 3) расплывчатость понятий «начало, середина, конец» текста.

В целях анализа метафоричности стоит выделять внешнюю структуру текста, которая соответствует композиционно-логической схеме текста и принадлежит линейному плану выражения текста, и внутреннюю структуру текста, которая связана с его цельностью и определяет семантические связи в тексте. В этой связи необходимо отдельно рассматривать взаимосвязь метафоричности с внешней структурой текста.

С точки зрения внешней структуры почти все тексты отличаются трехчленной структурой, наименование составных частей которой варьируется в зависимости от жанровых и дискурсивных особенностей речевого произведения.

Для унифицированного анализа взаимосвязи позиции метафор в тексте и речевого воздействия, а также для вытекающих из позиции в тексте функций метафорических переносов нами был разработан специальный индекс, названный индексом структурной метафоричности (внешней) $MStI(ex)$:

$$MStI(ex) = (1 * M + 2 * I + 3 * C) / nme,$$

где M – количество метафор в основной части, I – количество метафор во введении (вступлении), C – количество метафор в заключении, nme – количество всех метафор в тексте.

Математическая логика индекса такова, что его минимальное значение 1 (когда все метафоры находятся в основной части текста) будет свидетельствовать о том, что использование метафор в меньшей степени связано

с непосредственной персуазивностью, а максимальное значение 3 (когда все метафоры сконцентрированы в заключении) будет означать, что использование метафор в тексте больше ориентировано на речевое воздействие, которое может состоять в формировании или изменении отношения реципиента к определенной проблеме.

Таким образом, в рамках подтверждения нашей гипотезы о возможности комплексного исследования метафоричности политического текста с точки зрения плотности метафор, их интенсивности, реализуемых в тексте функций и позиции в структуре текста, нами было предложено использовать индексы плотности, интенсивности, функциональной типологии и структуры, которые легли в основу методологии исследования.

3. Материал и методология исследования

Материалом исследования явились тексты публичных выступлений политических лидеров России, США и КНР – президента В.В. Путина, президента Д. Трампа и Председателя Си Цзиньпина:

- Послание Президента Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. (общим объемом 7 528 слов),
- State of the Union Address (Обращение к нации) от 4 февраля 2020 г. (6 377 слов),
- 习近平在第十三届全国人民代表大会第一次会议上的讲话 (Речь Си Цзиньпина на первой сессии ВСНП 13-го созыва) от 20 марта 2018 г. (2 624 слова).

Данные тексты сходны по своим экстралингвистическим и прагматическим характеристикам, так как представляют собой своего рода «обращения» политических лидеров к представительным органам власти и к народу, где дается оценка современному социально-экономическому и политическому положению дел в стране. Кроме того, в подобных текстах лидеры стран определяют ключевые приоритеты своей внешней и внутренней политики, обосновывают проводимые реформы.

Основными этапами практического исследования текстов публичных выступлений политических лидеров России, США и КНР явились:

- 1) анализ плотности метафор (вычисление индекса плотности MDI) позволяет понять, в каком из исследованных текстов использовано больше метафор на 100 слов;
- 2) анализ интенсивности метафор (вычисление индекса интенсивности MI) позволяет выявить, какие метафоры, конвенциональные или новые, доминируют в исследованном тексте;
- 3) анализ функций метафор (вычисление индекса функциональной типологии MfTI) позволяет на основе классификации метафорических оборотов по типам (ориентационные, онтологические и структурные) проанализировать преобладающую функцию метафоры (описательную, идентификационную или реструктурирующую);

4) анализ внешней структуры текста (вычисление индекса структурной метафоричности MStI(ex)) показывает, в какой структурной части текста (введение, основная часть, заключение) сконцентрированы метафоры;

Каждый из этапов нашего исследования соотносится с вычислением одного из индексов метафоричности, что в совокупности дает комплексное представление об уровне метафоричности исследуемых текстов, на основании которого можно судить об их имплицитном воздействующем потенциале.

Для оптимизации и упрощения процесса подсчета и структурирования результатов О.И. Калининым была разработана специальная программа Metaphor Index Calculator¹, которая позволяет последовательно и в удобной форме вычислить все представленные выше индексы.

Немаловажным этапом, предшествующим вычислению индексов метафоричности, является этап выявления метафор. В данной работе в качестве основы для идентификации метафор использовалась процедура MIPVU (Metaphor Identification Procedure Vrije Universiteit), разработанная группой исследователей из Metaphor Lab Амстердамского Свободного Университета (Deignan 2015, Nacey, Dorst, Krennmayr, Reijnierse, Steen 2019).

Суть процедуры состоит в пятиступенчатом анализе лексических единиц в тексте в целях поиска несоответствий базовых и контекстуальных значений. Процедура MIP VU предполагает двойную проверку найденных несоответствий по словарю и по корпусу, поэтому на данный момент она является самой валидной методикой выявления метафорических переносов в тексте. Кроме того, данная методика всецело отвечает требованиям, предъявляемым научным методам (Mishlanova, Suvorova 2017).

4. Результаты исследования

Наше исследование имплицитных характеристик речевого воздействия текстов публичных выступлений политических лидеров России, США и Китая было основано на вычислении метафоричности, то есть на подсчете вышеописанных индексов

Вычисление значений индекса плотности метафор показало, что насыщенность метафорами текстов обращений политических лидеров довольно сильно отличается друг от друга. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина было самым коротким среди всех трех исследованных текстов, оно состояло всего из 2 624 слов. При этом в речи китайского лидера было использовано 107 метафор. В обращении к нации Д. Трампа было использовано больше метафор – 126, однако сам текст этого выступления состоял из 6 377 слов, что в итоге дало средний уровень насыщенности метафорами – 1,97. Обращение Президента России В.В. Путина к Федеральному Собранию

---

¹ URL: <https://www.metaphor-analysys.com/индексы-метафоричности> (дата обращения: 17.09.2020).

в 2020 г. касалось множества важных вопросов и было весьма продолжительным и, как следствие, объемным – 7 528 слов. При этом в тексте было выявлено всего 66 метафор, что в итоге дало значение индекса MDI.

Таблица 1

Индекс плотности метафор (MDI) текстов публичных выступлений политических лидеров России, США и КНР

	В.В. Путин	Д. Трамп	Си Цзиньпин
MDI	0,87	1,97	4,07

Далее рассмотрим интенсивность использованных метафор, а именно степень их конвенционализированности. Индекс интенсивности метафор отражает характеристики метафор, связанные с их устойчивостью в языке. Мы выделяли слабые, то есть стертые конвенциональные метафоры, метафоры средней интенсивности, которые еще не вошли в словарный состав, но уже встречаются в корпусах и других текстах, и сильные авторские метафоры. Выступление В.В. Путина не было богато новыми метафорами: из 66 выявленных метафорических оборотов 59 были соотнесены со слабыми метафорами и 7 – с метафорами средней интенсивности. В тексте выступления Д. Трампа метафоры были более яркими и насыщенными: из 126 метафор 64 были соотнесены с конвенциональными, 34 – с метафорами средней интенсивности и 28 были признаны новыми яркими метафорами. В программном выступлении Си Цзиньпина перед ВСНП ярких метафор также было не так много, всего лишь 13 метафор, из 107 были промаркированы как новые, 32 получили коэффициент метафор средней интенсивности, и больше половины метафор, 62 единицы, являлись стертыми метафорами.

Таблица 2

Индекс интенсивности метафор (MI) текстов публичных выступлений политических лидеров России, США и КНР

	В.В. Путин	Д. Трамп	Си Цзиньпин
MI	1,1	1,71	1,54

Приведем ряд примеров:

- (1) Наша историческая обязанность – *ответить на этот вызов*. Не только *выбраться из демографической ловушки*, но и к середине наступающего десятилетия обеспечить устойчивый естественный *рост численности населения страны*.

В этом предложении мы видим три метафорических оборота: «*ответить на этот вызов*» – это стертая метафора, которая является клишированным шаблонным оборотом, характерным для публицистического дискурса; «*рост численности*» также метафора слабой интенсивности, которая является клишированным оборотом; «*демографическая ловушка*» была обозначена нами как метафора средней интенсивности, так как это словосочетание

сравнивает демографические проблемы с определенным устройством, при этом «выбраться из ловушки» – довольно распространенное выражение, поэтому метафора нельзя считать новой.

(2) In just three short years, we have *shattered the mentality of American decline*, and we have rejected the *downsizing of America's destiny*. We have totally rejected the downsizing. *We are moving forward* at a pace that was unimaginable just a short time ago, and *we are never, ever going back*.

[В течение трех коротких лет мы *разбили вдребезги восприятие упадка* Америки, и мы отвергли принцип *уменьшения значимости предназначения* Америки. Мы полностью отвергли это преуменьшение. Мы *движемся вперед* темпами, которые и представить себе не могли некоторое время назад, и мы никогда, больше *никогда не повернем назад*].

В этой небольшой реплике мы выявили 4 метафоры. Метафорические обороты «*shattered the mentality of decline*» (*разбили вдребезги ментальность упадка*) и «*downsizing of America's destiny*» (*преуменьшение предназначения Америки*) являются новыми метафорами, так как словосочетание «разбить ментальность» не встретилось нам ни в словаре, ни в корпусе, а «преуменьшение судьбы» является метафорическим оборотом, впервые использованным именно в этом выступлении американского лидера. «*We (America) are moving forward*», «*we are never, ever going back*» (*Мы движемся вперед, мы никогда более не вернемся назад*) – это стертые ориентационные метафоры, которые отражают, что движение вперед – есть путь к процветанию и прогрессу.

(3) 波澜壮阔的中华民族发展史是中国人民书写的!

[*Величественная и грандиозная история* китайской нации *написана* китайским народом!].

В этом предложении Си Цзиньпин использовал две метафоры: *波澜壮阔的中华民族发展史* (*величественная и грандиозная история*, дословно: *подобная огромным волнам и крепким валам*) – это авторская метафора, использованная в выступлении Председателя КНР впервые и не зафиксированная ни в словарях, ни в корпусе китайского языка. В данной метафорической проекции исторический процесс недвусмысленно метафоризируется через сферу-источник «бушующий океан», и данное выражение не является частотным для китайского языка; *发展史是中国人民书写的* (*история написана* китайским народом) – это слабая метафора, так как клишированный оборот «писать историю» весьма распространен, и подобная сочетаемость может быть найдена в словаре.

Следующим этапом исследования стал анализ функций метафор в текстах публичных выступлений. Напомним, что для этого каждое метафорическое выражение соотносилось с одним из типов метафор из классификации Дж. Лакоффа и М. Джонсона (Лакофф, Джонсон 2004), после чего для каждого текста высчитывался индекс функциональной типологии метафор

(MfTI), который отражает распределение ориентационных, онтологических и структурных метафор.

Согласно подсчету функций, которые выполняют метафоры в текстах, значения индекса функциональной типологии выступлений В.В. Путина и Д. Трампа почти идентичны и находятся в районе среднего значения индекса 2, что говорит о преимущественно онтологическом характере использованных метафорических оборотов. Конкретные цифры распределения метафор по типам подтверждают данный тезис: среди 66 метафор, выявленных в речи В.В. Путина, было 58 онтологических метафор, 6 структурных и 2 ориентационные; а в речи Президента США среди 126 метафор онтологическими были 87 метафорических оборотов, также были выявлены 21 структурная и 17 ориентационных метафор. Значение индекса функциональной типологии для текста выступления Председателя КНР Си Цзиньпина несколько выше, чем в выступлениях лидеров России и США, его значение составило 2,23. Это отражает распределение метафор по типам: 76 онтологических, 28 структурных и 3 ориентационные.

Таблица 3

Индекс функциональной типологии метафор (MfTI) текстов публичных выступлений политических лидеров России, США и КНР

	В.В. Путин	Д. Трамп	Си Цзиньпин
MII	2,06	2,03	2,23

Приведем примеры метафор разных типов:

(4) Россия *вернулась* в международную политику как страна, с мнением которой *нельзя не считаться*.

В данном случае мы имеем дело с олицетворением страны, что является классической онтологической метафорой.

(5) Ситуация принципиально отличается от той, что была еще пять или десять лет более назад, когда двузначная *инфляция* фактически *была налогом* на всех граждан страны.

Метафора ИНФЛЯЦИЯ – это НАЛОГ (бремя) является структурной, так как согласно Дж.Лакоффу особенностью данного типа метафор является их способность «освещать» одни и «затемнять» (маскировать) другие аспекты того или иного понятия (Лакофф, Джонсон 2004: 98). В данном случае «инфляция» является не только «налогом на население», автор намеренно акцентирует внимание на негативном влиянии этого явления на население.

(6) *We must also rebuild America's infrastructure.*
[Мы должны перестроить все устройство США].

Здесь мы имеем дело с онтологической метафорой, которая позволяет осмыслить «страну и ее устройство» как дискретную, чувственно воспринимаемую сущность, так как свойства конкретного объекта (устройство США)

переносятся на абстрактное «перестроение», что способствует пониманию сути проблемы.

(7) Surely, we must all agree that every *human life is a sacred gift from God*
[Мы однозначно должны согласиться в том, что жизнь человека – это сакральный Божий дар].

ЖИЗНЬ – это ДАР является структурной метафорой, переосмысляющей такое структурное свойство жизни, как предназначение, и подчеркивающей ее сакральное божественное происхождение.

(8) 把蓝图变为现实，是一场新的长征
[План (по великому возрождению китайской нации) становится реальностью, это новый Великий поход].

В этой реплике политический курс Си Цзиньпина (осуществление китайской мечты о возрождении величия китайской нации) объясняется аудитории через прямое сравнение с Великим походом, важным историческим событием в истории борьбы Компартии за освобождение Китая от японских захватчиков и власти Гоминьдана. В данном случае автор использует переносное значение Великого похода («трудный путь на пути к успеху, который нужно преодолеть») для освещения концептуальных свойств политической программы Компартии, что позволяет нам маркировать данную метафору как структурную.

(9) 就没有任何力量能够阻挡中国人民实现梦想的步伐
[Нет сил, которые могли бы *остановить движение* китайского народа к осуществлению своей мечты].

Здесь стремление китайского народа к улучшению качества жизни и более высокому положению КНР на международной арене (политика возрождения китайской нации) осмысливается через слово *步伐*, имеющее конкретное значение «шаги, поступь», то есть это онтологическая метафора.

Четвертым этапом исследования стал анализ метафоричности во взаимосвязи с внешней структурой текста. Для проведения подобного анализа выступления политических лидеров были сначала разделены на три основных структурных элемента: введение, основная часть и заключение. Данный этап не вызвал затруднений, в каждом из выступлений данные композиционные элементы проявлялись довольно четко.

Для всех трех публичных выступлений индекс внешней структурной метафоричности не очень высокий, что отражает распределение метафор по композиционным элементам текста. Так в тексте выступления В.В. Путина из 66 метафор 60 сосредоточено в основной части, 5 – во введении и только 1 в заключении, что объясняет общее значение индекса 1,1, близкое к минимальному 1. В тексте выступления Президента США Д. Трампа из 126 метафор также большая часть встречается в основной части текста – 85. При этом во введении 26 метафор, а в заключении – 15. В выступлении Си Цзиньпина

92 метафоры сосредоточено в основной части, 11 в заключении и 4 – во введении.

Таблица 4

**Индекс взаимосвязи метафоричности и внешней структуры текста (MStI)
публичных выступлений политических лидеров России, США и КНР**

	В.В. Путин	Д. Трамп	Си Цзиньпин
MSt	1,1	1,44	1,24

5. Обсуждение результатов исследования и выводы

Метафоричность текстов публичных выступлений политиков зачастую может быть связана не только с речевым воздействием, но и с индивидуальной манерой речи того или иного политического лидера. Иными словами, речевое сообщение человека может быть более метафорично в силу индивидуальных особенностей его автора. Прежде чем приступить непосредственно к анализу полученных в ходе нашего исследования результатов, следует сравнить данные с предшествующими исследованиями, где также авторы анализировали плотность и интенсивность публичных выступлений Президента России и Председателя КНР на примере новогодних обращений и выступлений на Международном экономическом форуме «Один пояс – один путь» 14 мая 2017 г. (Калинин, Мавлеев 2019b).

В новогодних обращениях плотность метафор для текстов на русском языке составила 2,68, а для текстов на китайском – 2,3. В выступлениях на форуме индекс плотности метафор для речи В.В. Путина составил – 1,61, а для речи Си Цзиньпина – 2,59. Таким образом, в плане плотности метафор не наблюдается какой-либо значимой закономерности в количестве использования метафор в зависимости от личных характеристик ораторов, что свидетельствует о том, что полученные в результате нашего исследования значения индексов плотности метафор (MDI) для исследованных текстов могут считаться характеристикой метафоричности, присущей именно данным текстам, а не характерной особенностью речи самого политика.

В текстах новогодних поздравлений индекс интенсивности метафор для текстов на русском составил 1,25, а для текстов на китайском – 1,95; выступление В.В. Путина на экономическом форуме отличалось гораздо большей интенсивностью – 2,25, тогда как значение индекса интенсивности для выступления Си Цзиньпина составил всего 2,06. Данные значения опять-таки свидетельствуют об отсутствии закономерности, связанной с характеристиками речевого поведения самих политиков, и говорят о связи метафор с характеристиками продуцируемых ими текстов. Эта взаимосвязь продемонстрирована в таблице.

Относительно результатов индекса функциональной типологии, который был впервые апробирован в этой работе, стоит отметить, что полученная разница между текстами для разных выступлений оказалась довольно маленькой – всего 0,2. На основании полученного значения мы можем заключить,

что в своем выступлении Си Цзиньпин немного больше стремился к пере-структурированию смыслового поля китайской внутренней и внешней политики. Изученные публичные речи В.В. Путина и Д. Трамп больше отражают существующий порядок в смысловом содержании политического дискурса и более нацелены на объяснение смыслов, чем на их изменения.

Таблица 5

**Значение индексов плотности и интенсивности метафор
для текстов публичных выступлений политических лидеров России и КНР**

	Плотность метафор			Интенсивность метафор		
	Форум	Новогоднее обращение	Обращение к нации	Форум	Новогоднее обращение	Обращение к нации
Путин	1,61	2,68	0,87	2,25	1,25	1,1
Си Цзиньпин	2,69	2,3	4,07	2,06	1,95	1,54

Интерпретация значения индекса структурной метафоричности (внешней) несколько затруднена. Представляется, в данном исследовании значение индекса взаимосвязи метафоричности и внешней структуры текста не следует принимать во внимание, заменив его индексом, отражающим внутреннюю структуру текста. Это основывается прежде всего на особенностях самой структуры текста. Как было указано, композиционные элементы каждого из выступлений достаточно отчетливо считаются, выделение введения, основной части и заключения не вызывает никаких затруднений. Однако введение и заключение во всех трех текстах крайне малы по объему и поэтому концентрация большего количества метафор в основной части во многом обусловлена именно этим. Ниже, в таблице 6 представлено распределение объема композиционных элементов текста в процентном соотношении и количество метафор в каждом из этих элементов.

Таблица 6

Распределение текста по композиционным элементам в текстах публичных выступлений политических лидеров России, США и КНР в соотношении с количеством метафор

	В.В. Путин		Д. Трамп		Си Цзиньпин	
	объем текста	кол-во метафор	объем текста	кол-во метафор	объем текста	кол-во метафор
Введение	1,8	5	4,5	26	5	4
Основная часть	94,9	60	89,2	85	90,3	92
Заключение	3,3	1	6,3	15	4,7	11

Как видно, объем основной части в данном случае прямо пропорционален распределению метафор по частям текста, и подобная диспропорция не позволяет считать полученные результаты индекса надежными. Апробация данного индекса приводит нас к выводу о том, что его использование уместно только в текстах меньшего объема, в которых нет большой диспропорции между композиционными частями текста.

Наше исследование показало, что наибольший воздействующий потенциал реализовывался через метафоры в выступлении Си Цзиньпина. Председатель КНР использовал большее количество метафор на объем текста, при этом метафоры были во многом ориентированы на реструктуризацию передаваемых в тексте общественно-политических концептов. Это говорит, что Си Цзиньпин, выступая перед ВСНП, стремился не столько отчитаться о проделанной работе на должности главы Китая, сколько ввести в общественно-политическую жизнь новое содержание внутренней и внешней политики своей страны.

Данный вывод можно соотнести и с содержанием исследованных текстов. Действительно, Си Цзиньпин в своей выступлении перед ВСНП предлагал новую концепцию развития Китая, вводил новые общественно-политические идеологемы (великое возрождение китайской нации, один пояс – один путь). Выступление Д. Трампа по содержанию – это доклад о проделанной работе, В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию предложил реформы, однако общая концепция развития страны осталась неизменной.

В этом контексте речи Президентов России и США сходны по потенциальному речевому воздействию. Несмотря на то, что текст выступления Д. Трампа более насыщен метафорами и они более интенсивны, индекс функциональной типологии показывает нам, что он не стремился изменить мнение своей аудитории относительно своей политики, он скорее доказывал, что его политический курс верный и достигнуты большие успехи. Большая часть речи В.В. Путина также представляет собой доклад о положении дел, при этом в его выступлении есть весомая часть, посвященная изменениям в стране, в частности, это поправки в Конституцию. Именно в этой части В.В. Путин использовал значительное количество метафор. Высокий показатель значения индекса функциональной типологии метафор при низком уровне насыщенности и интенсивности метафор для текста выступления руководителя России как раз связаны с тем, что в его выступлении есть часть, касающаяся необходимости перемен.

На наш взгляд, использование индексов метафоричности может быть признано валидным методом анализа потенциального речевого воздействия. Анализ плотности метафор, их интенсивности, функций, выполняемых в тексте и позиции относительно элементов структуры текста, является инструментом, который позволяет понять присущие ему интенциональные характеристики. Также, используя данные методы, можно анализировать персуазивность метафоры и возможность использования метафорических проекций для формирования нового отношения к тем или иным проблемам.

Кроме данных утилитарных выводов, проведенное исследование также позволяет сделать корреляционный анализ между полученными индексами. Безусловно, вычисление корреляции на основании всего трех значений нельзя считать полностью значимым, однако проведение таких соответствий

позволит дать общее представление о возможной взаимосвязи разных показателей метафоричности, что может стать важным подспорьем для будущих исследований метафоры.

Таблица 9

Результаты корреляционного анализа значений индексов метафоричности

	MDI	MII	MfTI
MDI		0,56	0,88
MII	0,56	–	0,11
MfTI	0,88	0,11	–

Из результатов корреляционного анализа следует, что наиболее тесно связаны индексы функциональной типологии и плотность метафор, коэффициент корреляции – 0,88.

Безусловно, данные этого корреляционного анализа требуют уточнения на большем количестве анализируемых текстов.

6. Заключение

В данном исследовании мы ставили целью проверить валидность метода комплексного анализа метафоричности текста для выявления имплицитных характеристик текста, связанных с речевым воздействием. Для этого мы предложили анализировать метафоричность текстов посредством вычисления индексов плотности (MDI), интенсивности (MII), функциональной типологии (MfTI) и структурной метафоричности (MStI).

Результаты проведенного исследования показали, что и использование индекса MStI(сх), который показывает распределение метафор по внешним композиционным элементам текста не релевантно относительно больших по объему текстов. Использование других индексов метафоричности позволяет анализировать метафоричность текстов публичных выступлений и наглядно показывает потенциальное скрытое речевое воздействие, которое эти тексты могут оказывать.

Сопоставительный анализ выступлений политических лидеров России, Китая и США на примере сходных текстов обращений к нации показал, что более метафоричным по всем показателям является речь Председателя КНР Си Цзиньпина, что говорит о содержащимся в ней потенциале речевого воздействия, направленного прежде всего на актуализацию старых и формирование новых общественно-политических концептов в сознании массового адресата.

Проведенное исследование не учитывает в полной мере национальную специфику. Некоторые исследования свидетельствуют о высоком символизме китайской культуры (Гурулева 2019), что также является одной из причин более высокого уровня метафоричности текстов на китайском языке. На наш взгляд, символизм китайской культуры может быть связан с плотностью метафор, но такие показатели, как интенсивность использованных

метафор и их функции в тексте, определяются интенциональными характеристиками текста. Однако данный вывод требует дополнительного исследования и анализа с учетом национальной специфики.

Исследование метафоричности текстов, сути процесса метафоризации и взаимосвязи метафоры и речевого воздействия имеет широкие перспективы. На наш взгляд, использование числовых показателей метафоричности для анализа текстов разной дискурсивной направленности позволит более глубоко исследовать природу речевого воздействия. Возможность количественного измерения метафоричности даст возможность перевести анализ функционирования метафоры в дискурсе в новое русло, совместить достижения качественного анализа с анализом количественным, что даст новый толчок развитию теории метафоры.

© Yuhua Sun, Oleg I. Kalinin and Alexander V. Ignatenko, 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аникин Е.Е., Будаев Э.В., Чудинов А.П. Историческая динамика метафорических систем в политической коммуникации России // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. Т. 44. № 3. С. 26–32. [Anikin, Evgeny E., Eduard V. Budaev & Anatoly P. Chudinov. 2015. Historical dynamics of Metaphoric systems in Russian political communication. *Issues of Cognitive Linguistics* 44 (3). 26–32. (In Russ.)]
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. [Budaev, Eduard V. & Anatoly P. Chudinov. 2006. *Metafora v politicheskom interdiskurse*. (Metaphor in political interdiscourse). Yekaterinburg: Ural state pedagogical university Publ. (In Russ.)]
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная российская политическая метафорология (2011–2020 гг.) // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 2. С. 103–113. [Budaev, Eduard V. & Anatoly P. Chudinov. 2020. Contemporary Russian political metaphorology. *Philological class* 25 (3). 103–113. (In Russ.)]
- Гурулева Т.Л. Китайская языковая личность: характеристика речевого портрета и его сопоставительный анализ: монография. Москва: Издательский дом ВКН, 2019. [Guruleva, Tatiana L. 2019. *Kitayskaya yazykovaya lichnost': kharakteristika rechevogo portreta i yego sopostavitel'nyy analiz: monografiya* (Chinese linguistic personality: characteristics of the speech portrait and its comparative analysis: monograph). Moscow: VKN Publ. (In Russ.)]
- Калинин О.И. К вопросу о зависимости персуазивности речевого сообщения от количества метафор // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020а. № 2. С. 31–43. [Kalinin, Oleg I. 2020. On the question of the dependence of the persuasiveness of a speech message on the number of metaphors. *Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics* 2. 31–43 (In Russ.)]

- Калинин О.И. К вопросу о зависимости персуазивности речевого сообщения от содержания метафорического переноса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020b. №. 4. [Kalinin, Oleg I. 2020. On the question of the dependence of the persuasiveness of a speech message on the content of the metaphorical transfer. *Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics* 4. (In Russ.)]
- Калинин О.И., Мавлеев Р.Р. Сопоставительный анализ метафоричности военно-политических дискурсов языков разной типологии (на примере русского и китайского языков) // Когнитивные исследования языка. 2019b. Т. 38. С. 546–553. [Kalinin, Oleg I. & Ruslan R. Mavleev. 2019. Comparative analysis of the metaphorical nature of military-political discourses in languages of different typology (on the example of Russian and Chinese languages). *Cognitive language studies* 38. 546-553. (In Russ.)]
- Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми Мы Живём. Москва: Едиториал УРСС, 2004. [Lakoff, George & Mark Johnson. 2004. *Metaphors We Live By*. Moscow: URSS. (In Russ.)]
- Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры. Москва: Наука, 1990. С. 44–67. [Richards, Ivor. A. 1990. The philosophy of rhetoric. Moscow: Nauka. (In Russ.)]
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография. 2001. [Chudinov, Anatoly P. 2001. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoye issledovaniye politicheskoi metafory (1991–2000): Monografiya*. (Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991-2000): Monograph). (In Russ.)]
- Ahrens, Kathleen. 2010. Mapping Principles for Conceptual Metaphors. In book: *Researching and Applying Metaphor in the Real World*. Chapter: Mapping Principles for Conceptual Metaphors. Publisher: Amsterdam: John Benjamins. In Alice Deignan, Graham Low & Zazie Todd (eds.) DOI: 10.1075/hcp.26.12ahr
- Ahrens, Kathleen, Ho-Ling Liu, Chia-Ying Lee, Shu-Ping Gong, Shin-Yi Fang & Yuan-Yu Hsu. 2007. Functional MRI of conventional and anomalous metaphors in Mandarin Chinese. *Brain Lang* 11 (2). 163–171. DOI: 10.1016/j.bandl.2005.10.004
- Baranov, Anatoly N. & Jork Zinken. 2003. Die metaphorische Struktur des öffentlichen Diskurses in Russland und Deutschland: Perestrojka- und Wende-Periode. *Metapher, Bild und Figur. Osteuropäische Sprach- und Symbolwelten*. In Bernhard Symanzik, Gerhard Birkfellner & Alfred Sproede (eds.). 93–121.
- Beneš, Vaclav E. 1973. Thema – Rhema – Gliederung und Textlinguistik. *Studien zur Texttheorie und zur deutschen Grammatik*. Sitta von H. (ed.). 42–62.
- Boeynaems, Amber Boeynaems, Christian Burgers, Elly A. Konjin & Gerard Steen. 2017. The impact of conventional and novel metaphors in news on issue viewpoint. *International Journal of Communication* 11 (June). 2861–2879.
- Bowdle, Brain F. & Dedre Gentner. 2005. The Career of Metaphor. *Psychol. Rev.* 112 (1). 193–216.
- Burgers, Christian, Elly A. Konjin, Gerard J. Steenb & Marlies A.R. Iepma. 2015. Making ads less complex, yet more creative and persuasive: the effects of conventional metaphors and irony in print advertising. *International Journal of Advertising* 34 (3). 515–532.
- Charteris-Black, Jonathan. 2016. *Politicians and rhetoric: The persuasive power of metaphor*. UK: University of the West of England.
- Coulson, Seana & Cyma Van Petten. 2002. Conceptual integration and metaphor: An event-related potential study. *Memory and Cognition* 30 (6). 958–968.
- Daneš, František. 1976. Zur semantischen und thematischen Struktur des Kommunikats. *Stud. Gramm.* 11 (Probleme der Textgrammatik). 29–40.
- Deignan, Alice. 2015. MIP, the corpus and dictionaries: What makes for the best metaphor analysis? *Metaphor and Social World* 5 (1). 145–154.

- Giora, Rachel, Ofer Fein, Ann Kronrod, Edit Elnatan, Noa Shuval & Adi Zur. 2004. Weapons of Mass Distraction: Optimal Innovation and Pleasure Ratings. *Metaphor and Symbol* 19 (2). 115–141.
- Gornostaeva, Anna A. Review of Andreas Musolf. 2016. Political metaphor analysis. Discourse and scenarios. Bloomsbury, 194 p. *Russian Journal of Linguistics* 23 (1). 244–246. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-244-246
- Hartman, Todd K. 2012. Toll Booths on the Information Superhighway? Policy Metaphors in the Case of Net Neutrality. *Political Communication* 29 (3). 278–298.
- Hoeken, Hans, Piet Swanepoel, Elvis Saal & Carel Jansen. 2009. Using Message Form to Stimulate Conversations: The Case of Tropes. *Communication Theory* 19 (1). 49–65.
- Hussey, Karen A. & Albert N. Katz. 2006. Metaphor Production in Online Conversation: Gender and Friendship Status. *Discourse Process* 42 (1). 75–98.
- Kahneman, Daniel & Amos Tversky. 1979. Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica* 47. 263–291.
- Koller, Veronika. 2002. «A Shotgun Wedding»: Co-occurrence of War and Marriage Metaphors in Mergers and Acquisitions Discourse. *Metaphor and Symbol* 17 (3). 179–203.
- Koller, Veronika. 2003. Metaphor Clusters, Metaphor Chains: Analyzing the Multifunctionality of Metaphor in Text.
- Koller, Veronica. 2004. Metaphor and Gender in Business Media Discourse. London: Palgrave Macmillan UK.
- Kövecses, Zoltán. 2015. Metaphor and Culture. Where Metaphors Come From. Oxford University Press. 73–96. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780190224868.003.0005
- Kozlova, Lyubov A. 2020. Metaphor as the reflection of culture determined cognition. *Russian Journal of Linguistics* 24 (4). 899–925. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925
- Landtsheer, Christ'1 De. 2009. Collecting Political Meaning from the Count of Metaphor. *Metaphor and Discourse*. London: Palgrave Macmillan UK. 59–78.
- Larina, Tatiana, Vladimir Ozyumenko & Douglas M. Ponton. 2019. Persuasion strategies in media discourse about Russia: Linguistic ambiguity and uncertainty. *Lodz Papers in Pragmatics* 15 (1). 3–22.
- Martin, James R. English Text: System and structure. Amsterdam: Benjamins, 1992.
- Mashal, Nehjla, Miriam Faust & Talma Hendler. 2005. The role of the right hemisphere in processing nonsalient metaphorical meanings: Application of Principal Components Analysis to fMRI data. *Neuropsychologia* 43 (14). 2084–2100. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2005.03.019
- Mio, Jeffery S., Ronald E. Riggio, Shana Levin & Renford Reese. 2005. Presidential leadership and charisma: The effects of metaphor. *The Leadership Quarterly* 16 (2). 287–294. DOI: 10.1016/j.leaqua.2005.01.005
- Mishlanova, Svetlana L. & Mariya V. Suvorova. 2017. Evaluation of metaphor identification procedure vu (MIPVU) by the criteria of a truly scientific method. *Perm University Bulletin. Russian and foreign philology* 9 (1). 46–52. DOI: 10.17072/2037-6681-2017-1-46-52
- Nacey, Susan, Lettie Dorst, Tina Krennmayr, Gudrun Reijnierse & Gerard Steen. 2019. Chapter 1. MIPVU in multiple languages. 2–21.
- Ottati, Victor C. & Randal Renstrom A. 2010. Metaphor and Persuasive Communication: A Multifunctional Approach. *Soc. Personal. Psychol. Compass* 4 (9). 783–794. DOI: 10.1111/j.1751-9004.2010.00292.x
- Sopory, Pradeep. 2006. Metaphor and Attitude Accessibility. *Southern Communication Journal* 71 (3). 251–272.
- Stee, Stephanie. 2018. Meta-Analysis of the Persuasive Effects of Metaphorical vs. Literal Messages. *Communication Studies* 69 (5). 545–566.

- Stee, Stephanie, Seth M. Noar, Nancy G. Harrington & Lisanne F. Grant. 2018. The Effects of Metaphor Use and Message Format on Cognitive Processing and Persuasive Outcomes of Condom Promotion Messages. *Communication Studies* 69 (1). 23–41. DOI: 10.1080/10510974.2017.1396543
- Stringaris, Argyris K., Nicholas C. Medfordm Vincent Giampietro, Michael J. Brammer & Anthony S. David. 2007. Deriving meaning: Distinct neural mechanisms for metaphoric, literal, and non-meaningful sentences. *Brain and Language* 100 (2). 150–162. DOI: 10.1016/j.bandl.2005.08.001
- Thibodeau, Paul H. & Lera Boroditsky. 2011. Metaphors We Think With: The Role of Metaphor in Reasoning. *PLoS One*. 6 (2). e16782. DOI: 10.1371/journal.pone.0016782
- Thibodeau, Paul H. & Lera Boroditsky. 2013. Natural Language Metaphors Covertly Influence Reasoning. *PLoS One*. 8. (1). e52961. DOI: 10.1371/journal.pone.0052961
- Wagenaar, Willem A., Gil Keren & Sarah Lichtenstein. 1988. Islanders and hostages: Deep and surface structures of decision problems. *Acta Psychologica* 67 (2). 175–189.
- 江治刚&阳海清. 俄罗斯政治语言学视域下外宣文本政治隐喻翻译策略研究 // 东北亚外语研究. 2020 (1). [Jiang, Zhigang & Haiqing Yang. 2020. Research on the translation strategy of political metaphors in foreign propaganda texts from the perspective of Russian political linguistics. *Northeast Asian Foreign Language Studies* (In Chin.)]
- 孙福庆. 俄罗斯政治隐喻研究的核心理论阐释 // 牡丹江大学学报. 2020 (9). [Sun Fuqing. 2020. Analysis of the core theory of Russian political metaphor research. *Journal of Mudanjiang University* (In Chin.)]

Article history:

Received: 11 October 2020

Accepted: 22 January 2021

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 11 октября 2020

Дата принятия к печати: 22 января 2021

Bionotes:

Yuhua SUN is Professor, President of the Dalian University of Foreign Languages (until 2015 – Rector), Head of the SCO National Administration in China, Director of the Research Association for the Teaching of Chinese and Russian Languages, Deputy Head of the Russian Group of the National Committee for the Teaching of Foreign Languages. She is also Director of Pushkin National Association of Researchers, Chairman of the Liaoning Association for the Study of Foreign Literature, Deputy Chairman of the Association of Translators and member of the Association of Writers of Prov. Liaoning. She received honorary awards from the State Council of the People's Republic of China. She authored and coauthored over 100 publications including 4 monographs and 7 dictionaries. Her research is focused on Russian linguistics, Russian language teaching modern Russian literature and international political linguistics.

Contact information:

Dalian University of Foreign Languages

6 West Section of South Lushun Road, Lushunkou District, Dalian, 116044

e-mail: xzxx@dlufl.edu.cn

Oleg I. KALININ is an Associate Professor of the Chinese Language Department at Moscow State Linguistic University and a postdoctoral researcher at the Military University. He teaches the Chinese language and translation theory, intercultural communication and stylistics. He has authored several textbooks, including a Chinese stylistics textbook. His research interests embrace cognitive linguistics, especially Conceptual Metaphor Theory and the Theory of categorization, discourse analysis, cultural linguistics, intercultural communication and media linguistics.

Contact information:

Website: <https://www.metaphor-analysys.com>

Moscow State Linguistic University

38 Ostozhenka Street. Moscow, 119034

e-mail: okalinin.lingua@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1807-8370

Alexander V. IGNATENKO holds a Ph. D. in Philology and is a Senior Lecturer in the Department of Foreign Languages at the Philological Faculty of RUDN. The main areas of his research interests are intercultural communication, translation studies, cultural linguistics, history of Chinese and Russian literature, comparative studies and Chekhov studies.

Contact information:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

10/A Miklukho-Maklaya Street, Moscow, 117198

e-mail: ignatenko-av@rudn.ru

ORCID: 0000-0001-9261-4306

Сведения об авторах:

Юйхуа СУНЬ – профессор, президент Даляньского университета иностранных языков (до 2015 г. – ректор), глава национального ректората УШОС в КНР, директор Исследовательской ассоциации преподавания китайского и русского языков, заместитель руководителя русской группы Национального комитета по преподаванию иностранных языков, директор Национальной ассоциации исследователей А.С. Пушкина, председатель Ляонинской ассоциации изучения иностранной литературы, зам. председателя Ассоциации переводчиков и член Ассоциации писателей пров. Ляонин. Имеет почетные награды Гос. совета КНР. Автор более 100 публикаций и 4 монографий, составитель 7 словарей. Сфера научных интересов – русская лингвистика, методика преподавания русского языка, современная русская литература и международная политическая лингвистика.

Контактная информация:

Dalian University of Foreign Languages

6 West Section of South Lushun Road, Lushunkou District, Dalian, 116044

e-mail: xzxx@dlufl.edu.cn

Олег Игоревич КАЛИНИН – доцент кафедры китайского языка МГЛУ, докторант Военного университета. Преполагает разные аспекты китайского языка и теории перевода, межкультурную коммуникацию и стилистику. Автор нескольких учебных пособий, включая учебник по стилистике. Сфера научных интересов касается

когнитивной лингвистики, в частности теории концептуальной метафоры и теории категоризации, дискурсивной лингвистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, медиалингвистики.

Контактная информация:

Московский государственный лингвистический университет

119034, Москва, ул. Остоженка д. 38

e-mail: okalinin.lingua@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1807-8370

Александр Владимирович ИГНАТЕНКО – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (РУДН). Сфера научных интересов включает межкультурную коммуникацию, переводоведение, историю китайской и русской литературы, лингвокультурологию, сопоставительное языкознание, чеховедение.

Контактная информация:

Российский университет дружбы народов

117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10А

e-mail: ignatenko-av@rudn.ru

ORCID: 0000-0001-9261-4306

DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-278-283

Book review

Review of Boris Norman. 2020.
Language categories in the consciousness and creativity
of the Russian poet.
Berlin: Peter Lang. ISBN 978-3-631-81797-1

Natalia V. PATROEVA
Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russia

For citation:

Patroeva, Natalia V. 2020. Review of Boris Norman. 2020. *Language categories in the consciousness and creativity of the Russian poet*. Berlin: Peter Lang. ISBN 978-3-631-81797-1. *Russian Journal of Linguistics* 25 (1). 278–283. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-278-283

Рецензия

Рецензия на монографию: Борис Норман.
Языковые категории в сознании
и творчестве русского поэта.
Berlin: Peter Lang, 2020. ISBN 978-3-631-81797-1

Н.В. ПАТРОЕВА
Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск, Россия

Для цитирования:

Патроева Н.В. Рецензия на монографию: Борис Норман. Языковые категории в сознании и творчестве русского поэта. Берлин: Петер Ланг, 2020. ISBN 978-3-631-81797-1. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25. № 1. С. 278–283. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-278-283

Новая книга Бориса Нормана продолжает ряд ставших уже широко известными в области современной филологии трудов автора с мировым научным именем, посвященных участию языковых единиц и категорий в формировании образной ткани художественного текста, разнообразным «сдвигам» и деформациям языковых норм в русской лирике.

В сложнейшем процессе поэтического текстопорождения, по верному замечанию Б.Ю. Нормана, «...не столько поэт использует язык, сколько язык

эксплуатирует поэта, чтобы выявить и продемонстрировать всю совокупность своих возможностей, весь потенциал своей системы. В этом – огромная ценность поэзии как объекта исследования для лингвиста» (с. 144). Именно поэтому одной из главных задач, стоявших перед автором рецензируемой монографии, стало многоаспектное и разноуровневое рассмотрение поэтического дискурса как структуры и системы языковых средств, участвующих в воплощении художественного замысла создателя стихотворного произведения и в процессе этого образного вос-/пересоздания мира, трансформирующих свои узуальные, привычные лексические значения, грамматическую валентность, синтагматические и парадигматические свойства.

В композицию монографии, помимо предисловия, в котором, в частности, сообщается, что книга подготовлена при университете города Трира (Германия) в рамках проекта «Немецкого исследовательского общества» FOR 2603 “Russischsprachige Lyrik in Transition: Poetische Formen des Umgangs mit Grenzen der Gattung, Sprache, Kultur und Gesellschaft zwischen Europa, Asien und Amerika”, включены шесть разделов (глав) и пространный список цитируемых научных трудов и источников, в том числе на русском, немецком, английском и французском языках, что позволяет автору широко представить вклад российской и западноевропейской филологии в изучение поэтической речи. Материалом для наблюдений и выводов служат стихотворные произведения Б. Пастернака, О. Мандельштама, М. Цветаевой, С. Кирсанова, Д. Самойлова, А. Тарковского, Б. Окуджавы, А. Вознесенского, Ю. Левитанского, Н. Матвеевой, В. Высоцкого, А. Кушнера и других русских поэтов.

В разделе первом «Поэт как лингвист (лингвистические наблюдения и открытия в русской поэзии)» Б.Ю. Норман в широкой временной перспективе – от XVIII в. до наших дней – интерпретирует представления поэтов о языке, нашедшие отражение в их творчестве. Именно в поэзии максимально расширяются языковые возможности, а творец стиха, выступая провозвестником истины, не просто подчиняется диктату языковой системы, но борется с ним, стремясь на всех уровнях текста уйти от стандартного, привычного, «заразить» своего читателя замыслом, идеей, проблемой, создать собственную картину мира, – эта установка становится главной для Б. Нормана в процессе истолкования лингвистической рефлексии поэтов, а также взаимосвязи смысловых ассоциаций и звукописи, семантического сходства и фонетического подобия рифмуемых слов, борьбе с жесткими требованиями грамматических категорий, роли порядка слов в организации стихового пространства, ослаблении, «аграмматичности и фрагментарности», «рассыпчатости» (с. 27) поэтического синтаксиса, полиптотоне (многopaдежии) и окказиональных числовых формах.

Вторая глава «Лингвист как поэт: переключение кодов или смена парадигмы? (анализ поэтического творчества профессиональных лингвистов)», «зеркально» отражающей проблему, поставленную в первом разделе, анализируются стихотворения, созданные профессионалами-лингвистами, и

вопрос о соотношении в их писательском сознании двух видов творчества – научного и поэтического. Привлекая в качестве иллюстраций стихотворные опыты В.Г. Адмони, М.В. Панова, Б.И. Осипова, В.А. Карпова, В.М. Мокиенко, Л.В. Зубовой, Л.О. Чернейко, автор книги, задумываясь над чрезвычайно интересными вопросами, «может ли человек, знающий законы искусства (и языка) «извне», рационально, одновременно пользоваться ими «изнутри», как творец – в значительной степени иррационально, по наитию» и «что побеждает в таком случае: знание и расчет или чувства и интуиция креатива», приходит, в частности, к такому важному предположению о «переключении кодов» в сознании слагающих стихи лингвистов, в качестве перспективы исследования предполагая анализ стихотворений, написанных специалистами точных и технических наук: «По-видимому, в разных случаях, применительно к разным личностям, можно говорить о доминировании того или иного начала – научного, аналитического, или творческого, направленного на синтез нового произведения» (с. 42). Во второй главе читатель сможет найти кладезь примеров обыгрывания поэтами-учеными терминов, грамматических форм и лингвистических идей, «сдвинутой» сочетаемости и компрессии текста (вроде «Оленей навстречу» М.В. Панова), намеренной амплификации, который существенно пополняет наши представления о поэзии новейшего времени.

Третий раздел «“Отдаленное знакомство слов” (о семантических и фонетических связях между словами в стихотворении)» специально посвящен проблеме соотношения звука и смысла в процессе создания поэтического творения, ассоциативным соответствиям фонетического оформления и семантики слова, закону звуковой инструментовки, когда «звук ведет за собой смысл» (с. 79) в процессе текстопорождения. На основе глубокого анализа звуко-символических ассоциаций в поэзии Б. Пастернака и О. Мандельштама, Б.Ю. Норман приходит к выводу, что «связи, существующие между словами в сознании, имеют сложную природу и нередко образуют многочленные цепочки» (с. 94).

В четвертой главе «О борьбе строки с предложением (и о смысле невыраженном, но реконструируемом)» Б.Ю. Норман размышляет над динамическим соответствием и тесной связью синтаксиса и ритма стихотворного текста, демонстрируя читателю особые случаи взаимодействия синтагмы и стиха, включая анжамбеман. Именно строка как единица членения поэтического текста, задающая ритмо-метрическое ожидание, рифму, управляет, о мысли автора книги, синтаксической организацией стихотворения, так что членение на строки-стихи побеждает грамматическое членение на предикативные единицы, а читатель запоминает при этом именно зачастую строку, а не целое предложение-высказывание. Особенно это заметно в поэзии русского авангарда, характеризующейся хаотичностью синтаксической архитектоники, отсутствием графем, обозначающих границы фраз (начальных заглавных букв, знаков препинания). Поэт намеренно расчленяет, обрывает,

сжимает высказывание, исключая те или иные звенья и прибегая к эллипсису и окказиональной синтагматике (в качестве яркого примера стирания «противопоставления отношения и объекта действия» (с. 101) в процессе «сжатия» и «контаминации» конструкций Б. Норман приводит «Я учился траве...» А. Тарковского. В отношении «рассыпчатости», «аграмматичности» синтаксиса стиха заметим, однако, что данную тенденцию демонстрируют, главным образом, стихотворные произведения новейшей эпохи – XX–XXI столетий – не случайно иллюстрации «рассыпчатого» синтаксиса, «борьбы» строки и предложения Б.Ю. Норманом привлекаются из поэзии М. Цветаевой, Б. Пастернака, А. Межирова, И. Бродского и др.¹

Пятый раздел «Особенности глагольного управления в поэтическом тексте» содержит анализ лексико-грамматической синтагматики, падежных вариаций рамки глагольного управления на материале стихотворений Юрия Левитанского. Со- и противопоставления морфологических форм, случаи окказионального управления или замены подчинения на синтаксическую изоляцию (ряды номинативов), как это убедительно доказывается Б. Норманом, вносят в семантически сложный лирический дискурс дополнительные смысловые нюансы, добавочные ассоциативные ходы.

Шестой раздел «Лексические повторы и случаи прономинафобии в поэзии (существительные против местоимений?)» рассказывает о роли местоименной анафоры и фигуре повтора в формировании стихотворной когезии и когерентности текста: лексический повтор позволяет избежать подчеркивания темы (поэтому местоимения часто намеренно избегаются поэтами), напротив, еще раз актуализируя рему высказывания, акцентируя ключевое понятие. Так тавтология, узуально не приветствуемая, служит важным средством образного «выдвижения».

Особенно важными представляются заключительные выводы Б.Ю. Нормана о типичных для поэтического текстообразования тенденциях: «Порождение текста – вообще многоканальный процесс, в котором задействованы все уровни языковой системы. Они координируют свои усилия и сложным образом взаимодействуют. В чем же специфика порождения поэтического

¹ Например, согласно данным, полученным проектным коллективом «Синтаксического словаря русской поэзии» (привлекался материал от Кантемира до Пушкина; опубликованы пока два тома (Синтаксический словарь 2017, Синтаксический словарь 2019), главной синтаксической формой оформления поэтической мысли оказалось большой протяженности многочастное сложное предложение с разными типами связи. Это фронтальное словарное описание большого фонда используемых русскими поэтами конструкций, с целью выяснения, в частности, активности разных типов синтаксических связей в структуре предложения, соотношения синтаксиса с метрикой и строфикой, состава фигур речи и частотности анжамбеманов, позволило проверить и уточнить наблюдения, полученные стиховедами: например, о значительном преобладании в стихе связей и отношений сочинительного характера или о том, что «синтаксическая» фраза на переходе от классицизма к сентиментализму и романтизму сменяется «асинтаксической», поскольку межстрочные связи стремятся к усилению и с течением времени увеличивается количество межстиховых переносов (см.: Шапир 2003, Скулачева 2010).

текста? Во-первых, в этом процессе – заметно бóльшая доля участия единиц фонетического уровня. Во-вторых, поэтическое творчество отличается бóльшей свободой в выборе и употреблении слов (единиц лексикона) и словообразовательных элементов. В-третьих, предложение как каноническая единица синтаксической организации речи вынуждена отстаивать свой статус, борясь со стихотворной строкой» (с. 143).

Новая книга Б.Ю. Нормана затрагивает многие вопросы, касающиеся не разгаданных пока потаенных механизмов языка с «установкой на творчество» (пользуясь термином В.П. Григорьева), и, несомненно, будет интересна всем, кого волнуют проблемы лингвопоэтического анализа русского лирического дискурса.

© Natalia V. Patroeva, 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Скулачева Т.В., Бужакова М.В. Стих и проза: сочинение и подчинение // Вопросы языкознания. 2010. № 2. С. 37–54. [Skulacheva, T. V., Bujakova, M. V. 2010. Stih i proza: sochinenie i podchinenie. *Voprosy jazykoznanija* 2. 37–54. (In Russ.)]
- Шапир М.И. Три реформы русского стихотворного синтаксиса (Ломоносов – Пушкин – Иосиф Бродский) // Вопросы языкознания. 2003. № 3. С. 31–78. [Shapir M.I. 2003. Tri reformy russkogo stihotvornogo sintaksisa (Lomonosov – Pushkin – Iosif Brodskij). *Voprosy jazykoznanija* 3. 31–78. (In Russ.)]

Словари / Dictionaries

- Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: в 4 т. / под ред. Н.В. Патроевой. Т. 1: Кантемир, Тредиаковский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 576 с. [Sintaksicheskii slovar' russkoi poezii XVIII veka (Syntactic Dictionary of Russian Poetry of the 18th Century): in 4 volumes. N.V. Patroeva. V. 1: Kantemir, Trediakovskiy (eds.). St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2017. 576 p.]
- Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: в 4 т. / под ред. Н.В. Патроевой. Т. 2: Ломоносов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 608 с. [Sintaksicheskii slovar' russkoi poezii XVIII veka (Syntactic Dictionary of Russian Poetry of the 18th Century): in 4 volumes. N.V. Patroeva (ed.). V. 2. Lomonosov. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2019. 608 p.]

Book review history:

Received: 29 October 2020

Accepted: 21 January 2021

История рецензии:

Дата поступления в редакцию: 29 октября 2020

Дата принятия к печати: 21 января 2021

Bionote:

Natalia V. PATROEVA is Doctor habil., Professor and Chair of the Russian Language Department at Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia). Her research interests include syntax of the modern Russian literary language, linguistic stylistics, linguopoetics, poetic syntax, history of the Russian literary language and the language of Russian folklore.

Contact information:

33, Lenin Str., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russia

e-mail: nvpatr@list.ru

ORCID: 0000-0003-3836-6393

Сведения об авторе:

Наталья Викторовна ПАТРОЕВА – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия). Сфера научных интересов: синтаксис современного русского литературного языка; лингвостилистика, лингвопоэтика; поэтический синтаксис; история русского литературного языка, язык русского фольклора.

Контактная информация:

Россия, 185910, Республика Карелия, Петрозаводск, ул. Ленина, 33

e-mail: nvpatr@list.ru

ORCID: 0000-0003-3836-6393

DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-284-290

Book review

**Review of Chudinov A.P., Budaev E.V., Solopova O.A. 2020.
Political Metaphorology: A Discursive Turn.
Moscow: Flinta. 234 p. ISBN 978-5-9765-4326-3**

Vladimir I. KARASIK

Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russia

For citation:

Karasik, Vladimir I. 2020. Review of Chudinov A.P., Budaev E.V., Solopova O.A. 2020. *Political Metaphorology: A Discursive Turn*. Moscow: Flinta. 234 p. ISBN 978-5-9765-4326-3. *Russian Journal of Linguistics* 25 (1). 284–290 DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-284-290

Рецензия

**Рецензия на книгу:
Чудинов А.П., Будаев Э.В., Солопова О.А.
Политическая метафорология:
Дискурсивный поворот.
М.: Флинта, 2020. 234 с. ISBN 978-5-9765-4326-3**

В.И. КАРАСИК

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
Москва, Россия

Для цитирования:

Карасик В.И. Рецензия на книгу: Чудинов А.П., Будаев Э.В., Солопова О.А. Политическая метафорология: Дискурсивный поворот. М.: Флинта, 2020. 234 с. ISBN 978-5-9765-4326-3. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25. № 1. С. 284–290. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-284-290

Рецензируемая книга известных российских исследователей, давно и плодотворно изучающих проблемы политической и когнитивной лингвистики (Будаев 2011, Будаев, Чудинов 2006, 2008, Солопова 2013, 2015, Солопова, Чудинов 2018, Чудинов 2001, 2013, 2012), представляет собой развитие их оригинальной теории политической метафоры. Авторы опираются на классический труд Дж. Лакоффа и М. Джонсона (2004) и признают, что в

настоящее время в когнитивной лингвистике «заметно все возрастающее обращение к методам и эвристикам дискурс-анализа, критического анализа дискурса, теории дискурса, герменевтического анализа дискурса и другим дискурсивно ориентированным направлениям» (с. 4). Детальный анализ дискурсивного поворота в современной политической лингвистике и составляет предмет изучения в рассматриваемой книге.

Во введении к монографии отмечено, что в настоящее время выделяются пять основных направлений в изучении политического дискурса российскими лингвистами: 1) национальный политический дискурс; 2) политический дискурс определенной эпохи; 3) дискурс определенного политического события; 4) дискурс политической партии (движения); 5) личностный дискурс политика.

Книга состоит из трех глав, посвященных соответственно дискуссионным проблемам политической метафорологии, сопоставительной политической метафорологии и ее исторической динамике.

Первая глава посвящена определению статуса политической лингвистики, характеристикам политической метафорологии, когнитивным, риторическим и семантико-стилистическим истокам теории концептуальной метафоры, методикам ее когнитивного анализа и характеристике дискурсивного поворота в этой области знания.

Анализ множества публикаций, выполненных в рамках политической лингвистики, позволяет, как отмечают авторы, утверждать, что в настоящее время можно выделить три основных понимания статуса этого объекта лингвистических исследований: это новая междисциплинарная наука, объединяющая лингвистику и политологию, либо раздел лингвистики, в котором рассматриваются характеристики политической коммуникации (наряду с юридической лингвистикой, медиалингвистикой, этнолингвистикой и др.), либо частное направление функциональной стилистики. Первое и второе направления доминируют, и можно отметить, что значимые акценты в понимании статуса этой науки зависят от базовых установок исследователей, которые квалифицируют себя в качестве лингвистов либо политологов. Аналогичное положение дел, скажем, имеет место в противопоставлении социолингвистики и социологии языка. Сложность и многоплановость решаемых проблем отражается в новом науковедческом понятии «федерация когнитивных наук». Можно согласиться с А.П. Чудиновым в том, что в научном сообществе не подвергаются сомнению теоретические основания гибридных научных направлений, возникших на пересечении фундаментальных научных дисциплин, таких, как психолингвистика или социолингвистика, но меньше повезло тем областям знания, которые выделяются на основе специфического предмета исследования (сферы коммуникации), это юрислингвистика и медиалингвистика. Важным аргументом в обосновании статуса той или иной области знания является набор используемых

в ней исследовательских методик. В политической лингвистике успешно используются когнитивные, дискурсивные, лингвокультурологические, психолингвистические, корпусно-статистические методики, а также методики общественных наук. Говоря об интенсивном развитии когнитивной лингвистики в нашей стране, А.П. Чудинов перечисляет следующие научные школы, не имеющие аналогов за рубежом: лингвокультурология, лингвоконцептология, теория прецедентных феноменов, сопоставительная и историческая метафорология, когнитивная лингвоперсонология, когнитивная лингвоаксиология, когнитивная лингвосемиотика и когнитивная теория креолизованного текста (с. 20).

Заслуживает внимания изложенный в книге информативный обзор источников теории концептуальной метафоры. Западные когнитивисты доказали, что метафора как когнитивный механизм не ограничивается сферой языка, но проявляется в мышлении и в действии. Достижения отечественных ученых в этом плане вносят вклад в развитие когнитивной метафорологии с учетом изучения языка и стиля известных политиков, а также исследований, посвященных ораторскому искусству.

Специалисты несомненно обратят внимание на анализируемые в книге методики когнитивного анализа политических метафор. Рассматриваются метафоры, объединяемые сферой-источником метафорической экспансии, сферой-мишенью, единичные концептуальные метафоры, метафоры субъекта политического дискурса, метафоры в политическом нарративе, модели концептуальной интеграции. Отмечено, что библиография только метафорологических когнитивных исследований насчитывает более тысячи публикаций.

Одним из ярких индикаторов современной коммуникативной среды является широкое распространение сетевого дискурса. Авторы справедливо отмечают, что «важным фактором дискурсивного поворота в риторическом направлении стало активное развитие интернет-технологий, которые сформировали новую коммуникативную реальность, что неизбежно отразилось на закономерностях функционирования политической коммуникации. Современные исследователи сходятся во мнении, что важнейшим источником распространения политической информации стали социальные сети, блоги, форумы и иные формы интернет-коммуникации, которые оказывают все большее влияние на традиционные СМИ, которые, в свою очередь, также активно эксплуатируют возможности всемирной паутины для распространения информации в обществе» (с. 44–45). Признавая несомненные достижения западных исследователей, которые внесли большой вклад в развитие когнитивной лингвистики, авторы подчеркивают, что в российской когнитивистике были высказаны важные идеи относительно необходимости интегративных когнитивно-дискурсивных исследований, особенно значимы в этом плане работы В.З. Демьянкова (Демьянков 1992) и Е.С. Кубряковой (Кубрякова 2004).

Во второй главе книги рассматриваются проблемы метафорической когниции в контексте культуры, теории и практики сопоставительной политической метафорологии и сопоставительного анализа метафор в современном политическом дискурсе.

Заслуживает внимания обоснованный в монографии тезис о значительном сходстве концептуальных метафор в западных и восточных лингвокультурах. Вместе с тем существуют и определенные отличия: так, «китайские метафоры со сферой-источником «Семья» отражают национальную специфику заключения брака. В китайском представлении браку предшествует не столько знакомство и ухаживание, сколько сложные переговоры, направленные на защиту интересов будущих супругов и их родственников. Это сближает рассматриваемые образы с метафорами торговой сделки, имеющей важное моральное основание: брак рассматривается китайцами как выполнение обязательств перед предками» (с. 50). Очень важным является положение о том, что при межкультурном сопоставлении важно разграничивать окказиональные метафоры и доминантные метафорические модели (термин А.П. Чудинова). Интересны приведенные в книге конкретные наблюдения применительно к разным типам концептуальных метафор, установленные учениками А.П. Чудинова в их диссертационных исследованиях на материале шоу-дискурса, экологического дискурса и дискурса феминисток.

В монографии выделены следующие перспективные направления сопоставительной концептуальной метафорологии:

1. Сопоставление доминантных метафор различных эпох.
2. Сопоставление метафорических периодов бурь и метафорических штилей.
3. Сопоставление метафорического репертуара политических партий в различных политических условиях (ср.: правящая партия / партия в условиях парламентской оппозиции / партия во внесистемной оппозиции).
4. Сопоставление метафорического репертуара различных политиков, а также одного из политиков на различных этапах его деятельности (с. 60).

Лингвисты и политологи несомненно обратят внимание на существенное различие в использовании метафорических моделей, используемых в предвыборном дискурсе в России и Великобритании. Так, в работе О.А. Солоповой показано, что общими метафорическими моделями в сравниваемых лингвокультурах являются следующие: «Жизнь – это война» и «Страна – это больной организм», вместе с тем в российском политическом дискурсе востребованной оказалась метафорическая модель «Страна – это мир преступности», а в британском – «Жизнь – это театр» (с. 63).

Сопоставительные исследования политической метафоры по определению являются дискурсивными, и используемые в них методики дают возможность, как отмечают авторы, объединить их в следующие группы: «1) межкультурное сопоставление, направленное на поиск универсального

и культурно-специфического в политических метафорах разных этнокультурных сообществ; 2) идеологическое сопоставление, направленное на изучение метафор, характерных для сторонников разных идеологических взглядов, приверженцев различных методов решения определенных политических проблем, участников определенных политических объединений; 3) идиолектное сопоставление, направленное на изучение метафор определенных политиков, а также других личностей как субъектов дискурсивной деятельности; 4) гендерное сопоставление, связанное с исследованием как гендерных предпочтений в выборе метафор при построении политического дискурса, так и в сопоставлении способов метафорической концептуализации политиков-мужчин и политиков-женщин; 5) диахроническое сопоставление метафор, охватывающее вопросы исторического развития политического дискурса; 6) мультимодальное сопоставление, предметом которого являются семиотические закономерности функционирования метафор в невербальной политической коммуникации и ее взаимосвязи с вербальной коммуникацией» (с. 66).

Предметом детального описания в третьей главе монографии являются характеристики диахронической метафорологии, лингвопрогнозные сценарии, системы метафорических моделей в политическом дискурсе России, США и Великобритании.

Методологически важен тезис, обоснованный О.А. Солоповой: «нельзя пытаться понять метафору дискретно: только через лингвистическую, когнитивную или социальнокультурную составляющую. Поскольку язык, мышление и культура неразрывно связаны, дискурсивные метафоры социально и культурно ситуативны, зависимы от контекста, дву- и многосмысленны: предлагают возможности для разнообразных интерпретаций» (с. 127). Такая взаимосвязь иллюстрирует дискурсивную сущность политических концептуальных метафор. Принципиально важным является также положение о том, что «исследование политической метафорики с учетом исторической перспективы подтверждает постоянное взаимодействие двух свойств системы политических метафор: архетипичности и вариативности. Развитие системы политических метафор, как правило, проявляется не в появлении принципиально новых смысловых типов метафор, а в динамике уровня метафоричности политического дискурса, в изменении частотности использования тех или иных метафорических моделей, в создании новых метафорических наименований на основе традиционных моделей, в расширении сфер-мишеней метафорической экспансии, когда для обозначения социально актуальных феноменов создаются все новые и новые метафорические обозначения» (с. 140). Эти выводы бесспорно должны быть приняты к сведению исследователями не только политического дискурса, но и других типов общения.

В заключении авторы констатируют, что «соотнесение получаемых знаний с социальными ценностями и целями — важная черта, привнесенная дискурсивным подходом в метафорологию» (с. 201).

Подводя итоги, считаю необходимым подчеркнуть, что выход в свет рецензируемой книги стал заметным событием в развитии когнитивной лингвистики, органически включающей дискурсивный анализ социальных и коммуникативных явлений.

© Vladimir I. Karasik, 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология. Нижний Тагил: НТГСПА, 2011. [Budaev, Eduard V. 2011. *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* (Comparative political metaphorology). Nizhny Tagil: NTGSPA Publ.].
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. [Budaev, Eduard V. & Anatoly P. Chudinov. 2006. *Metafora v politicheskom interdiskurse*. (Metaphor in political interdiscourse). Yekaterinburg: Ural state pedagogical university Publ.].
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М.: ФЛИНТА: Наука, 2008. [Budaev, Eduard V. & Anatoly P. Chudinov. 2008. *Metafora v politicheskoy kommunikatsii*. (Metaphor in political communication). Moscow.: Flinta: Science Publ.].
- Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний в языке. М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 39–77. [Demyankov, Valery Z. 1992. *Kognitivizm, kognitsiya, yazyk i lingvisticheskaya teoriya*. (Cognitivism, cognition, language and linguistic theory) *Language and Structures of Knowledge Representation in Language*. 39–77.].
- Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2004. Т. 63. № 3. С. 3–12. [Kubryakova, Elena S. 2004. *Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktual'nykh problemakh kognitivnoy lingvistiki* (On the attitudes of cognitive science and current problems of cognitive linguistics) *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language* 63 (3). 3–12.].
- Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми Мы Живём. Москва: Едиториал УРСС, 2004. [Lakoff, George & Mark Johnson. 2004. *Metaphors We Live By*. Moscow: URSS.].
- Солопова О.А. Когнитивно-дискурсивная ретроспекция: исследование моделей будущего в политическом дискурсе: монография. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2013. [Solopova, Olga A. 2013. *Kognitivno-diskursivnaya retrospektsiya: issledovaniye modeley budushchego v politicheskom diskurse: monografiya* (Cognitive-discursive retrospection: a study of models of the future in political discourse). Chelyabinsk: Ed. center of SUSU Publ.].
- Солопова О.А. Диакроническая сопоставительная метафорология: исследование моделей будущего в политическом дискурсе: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. [Solopova, Olga A. 2015. *Diakhronicheskaya sopostavitel'naya metaforologiya: issledovaniye modeley budushchego v politicheskom diskurse: monografiya* (Diachronic comparative metaphorology: a study of models of the future in political discourse: monograph). Moscow: Flint: Science Publ.].

- Солопова О.А. Чудинов А.П. Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола победы и Russia's V-Day // *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 2. С. 313–337. [Solopova, Olga A. & Anatoly P. Chudinov. 2018. Diachronic Analysis of Political Metaphors in the British Corpus: from Victory Bells to Russia's V-Day. *Russian Journal of Linguistics* 22 (2). 331–317] DOI: 10.22363/2312-9182-2018-313-337
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография. 2001. [Chudinov, Anatoly P. 2001. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoye issledovaniye politicheskoy metafory (1991–2000)* (Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000))].
- Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. 2003. [Chudinov, Anatoly P. 2003. *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii: monografiya*. (Metaphorical mosaic in modern political communication: monograph)].
- Чудинов А.П. Политическая лингвистика. 2012. [Chudinov, Anatoly P. 2012. *Politicheskaya lingvistika* (Political linguistics)].

Book review history:

Received: 4 December 2020

Accepted: 21 January 2021

История рецензии:

Дата поступления в редакцию: 4 декабря 2020

Дата принятия к печати: 21 января 2021

Bionote:

Vladimir I. KARASIK is Doctor habil., Professor in the Department of General and Russian Linguistics at Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia), and Professor at Tianjin Foreign Studies University (Tianjin, China). His research interests embrace sociolinguistics, cultural linguistics, pragmatics and discourse analysis.

Contact information:

Pushkin State Russian Language Institute
Academic Volgin Str., 6, Moscow, 117485
e-mail: vkarasik@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8306-5317

Сведения об авторе:

Владимир Ильич КАРАСИК – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина; профессор Тяньцзиньского университета иностранных языков (КНР). Специалист в области социалингвистики, прагмалингвистики, лингвокультурологии, теории дискурса.

Контактная информация:

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6
e-mail: vkarasik@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8306-5317